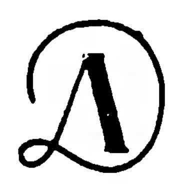
АРКАДИЙ ГАЙДАР

АРКАДИЙ ГАЙДАР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Детская литература"
МОСКВА 1973

АРКАДИЙ ГАЙДАР

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Детская литература"
МОСКВА 1973

Р2
Г14

В подготовке издания принимали участие

Т. А. ГАЙДАР, Л. А. КАССИЛЬ, В. Г. КОМПАНИЕЦ, Д. Е. ЭБИН

$\text{Г}\,\frac{0763 - \text{Подп.}}{101(03)73}$

ОБЫКНОВЕННАЯ БИОГРАФИЯ В НЕОБЫКНОВЕННОЕ ВРЕМЯ

МНЕ БЫЛО десять лет, когда грохнула мировая империалистическая война.

Отца с первых же дней забрали в солдаты.

Помню: забежал он к нам ночью в серой шинели. Поцеловал и ушел. Бабка зажгла зеленую лампадку, и мы — трое ребятишек,— стоя на коленях, крепко молились. О чем — не помню.

Мать была фельдшерицей. Я только что поступил в первый класс реального училища. Через месяц я сбежал пешком к отцу на фронт.

На фронт я, конечно, не попал и был задержан на станции Кудьма, в 90 верстах от своего города.

Когда меня, усталого и голодного, задержали, то я и сам был рад, потому что на фронт мне уже не хотелось, а сильно хотелось домой, но самому вернуться было стыдно.

Я рос в городке Арзамасе. Там громко гудели колокола тридцати церквей, но не было слышно заводских гудков.

Заводов там не было. Зато стояли четыре монастыря, и через город всегда тянулись вереницы божьих странников и странниц в знаменитую Саровскую пустынь.

Учился я неплохо. Слаб был только по чистописанию да по рисованию. В этих науках что-то слабоват я и до сих пор.

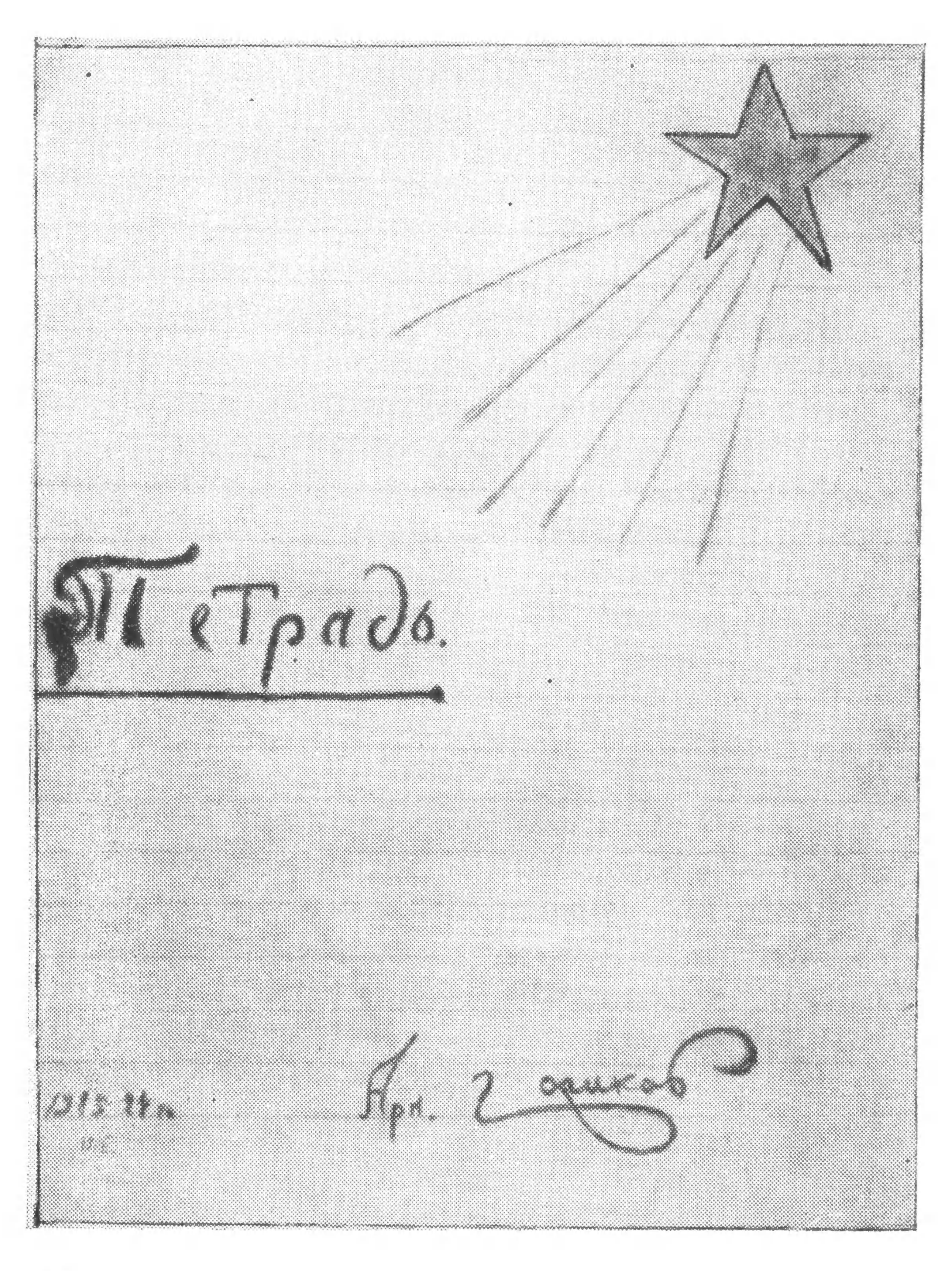
Когда взметнулись красные флаги Февральской революции, то и в таком захудалом городке, как Арзамас, нашлись хорошие люди.

Пристал я к ним случайно, скорее, из любопытства. Их было немного, держались они кучкой. Смело выступали они на митингах. Не боялись ни торжественной церковной анафемы, то есть проклятия, которой при громе всех колоколов предавали их епископы Олег и Варнава. Не смущали их озлобленные крики всех этих мясников, лабазников, монахов и престарелых кротких инокинь, которые, покинув свои кельи, со злобой шатались по митингам и собраниям.

Позже я понял, что это за люди. Это были большевики.

Но что такое большевик, по-настоящему понял я только намного позже.

Люди эти заметили, что мальчишка я любопытный, как будто бы не дурак и всегда верчусь около.

Обложка рукописи повести «В дни поражений и побед» (хранится в Центральном Государственном архиве литературы и искусства СССР).

Понемногу стали они доверять мне и давать разные мелкие поручения: сбегать туда-то, отнести то-то, вызвать того-то.

А я бегал, относил, вызывал, а сам все слушал и слушал. И кто такие большевики, мне становилось все понятней и понятней, особенно после того, как побывал я с ними на митингах в бараках у беженцев, в лазаретах, в деревнях и у деповских рабочих.

Но самое большое доверие мне было оказано тогда, когда в октябре 1917 года разрешили мне взять винтовку и послали меня при двух патрульных третьим — для связи.

Я ушел в Красную Армию в ноябре 1918 года, когда мне не было еще 14 лет.

Я был рослым, крепким мальчишкой, и вскоре после некоторых колебаний меня приняли на 6-е киевские курсы красных командиров.

В конце концов вышло так, что четырнадцати с половиной лет я уже командовал 6-й ротой 2-го полка бригады курсантов на петлюровском фронте. А в семнадцать лет был командиром 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом,— это на антоновщине.

Вышел я из армии в декабре 1924 года, потому что заболел.

Когда меня спрашивают, как это могло случиться, что я был таким молодым командиром, я отвечаю: это не биография у меня необыкновенная, а время было необыкновенное. Это просто обыкновенная биография в необыкновенное время.

Потом я стал писать. Сначала я написал повесть «В дни поражений и побед». Когда я показал ее писателю Федину, то он сказал мне: «Писать вы не умеете, но писать вы можете и писать будете». Тогда я стал учиться. Учили меня: Константин Федин, Михаил

Слонимский и особенно много Сергей Семенов, который буквально строчка по строчке разбирал вместе со мною все написанное, объяснял, критиковал и помогал.

Лучшими своими книгами я считаю: «Р. В. С.», «Дальние страны», «Четвертый блиндаж» и «Школу». В «Школе» очень много написано о том, как Борис Гориков, такой же, как я, мальчишка, попал на фронт и что он там видел, что он там делал и чему научился.

Худшая моя книга — это «Всадники неприступных гор». Она какая-то недоделанная и, главное, манерная.

А писать надо только искренно, потому что, сколько ни подлаживайся, ни манерничай, умный читатель всегда угадает и не поверит.

В журнале «Пионер» печататься начал я недавно. Это, конечно, моя ошибка. Нужно было начать раньше. Журнал веселый, боевой, с крепким читательским активом. По высказываниям ребят, по письмам в редакцию очень и очень полезно бывает проверять свою работу.

Как-то подошел ко мне один мальчуган и говорит:

— Вот у вас в «Пионере» печатается повесть «Синие звезды», а мне не нравится.

— Что же, — спрашиваю я, — тебе там не нравится?

— А то не нравится, что прочел я первый номер журнала, а что дальше с Кирюшкой будет — этого я не знаю.

— А хочется узнать?

— Очень, — откровенно сознался он. — Вот все хожу и думаю, что же такое дальше будет? Хоть бы скорее второй номер выходил.

Улыбнулся я тогда и думаю: «Ну, это еще не беда, если тебе так не нравится».

Устроила редакция «Пионера» мой творческий

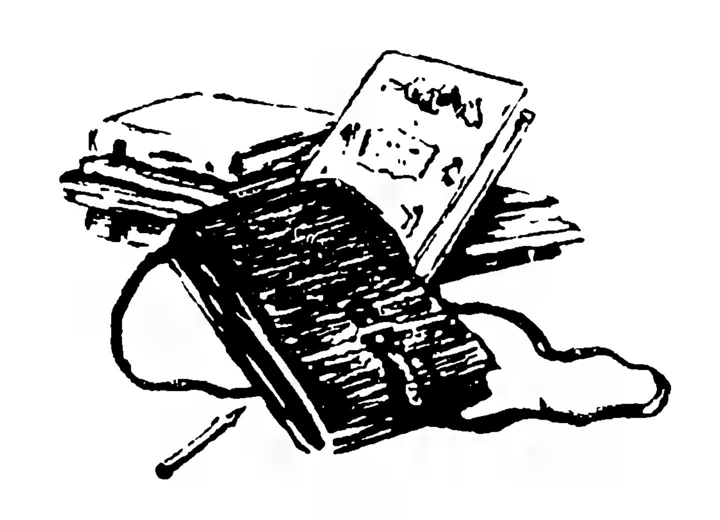
вечер,— тоже было неплохо, и услышал я для себя немало важного и полезного.

Сейчас я работаю над повестью, которая называется «Военная тайна». Это повесть о теперешних ребятах, об интернациональной смычке, о пионерских отрядах и еще много о чем другом.

И наконец вы уже читаете в «Пионере» последнюю мою вещь, это «Синие звезды». Прочтете, пишите, как понравилась.

Что буду писать дальше — пока не знаю. Но во всяком случае постараюсь написать такую повесть, чтобы не стыдно было прочесть ее и в том прекрасном будущем, что зовется социализм, в котором надеюсь долго прожить и я, а вы-то, ребята, проживете и подавно.

1934

В ДНИ ПОРАЖЕНИЙ И ПОБЕД

ЧАСТЬ I

Глава 1

РЫЖЕВАТО-КРАСНОЙ длинной лентой поезд медленно подходил к Москве.

Сергей стоял у открытой двери теплушки и с любопытством смотрел на загроможденные и забитые лабиринты железнодорожных путей. Целый город потухших паровозов, сломанных почтовых, товарных вагонов и платформ. В одном из тупиков, неподалеку, сиротливо стоял занесенный грязноватым снегом санитарный поезд. С красными крестами на белых стенках,

но без дверей, без стекол и почти без крыши. И так кругом, насколько хватало глаз,— всё вагоны, вагоны, застывшие и мертвые.

«Точно кладбище...» — подумал Сергей.

— Да! — прошипел сзади чей-то хриплый и ехидный голос.— Вот она, революция-то!

Никто ничего не ответил. Лица у всех были усталые и хмурые.

Только какой-то мастеровой из-за дымящей железной печки процедил сквозь зубы, точно нехотя:

— Этого добра нам еще с шестнадцатого гнать стали.

Промелькнули бесчисленные семафоры, и поезд, вздрагивая, заскрипел и задрожал тормозами перед вокзалом. Сергей торопливо, еще на ходу поезда, соскочил на перрон и пошел, подхваченный массою торопящихся и кричащих людей, к вокзалу.

Он встал в один из двух огромных «хвостов» и, терпеливо дожидаясь своей очереди, смотрел, как вокруг него сновал нагруженный различной поклажей народ, как из теплушек поезда быстро выбрасывались какие-то мешки и торопливо утаскивались куда-то под вагоны, с глаз проходящего милиционера. Не без труда добрался Сергей до свободного краешка скамейки внутри вокзала. Поставив на нее солдатский мешок, протискался через спящих к буфету, в надежде хотя немного закусить. Но на всем обширном прилавке он не нашел ничего, кроме двух банок с солеными огурцами и капустой да десятка бутылок с подкрашенной сахаринной «фруктовой».

— Неужели здесь ничего достать нельзя? — спросил он у какого-то железнодорожника, прихлебывавшего кипяток с огрызком сахара.

— Отчего нельзя? — ответил тот.— Вон возле вок-

зала на лотках продают. Только хлеба вряд ли достанете.

Хлеба Сергей действительно не достал, но зато купил несколько пирожков с каким-то подозрительным мясом и с аппетитом уплел их.

Стало совсем светло. Яркие лучи весеннего солнца, пробившись сквозь запыленные стекла огромных окон грязного вокзала, падали на спящую на столах и на полу людскую массу, которая, просыпаясь, наполняла сырой воздух кашлем и сморканьем. Уборщики, с метлами, громкими окриками будили и бесцеремонно подергивали за руки и за ноги особенно разоспавшихся:

— Эй! Эй! Вставайте!..

Вокруг все заговорило и зашумело. Сергей расспросил у соседа дорогу на Пятницкую. Надел за спину вещевой мешок и, пробравшись к большой двери, вышел на площадь и широко вздохнул.

С крыш капало. По площади сновали люди, трещали мотоциклетки, и что-то куда-то везли тяжело пыхтящие грузовики. Над башней Николаевского вокзала трепыхался широкий красный флаг.

«Ну, пора!» — подумал Сергей.

Горячая вера в жизнь и в свое дело еще крепче охватила его. Он улыбнулся, повернул налево и твердо зашагал вперед. Навстречу ему светило теплое весеннее солнце.

Около Красных ворот Сергей повернул налево и пошел по направлению к Земляному валу. Пешеходы, нагруженные мешками муки, кульками картошки, охапками дров, волокли их на санках по грязным, тающим улицам. Трамваи без пассажиров, нагруженные бревнами, с грохотом проносились мимо. Высокие серые и белые каменные дома с окнами, закопченными

трубами железных печек. Витрины больших магазинов, залепленные плакатами, афишами, приказами и объявлениями. Длинная очередь, тянущаяся иногда на расстоянии целого квартала, предсказывала, что сейчас попадется вывеска: «Продовольственная лавка номер такой-то». Вот направо вывеска с головой лошади на изогнутой дугой шее и с надписью: «Продажа конского мяса».

Дальше... дальше...

— Есть «Ира»! Есть «Ява»!

— Настоящий германский сахарин!

Вот и «барахолка». Шумная и крикливая. Из палаток, с лотков и просто с рук продается разная разность, съестное и одежда, а иногда даже и хлеб, но последний с опаской и из-под полы.

В дорогом допотопном салопе бывшая барыня торгует остатками содержимого спрятанных от реквизиции сундуков. Вот каракулевый сак с пончиками и пирожками.

После двухчасового пути он подходил по Пятницкой к дому № 48, на котором, пониже прибитой красной звезды, значилось:

9-е Советские Командные Курсы
Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Во дворе его встретили толкотня и разгром. Курсанты таскали на грузовики доски и столы. Куда-то волокли набитые соломой тюфяки, а у стены навалили в огромную груду деревянные топчаны.

— Товарищ! — обратился Сергей к стоявшему у ворот дневальному.— Как мне в канцелярию пройти?

— В канцелярию? — переспросил тот.— А вам зачем туда?

— Документы сдать, я на курсы приехал.

— А! — улыбнулся тот.— Так вы жарьте к комиссару... Егоров! — окрикнул он одного из проходивших.— Проводи товарища к комиссару.

Сергей пошел со своим проводником через длинный ряд опустевших комнат.

— Завтра уезжаем,— весело пояснил курсант.— А вы что, к нам приехали?

— К вам.

— Вот и хорошо. Ладно, что вовремя еще захватили, а то пришлось бы вам оставаться где-нибудь в Москве.

Вот и комиссар. Он кратко поговорил с Сергеем и, написав что-то на клочке бумаги, подал его Сергею.

— Оставьте ваши документы и передайте это командиру первой роты.

Не без труда нашел Сергей командира роты. У того шла в это время горячая работа по погрузке цейхгауза. И он, едва взглянув на записку, крикнул:

— Эй, старшина... Лебедев! Передай-ка товарища в первый взвод.

Старшина, невысокий, крепкий, с солдатской походкой, выдававшей в нем старого унтера, повел Сергея наверх.

— Вот! — сказал он, обращаясь к взводному курсанту.— Возьми его, брат, к себе на попечение.

— Ставь свою сумку сюда,— проговорил тот.— Спим мы вторые сутки на голых досках, обойдешься до завтрего-то?

— Обойдусь,— засмеялся Сергей.— Я не из прихотливых.

Он приткнул свои вещи в угол, к пустой койке, умылся под водопроводным краном и решил поискать Николая; это был его старый друг и будущий

боевой товарищ, встречи с ним Сергей нетерпеливо ждал.

— Вы его не найдете,— сказал ему кто-то.— Он в карауле на вокзале у эшелона. Завтра в десять им смена будет, тогда он и придет.

Пользуясь свободным временем, он отправился во двор. Сначала глядел, а потом и сам стал помогать грузить пианино и мебель из клуба. И, когда в шесть часов горнист подал сигнал к ужину, Сергей тоже стал в строй и слился с этой бодрой, живой массой.

По окончании ужина комиссар сказал несколько слов о предстоящей поездке, о последних событиях на Украине.

Поздно вечером добрался Сергей до своего жесткого ложа. Подложил под голову шапку, патронташ, укрылся шинелью и, утомленный наплывом новых впечатлений, крепко заснул.

Проснулся Сергей по сигналу «подъем».

Сбегал в умывальную комнату, в которой с шумом, не жалея холодной воды, уже полоскалось около трех десятков курсантов. Выпил в столовой кружку чая, потом пошел с кучкой ребят грузить остатки курсовой библиотеки. Когда он помогал поднять последний тяжелый ящик с книгами, увидал возвращающийся с вокзала караул. Он сразу узнал Николая и окрикнул его. Тот удивленно взглянул в его сторону и радостно подбежал к нему.

— Как! И ты здесь?

— Как видишь.

— Давно?

— Со вчерашнего дня.

Последний ящик был взвален на грузовик, и они отправились в помещение.

— Ну, братец ты мой, и рад же я! — говорил Ни-

колай, усаживаясь рядом с ним на голый топчан.— Случай-то какой — Украина, партизанщина, петлюровщина, а тебя-то и нет. Втроем-то погуляем там!

— Как — втроем? — переспросил Сергей.— Кто же третий?

— А! Ты еще не знаешь,— спохватился тот, стремительно кинулся куда-то в сторону и завопил: — Володька!.. Володька!.. Егоров!.. Вот! — сказал он, указывая на подошедшего откуда-то невысокого, крепкого курсанта, в котором Сергей узнал своего вчерашнего провожатого.— Это и есть третий.

— Мы уж и без тебя знакомы!

Усевшись на подоконник, все трое стали оживленно болтать.

— Скажите,— спросил Сергей,— кто у вас начальник курсов? Его что-то не видно.

— А кто его знает,— ответил Егоров, слегка пожимая плечами.— Говорят, бывший генерал-майор, Сорокин фамилия. Спец хороший, но душа у него, пожалуй, генеральская. Вот комбат Матрин у нас — душа-человек. Любят его курсанты.

Случай свел товарищей в один взвод. В два часа начались сборы. Туго упакованные корзинки, мешки и ранцы были погружены и отправлены на вокзал заранее. Вот и сигнал «повестка». С подсумками и винтовками выбегают курсанты. Запыхавшийся завхоз торопит какую-то отставшую подводу. И кто-то отчетливо командует звучным голосом:

— Становись!.. Батальон направо! Отделениями правое плечо вперед — ша-агом марш!

И коротко и резко:

— Прямо!

Под раскаты марша твердым шагом ударил батальон по дороге.

Глава 2

На вокзале быстро погрузились в вагоны.

Николай с новым чайником пошел за кипятком на станцию, Владимир — в цейхгауз, получать для троих хлеб и сахар на дорогу, а Сергей от нечего делать прогуливался от головы до хвоста эшелона.

— Сережа! Ну-ка, помоги, брат!

Обернувшись, он увидел Владимира, нагруженного двумя большими буханками хлеба.

— Ого, сколько! — удивился Сергей.

— Напрасно дают все сразу,— подхватил проходящий позади курсант.— Съешь в три дня, а там сиди как хочешь.

И он с сожалением посмотрел на свою восьмифунтовую ковригу.

— А ты не ешь, Федорчук, сразу. Кто же тебе велит?

Федорчук расплылся широкой улыбкой, показав ряд крупных крепких зубов.

— Разве вытерпишь, когда тут под боком!

Николай с кипятком уже поджидал их на верхних нарах, подле окошка. В вагоне было тепло от железной печки, шумно и весело. Вздрогнул состав от толчка прицепившегося паровоза. Переливчато прозвучал последний сигнал — и поезд тронулся.

Кто-то запел звонкую курсантскую песню, и, дружно подхваченный десятками молодых голосов, полетел припев:

«Прощайте, матери, отцы, прощайте, жены, дети!
Мы победим, народ за нас. Да здравствуют Советы!»

Стало уже совсем темно. Тысячи огненных искр летали и кружились в фантастическом танце. Ритмично постукивали колеса, могуче ревел, ускоряя ход, паровоз.

...Чем дальше уходил эшелон к югу, тем зеленее и приветливее заглядывали в окна рощи и поля, а там, где впервые начали попадаться белые мазанки хуторков, было уже совсем по-весеннему сухо и тепло.

На одной из небольших станций Сергей в первый раз увидал начальника курсов.

Он шел рядом с комбатом и говорил ему:

— Вы останетесь за меня на станции Конотоп, мы со вторым эшелоном вас нагоним.

Они прошли мимо.

«У него в самом деле генеральское лицо»,— подумал Сергей.

На следующей станции немного попортился паровоз, и, пользуясь вынужденной остановкой на время его починки, стали раздавать несколько раньше времени обед.

— Должно быть, долго простоим,— проговорил, возвращаясь с наполненным котелком, Владимир.

— А что?

— Товарный вперед пропускают.

— Успеем! Мне так это путешествие только нравится.

Наконец три жиденьких поспешных звонка, хриплый гудок — и эшелон двинулся.

Вечерело. Поезд помчался мимо распускающихся кудрявых рощ.

— Что ты делаешь, Володька? — спросил Сергей, заметив, что приятель давно мастерит что-то своим крепким перочинным ножиком.

— Пропеллер! — шутя ответил тот.— Сейчас приделаю к вагону, и эшелон полетит по воздуху.

Пропеллер он действительно смастерил, и тот с веселым жужжаньем завертелся на ходу. Однако поезд не только не изъявил особенного стремления подра-

жать в способах передвижения аэроплану, а, наоборот, тревожно загудел и круто затормозил, остановившись на небольшом разъезде, перед человеком с красным флагом на путях.

— В чем дело? — кричал, подбегая, дежурный по эшелону.

Маленький железнодорожник, путаясь, скороговоркой ответил:

— Впереди в пяти верстах крушение... товарный разбился...

Быстро взводные командиры раздают из раскупоренных ящиков боевые патроны. Торопливо громыхая щитом, пулемет забирается на паровоз. Двери и окна открыты — и без гудков, без свистков, бесшумно продвигается эшелон вперед. Сергей лежал на верхних нарах, рядом с Владимиром, и зорко всматривался в мелькающую чащу леса.

Впереди, в пятидесяти саженях, чернела и дымилась какая-то масса. Рядом стояли два человека.

Стоп... Первый взвод быстро выскочил из вагона. Вот и место крушения, около которого стоит путевой сторож.

— Нету! — крикнул он подбегающим.— Нету, ушли!

Сергей прошел несколько дальше, мимо разбитых цистерн, и вдруг вздрогнул, невольно остановившись.

На лужайке, подле сваленного расщепленного вагона, лежало три изуродованных трупа.

Напрасно вторая рота до поздней ночи обыскивала кругом окрестности: шайка пропала бесследно, ничего не тронув и не разграбив.

Старик сторож из соседней будки рассказывал об этом случае так: обходя линию, он заметил человек

двадцать вооруженных, развинчивавших гайки и накладывавших рельсы поперек пути. Он тихонько повернул и незаметно побежал домой, к телефону, чтобы предупредить несчастье. Но в будке он застал у аппарата двух человек с винтовками, спокойно справлявшихся у разъезда о времени выхода поезда. Не успел он опомниться, как очутился запертым в небольшом чулане. Через несколько минут бандиты ушли. С большим трудом он выбрался через узенькое окошко, но товарный уже промчался мимо. Тогда он позвонил на разъезды по телефону, а сам пошел к месту крушения. Там он застал только одного уцелевшего кондуктора, вместе с которым и вытащил из-под обломков четыре трупа — машиниста, кочегара и двоих из бригады.

— А знаете, что я вам скажу? — обратился к товарищам Николай.— Ведь крушение-то предназначалось нам. Если бы наш паровоз не испортился на последней станции, то раньше прошел бы наш эшелон.

— Так-то так, да как же впереди могли знать, что следует наш эшелон?

— Уж не предупредил ли какой-нибудь телеграфист-петлюровец?

Ночью пришел вспомогательный поезд с рабочими, и утром эшелон по очищенному пути двинулся снова вперед.

На станции Конотоп их догнал второй эшелон.

Здесь впервые встретился в продаже белый хлеб, булки, колбаса, сало и другие продукты, давно вышедшие из обихода московского курсанта. А так как перед отправлением каждый получил жалованье за истекший полумесяц, то в покупателях недостатка не было, и торговки-хохлушки оказались атакованными целым батальоном.

Конец пути прошел без приключений. Проснувшись рано утром на пятый день путешествия, через раскрытое окно и двери курсанты увидели Киев. Белые домики окраин, утопающие в цветущих вишнях, окруженные зеленью массивные постройки центральной части и солнце — теплое весеннее солнце, обливающее ярким светом красивый, как будто новый город.

Часов около десяти послышалась команда «строиться». Запыленные долгой дорогою, уже с шинелями в скатку через плечо, двинулись курсанты на место, с любопытством оглядывая улицы.

После голодной Москвы били в глаза открытые лавки, магазины, рестораны и гуляющая весенним утром публика в легких белых костюмах и кружевах, беспечная и смеющаяся. Единственным носителем следов последней оккупации были вывески различных предприятий и учреждений, переименованные по указу атамана Петлюры на украинский лад. Сквозь плохо замазанную краской вывеску «Парикмахер» проглядывало «Цирульня», вместо «Типография» — «Друкарня».

Вот и новая обитель курсов — огромное трехэтажное здание бывшего кадетского корпуса, способное вместить чуть ли не дивизию.

Наконец-то дома!..

Глава 3

Первую роту поместили наверху, в просторных, светлых комнатах с окнами, выходящими в рощу. В различных частях корпуса поселился комсостав с семьями, служащие, хозкоманда, околодок, похожий по оборудованию на лазарет, всевозможные цейхгаузы, классы, кабинеты.

Весь день кипела работа. Часам к пяти, когда

койки были расставлены, а матрацы набиты, курсантам объявили, что они свободны и, для первого дня, желающие могут даже без увольнительных отправляться в город.

— Ты пойдешь куда-нибудь? — спросил Николай у Сергея.

— Нет, не хочется что-то.

— Ну, а я пойду в поиски. Тут где-то сестра моей матери обитает — значит, моя собственная тетка. Но, кроме того, что она живет на какой-то Соломенке, я ничего не знаю.

— Ты как будто ничего раньше не говорил нам про нее?

— А я, по правде сказать, сам только в вагоне вспомнил,— усмехнулся Николай.— Дай, думаю, поищу, авось пригодится.

Совсем стемнело, но в помещение не шел никто — уж очень был хорош вечер.

Николай довольно смутно помнил свою тетку — Марию Сергеевну Агорскую. Не видел он ее уже около десяти лет, как раз с того времени, когда она со вторым мужем и девятилетней дочерью уехала из Москвы в Киев.

И он припомнил небольшую худенькую девочку в коричневом платьице, с которой когда-то вместе ходил «говеть» в одну и ту же церковь.

Соломенка оказалась совсем рядом, и Николай без труда получил все нужные ему сведения от первого же встречного.

Подойдя к беленькому домику с небольшим садом, засаженным кустами сирени, он заглянул сначала в щелку забора.

За небольшим столиком в саду сидела женщина

и пила чай. Немного приглядевшись, Николай узнал свою тетку.

«Ну конечно, она, постарела только,— подумал он.— Лет сорок с лишним, пожалуй, будет».

И Николай, отдернув щеколду, отворил калитку.

Старуха встретила его испуганно. Он уверенно подошел к столу.

— Здравствуйте, тетя! Не узнали? Николай, собственный ваш племянник.

— Ах, батюшки мои! — Тетка всплеснула руками.— Да откуда ты? Ну иди, поцелуемся... Эммочка, Эмма! Пойди сюда, беги скорее!

На ее зов из двери выбежала девушка лет девятнадцати, в беленьком ситцевом платьице и с книжкой в руках.

— Твой двоюродный брат. Да поздоровайся ты, мать моя, чего столбом стоишь!

— Здравствуйте! — подошел к ней Николай, протягивая руку.

— Здравствуйте! — ответила она и с любопытством оглядела его.

— Да вы что? — негодующе крикнула тетка.— Или на балу познакомились? Небось раньше вместе на стульях верхом катались!

— Это от непривычки,— звонко засмеявшись, сказала Эмма.— Садись пить чай.

Николай сел. Старуха засыпала его вопросами:

— Ну как мать, сестры? А отец? Ох, непутевый он у тебя был! Наверно, в большевики пошел? А ты что в эдаком облачении? — ткнула она пальцем в его гимнастерку.— В полку, что ли, служишь?

— Нет, на курсах.

— Юнкер, значит, вроде? Ну, доброволец, а то и коммунист?

— Мама! — прервала ее Эмма.— Уже давно звонили, опоздаешь!

— Правда, правда! — засуетилась старуха.— Поди, уж «от Иоанна» читают.

Николай остался с Эммой вдвоем.

Спустился мягкий весенний вечер. Далеко, чуть-чуть, звонили колокола. Николай посмотрел на Эмму и улыбнулся.

— Правда, что ты коммунист?

— Правда, Эмма.

— Жаль! — протянула она.

— О чем жалеть? Я горжусь этим.

— А о том, что пропадешь и ты, когда коммунистов разобьют. А во-вторых, без веры все-таки очень нехорошо.

— Но позволь! — удивился Николай.— Во-первых, откуда ты взяла, что нас разобьют? А во-вторых, мы тоже не совсем без веры.

— Какая же у тебя вера? — засмеялась Эмма.— Уж не толстовская ли?

— Коммунистическая! — горячо ответил Николай.— Вера в свое дело, в человеческий разум, в торжество труда. А главное — вера в свои руки, в собственные силы, при помощи которых мы достигнем этого.

Эмма удивленно посмотрела на него:

— О! Да ты фанатик.

Немного помолчали.

— Расскажи мне что-нибудь о Москве,— примирительным тоном попросила она.— А то тут так много разных слухов.

Николай начал рассказывать, сперва довольно сухо, потом увлекся. Рассказал о том, как протекала Октябрьская революция, как рабочие захватили власть.

Об отделении церкви, о движении женщин. Говорил образно, пересыпая речь остротами и сравнениями.

Эмма слушала внимательно, но недоверчивая и несколько ироническая улыбка не сходила с ее губ.

— Что ты читаешь? — Николай протянул руку к книжке, лежавшей на коленях у Эммы.

Она подала ему небольшой томик рассказов и, как бы извиняясь, заметила:

— Это еще из маминых. У нас трудно хорошую книгу достать.

— Хочешь, я принесу тебе?—предложил Николай.

— Хорошо, принеси, но только не революционную.

— Как ты предубеждена, Эмма,— засмеялся он.

— Не предубеждена, а не люблю скучных книг. Да и мама будет недовольна.

— Я принесу не скучную, а уж относительно мамы ладь сама как знаешь. Ведь ты уж не ребенок.

Николай хотел попрощаться. Стояла уже темная ночь.

— Куда ты пойдешь? — остановила его Эмма.— Ты по здешним горам и дороги не найдешь. Ложись у нас, я тебе постелю на веранде.

Перспектива блуждания по незнакомым улицам Николаю улыбалась мало, он согласился.

— Ты придешь, конечно, к нам на праздник? — спросила Эмма.

— Приду, если ты не будешь иметь ничего против.

— Не имею,— улыбнулась она,— хотя ты и большевик.

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

— Эмма! — спросил, вдруг остановившись и вспомнив что-то, Николай.— Скажи, между прочим, где твой отчим, Вячеслав Борисович?

При свете колеблющегося пламени ему показалось, что Эмма чуть-чуть вздрогнула. «Сыро! — мелькнула в его голове мысль.— Какое у нее легкое платьице...»

— Он... уехал, он скоро вернется... — торопливо проговорила Эмма и, повернувшись, вышла.

Николай остался один. Раздевшись, бросился в постель и спокойно думал о чем-то, докуривая папиросу. Но вскоре глаза его отяжелели, сомкнулись, и он крепко заснул, не выпуская окурка из пальцев.

Глава 4

На следующий день утром Николай рассказал товарищам о проведенном им вечере.

— Обещал ей книгу принести, а что взять — не знаю. Если Бебеля — «Женщина и социализм»,— не показалась бы скучной.

— А ты возьми сначала что-нибудь Коллонтай — книги у нее, правда, немного того... резковаты, но ничего, а потом можно и Бебеля.

Наши друзья решили основательно для первого раза осмотреть Киев, который издалека показался им таким привлекательным. Вышли с утра. Прошли небольшой мостик над линией железной дороги, свернули направо и вскоре очутились на базаре.

— Да, брат! Эти голода не знали,— показал Сергей на хохлов возле запряженных волами, груженых возов.— Это не то, что наши опродразверстанные крестьяне.

— Я думаю, что если бы они знали, что такое неурожай, то не кормили бы такое множество разбойничьих шаек. А то — там Струк, там Мазуренко, там Клименко...

Поднялись в гору, свернули на красивую и тенистую Фундуклеевскую и добрались до Крещатика. Здесь жизнь била полным темпом. Рестораны, лихачи, надушенная публика. Совсем-совсем как в доброе старое время. Еще разгульней и лихорадочней, пожалуй.

На зеленом откосе выбрали пустую скамейку и сели отдохнуть.

— Красивый город!

— Да! Только уж очень в нем сволочи разной много. Сколько здесь скрывается агентов петлюровских, донских, иностранных, а то и просто бывшей черной сотни!

— Вообще старым душком отдает. Даже такой пустяк — названия улиц: Дворянская, Полицмейстерская, Жандармская...

Внизу по Днепру гудели пароходы, тянулись баржи, сновали маленькие лодочки, казавшиеся отсюда игрушечными.

Прошли каникулы, начались занятия. Теперь почти целый день можно было видеть на плацу то одну, то другую марширующую или рассыпающуюся в стрелковые цепи роту. Николай, однако, успел еще раз побывать у Агорских и кстати занести обещанную книгу. Когда он передавал ее Эмме, то она разочарованно заметила:

— Я так и знала, что ты не принесешь ничего путного.

Но книгу взяла.

Прошло несколько дней. На одном из собраний комячейки комиссар сделал доклад о значении курсов, являющихся не только кузницей пролетарского комсостава, но и боевыми единицами, надежной опорой советской власти.

— Гарнизон Киева ненадежен,— говорил он,— части пропитаны духом партизанщины. Западная Украина кишит бело-петлюровскими бандами. А потому будьте готовы, занимайтесь усиленнее, зорче следите за тем, что делается вблизи и вокруг вас. Враг не так силен в открытом бою, как своею хитростью. В каждом номере газеты вы встретите заголовки: «Заговор», «Предательство», «Измена». Мы ничем не гарантированы от того, что контрреволюция не попытается забросить и к нам одно из своих щупальцев, хотя бы только с целью разведки.

Последним стоял вопрос о выборе нового президиума ячейки. Когда намечали кандидатов, то кто-то предложил:

— Горинов!

И совершенно неожиданно для себя Сергей попал в президиум.

— Слушай, Эмма! Отчего ты все сидишь дома?

— А куда мне ходить?

— Ну куда? Мало ли куда! Вот Первого мая парад будет; приходи посмотреть.

— Может быть, приду, если будет время.

— Время? А чем ты особенно занята?

— Как — чем? Помогаю матери... книги читаю...

— Мамашины?

— Нет, Бебеля!

— Ага! — торжествующе воскликнул Николай.— А говорила — не интересно. Нравится?

— Как тебе сказать... — зарумянилась Эмма,— книга очень серьезная и для меня несколько трудновата. Кроме того, она говорит прямо о таких вещах, о которых вообще как-то не принято говорить открыто.

— Вот потому-то это и хорошая книга, что режет как ножом настоящую правду.

Дверь из комнаты распахнулась, и Николай из садика увидел, как через веранду, торопливо направляясь к улице, прошел какой-то невысокий человек в штатском пальто.

— Кто это? — спросил он у Эммы.

— Это брат моего отчима. Он приехал по делам на месяц и остановился у нас.

— Знаешь что? — предложил Николай.— В следующий праздник приходи к нам в рощу гулять. Я тебя познакомлю со своими двумя лучшими друзьями.

— Зачем?

— Ни за чем! Вот чудачка,— просто так. Я хочу, чтобы ты о коммунистах не думала так плохо.

— Нет, Коля! Я плохо о них не думаю, я только не понимаю их.

— Поймешь когда-нибудь. Так ты придешь?

— Не знаю, правда. Мама будет недовольна.

— Ну вот! А говорила, что не ребенок.

— Ну хорошо! Только зайди за мной сам.

— Слово?

— Слово!

Ночь была светлая, лунная. Сергей сидел в караульном помещении — сегодня он был разводящим. Просматривал валявшийся на столике гарнизонный устав, изредка поглядывая на стенные часы. Вышел на воздух. Постоял, потом не торопясь пошел обратно. Обо что-то споткнулся, чуть-чуть не упал и вдруг остановился и замер, прильнув к одной из двуколок.

К маленькой железной калитке, в углу у каменной стены, направлялись две тени. Подошли и остановились. Кто-то чиркнул спичкой, и при свете Сергей ясно

увидел лицо невысокого черного человека с небольшими усиками.

— Осторожнее! — послышался негромкий голос другого, стоящего в тени.

Удивленный Сергей услышал, как щелкнул замок и слегка скрипнула дверь отворяющейся калитки.

— Стой! — бросился он вперед, щелкнув затвором.— Стой! Кто ходит?

— Тише! Свои!

Лунный свет, прорвав облако, упал на землю, и Сергей увидел перед собой... начальника курсов.

— Что вы здесь делаете? — спросил тот.

Сергей ответил и спросил, в свою очередь:

— А кто с вами, товарищ начальник?

— Чудак,— усмехнулся начальник.— Да ведь это же дежурный по гарнизону.

Сергей звонко рассмеялся.

Утром Сергей рассказывал товарищам о своем ночном приключении, и они вдоволь похохотали:

— Своя своих не познаша.

Стояло теплое, ясное утро. Было не больше десяти часов.

— Ну, ребята, пойдемте, куда я вам говорил,— предложил Николай.

Они вышли, отправились знакомой Николаю дорогой и через двадцать минут были около белого домика.

— Посидите на той лавочке, а мы сейчас выйдем,— сказал он товарищам.

— Ты только недолго!

— Нет, я сию минуту.

«Минута» протянулась по крайней мере с полчаса.

Наконец калитка отворилась, и из нее вышла сначала Эмма, потом Николай с каким-то мужчиной,

который попрощался с ним за руку и пошел в другую сторону.

— Ты что, Сергей? — спросил несколько удивленно Владимир, заметив, как тот быстро повернулся, уставившись на удаляющегося человека.

— Знакомьтесь: Сергей, Эмма,— подошел Николай.

Сергей машинально подал руку, почти не оборачиваясь.

— Да что ты там увидел? — переспросил Владимир.

— Вон там... кто это пошел?

— Вот что! Это брат отчима Эммы, Юрий Борисович Агорский. А что? Разве ты с ним знаком или он похож на кого-нибудь?

— Да... похож,— рассеянно пробормотал Сергей.

Всю прогулку он был задумчив и не особенно внимателен. Николай даже обиделся.

Эмма тоже держалась странно, и Николаю показалось, что ее глаза чуть-чуть заплаканны.

— Что с тобой? — спросил он, когда они остались позади.

— Ничего! — вспыхнув, ответила Эмма.

— Нет, «чего»! Я вижу ведь!

— Мама нашла у меня твою книгу и бросила в печку, поэтому мы с ней немного повздорили.

— И все?

— И все... Не достанешь ли ты где-нибудь мне еще такую книгу, а то я ее прочла только до половины.

Прогулка не клеилась. Эмма сослалась вскоре не то на головную боль, не то на какие-то дела. Ее проводили обратно.

— Послушай! — накинулся на Сергея на обратном

пути Николай.— Отчего ты сегодня такой, точно тебя чем-то по голове хватили?

— Отчего? Да оттого, что я готов прозакладывать голову против медного пятака, что при обходе ночью я видел не дежурного по гарнизону, а этого человека, с которым ты только что прощался за руку.

— Не может быть!

— Может, если я говорю.

— Но что же это значит? Ведь ты же говоришь, что с ним был начальник курсов.

— А это значит, что у начальника есть знакомства, которые он предпочитает почему-то скрывать...

Они шли рощею. Владимир остановился:

— Тс! Слушайте! Что это такое?

«Та-тара-та-та-та-тата» — протяжно и едва слышно доносил ветерок со стороны курсов далекий странный сигнал.

— Уж не тревога ли?

— Нет! — отвечал, прислушиваясь, Сергей.— Тревога подается не так, это сбор.

— Да, это сбор,— согласился Владимир.— Но для чего бы это?

Прибавив шагу, они направились на сигнал.

Еще издали они увидели, как со всех концов переполненной гуляющими рощи торопливо собирались курсанты. В самом корпусе тоже царило необычайное оживление: бегали курсанты, суетились каптеры, отворялись цейхгаузы — вещевой, оружейный, продовольственный, а в коридорах спешно строились роты.

Общая команда «смирно». Комиссар объявил, что подчинявшийся до сих пор советской власти атаман Григорьев со своими войсками внезапно выступил

против Украинской республики. Он объявляется предателем, стоящим вне закона и подлежащим уничтожению. Согласно приказа наркомвоена Украины, курсы через четыре часа уезжают на новый фронт.

Задача — получить патроны, подсумки, патронташи, палатки, котелки, фляги.

Сдать — постели, корзинки, книги, матрацы. Погрузить на одни двуколки хлеб, консервы, продукты, на другие — пулеметы и ленты.

И все это за четыре часа.

Работа закипела бешеным темпом. Заглянувшему со стороны показалось бы, что корпус наполнился обитателями сумасшедшего дома. От оружейного цейхгауза — к вещевому. От вещевого — к продовольственному. С первого этажа — на второй. Со второго — на третий.

К сроку все было готово. Курсы развернулись перед корпусом.

Последнее горячее напутственное слово представителя наркомвоена. Команда.

Под звуки музыки и «ура» серые колонны рвутся вперед.

Глава 5

На одной стороне Кременчуг, на другой — Крюков. Ночью по соединявшему оба города огромному мосту через Днепр торопливо прошли подоспевшие курсанты. Через несколько часов город начал наполняться панически отступающими красными полупартизанскими частями. Их останавливали и спешно сколачивали в отряды. Подошли красные броневики, еще какие-то курсы. Едва рассвело, как по городу загрохотали орудия.

Григорьевцы наступали.

Все утро разговаривали трехдюймовки, сновали броневики и автомобили. Красные части готовились к контрудару.

Сергей лежал за большим камнем возле углового дома и стрелял.

— Сережа! У меня остались только две обоймы! — кричал Николай.

— На́ вот тебе еще три,— кинул из своих тот.— Да ты смотри даром-то не трать...

— Я...

Артиллерийский снаряд, попав в крышу соседнего дома, заглушил его ответ, и белое облако пыли закрыло его от глаз.

— Коля... Колька! — тревожно окликнул Сергей.

— ...я и не выпускаю их даром! — послышался запальчивый ответ.

Выстрелы грохотали повсюду. Где-то далеко на фланге послышалось «ура», ближе, ближе, покатилось по цепям. Красные наступали. К полудню ни в городе, ни за городом уже никого не было. Разбитые банды убегали, советские части преследовали их.

Через две недели григорьевских банд уже не было. Но они не были уничтожены полностью. Верные своей партизанской тактике, они под давлением красных распались и распылились между более мелкими шайками, заполнявшими Украину.

Перед рассветом, рассыпавшись в цепь, отряд курсантов осторожно охватывал деревушку, в которой, ничего не подозревая, крепко спала небольшая, изрядно перепившаяся банда.

Не доходя до деревушки с полверсты, цепь залегла. Первая рота, отделившись, небольшой лощиной пошла в обход. Ни разговоров, ни шепота, ни шума. В пред-

рассветной мгле показались белые мазанки. Рота беззвучно, чуть не ползком переменив направление, залегла поперек дороги.

— Тише,— вполголоса проговорил, взглянув на часы, командир взвода.— Сейчас наши будут наступать. Замрите! Огонь только по свистку.

Прошло десять томительно долгих минут.

— Скорее бы...

— Успеешь, Николай,— шепотом ответил Сергей.— Куда ты всегда торопишься... Слышишь?

Частый, тревожный набат с колокольни. Загрохотавшие вслед выстрелы и раздавшийся через несколько минут конский топот мчавшихся на них бандитов.

Резкий свисток пронизал воздух. Меткий внезапный огонь сделал свое дело, вырвав многих из всадников.

Видно было, как по зелени восходящих хлебов уносились стремительно остатки потрепанной банды.

Деревню охватили. Некоторые из бандитов убежать не успели и попрятались тут же.

Через полчаса трех человек уже вели к штабу около церкви.

— Чья банда? — спросил у одного из них комиссар.

— Горленко,— ответил хмуро, не поднимая глаз, здоровый лохматый детина.

Их заперли в крепкую деревянную баню и поставили часового.

Курсанты тем временем разбрелись по хатам и с жадностью закусывали хлебом, молоком и салом.

— Хозяин,— спросил Владимир,— есть у тебя деготь?

— Зачем тебе? — удивился Сергей.

— Сапоги потрескались.

— А пошукай, дэсь було у двори трошки,— ответил нехотя старик хохол, но сам не пошел, очевидно опасаясь оставить избу на солдат.

— «Пошукай»! Вот чертов старик, где у него тут пошукаешь,— ворчал Владимир, очутившись на дворе богатого мужика.— Сколько барахла навалено.

В найденном бочонке дегтя не оказалось, и Владимир хотел уже идти обратно, как взгляд его упал на маленький блестящий предмет, валяющийся на земле. Он нагнулся и поднял изогнутый в виде буквы «Г» разрывной капсюль от русской гранаты.

Владимир внимательно осмотрелся и заметил под снопом приваленной к стене конопли кольцо от небольшой дверки.

«Ага!» Осторожно выбравшись, он побежал к своим.

— Подозрительно! — согласились товарищи и, захватив винтовки, отправились во двор.

Растаскали хлам в стороны, откинули сноп. Обнаружилось небольшое отверстие — должно быть, вход в бывший курятник.

— Эй! Кто там! Выходи!

Молчание.

— Может быть, там никого и нет,— проговорил Николай и, наклонив винтовку, заглянул в темноту.

Раз... два... три... — бахнули один за другим револьверные выстрелы, и из двери стремительно бросилась черная фигура.

«Чистым приемом» Владимир ловко хватил его прикладом по голове, а Сергей крепко схватил бежавшего за руки. Николай побледнел, покачнулся, неуверенно ухватился за край телеги и, не удержавшись, упал — он был ранен.

На выстрелы со всех концов сбежались курсанты.

Бандита связали. Николая осторожно перенесли в избу.

Пойманный нагло смотрел на окружающих. Вывернули его карманы: письмо, приказ и желто-голубой значок. Офицер, бывший штабс-капитан, а теперешний атаман — Горленко.

Николай был тяжело ранен. Пуля пробила верхушку правого легкого и засела где-то возле лопатки.

...Возле каменной стены у церковной ограды, перед отделением курсантов, хмуро опустив головы, встали четыре человека, как пойманные волки бросая взгляды исподлобья. Сергей посмотрел на них холодно и спокойно.

На другой день эшелон быстро уносил курсантов домой — в Киев.

Глава 6

Встреча была устроена торжественная, с речами и цветами.

Начальник курсов сказал несколько приветственных слов, поздравляя с благополучным возвращением.

На следующий день были похороны убитых товарищей. Грустно и торжественно звучал похоронный марш.

В толпе Сергей на мгновение увидел Эмму. Она внимательно всматривалась в проходящие ряды курсантов и, казалось, кого-то искала.

Он был в строю и потому сказать ей ничего не смог.

Николаю сделали операцию и вынули круглую свинцовую пулю.

— Эдакая мерзость застряла,— сказал доктор, взвесив ее на ладони.— Сразу видно, что из дрянного револьвера.

Когда Сергей выходил из курсового лазарета, ему передали, что его хочет видеть какая-то девушка.

Он спустился в садик и увидел Эмму. Приветливо поздоровался с ней. По ее похудевшему лицу и беспокойному взгляду сразу догадался, о чем она хочет спросить. Рассказал ей все сам.

— Ему теперь лучше?

— Да. Приходите дня через три, и мы вместе к нему сходим.

Эмма ответила ему благодарным взглядом.

Она пришла после строевых занятий. Пошли в лазарет. У входа надели чистые белые халаты и прошли во вторую палату.

— Мы к тебе в гости,— проговорил, входя, Сергей.

Николай радостно встретил их.

— И ты пришла?

— Пришла.

— А как же дома?

— Разве я ребенок.

Сергей, соврав что-то, вышел, оставив их вдвоем.

— Ты изменилась, Эмма,— заметил Николай.

— Может быть, Коля. Я много думала за последнее время.

— О чем?

— Обо всем. Досадно становится. Жизнь слишком монотонна. Кругом кипит, а тут все одно и то же.

— А бог как?

Посмотрела на него, подумала немного. Спросила серьезно:

— Неужели ты думаешь, что я и вправду до последнего времени в это верила? Надо было хоть чем-нибудь заполнять жизнь, если ничего другого не было. Да и не хотелось мать огорчать.

— Ну, а теперь?

Эмма остановилась в нерешительности.

— Теперь не знаю...

Они прощались. Николай крепко пожал ей руку и сказал полушутя:

— Думай только больше. Обо всем, сначала.

— Сначала о тебе, а потом обо всем...

— Почему? — Он на секунду поймал ее глаза.

Чуть-чуть улыбнулась, остановилась у дверей, хотела что-то добавить. Не сказала и вышла.

Все пошло своим чередом. Начались усиленные классные занятия. Сергей — председатель курсовой комячейки. Эта должность накладывала на него много новых, неотложных обязанностей, далеко не сходных с обязанностями ячеек, возникающими в мирное время. То туда, то сюда. По требованию Гувуза — для ответственной оперативной работы выделять наиболее надежных курсантов-коммунистов. Бывать на всевозможных секретных заседаниях и совещаниях. Вести учет и выдавать членам оружие. Словом, быть в самой гуще работы. Он ночевал теперь не в общем помещении, а в небольшой удобной комнате комячейки и поздно засыпал на широком кожаном диване, возле полевого телефона, соединявшегося с главными квартирами обширного корпуса.

Вместо заболевшего, несколько тяжелого на подъем комиссара был назначен другой. Молодой, умный латыш Ботт сразу вошел в курс всего происходящего и повел совместно с Сергеем дружную, живую работу.

И часто поздно ночью просыпался тот, услышав сквозь сон певучие вызовы фонического аппарата — два тире точка: — — . — — .

Работа и учеба шли вовсю. Но вот мирная жизнь прервалась снова. Был какой-то праздник, утром по-

верка не производилась, и многие повставали несколько позднее, чем обыкновенно. Утро стояло жаркое, солнечное. Курсанты разбрелись по роще и по садику, беспечно прогуливаясь и отдыхая.

Сергей только что направился к пруду, как вдруг по окрестностям покатились торопливые, четкие переливы сигнала «тревога». «Это уже не сбор»,— мелькнуло у него в голове. И он стремительно помчался наверх, к пирамиде с винтовками.

Никто ничего не знал. Командир батальона громовым голосом кричал:

— Строиться!.. Быстро! — И почти на ходу построившимся курсантам подал команду: — За мной, бегом марш!

Вот знакомая роща, налево насыпь, город кончается. Что такое?!

— По окраине города от середины в цепь!

Запыхавшиеся курсанты быстро рассыпаются; тарахтит по земле пулемет.

Вот оно что! Во весь опор мчатся на курсантов какие-то всадники. Быстро снимается с передков чья-то батарея.

— Ого-онь! — раздается команда.

И цепь, опередившая в развертывании на несколько минут неизвестного противника, жжет его едким огнем пуль.

Кто-то падает; тщетно пытается изготовиться к выстрелам батарея. Поздно! Слишком силен огонь дисциплинированной части.

— Прекратить стрельбу! Сдаются!

Цепь, бросаясь вперед, завладевает батареями загадочного противника.

— Кто же это? — слышатся недоумевающие голоса победителей.

И от края до края быстро передается и перекатывается по цепи:

— Багумский полк восстал... Багумский полк изменил.

Сергей нахмурил брови. 9-й Багумский полк — полторы тысячи человек — самая крупная единица гарнизона.

Всю ночь собирались надежные части гарнизона: 4-е, 5-е, 6-е курсы кавалерийские, мелкие партийные отряды.

В девять часов утра полк выступает, к девяти часам ему предъявлен ультиматум — сдать оружие...

Без десяти девять. Киев точно вымер; по улицам извиваются цепи. По углам приникли к земле пулеметы. Еще осталось несколько минут. На автомобиле подъезжает наркомвоен Украины, смотрит на часы. Вместо ответа с той стороны первою лентой резанул пулемет.

Наркомвоен привстал, облокотившись на стенку машины. Подал сигнал.

Через головы притаившегося Киева с ревом забила батарея по Бендерским казармам.

Перестрелка по улицам длилась недолго; со стороны восставших выстрелы стали стихать.

Сергей бежал один из первых по Керосинной улице, и, завернув за угол, он увидал спины поспешно убегающих багумцев и выкинутый белый флаг.

— Сдаются!

— Багумцы сдаются!

— Спохватились все-таки,— говорит наркомвоен.

— Прекратить огонь!

Полк был обезоружен и расформирован в тот же день.

К вечеру все было уже спокойно и тихо. Днем

привычный киевлянин сначала робко высунулся на двор, потом показался на улицу. Не найдя ничего угрожающего своей особе, вздохнул с удовольствием и облегчением.

К вечеру, как и всегда, Крещатик был полон. Сновали лихачи; горели огни; гуляла нарядная, смеющаяся публика.

Возле курсов стояли усиленные посты и ходили патрули.

Глава 7

В команду Сергея вошли запыхавшиеся Владимир и Николай.

— Дело есть,— проговорил Владимир несколько взволнованно.— Тут, брат, кругом нас какая-то чертовщина твориться начинает.

— В чем дело?

— А вот в чем. Сегодня я на дневальстве, а потому на занятиях не был. Отстояв свое время, я сменился, захватил книгу и улегся под кустом в роще. Кругом никого. Потом слышу шаги, гляжу — начальник. Я бы и не обратил внимания, но вспомнил про твои подозрения. Куда, думаю, его черт несет? Тихонько за ним. Возле дороги у овражка он встретился с тем самым человеком...

— С Агорским? — живо переспросил, насторожившись, Сергей.

— Да. Начальник передал ему большой синий сверток и сказал несколько слов. А затем пошел как ни в чем не бывало дальше. Я его оставил, когда он входил в ворота арткурсов. Вот и все.

— Странно что-то!

Друзья задумались.

— Знаете что,— начал Сергей.— Я думаю, что эта хитрая лиса передала Агорскому какие-либо нужные секретные сведения. А затем прошла дальше, к артиллеристам, чтобы скрыть следы своей отлучки.

— Пожалуй, что и так!

— Что же теперь делать?

— Прежде всего — за комиссаром.

Пришел Ботт. Ему рассказали все с самого начала.

— Вот что, товарищи,— сказал он.— Если арестовать Сорокина, то, пожалуй, никаких улик не найдется, а предупрежденные сообщники скроются, и дело будет смазано. А кроме того, на чем, в сущности, основаны все ваши подозрения? А если между ними просто какие-нибудь личные дела?

— Нужно сверток достать,— проговорил Владимир.

— А как его достанешь?

— Я попробую,— встал все время молчавший Николай.

— Ты? Каким образом?

— Это уж мое дело,— коротко ответил он. И, повернувшись, вышел.

Эмма сидела за столом и что-то читала.

— Ты что, сударыня, читаешь? — подошла к ней мать.— Опять неприличное?

— Я неприличных книг не читаю,— вспыхнула Эмма.

— Знаю, знаю! Дай-ка сюда!

Эмма подала матери безобидную книжку Уэльса.

— То-то,— покачала головой старуха.— Ох, господи, вот на грех принесло племянничка! Не было печали... Вертопрах какой-то!

— Он не вертопрах вовсе и гораздо лучше всех

ваших дурацких Митенек да Вовочек! — пылко заступилась Эмма.

Старуха, огорошенная такой внезапной защитой, подозрительно покосилась на нее:

— Да ты, мать моя, уж не того ли?..

Резкий ответ застыл на губах Эммы.

Она увидела, что около плетня, под тенью акаций, стоит Николай и молча показывает ей небольшую бумажку. Встала и заметила, как, просунув записку в щель, он исчез. Ничего не видевшая старуха ушла в дом, и долго еще оттуда доносилось ее ворчанье.

Эмма подошла к грядке и, срывая цветок, подняла незаметно бумажку:

Приходи непременно через полчаса на наше место в рощу, нужно очень серьезно поговорить.

Через пятнадцать минут, накинув шарф, Эмма тихонько вышла на улицу и торопливо направилась к роще. Николай уже дожидался ее, расхаживая по полянке. Она окликнула его.

— Эмма,— он крепко сжал ее руку,— я боялся, что не придешь.

— Что случилось? — тревожно спросила она.

— Случилось что-то скверное, мой дружок. И я рассчитываю на твою помощь.

— Чем же я могу помочь?

— Слушай, Эмма. Я считаю тебя теперь почти совсем нашей. Мы много говорили и, кажется, хорошо друг друга поняли. Теперь ты должна постараться помочь нам разрешить одну задачу. Твой отчим — белый офицер.

Эмма вздрогнула, чуть-чуть отшатнулась.

— Как? Ты знаешь?

— Знаю. Я давно об этом догадался. Но не в этом

дело. Ты в этом нисколько не виновата... Его брат — шпион.

— Юрий Борисович? — Эмма взглянула большими, удивленно-испуганными глазами.

— Да. Теперь такое дело: сегодня к нему попали какие-то бумаги. Ты должна во что бы то ни стало достать их, если еще не поздно... — И Николай прибавил мягко: — Эмма, это для нашего дела и... для меня.

Эмма взволнованно заговорила:

— Коля, ты не думай, что я скрывала об отчиме. Нет, я сама не люблю его. Я думала... я боялась, что ты не будешь тогда к нам ходить. А тот — я в первый раз слышу, что он шпион. Бумаги... Он принес сегодня какие-то и долго разбирал. Он уходит куда-то по вечерам. Но потом... Как же мне быть? Я не люблю их. Я должна буду уйти,— но куда? Я ничего не знаю.

Простые и горячие слова Эммы глубоко тронули Николая. Он крепко сжал ее руки:

— Эмма... Я тебе обещаю. Я помогу тебе. Мы найдем выход. Ты мне веришь?

— Верю...

— Ну вот, а сейчас придумай как-нибудь достать этот синий сверток. Хорошо бы сделать так, чтобы не было заметно, что похищен именно сверток. Если они догадаются, что за ними следят и их раскрыли, то все наши планы могут рухнуть.

— Но, если я и достану, как же я тебе передам?

— Я буду ждать до поздней ночи возле снопов соломы в вашем огороде, и ты перебросишь сверток тихонько через плетень.

Уже смеркалось, надо было торопиться. Рощею они пошли вместе, но, выйдя на дорогу, разошлись в разные стороны.

Проходя мимо церкви, Эмма заметила, что служба там только что кончилась. Повалил народ. Что делать? Прежде всего оправдать свое отсутствие. Эмма направилась к паперти и смешалась с выходящими.

— А, Агафья Петровна, здравствуйте! — радушно поздоровалась она с какой-то старухой.

— Здравствую, Эммочка, здравствую! — запела слащаво та.— Тоже богу молилась?

— Молилась, как же. Что же это вы давно у нас не были? Заходите сейчас посидеть. Мама и то меня все спрашивает: «Что это, говорит, Эмма, Агафья Петровна к нам давно не заглядывает?»

Старуха — одна из первых сплетниц — так и расцвела при этом сообщении.

— Что же, зайдем, можно зайти по пути-то.

Подошли к дому. Эмма открыла калитку.

— Ты где это была? — строго спросила мать, еще не заметившая идущей позади гостьи.

— Здравствуйте, здравствуйте, Мария Сергеевна! — ласковым голосом заговорила та.— А мы с Эммочкой господу богу у всенощной молились. Шли обратно, я и думаю — дай зайду проведать знакомую.

— Милости просим, заходите, раздевайтесь! — пригласила довольная мать.

Чай пили дома, потому что на небе собирались тучи. Откуда-то пришел и Юрий Борисович. Быстро сбросил на вешалку возле веранды пальто и спросил, проходя в комнаты:

— Дайте чего-нибудь закусить поскорее. Мне скоро бежать.

Все уселись за стол. Старухи болтали. Агорский с жадностью поедал жаркое. Эмма разливала чай.

Тучи сгустились. Послышался далекий отзвук грома.

— Мама,— громко сказала Эмма вставая.— Сейчас пойдет дождь — пожалуй, белье замочит в палисаднике.

— Ах ты боже мой! Правда, беги скорее, поснимай, Эммочка, и тащи сюда.

Эмма торопливо вышла. Вот и вешалка, вот и одежда; она торопливо ощупала карманы, и волна теплой крови хлынула к ее вискам. Бумаги здесь!

Она быстро сорвала свое пальто, Агорского, прихватила чепчик Агафьи Петровны, шмыгнула к плетню и позвала негромко:

— Николай! Коля!

— Здесь.

— На́, держи! Уноси все скорее, бумаги в кармане.

Перебросив Николаю всю груду одежды, она распахнула калитку и, схватив с веревок белье, бросилась к комнатам. В ту же минуту капли крупного дождя забарабанили по крыше.

Все это продолжалось не дольше четырех минут.

Через полчаса гроза прошла, было уже совсем темно.

— Ну, я пойду,— проговорил Агорский вставая.

Через минуту раздался его немного встревоженный голос:

— Марья Сергеевна, вы не брали моего пальто?

— Нет!

— Что за черт!

— Ах, боже мой! Что случилось? Где же Эммочкино пальто?

— А чепчик мой? Мой кружевной чепчик?

— Обокрали... вот калитка распахнута!

Агорский быстро выбежал на пустую улицу... Кругом темно и тихо.

Воры скрылись.

Глава 8

Запыхавшись от быстрого бега и довольно увесистой, а главное, неудобной поклажи, порядком измокший Николай наконец остановился передохнуть посреди одной из глухих уличек. Тьма стояла непроглядная. Где-то пробило одиннадцать.

При свете спички он рассмотрел свой груз. Вот и бумаги. Э, да она свое собственное пальто экспроприировала! А это что, старушечий чепчик? Тьфу! Нагрузившись снова, он пошел дальше.

Вот курсы. Но отчего так темно? Электричество попортилось?

Он постучал в крепкую дубовую дверь. Сначала отворилось небольшое окошечко и выглянула голова, потом зазвенела цепь, дверь приоткрылась.

Он пошел по лестнице. В обширном помещении было тихо, темно и не видно ни души. Ничего не понимая, он спустился вниз и спросил у часового:

— Где же курсанты?

— А где же ты был? — ответил удивленно тот.— Уже два часа как курсы уехали на фронт. Да они еще, должно, на вокзале.

Николай кинул свою поклажу. Как сумасшедший, сжимая сверток, помчался по темным улицам.

Два раза его останавливали патрули. Наконец добрался до вокзала.

— Где эшелон с курсантами? — как бомба, влетел он к дежурному.

— На девятом.

Подлезая под вагоны, стукаясь о буфера и сцепы, добрался Николай до девятого пути. Вот и эшелон.

К великой своей радости, он сразу же наткнулся на Сергея.

— Николай, наконец-то!

— Сережа, вот! — ответил тот, передавая сверток.— Где комиссар?

— Ботта нет, он с другой половиной курсов уезжает под Шмеринку с другого вокзала.

Живо развернули синюю обертку. При свете свечки увидали кипу приказов и карту с полной дислокацией частей Украины. Паровоз загудел к отправлению. Сергей быстро схватил трубку полевого телефона и надавил вызывной клапан.

— Это ты, Сержик? Ага! Скажи машинисту, чтобы задержался. До моего распоряжения не трогаться.

— Ты-то кто? — спросил удивленно Николай.

— Он комиссар нашего отряда,— ответил за того Владимир.— Ты теперь с ним шути, брат!

Они выскочили и добрались до вокзала. Сергей подошел к аппарату и вызвал пассажирскую.

— Срочно попросите комиссара эшелона курсантов.

— Кто просит?

Прошла минута, две, три. Послышался снова звонок.

— Ну что?

— Поздно,— пропела мембрана.— Поздно, товарищ! Отряд курсантов уже за семафорами.

«Что делать?—подумал Сергей.— Ага! В Укрчека».

— Дайте город!.. Занято... опять занято... О, чтоб вы все пропали!

— Товарищ комиссар,— с отчаянием влетел дежурный по станции,— на двадцать минут задержка эшелона... Сейчас у меня воинские, тоже на какой-то фронт... Скорее, пожалуйста!

— Ладно! — с досадой крикнул товарищам Сергей.— Он от нас не уйдет. Я телеграфирую... А теперь — едем!

Быстро добежали до своего состава, и эшелон, рванувшись, помчался в темноту, наверстывая потерянное время.

Властно заревела сирена. Криками голосов, стуком разгружаемых повозок, лязгом стаскиваемых пулеметов разбудили опасливо притаившийся небольшой вокзал.

Сергей — на телеграф.

— Срочную в Киев.

— Нет! — И телеграфист устало посмотрел на него.— Киевская опять не работает. Порвана. Теперь, должно, до утра.

— По Морзе?

— Разбит еще на прошлой неделе.

— А через Яблоновку?

— Через Яблоновку можно... Только...

— Чего еще?

— Кравченко там. Все телеграммы проверяет, и если у вас важная, то может и не пропустить.

— Какой еще, к черту, Кравченко?

— Кто его знает,— пояснил хмуро комендант.— Был красный, а теперь вот уже третий день никого не признает. Телеграммы проверяет, поезда пропускает не иначе, как обобрав.

— Так он бандит?

— Не совсем... Вроде этого. Да вы попробуйте — может, и пропустит. Мы вот только что через него продовольственную получили.

«Чтоб он сдох!» — с сердцем подумал Сергей.

Вошел начальник отряда:

— Товарищ Горинов! Сейчас выступаем. «Кучура» под откос броневик свалил... там орудия.

— Родченко!—остановил Сергей одного из курсан-

тов.— Останься здесь до утра и, если линия до утра не будет исправлена, отвези этот сверток и телеграмму в Киев. Передай их в Укрчека под расписку. Сам останься на курсах.

— Я с товарищами,— резко ответил тот.— Отдай кому-нибудь из обозников.

— Родченко! — повторил Сергей твердо.— Я даю тебе поручение большой важности. Прочитай телеграмму и увидишь. Кроме того, я тебе это приказываю. Понял теперь?

— Понял, товарищ комиссар, будет сделано,— ответил тот и добавил: — И скотина же ты все-таки, Сергей!

Отряд Сергея ушел в ночную тьму. На станции тускло мерцали фонарные огни.

Поползла бесшумным шорохом лента из Яблоновки, и кто-то спросил с того конца:

— Пашка! У вас кто?

Осовевший телеграфист нехотя положил руку на ключ и оборвал сразу. Брызнуло осколками разбитого стекла окошко. Загрохотали выстрелы.

...Через час равнодушный и сонный телеграфист выбивал ответ:

> У НАС ТОЛЬКО ЧТО БЫЛИ ЗЕЛЕНЫЕ — СТЕПКА ПЕРЕМОЛОВ С РЕБЯТАМИ. УБИЛИ КОМЕНДАНТА И ОДНОГО КУРСАНТА. ТЕПЕРЬ НЕТ ВОВСЕ НИКАКИХ. АНАРХИЗМ ПОЛНЫЙ... ИДУ СПАТЬ.

Небольшой отряд Сергея оказался посреди густых лесов и топких болот Волынской губернии, с твердым заданием разбить банду.

Отряд встал в глухой подлесной деревушке. К великому удивлению мужиков, он не гонялся по всем направлениям и не требовал ежедневно полсотни подвод. Отряд осматривался. Днем, для отвода глаз, разведки

наведывались в соседние хутора и деревушки. К вечеру и к ночи десятки мелких дозоров и разведок, по три, по четыре человека, незаметно расходились в стороны по оврагам, расползались по хлебам, шныряли по рощам. Удар подготавливался тяжелый и верный.

Глава 9

Ночью через заброшенную дорогу, через застывший темный лес пробирались два всадника.

— Вправо, должно, пора сворачивать.

— Рано еще.

— Ничего не рано. По Кривому Логу тропку кони натоптали, так сам не велел ездить, чтобы, значит, незаметно.

Они свернули в чащу, но не успел еще замереть тихий шум в лощине, как зашевелилась листва одного из густых придорожных кустов и кто-то полушепотом спросил:

— Слышали?

— Это они, должно быть, к главной стоянке.

— Ну, так за ними!

Спустились в овражек. Прибавили шагу. Пахло сыростью, внизу журчал пробегающий ручей. Николай, несколько раз оступившись, попадал в воду.

— Держи правее!

— Тс! Тише, смотри!

Саженях в сорока через освещенную поляну двигались прежние двое, теперь они вели лошадей в поводу.

Несколько раз курсанты теряли из виду бандитов, но потом снова нагоняли.

Сколько верст продолжалась эта слежка, сказать было трудно; взглянув на светящийся циферблат часов,

Сергей заметил, что, с тех пор как они свернули с дороги, прошло уже два часа. Но вот издалека послышался неясный шум. По-видимому, путешествие приближалось к концу. Чем ближе, тем яснее... И вот наконец совсем близко-близко.

— Не напороться бы!

— Ничего, сначала передних окликнут.

Но ни задних, ни передних никто не остановил, и сразу оборвавшийся лес открыл перед ними большую лесную поляну. Это была стоянка и штаб главного ядра банды. Разведчики остановились. Широкой красноватой полосой брезжил рассвет. Небо принимало бесцветный, серый оттенок; веяло утренним холодком. Сквозь туманную дымку курсанты увидели целую деревушку наскоро собранных из зеленых веток шалашей, повозок, лошадей, два дымящихся костра, около которых копошились несколько человек. Когда еще немного рассвело, они хорошо разглядели натянутую из серой парусины палатку — должно быть, самого атамана.

Оставив позади бандитский лагерь, курсанты скрылись в лесной чаще.

Атаман Битюг был сегодня не в духе.

— Эй, Забобура! — крикнул он своему адъютанту.— Пришли-ка мне сотенных — Оглоблю и Черкаша... Да пускай и Барохня придет.

«Адъютант» вышел и вернулся с двумя сотенными. Первый — огромный, с вспухшим и пересеченным шрамом лицом и всклокоченной головой. Второй — поменьше, черный, юркий, с хитрыми, бегающими глазами. Вошедшие поклонились.

— А где Барохня?

— Барохня перепимшись.

— Экие скоты! Только вас и хватает на то, чтобы

водку пить. А как до дела — так никто ни к черту. Что нового?

— Да, кажись, ничего пока,— ответил Черкаш.— Разве только что вот от Могляка наши вернулись.

— К черту Могляка! Я спрашиваю — отряд где?

— Стоит.

— Ну, а возле Барашей как?

— Как приказывали. Дорогу снимают.

— Много сняли?

— Побольше пятка верст подле Яблоновки своротили. Да так, порознь, ребятишки гайки крутят.

— Две деревни да волов пар двадцать работают,— добавил Оглобля.

Речь шла о линии между Коростенем и Новоград-Волынском.

Вошел Забобура и передал пакет. В нем главарь соседней банды Шакара сообщал следующее:

Командующему Волынско-Повстанческим отрядом атаману Битюгу.

Для поддержания связи, а также для своевременного предупреждения вашего уничтожения сообщаю следующее: что захваченный мною коростеньский большевик, после подвергнутия всесторонней обработке, показал, что на территорию войск ваших вызван из Киева особенный отряд, не из красноармейцев, а из отборных большевиков, кои готовятся к ихнему офицерскому званию. А потому дошлый до всяких хитростей и военных приемов. И оный же большевик выразил мерзостную уверенность в скором нашем разбитии, за что и был зарублен, а тем не менее о настоящем, для принятия мер, вам сообщаю.

Дальше, после титула «Атаман Степного Истребительного Отряда», печатными буквами стояла подпись — Шакара. А ниже — скрепа составившего мудрое донесение адъютанта.

— Вот! Вот!.. — заревел разгневанный главарь.— Черти криворожие! Не могли до сих пор узнать, что

перед ними не солдаты, а юнкера ихние. Да не я буду, если они не рыщут по ночам, когда вы пьянствуете да дрыхнете!

Наконец ругательства прекратились, и он перешел на деловую почву.

— Забобура! Могляку приказ — ночью потревожить их с тылу. Долго пусть не дерется. Но чтобы те ночь не спали. Я сам займусь этим делом... А ты,— он с недоумением взглянул на Оглоблю,— распустился сам и ребят распустил. Зачем Семенки сожгли? Я им одно Крюково спалить приказывал.

— Черт его разобрал,— решили сотенные, выходя из палатки.— Эк разошелся!

В лагере уже кипела жизнь. Дымились костры под котлами, играла гармония, слышались смех и ругательства. Некоторые, несмотря на утро, были уже выпивши. Занимался каждый чем хотел. Тут кучка, лежа и сидя в самых разнообразных позах, резалась в затасканные карты перед грудкой петлюровских «карбованцев». Там человек десять окружили бутыль с какой-то мерзостью и кру́жками перекачивали ее содержимое в желудки.

А вот и занятые настоящим делом: один укорачивает ствол винтовки наполовину, превращая ее при помощи подпилка в бандитский карабин. Другой вплетает в конец плетки тяжелую свинчатку.

Словом, лагерь живет.

Глава 10

Уже взошло солнце, когда наши разведчики остановились передохнуть на полянке. Напились воды из ручья и закурили.

— Ну, что теперь делать?

— Что! Выступим сейчас же.

— А не лучше ли до ночи?

Сергей покачал головой:

— Тут днем-то смотри, как бы с дороги не сбиться.

В самом деле, кругом была глушь. Огромный, кряжистый дуб широко раскидывал корявые ветви во все стороны. Вывороченная с корнем вековая липа, не достигнув земли, уперлась верхушкой в стоящие рядом деревья и образовала широкие, причудливые ворота. Кругом валялись догнивающие стволы и сучья. Дикие пчелы, которых так много на Волыни, вылетали с жужжаньем из гнилого дупла. Пахло грибами, сыростью, прелым прошлогодним листом. Из соседнего болота доносилось кваканье лягушек.

— Брр!.. — сказал Николай.— Не люблю я таких мест. Ведьмино поместье какое-то.

— Ну пойдем! Скоро дорога.

Тронулись дальше и через полчаса уперлись в зловонное болото.

— Что за черт! Нужно взять правее.

Взяли вправо, прошли еще около часу. Уперлись в ручей, не широкий, шагов в пять, но сквозь прозрачную воду виднелось на порядочной глубине обросшее зеленоватой колыхающейся тиной дно. Пришлось по пояс в воде переходить на ту сторону. Взяли еще правее — поросшая подозрительно яркой зеленью полянка.

— Осторожнее!

Под ногами у Николая что-то зачавкало, и он поспешно вытащил увязшие по щиколотку ноги.

— Вот мерзость-то!

Прошли еще час. Лес стал редеть. Впереди между деревьями показался просвет. Вот и опушка. Прямо открывалась низкая кочковатая местность, а даль-

ше — осока, трава, сверкающий на солнце клочок воды и снова синий загадочный лес.

— Что делать?

— Прежде всего отдохнуть,— решил Сергей,— а то сапоги полны воды, штаны тоже мокрые, а ноги как свинцом налились.

Они выбрались на сухую солнечную лужайку, сняли сапоги, разложили на траве портянки и стали советоваться. Пришли к выводу, что идти надо напрямик, а пока необходимо отдохнуть.

— Жрать охота,— заметил Николай.

Нашли неподалеку дикую яблоню. Яблоки оказались такой кислятиной, что есть их было почти невозможно. Попробовали запекать в золе — получилось нечто съедобное, и ребята закусили.

Часа через два они встали и, просохшие, отдохнувшие, отправились снова. Местность пошла более возвышенная и сухая. Лес чередовался с цветущими полянками и кустами березняка. Так прошли они еще часа три.

— Смотри! Смотри!

Под ногами спутников внезапно очутился путь, по которому проезжала телега, потому что трава была примята колесами в одну сторону.

— Ну, теперь-то мы придем. На телегах только посуху ездят.

— Живо вперед!

— Погоди! — дернул за рукав Николая Владимир.

Они обернулись. По направлению к ним ползло штук шесть чем-то груженных крестьянских подвод.

— Спросим их!

Телеги приближались. Владимир пошел навстречу и только что успел крикнуть: «Товарищи, куда дорога?» — как заметил, что через плечо у сидящих

перекинуты патронташи и у пояса болтаются гранаты.

Увидав перед собой незнакомого человека, бандиты повскакали с криками:

— Стой! Кто такое?

— Красный!.. Держи!..

Владимир сорвал винтовку и, бахнув два раза, бросился в чащу. Вслед за ним загремели выстрелы. Рассыпавшись, бандиты забирали влево. Беглецы мчались вперед, как загнанные волки. Крики преследователей то стихали, то вновь усиливались.

— Цепью идут, сволочи,— задыхаясь, говорил Сергей.— Слева болото. Если лес кончится — пропали.

Лес в самом деле кончался, и поперек блеснула пробегающая речонка. Пропали!

— Сережа, смотри! Мельница!

Направо торчала из-за кустов старая водяная мельница.

Осторожно подобравшись, они заметили, что дверь у нее приоткрыта, а мельник стоит, повернувшись к ним спиной, в огороде возле ульев.

Товарищи бесшумно сквозь полуоткрытую дверь прошмыгнули в сени, оттуда по лесенке наверх и, приоткрыв маленькую дверку, очутились на небольшом, заваленном различной рухлядью чердаке. Только что они успели лечь на пол, как в хату вошел старик лет пятидесяти и поставил на стол чашку со свежим сотовым медом.

Не прошло и десяти минут, как к мельнице подкатили телеги и подбежали бандиты. Их было человек десять.

— Эй, дед Никита! — послышался громкий голос.— Куда пробежал большевик с винтовкой?

— Не видал.

— Не видал, старый черт. Ты не спрятал ли его? Некуда ему деваться было. Разве в болоте утоп!

— Может, и утоп,— согласился мельник.

— Утоп! Беспременно утоп! — послышались голоса.— Деваться больше некуда.

— Туда собаке и дорога.

Ворота распахнулись, и подводы въехали во двор. Лошадей распрягли. Еще несколько человек вошли в хату.

Бандит, которого все называли Егоркою, был, очевидно, за старшего. Он распорядился, чтобы закопали убитого Владимиром Хомяка, а сам уселся на лавку.

— Чего привезли-то? — осведомился мельник.

— Разное,— ответил Егорка,— все больше из мануфактуры, кожи есть в коробках.

— С поезда, что ли?

— С поезда. Третьеводни под откос спустили.

— Оох, хоо! — закрутил головой мельник.— Беда мне с вами! Выследят — пропадешь ни за что.

— «Ни за что»! — передразнил старика другой бандит.— Нет, коли уж ты пропадешь, так не задаром... Знаешь, Егорка, как он допрежь тебя еще делал? Придет к нему солдат: «Есть, мол, дедушка, пожрать чего?» А он: «Как не быть, как не быть, голубчик, вон в погребе сметанка и сало. Доставай уж только сам, кости у меня старые». Ну, тот полезет по дури и винтовку наверху оставит — и, значит, крышка.

Бандиты довольно заржали:

— Ай да дед!

Вошли еще двое.

— Ну что, закопали?

— Закопали.

Дверь широко отворилась, и бандиты принялись

подтаскивать большие тюки, связки, коробки и вскоре завалили чуть не пол-избы.

«Куда же это они денут?» — думал, не отрываясь от щели, Сергей.

Мельник подошел к переднему углу, что под иконами, сдвинул оттуда стол и лавку, потом достал железный крюк, подсунул его под карниз, зацепил за конец доски и потащил. Что-то заскрипело, завизжало, и четыре настланные через весь пол половицы откатились и открыли темную дыру с ведущей вниз лестницей.

— Хитрая штука! — заметил кто-то.

— Плевое дело, а в жисть не догадаться.

Старик засветил свечу и полез вниз с двумя бандитами.

— Ну, подавай!

И темная пасть ямы поглотила вскоре всю груду награбленного.

Глава 11

Когда последний тюк был сброшен в хранилище и со скрипом задвинулись половицы, мельник поставил на стол большую бутыль с водкой, ломти нарезанного сала, свернутую в кольца жирную малороссийскую колбасу. Бандиты с жадностью накинулись на еду и на выпивку. Старик пил немного сам и похаживал взад и вперед, доливая из бочонка бутыль.

— Да! — громко говорил уже порядком подвыпивший Егорка.— Вот стерва большевик! Не идет он у меня из головы. Эх! Изловить бы!

— Да уж, обработали бы в наилучшем виде,— пьянеющим языком отвечал сосед.

— Что бы ни сделали, а не поймали.

— Не поймали, так утоп.

— А ну как не поймали и не утоп? — проговорил

один из бандитов.— Может, их здесь отряд целый ходит, а мы сидим да водку хлещем.

Слова его произвели сильное впечатление. Все с опаской посмотрели в густоту надвигающихся сумерек. Разговор сразу притих. Кривуля, разинув рот, так и позабыл его закрыть, а Сычук подавился куском колбасы.

— А ведь и правда, ребята, должно быть, не утоп.

— Уж не обратиться ли нам в Ракитовку? Всего пять верст, и на что спокойней.

— Давай, давай, запрягай!

— Хомяка-то как саданул!

И бандиты торопливо засуетились, запрягая лошадей.

Через несколько времени до слуха курсантов долетел удаляющийся стук колес.

Они выждали, когда старик ушел за чем-то, тихо спустились и затем как ни в чем не бывало подошли как будто снаружи.

— Эй! Кто тут есть?

Мельник выглянул из-за сарая, осел, постарел лет на двадцать и дряхлым, старческим голосом ответил, низко кланяясь:

— Никого, никого нет, господа товарищи! Один я, старичишка убогий, околачиваюсь.

— Бандиты не заезжали?

— А! Кто?

— Бандиты.

— И что вы, мои милые, зачем они заедут? Нету, нет, и не видал никогда.

Зашли в хату.

— Отец! — спросил Сергей.— Дай что-нибудь поесть.

— Можно, можно. Отчего же не дать? Вон, в подвалишке. Стар я только. Так уж вы сами. Один посве-

тит, а двое выберут что надо.— Он услужливо совал в руки сальный огарок.

Друзья поблагодарили, но от совместного путешествия в подвал отказались... В то время как двое лазили внизу между горшками и крынками, Сергей подобрал все винтовки и держал их, пока товарищи не выбрались.

Они с волчьим аппетитом уплели все поданное на стол. Затем приказали мельнику запрячь тележку и на паре круглых, сытых лошадок покатили по мягкой дороге.

Вечером того же дня отряд курсантов не спал. Разговаривали и сильно тревожились за исчезнувших троих разведчиков.

Вдруг полночью со стороны полевого караула спокойную тишину прорезал перекатывающийся гулким эхом выстрел.

Похватались за винтовки.

— Что такое?.. В чем дело?

Оттуда к огням бежит кучка людей, и через минуту громкое и веселое «ура» перекатывается по лагерю. И при свете костров, подхваченные десятками рук, высоко подлетают возвратившиеся разведчики.

— Кто же это стрелял? — спросил кто-то.

— Часовой в нас,— смеясь, ответил Николай,— мы пропуска не знали.

— А мы Могляка вчера расколошматили,— с гордостью сказал начальник отряда, пожимая Сергею руку.

— Погодите! — ответил Сергей.— Завтра мы самого Битюга хватим да и Шакару обидим.

Через час лагерь спал, костры погасли, стихло,— но зорко всматривались в темноту часовые.

Глава 12

Атаман Битюг закинул ногу в стремя и, приподнявшись, грузно опустился на свою высокую кобылу. Бывшая петроградская этуаль, Софья Николаевна Тольская, а теперь Сонька, его жена, танцевала уже на горячем коне возле палатки, перед кучкой всадников, составлявших конвой атамана.

— Трогай!

Сразу сорвавшись с места, легкой рысью полетела небольшая кавалькада и скрылась за поворотом к лощине Кривого Лога. После прошедшего ночью небольшого дождя стояло теплое, светлое утро. Солнце косыми лучами пригревало влажную землю, поднимая дымку легкого, свежего пара. Атаман ехал к Барашам, чтобы лично убедиться, как подвигается разрушение железнодорожной линии.

Мелькали поля, попадались заросшие зеленью яблонь и вишен уютные хуторки. Заслоняясь рукой от солнца, всматривались в проезжающих работающие на хлебах мужики и, узнав, снимали шапки, низко кланяясь. Остановились на несколько минут напиться в попавшейся на пути деревушке. Провожаемые сочувственными советами бородачей, любопытными взглядами баб и ребят, поскакали дальше.

На пути, посреди неснятых колосьев пшеницы, разглядели скачущих навстречу двух всадников, которые, заметив отряд, остановились.

— Наши? — спросил с сомнением атаман.

— А вот посмотрим.

Один из всадников повернул лошадь, снял шапку и вытянул ее в сторону на правой руке два раза.

— Наши! — сказал Барохня, отвечая тем же сигналом.

Встречные оказались своими ребятами из сотни Оглобли, наблюдавшими за работой.

— Ну как? — спросил атаман.— Снимают?

— Работают!.. — усмехнулся один.— Можно сказать, подходяще.

Верст через десять обогнули по опушке небольшую рощу и выехали на бугор.

Их уже давно заметили.

— Ого-го-го! — послышалось радостное ржанье.— Сам приехал!

Работа продолжалась с еще большим рвением.

Человек около четырехсот согнанных из окрестных сел хохлов копошились, разрушая железную дорогу. Разобрав стыки рельсов, привязывали к концам их веревки, пристегнутые к десятку пар волов, и вся линия вместе со шпалами веером переваливалась под откос. Много девок и баб следом разбрасывали и срывали лопатами песчаную насыпь.

Позади на несколько верст желтел уже обработанный путь. Сиротливо стояли пощаженные телеграфные столбы, но с перерванными, болтающимися проводами. Отовсюду доносились крики и понукания, посвистывание ременных плетей и удары по бокам неуклюжих волов...

Наблюдающие за работой бандиты перешучивались с бабами и сурово покрикивали на мужиков.

Атаман подъехал поближе и окрикнул:

— Бог помочь!

— Спасибо! — раздалось несколько десятков голосов в ответ.

Он проехал взад и вперед мимо работающих и остался доволен.

— А там что? — спросил он у сопровождавшего его бандита.

— Тоже наши. Мостишко там небольшой, значит, снимают.

— Через Гнилой Ручей?

— Он самый. Маленький, а крепкий. Второй день ломами понемногу разбивают.

Атаман с компанией заехали в соседнюю деревушку. Отдохнули, плотно закусили жареным гусем, основательно выпили и отправились обратно.

Атаман остановился и посмотрел в бинокль.

— Кого это там дьявол несет?

Теперь и простым глазом можно было видеть, как всадник, склонившись к седлу, бешеным аллюром мчался по дороге.

— В чем дело? — крикнул Барохня, когда взмыленная лошадь поравнялась с ним.

— Атаман! — ответил седок, едва переводя дух.— Беда! Могляк убит, и сотня его пропала.

— Как! — рявкнул атаман.— Откуда известно?

— Сейчас прибежали несколько уцелевших ребят.

— Собачий сын!.. Баба! — Битюг разразился градом ругательств по адресу погибшего Могляка и, ударив шпорами, понесся вперед.

Как встревоженный осиный рой, гудел бандитский лагерь. Недавно прибежал из деревни мужик и сообщил, что утром возле деревни отряда не оказалось. Он пропал куда-то ночью.

Атаман поспешно отдавал сотенным распоряжения:

— Выслать во все стороны пешие и конные разведки. Отряд разыскать, посты удвоить.

По всем направлениям потянулись пешие и конные разведчики. В лагере не было ни обычных пьяных криков, ни песен. Кучками толковали бандиты.

К атамановой палатке подскакал хохол без шапки, без седла. Быстро заговорил о чем-то Забобуре.

— Что такое? — спросил, выходя, «сам».

— Отряд вернулся.

— Ага! — воскликнул атаман.— Теперь расквитаемся! Заруба! Карасю приказ: завтра к ночи встать позади отряда. Барохня! Наши от мельника вернулись?

— Вернулись.

— Порошок привезли? Давай сюда... Ну? — спросил он вошедших.

— Вот.

Атаману передали небольшой узелок.

— Кто из Дубков сообщение привез?

— Вавила Косой.

— Давай ко мне.

В палатку вошел хохол. Низко поклонился.

— Откуда солдаты воду берут? — спросил атаман.

— Из колодца, что возле Яковой мельницы.

— А в чем обед варят?

— Кухня у них есть на колесах.

— Вот что, Вавила! Вот тебе порошок, и чтобы завтра до обеда он был в колодце.

— Никак не возможно! — ухмыльнулся мужик.

— Вот я тебя стукну по башке, так будет возможно.

— Народу всегда там много.

— На вот, попробуй! — Атаман вытянул несколько раз мужика плетью.

— Что же... — согласился Вавила, почесывая спину.— Если уж такое от вашей милости строгое приказание, сделаем!

Глава 13

Несмотря на усталость, друзья проснулись рано, часов около семи.

— Значит, сегодня?

— Значит, так.

— Трудно по такой дороге ночью подойти.

— Ночью мы подойдем только до леса, а свернем к рассвету.

Пошли умываться, но, еще не доходя, услышали треск, похожий на негромкий револьверный выстрел. У мельницы они увидали кучку суетящихся курсантов.

— Колодец отравили,— сообщили Сергею курсанты.

— Кузнецов ему из нагана руку просадил.

Подошел Кузнецов и сообщил: он сегодня дневалил по лагерю и заметил, что какой-то мужик все время толкается около мельницы. Это ему показалось подозрительным. Он спрятался за плетень и стал наблюдать. Убедившись, что никого поблизости нет, мужик подбежал к колодцу и что-то туда бросил. Потом кинулся в сторону, намереваясь перемахнуть через плетень, но повис на нем с простреленной рукой. Отравитель сознался, что он подослан атаманом, и в подтверждение показал на спине ярко-красные рубцы от ременной нагайки. Атаман велел крестьянам донести, как подействует отрава. Ночью же он нападет на красных сам.

— Вот что! — предложил начальнику отряда Сергей.— Нам теперь незачем тащиться в лес. Мы подождем, пока они сами подойдут к нам. Но надо дать им уверенность, что отряд действительно отравлен. Тогда банда будет переть на нас безо всяких опасений, а мы приготовим ей встречу.

Так и порешили сделать. Сергей с товарищами отправился к старосте и приказал к завтрашнему дню приготовить подводы, потому что отряд уезжает.

Было прибавлено, что люди позаболели и есть предположение, что они отравлены. Если это подтвердится, сказал Сергей, то они подожгут деревню со всех четырех концов.

Наступила спокойная, теплая ночь. По безлунному, темному небу огоньками горели звезды. Далеко на горизонте, как непонятный сигнал, узкою полосою загорелась зарница.

Как раз в то время, когда, блеснув в последний раз, желтая змейка на горизонте заменилась слабой, серовато-тусклой полоской — предвестницей наступающего рассвета,— из секретов прибежали курсанты. Один донес, что банда заходит в деревню; другой, что банда у оврага, в двух верстах впереди.

Атаман шел с отрядом со стороны оврага. Карась занял деревню. Несколько редких выстрелов посыпались со стороны лагеря, и пули зажужжали высоко в стороне.

«Ну и стрелки!» — подумал атаман. И густой цепью повел банду вперед, откуда щелкали редкие выстрелы.

— Ого-го-го! Бросай винтовки!

— Мухи дохлые!

Горя от нетерпения, из окраины деревни бегом бросилась банда Карася с ревом:

— Даешь пулеметы!

— Да-дае-ешь...

Но тут взвилась голубая ракета. И со стороны красных раздался грохочущий дружный залп, слившийся с треском четырех пулеметов.

Огорошенные встречей, бандиты дрогнули и залегли, но, расстреливаемые метким огнем, по заранее измеренным дистанциям, бросились бежать. Убегающие люди Карася напоролись на засаду и заметались, бросаясь через заборы и плетни. Разгром был полный.

Через час отовсюду стали возвращаться преследовавшие бандитов роты.

Дорого встала эта операция атаману. Сам он скрылся, но среди трупов оказались Оглобля, Черкаш, а также атаманова Сонька. Она лежала посередине болотца

с простреленной головой. Ее вынесли и положили на покрытый зеленой травою бугор. Она долго бредила. Поминала гвардию, юнкеров, сыпала грязную ругань. Через несколько минут умерла. Ее коня поймали в овраге. В сумке нашли флакон одеколона, пудру и дневник.

В тот же день атаман распустил банду на мелкие шайки, по нескольку десятков человек, и сам с кучкой отъявленных головорезов ускакал к Новоград-Волынску, где хозяйничал крупный «батька» Соколовский.

К вечеру курсанты отдыхали после горячего дня. Слышались смеющиеся голоса, горели большие костры, и кто-то наигрывал на двухрядке.

— Что-то в Киеве?

— Где-то наши фронты? Далеко ли Петлюра, Деникин?

— Ничего мы не знаем!

— Ничего, Сергей! Оторвались!

Николай подбросил сучья в костер.

— Хоть бы письмо получить! Да ведь Ботт у черта на куличках, Эмма адреса не знает. Что-то она сейчас делает? — добавил он.

— Поди, соскучился?

— Соскучился.

Владимир с Сергеем переглянулись лукаво.

— Завтра к мельнику. Надо же Шакару немного потрогать.

Глава 14

Утром, едва над горизонтом показался краешек солнца, на пяти подводах небольшой отряд скрылся за холмами зеленых полей.

— Улетели орлята! — сказал командир отряда.— С чем-то вернутся?

Поля, поля, холмистые, волнующиеся, желто-зеленые. Вспугиваемые топотом, из-под самых колес вылетали из росистой пшеницы испуганные перепела. Жаворонки звенели в глубине голубого неба. Чувствовалась еще утренняя свежесть, но солнце уже жгло с одного бока. Один раз, далеко влево, возле опушки темнеющего леса показался на мгновение всадник и тотчас же умчался назад. Глухо прозвучало эхо случайного выстрела.

Когда проехали больше половины пути, остановились переждать жару на одном из придорожных хуторков. Все было на месте — и скотина, и еда, и горшки в печках, но хозяева сочли почему-то за лучшее удалиться.

Выставили наблюдателя, и тот, вооружившись биноклем, уселся верхом на соломенную крышу, возле белой трубы. Основательно закусили. Развалились на мягкой траве, в тени густых яблонь и вишен небольшого садика. Тихонько болтали.

Солнце решило испечь землю. Даже в тени было душно. По телу расползалась лень.

Едва курсанты расположились по укромным уголкам, как случилось маленькое курьезное происшествие. Федорчук, прельстившись спелым яблоком, забрался на дерево. Он был уже у цели, как вдруг обломил сухой сук, который стукнулся о крышку улья. Потревоженные пчелы с яростью бросились изгонять непрошеных гостей из сада и без труда обратили весь отряд в бегство.

— Фу-ты, черт!

Николай, запыхавшись, прикладывал сырую землю к руке.

— Вот еще новая напасть!

Направились в огород, намереваясь расположиться с тенистой стороны стога.

Один, просунув в сено руку, с удивлением крикнул:

— Посмотрите-ка!

Откинули несколько клоков сена и увидали приклад трехлинейной винтовки.

— Вот так гадюка!

— Вот так камень!

— Ребята! — сказал Сергей.— Сейчас на хуторе никого нет, да и дело у нас есть. Положите винтовку на место, а на обратном пути мы осторожно захватим ее владельца.

Отряд тронулся в путь. Из-за кустов, позади оставленного хутора, осторожно выползли две фигуры.

— Ушли?

— Уехали, дьяволы!

Уже совсем к ночи курсанты остановились за версту до мельницы. Сергей с товарищами отправился вперед. Было уже темно. В одном из окошек домика блестел огонь. Ребята кучей ввалились в хату.

Старик злобно посмотрел на гостей и пробурчал что-то, беспокойно поглядывая и пытаясь разгадать причину нашествия.

Сергей сел за стол. Все притихли.

— Ну, как дела, старик?

— Никаких у меня дел нету... видит бог, нету,— затараторил тот.

— Ну уж это ты оставь! — усмехнулся Сергей.— Нас этим не проведешь. Мы знаем, что у тебя тут бандитский притон.

Старик съежился и захихикал, не зная, как принять это — в шутку или всерьез.

— Хи-хи-хи!.. притон! У старичишки убогого, господь с вами...

— Награбленное куда прячешь?

А сам пятится к распахнутому окошку. Владимир, заметив этот маневр, уселся на подоконник.

— Награбленное куда прячешь?

— Совсем ничего не знаю, что вы к старику пристали?

— Ты не знаешь, так я знаю,— ответил Сергей.— А ну-ка, товарищи, отодвиньте стол и лавку.

Мельник мгновенно сорвал с гвоздя и запустил ему в голову тяжелый безмен. Сергей ловко уклонился. Безмен врезался в уставленный иконами угол. Мельнику связали руки. Стол был отодвинут.

— А ну-ка, найдите тут ход!

Курсанты шарили по полу.

— Вот, смотрите!

Он достал с полки знакомый крюк и поддел им край доски за карнизом. Четыре половицы со скрипом откатились, открывая тайник.

Спустились вниз. Около часа выбрасывали награбленные товары наверх, принимали и укладывали их на подводы. Темная дыра опустела. Усталые курсанты выбрались наверх, закусили.

Мельник сбросил маску и на все вопросы разражался градом ругани. В сарае у него нашли аппарат для варки самогонки, а за печкой — солдатскую гимнастерку в подозрительно бурых пятнах.

— Убил, должно, за крынку кислого молока! — вспомнил Николай подслушанный с чердака разговор.

Ночь проходила. Запрягли своих и мельниковых лошадей. Старика посадили на подводу.

Когда со двора вышли все люди и выехала последняя подвода, ярко вспыхнула соломенная крыша. Огненные языки закрутились и затанцевали, отражаясь в спокойной темной воде.

Не успели курсанты отъехать и с версту, как сзади

посыпались частые выстрелы. Все повскакали и похватались за винтовки. Но вскоре успокоились: это рвались запрятанные в сгорающем логове винтовочные патроны.

Ехали уже медленнее, подсаживались на подводы по очереди. Не доезжая до хутора, человек десять отправились осторожно вперед и захватили на хуторе двоих.

— Бандиты? — спросил, подходя, Сергей.

— Какие там бандиты! — ответил пойманный.— Мы здешние.

— А зачем убегали?

— Мало ли тут кто ходит? Мы пуганые.

— Оружие есть?

— Откуда ему быть?

Сергей пошел с ними, в сопровождении кучки курсантов, к стогу сена. Пленники беспокойно забегали глазами.

— Это что? — спросил Сергей, когда один из курсантов извлек винтовку.

— Аа! — точно только вспомнив, хлопнул себя по лбу мужик.— Я и забыл... В прошлом году на пашне нашел, ну и бросил сюда — пусть, думаю, валяется.

Курсанты расхохотались.

— Как же это ты в прошлом году бросил под нынешнее сено?

Их также захватили с собой. Поздно ночью весь отряд проснулся, чтобы приветствовать экспедицию, возвратившуюся домой с богатой добычей.

Глава 15

Далеко по окрестным селениям пронеслись вести о смерти Могляка, Оглобли, Черкаша, Соньки и сычамельника, о разгроме их шаек. Банды притихли, разбились на кучки, ожидая лучших времен.

Прошло около месяца, как отряд уехал из Киева. За это время он совершенно оторвался от прежней жизни и потерял всякую связь с курсами. С огромной радостью все встретили весть о том, что их вызывают срочно в Киев.

Трое друзей тоже были весьма довольны по многим причинам. Нужно было прикончить предательскую игру начальника курсов. У Сергея было много незаконченной работы. А у Николая еще одна, особенная причина.

Через два дня отряд подошел к станции, погрузился в готовый эшелон и помчался к Киеву. Замелькали сквозь распахнутые окна и двери поля остающейся позади беспокойной Волыни.

Рано утром курсанты радостными криками приветствовали показавшийся Киев.

Через несколько минут отряд в порядке подходил к курсам.

Почти у ворот он неожиданно столкнулся с подходящей колонной своих товарищей, возвращающихся после боев под Жмеринкой.

С обеих сторон раздалась приветственная команда «смирно», а затем громкое «ура» и радостные крики, заглушаемые звуками музыки. Запыленные, загоревшие, с честью выполнившие свой долг, встречались отряды. Курсанты быстро переоделись в новое обмундирование, умылись и отправились вниз — на торжественный обед.

В большой столовой было прохладно и хорошо. На покрытых скатертями столах стояли цветы и приборы. Играла музыка.

— Товарищ Ботт, здравствуйте! — Сергей подошел к комиссару.

— Горинов... здравствуйте! — обрадовался тот.— А я вас высматриваю...

Они долго и оживленно беседовали.

К Ботту подошел присланный от наркомвоена докладчик. Курсанты прослушали горячую речь о положении революционной борьбы Украины и России. Оторванные надолго от всяких сообщений, они с жадностью ловили каждое слово. Армии Колчака безостановочно отступают к Уралу. Деникин неудержимо прет и ширится во все стороны. Уже давно, после геройской защиты, пал Харьков; уже болтаются на фонарных столбах трупы рабочих Екатеринослава. Враг скоро застучится в ворота Киева. А с запада Петлюра тянет хищные лапы к столице Советской Украины.

— Вы устали,— говорил докладчик,— но республика вскоре потребует от вас новых жертв. Будьте к ним готовы! Скоро придется вам сплотиться, для того чтобы принять на свои плечи всю тяжесть белогвардейского удара. Может быть, мы в последний раз собираемся для совместной беседы в стенах наших курсов. Может быть, скоро здесь будут наши враги. Но мы опять придем, навсегда. И последнее знамя, которое будет развеваться над Киевом, будет наше — Красное знамя.

Глава 16

— Ну, теперь можно и поговорить,— сказал Ботт, запираясь на ключ у Сергея в комнате.

Сергей подробно рассказал о проведенной отрядом работе и сдал расписку на отобранное у бандитов и оставленное ревкому имущество.

— А Родченко погиб, должно быть,— закончил Сергей.— У него были все бумаги. Я страшно поражен был, когда увидел сегодня, что начальник курсов еще здесь и жив.

Ботт нахмурился.

— Надо сегодня же арестовать его.

— А по-моему — нет! — возразил Сергей.— Он генерал, человек старой закалки, и от него многого не добьешься. А потому я предлагаю оставить его еще на несколько дней и установить за ним правильную слежку. Ничего не теряя, мы можем выиграть многое.

— Но кто же возьмется за это дело?

— Я со своими товарищами. В Чека и без того горячка.

— Хорошо, делайте.

Сергей вызвал к себе своих друзей и объяснил им задание. Через полчаса каждый был уже занят своим делом.

Сергей что-то высчитывал; Николай писал какую-то записку; а Владимир старательно отдирал от свечки кусочек желтого воска.

Солнце уже скрылось за горизонтом, когда Николай подходил к знакомому беленькому домику. Прошел месяц с тех пор, как он убегал отсюда ночью, нагруженный поклажей наподобие ночного разбойника.

Вот и калитка. Войти туда он не мог — нужно было оградить Эмму от подозрений. Он подошел к плетню, со стороны нежилого переулочка, и стал наблюдать.

Садик был пуст, только жирный кот, развалившись, спал на круглом столике. Вдруг дверь хлопнула, и через веранду торопливо промелькнула знакомая фигурка. Через некоторое время она показалась опять, торопливо накинула на ходу шарф и вышла на улицу.

Николай пропустил ее мимо, пошел за ней немного поодаль, до тех пор пока не миновали они несколько уличек; потом подошел и осторожно взял ее за руку.

Она сильно вздрогнула, но, увидав его, не удивилась.

— Я знала, что вы вернулись, и шла к тебе. Идем!

— Куда?

— Все равно! Подальше отсюда.

Почти всю дорогу она ничего не говорила. Наконец, уже возле самого центра, на одном из бульваров они выбрали глухую скамейку в углу.

— Что с тобою, Эмма? Ты расстроена... взволнована.

— Не мудрено! — горько усмехнувшись, ответила девушка.— Можно совсем с ума сойти.

— Ну, успокойся! Расскажи все по порядку.

Она, путаясь, часто останавливаясь, рассказала ему следующее.

В тот вечер, когда они похитили бумаги, она легла спать довольно рано. Агорский скоро ушел, и она слышала, как мать запирала за ним дверь. Ночью, открыв случайно глаза, она с удивлением заметила у дверей свет и услышала голоса. Это ее удивило, и она, подкравшись босиком, заглянула в щель и едва не вскрикнула. За столом сидели Агорский и... ее отчим. Откуда он взялся, она понять не могла.

Утром мать ей сообщила, что у них теперь часто будет бывать отчим, чтобы она не смела никому заикнуться об этом.

С тех пор у них началась беспокойная жизнь. Часто по ночам, при плотно закрытых ставнях, собирались какие-то люди и долго совещались. Из отрывков их разговоров она поняла, что они ставят себе задачей организовать переворот в пользу Петлюры и ни в каком случае не допускать захвата власти Деникиным. Эмма при первом же случае убежала сообщить об этом Николаю, но не нашла на курсах никого.

На нее не обращали внимания, и она старалась как можно меньше попадаться на глаза.

Однажды вечером, проходя мимо столовой, она увидела невысокого белокурого человека лет двадцати пяти. Напротив него сидел ее отчим с исказившимся от злобы лицом.

— Так вы отказываетесь?

— Да! Так будет лучше.

Эмма прошла дальше и конца разговора не слыхала. Когда она возвращалась, то незнакомца уже не было, а отчим говорил с Агорским.

— Ты знаешь, кто у меня сейчас был?

— Кто?

— Мерзавец! — Он назвал фамилию.— Подлец, пришел сказать, что считает за лучшее не связываться с нами. И главное — теперь, когда знает все.

— Что же делать?

— Его надо вызвать еще раз и уничтожить.

— Но где?

— Хотя бы здесь!

Эмма похолодела от ужаса.

Прошло еще несколько дней. Эмма напряженно всматривалась во все происходящее и нетерпеливо ожидала возвращения отряда. Самое ужасное случилось вчера.

Еще утром она заметила тянущийся через весь лоб отчима большой шрам. Он сказал ей, что стукнулся о косяк двери, хотя она об этом его и не спрашивала. Эмма после обеда, как всегда, забралась с книгой на сеновал, который находился возле огорода, над большим сараем, заваленным разной рухлядью. Сначала читала, а потом незаметно для себя заснула. Проснулась она от знакомых голосов и, заглянув сверху, увидала отчима с братом позади кучи с ломаным железом; в сарае было полутемно, и она не сразу поняла, в чем дело.

Они увязывали что-то в рогожу.

Острая мысль мелькнула у нее в голове, и на минуту все поплыло перед глазами. Она теперь поняла все. Поняла, отчего у отчима был шрам, зачем на днях он отослал погостить на неделю к сестре на хутор ее мать и зачем ей навязал вчера билет в городской театр. Как во сне, помнила она, что они взвалили на телегу мешок и увезли его.

Она не спала всю ночь. И с огромным облегчением вздохнула, когда узнала, что сегодня отряд вернулся в Киев.

— Что же теперь делать? — закончила она.

— Эмма! — ответил Николай, заглядывая ей в лицо.— Завтра эта предательская игра будет прервана. А теперь скажи: ты любишь меня?

Она просто ответила:

— Ты знаешь!

— Ну вот! Обо мне ты тоже знаешь. Теперь тяжелое время. Думать о личном нельзя. Вырвать тебя из этого болота необходимо. Ты согласна?

— Да! Но...

— Никаких «но»! Я сегодня же переговорю с комиссаром, и мы что-нибудь устроим. А потом, когда уедем на фронт, ты отправишься в Москву, к моей матери... Мой отец коммунист, и он рад будет оказать тебе помощь, а моя мать все-таки приходится тебе теткой.

Пошли обратно. Несмотря на поздний час, на улицах было светло и людно. Повсюду мелькали огни кабачков, подвалов. Сквозь открытые окна доносились громкие звуки «Карапета», «Яблочка», еще чего-то.

Раньше были денежки, были и бумажки,—

доносился чей-то высокий ломающийся тенор,—

А теперь Россия ходит без рубашки...

Они дошли до белого домика. Расставаться не хотелось, но было уже поздно.

— Ну, до утра, дружок!

— До утра!

Пробило двенадцать. Николай торопливо зашагал к курсам.

Глава 17

Когда Владимир кончил мять в руках кусочек желтого воска, он направился по главному коридору корпуса, свернул два раза налево, один раз направо и очутился в полутемном углу, напротив квартиры Сорокина. Он приложил ухо к двери и прислушался — никого! Тогда он приложил восковой шарик к замочной скважине, осторожно вдавил его большим пальцем и извлек слепок. Потом проворно отскочил в темную нишу соседней заколоченной двери, потому что послышались тяжелые шаги. Показался Сорокин; щелкнув ключом, вошел в комнату и запер за собою дверь. Владимир осторожно, на цыпочках, пробрался мимо, а затем спустился в слесарную мастерскую, в подвал, и принялся за работу.

Он был сыном слесаря и часто помогал отцу. Через час сделанный по слепку ключ был готов, и Владимир полетел наверх, к Сергею:

— Готово...

Сергей зашел к Ботту, попросил увести Сорокина под каким-нибудь предлогом на час с курсов.

— Хорошо! — согласился тот.— Как раз кстати: нам нужно съездить с докладом о работе отрядов.

Когда увозивший их экипаж скрылся, Сергей и Владимир отправились в темный конец коридора, отперли дверь, заперлись изнутри и огляделись. Квартира состояла из двух хорошо обставленных комнат. Они

осторожно перерыли все ящики и полки, но ничего подозрительного не нашли.

Они уже собирались уходить, когда Сергей остановился в маленькой темной прихожей, возле заставленной умывальником, наглухо завинченной печки. Отодвинули, развинтили и открыли тяжелую дверку. В глаза сразу же бросились какие-то бумаги и письма.

— Ага! — сказал, просмотрев, Сергей.— Этого вполне достаточно. Сорокин у нас в руках.

И он положил все обратно.

Ночью пришел Николай и подробно передал товарищам рассказ Эммы. Сведений набралось больше чем достаточно. Решено было: Сорокина арестовать сейчас же, а об Агорском сообщить в Чека. Николай рассказал также Ботту о том, что сделала для них Эмма, и Ботт охотно согласился дать ей клубную работу на курсах. На первое время это было удачным разрешением вопроса. Теперь нужно было произвести арест.

Все четверо пошли в телефонную комнату. Сергей нажал кнопку аппарата, вызывая квартиру начальника. Через несколько минут послышался ответный гудок, а потом вопрос:

— Я слушаю! Кто у телефона?

— Дежурный по курсам. Вас просят по городскому от начальника гарнизона.

— Сейчас приду.

Вскоре послышались шаги, вошел Сорокин и направился к телефону.

— В чем дело?

— В том, что вы арестованы,— проговорил, подходя, Ботт.

А Владимир твердо положил руку на кобуру его револьвера.

Его отвели в полутемную камеру бывшего карцера

и к дверям и к окну выставили надежные посты. Всю ночь друзья не спали. Долго Ботт говорил с кем-то по телефону, потом отослал захваченные бумаги с верховым. Квартиру обыскали еще раз. Помимо всего, там нашли еще тщательно завернутую новенькую генеральскую форму и двадцать пар блестящих, вызолоченных на разные чины погонов.

Утром из генеральской квартиры ребята перетаскали лучшую мебель в небольшую светлую комнату возле коридора, занимаемого семьями комсостава. Вышло очень недурно.

— Это для Эммы.

Рано утром, с небольшою корзинкой, Эмма вышла из дома и направилась к роще. Там ее уже ожидал Николай.

— Ну, ты совсем?

— Совсем, Коля!

— Не жалко?

— Нет! — И она, обернувшись, посмотрела в сторону оставленного дома.— Уже не жалко.

Днем Укрчека арестовала обоих Агорских, при которых нашли много важных бумаг. Домик заперли и запечатали.

Глава 18

— Слушайте!

— Тише!

— Это ветер!

— Нет, какой ветер!

— Это орудия!

— Так тихо?

— Тихо, потому что далеко.

— Да... это орудия.

Курсанты высыпали на широкий плац, на крыльцо,

даже на крышу корпуса и внимательно вслушивались в чуть слышные колебания воздуха.

— Кто это может быть?

— Фронт еще далеко.

— Должно быть, кто-нибудь с зелеными дерется.

Дело красных войск на Украине уже было проиграно. Ежедневные сводки доносили о непрерывном продвижении противника. Уже потерян был Курск, Полтава, Житомир, Жмеринка. Враг подходил с тылу к Чернигову, и только Киев еще держался. Но вскоре суждено было пасть и ему, так как белое кольцо сжималось все у́же и у́же.

На фронтах, подавленные морально и технически, красноармейские части не могли стойко держаться. Не было возможности установить правильное сообщение и управление остатками частей. Провода прерывались; маршрутные поезда летели под откос или останавливались перед разобранными путями.

Шла спешная эвакуация. Вверх по Днепру то и дело отходили груженые баржи; возле пристани сотнями стояли заваленные подводы. Отправлять что-либо ценное поездами не было возможности из-за бандитизма. Даже баржи приходили к Гомелю с бортами, продырявленными пулями. Со всех сторон теперь, после жестоких боев, сюда подходили командные курсы Украины: Харьковские, Полтавские, Сумские, Екатеринославские, Черкасские и другие — всех родов оружия. Впоследствии они сорганизовались в «железную бригаду курсантов», которой и пришлось принять на плечи всю тяжесть двустороннего петлюро-деникинского удара.

Часто по синему небу скользили аэропланы. На земле тяжело пыхтящие бронепоезда, с погнутым осколками снарядов железом, срывались со станций и уносились на подкрепление частей фронта.

Буря надвигалась на Киев.

Начальника курсов расстреляли сами курсанты. Его обрюзгшее генеральское лицо не выражало ни особенного страха, ни растерянности, когда повели его к роще за корпус. Он усиленно сосал всю дорогу дорогую пенковую трубку и поминутно сплевывал на сухую, желтеющую траву. Когда его поставили возле толстой каменной стены у рощи, он окинул всех полным высокомерия взглядом. И в залпе потерялось его последнее слово:

— ...сволочи!

До производства старшего класса в красные командиры оставалось уже недолго. В цейхгауз уже привезли перешитое обмундирование. С неделю друзья прожили без особенных приключений и усиленно занимались.

Вечера проводили вместе. Часто заглядывала Эмма. Она горячо бралась за всякую работу. Со всеми у нее вскоре установились простые и дружеские отношения.

Сегодня они проболтали, гуляя, дольше обыкновенного, и она ушла от них около двенадцати.

— Да, ребята! — говорил задумчиво Сергей.— Сейчас вот мы сидим и болтаем. Хорошо, весело, в клубе, поглядите, что делается — только ну! А ведь недолго уж остается... Ведь если через месяц собрать всех и сделать перекличку, то многих не будет в строю.

— Скажи лучше, немногие останутся в строю.

Вызов телефона — певучий, мягкий. Сергей взял трубку. Говорил новый начальник курсов:

— Это вы, товарищ Горинов?

— Я.

— Зайдите на минутку. Комиссара нет, а комен-

дант города просит выслать человек сорок на усиление патрулей, так как возле города показались какие-то разъезды.

Сергей по городскому аппарату вызвал с совещания Ботта, и они всю ночь провели у телефонной трубки. Им сообщили, что стоящая возле Киева, в Броварах, коннноказачья бригада ненадежна.

Через два дня Петлюра внезапным ударом продвинулся за Фастов и очутился под самым Киевом. Это было для всех неожиданностью. Все предполагали, что красные части продержатся значительно дольше.

Нужно было во что бы то ни стало задержать хотя бы на время дальнейшее продвижение белых, потому что город совершенно не был эвакуирован. Срочно последовал приказ сегодня же произвести выпуск старших классов, а завтра к рассвету всей бригаде выступить на фронт. К одиннадцати часам утра сто пятьдесят одетых в новенькую форму красных командиров стояли на плацу. Произнесли торжественное обещание, прочли списки произведенных. На автомобиле подъехал наркомвоен Украины. Его лицо носило на себе отпечаток бессонных ночей и глубокой тревоги.

Поблагодарил от имени Советской Украины за геройскую работу. Высказал уверенность, что бригада курсантов с честью выполнит свою трудную задачу. Тепло попрощался.

На следующее утро бригада выступила. Возле широких дверей собралось много провожающих. Поминутно подъезжали конные ординарцы и мотоциклисты. Кругом, насколько хватал глаз, лентами подходили и останавливались серые батальоны.

Мягко переливаясь, с крыльца полились звуки сигнала «сбор».

Николай еще раз крепко стиснул маленькую руку Эммы:

— Ну, прощай! Всего хорошего, девочка. Будем бороться и надеяться.

Эмма оставалась пока в городе. Она должна была отправиться, вместе с семьями комсостава, с последней баржей в Гомель, а оттуда в Москву.

Она посмотрела на Николая, грустно улыбаясь:

— Прощай! Пиши, Коля... Я буду ждать...

— Эмма, вашу руку напоследок!

— Володя! Сережа!.. Прощайте! Спасибо вам за все. Мы снова все встретимся.

— Может быть! Привет России, Москве. Всего хорошего!

Они еще раз горячо пожали ей руку и торопливо бросились к своим местам.

Эмма тихо взошла на высокое каменное крыльцо, встала возле самого края, рукой придерживаясь за выступ окна. Всматриваясь, застыла безмолвно.

Повсюду кругом — поблескивающие штыки, пулеметные двуколки, орудия. Слышались слова четкой команды. Где-то далеко впереди заиграла музыка. Голова бригадной колонны тронулась в путь. Курсовой батальон минут около десяти стоял на месте. Потом раздалась резкая команда, тронулся и он. Вон Николай!.. Сережа... Владимир... Вскоре скрылись и они. Перед Эммой всё тянулись серые ленты.

Потом, громыхая, проскакала рысью запоздавшая артиллерия. И кругом стало пусто.

Эмма молча ушла в свою комнату. Села, задумавшись, на широкий кожаный диван. Долго крепилась. Не выдержала и, уткнувшись головой в подушку, горько-горько заплакала:

— Ушли!

Глава 19

Уже пятый день, как отбивается железная бригада,— отбивается и тает. Уже сменили, с боем, четыре позиции и только что отошли на пятую.

— Последняя, товарищи!

— Последняя! Дальше некуда!

Жгло напоследок августовское солнце, когда измученные и обливающиеся пóтом курсанты вливались в старые, поросшие травой, изгибающиеся окопы, вырытые под самым Киевом во времена германской оккупации.

— Вода есть? — еле ворочая пересохшим языком, спросил, подходя к Владимиру, покачивающийся от усталости Николай.

— На!

Прильнул истрескавшимися губами к горлышку алюминиевой фляги и долго, с жадностью тянул тепловатую водицу. Взвизгнув, шлепнулась о сухую глину шальная пуля и отскочила рикошетом в сторону, оставив облачко красноватой пыли.

— Осторожней! Стань за бруствер.

Чуткая тишина.

— Говорят, справа пластунов поставили.

— Много ли толку в пластунах? Два батальона.

Помолчали. Где-то далеко влево загудел броневик. Эхо разнеслось по притихшим полям.

— Гудит!

Шевельнул потихоньку головками отцветающего клевера ветер.

— Сережа! Пить хочешь?

— Давай!

Выпил все той же тепловатой, пресной воды. Отер рукавом со лба капли крупного пота. Долго смотрел

задумчиво в убегающую даль пожелтевших полей. Вздохнул тяжело:

— Стасин убит?

— Убит.

— А Кравченко?

— Тоже.

— Жалко Стасина!

— Всех жалко! Им ничего, а тем, которые ранеными поостались, плохо!

— Федорчук застрелился сам.

— Кто видел?

— Видели! Пуля ему попала в ногу. Приподнялся, махнул рукой товарищам и выстрелил себе в голову.

Жужжал по земле, над поблекшей травою, мохнатый шмель. Жужжал в глубине ослепительно яркого неба аэроплан.

Смерть чувствовалась близко-близко. И именно сейчас, когда все так безмолвно и тихо.

Жжзз-жжж!..

Та-х-та-бах...

— Вот она!

Та-х-та-баба-х...

— Вот!.. Вот она!

В грохоте смешались мысли, взрывы и время. Прямо перед глазами — цепь... другая. Быстрый, судорожный огонь.

— Ага, редеют!

Батарея...

— Наша! Отвечает!

Еще и еще цепи, еще и еще огонь. Окопы громятся чугуном и сталью. Нет ни управления, ни порядка. И бой идет в открытую, по полям.

— Врете, чертовы дети! Не подойдете!

— Врете, собачьи души! — кричит оставшийся с не-

сколькими номерами пулеметчик — и садит ленту за лентой в наступающих.

— Бросай винтовки! О-го-го! Бросай!

— Получай! Первую!.. Вторую!

С треском рвутся брошенные гранаты перед кучкой петлюровцев, нападающих на курсанта.

С гиканьем вырывается откуда-то эскадрон и падает тяжелым ударом в одну из первых рот.

— Смыкайся! — кричит Сергей. Его голос совершенно теряется среди шума и выстрелов.

Эскадрон успевает врубиться в какой-то оторвавшийся взвод, попадает под огонь пулеметов и мчится, теряя всадников, назад.

Бой близится к концу.

Пулеметчик с разбитой ногой уже остался один и, выпустив последнюю ленту, поднимает валяющийся карабин и стреляет в упор, разбивая короб «максима», с криком:

— Давитесь теперь, сволочи!

На фланге бронепоезд, отбиваясь, ревет и мечется. Его песня спета — полотно сзади разбито.

— Горинов, отходим! — кричит Сергею под самое ухо Ботт.— Бесполезно...

Справа петлюровцы забирали все глубже, глубже и густыми массами кидались на тоненькую цепь. Пластуны не выдержали и отступили.

— Кончено?

— Кончено, брат!

С хрипом пролетел и бухнулся почти рядом, вздымая клубы черной пыли и дыма, снаряд. Отброшенный, как пылинка, упал, но тотчас же вскочил невредимым Владимир. С разорванной на груди рубахой, шатаясь, поднялся Сержук. Шагнул к товарищам, упал с хлынувшей из горла кровью.

Влево на фланге что-то гулко ахнуло, заглушая трескотню ружейных выстрелов. Белое облако пара взвилось над взорванным броневиком.

Красные части отступали.

Вот беленькие домики окраин Киева. Здесь Петлюра и Деникин не нужны. В страхе перед надвигающейся напастью их обитатели попрятались по погребам и подвалам.

Беспорядочно и торопливо вливались остатки красных частей в город. Чем ближе они подвигались к центру, тем больше попадался на глаза торопящийся, снующий народ. Носились мотоциклеты, гудели автомобили, тянулись бесконечные обозы. Кучками, с узлами на плечах уходили какие-то люди.

— Это беженцы, рабочие! — пояснил кто-то.— Кто от деникинцев, кто от петлюровцев. Черт их знает, который захватит раньше город.

Шли не останавливаясь. Вот и бывшая обитель курсов. Молчал черными пятнами распахнутых окон покинутый корпус. Стройно, точно бессменные часовые, застыли рядами тополя вокруг безлюдного плаца. Скорей мимо и мимо — некогда...

Через окна и балконы высовывались лица буржуев, открыто выражавших свое удовольствие.

— Возрадовались! — доносилось по их адресу со стороны уходящих рабочих.

— Ну, погодите до следующего раза! Разочтемся!

С чердаков раздавались выстрелы по отступающим. Бухали колокола — где набатом, где пасхальным перезвоном.

Вот цепной мост. Не без труда трое друзей протиснулись к нему и, подхваченные людскою массою, стали продвигаться вперед.

Где-то на окраинах послышалась трескотня. По мосту тысячи человек текли сплошной рекой, плотно прижавшись друг к другу.

Возле Сергея автомобиль с попортившимся мотором, захваченный общим течением, продолжал безостановочно продвигаться. Огромный мост скрипел, дрожал, и казалось— вот-вот он рухнет в волны Днепра.

Наконец-то на другом берегу! Двинулись без передышки дальше — надо было торопиться. Миновали слободку и с шоссе свернули в Броварский лес. Было уже совсем темно. Сотни груженых подвод тащились по ночной корявой и загроможденной дороге.

Из города, раскатываясь гулким эхом, ахнул снаряд, потом другой, третий. Испуганные лошади шарахались в сторону, выламывая оглобли и выворачивая воза. В темноте то и дело попадались корзинки, тюки, ящики.

Повсюду, спотыкаясь, брели беженцы, курсанты, отбившиеся от частей красноармейцы. Головы сверлила мысль: «Потом!.. Все потом!.. А сейчас отдохнуть... спать!» Многие дремали на ходу, придерживаясь за оглоблю или перекладину телеги, и еле переставляли ноги. Некоторые присаживались у края дороги перевести дух и мгновенно засыпали. Через них шагали, об них спотыкались, но они ничего не чувствовали.

Это была реакция на бессонные ночи и огромное нервное напряжение последних дней.

Сергей с товарищами, возле отдыхающих остатков своей роты, стоял на высоком лесистом бугре, всматриваясь в сторону Киева.

— Ну, прощай, Украина! — сказал один.

— Прощай! — эхом повторили товарищи.

— Мы опять здесь будем!

— Будем!..

Далеко внизу черным блеском отсвечивал изгибаю-

щийся Днепр. По темному небу бродил бесшумно прожектор. Где-то на окраинах занималось зарево.

Точно последний, прощальный салют уходящим, ослепительно ярким блеском вдруг вспыхнуло небо. Потом могучий гул, точно залп сотен орудий, прокатился далеко по окрестностям. Еще и еще. Заметалась испуганная темная ночь. Судорожно вздрагивала земля.

Это рвались пороховые погреба оставленного города.

ЧАСТЬ II

Глава 1

РЕВОЛЮЦИЯ В ОПАСНОСТИ.

Красными молниями бил радиотелеграф.

РЕВОЛЮЦИЯ В ОПАСНОСТИ.

Огненными буквами кричали плакаты.

— Не сдадимся... выдержим... победим...

Московский пролетариат хоронил погибших товарищей, вырванных взрывом белогвардейской бомбы.

Многим думалось, что Советская Россия доживает последние дни.

Рабочий сказал, надевая патронташ:

— Нашу Москву... Наш Петроград... Нашу революцию...

— Подождешь!

Загудели срывающиеся с вокзалов и уносящиеся на фронт новые и новые эшелоны.

В Туле раздавались винтовки прямо из заводов.

Улицы Петрограда опутывались колючей проволокой.

Под Воронежем садился на крестьянскую сивку буденовец.

Останавливались отходившие части Красной Армии.

Возле больших карт агитпунктов и Роста стояли часами на осеннем холоду, с тревогой наблюдая за извивающимся черным шнурком. Замерла на картах неподвижно, зацепившись от Орла к Воронежу, тесемка. Умолкла антенна...

Потом разорвали залпы минутную тишину тысячеверстного фронта. И радостно бил радиотелеграф:

ВСЕМ... ВСЕМ... ВСЕМ... МЫ НАСТУПАЕМ.

...А черный шнурок на витринах Роста упал вниз, к югу.

Шлепнулась о колеса одинокой платформы первая пуля и с визгом умчалась в сторону.

По морозному, свежему воздуху резанул пулемет. Испуганно шарахнулась привязанная к желтой ограде лошадь. Из-за угла, низко пригнувшись к луке, вылетел казак-кубанец, за ним еще, еще.

Красные наступали.

Из-за маленького пустынного разъезда, из окружающих домиков бегом неслись в цепь пехотинцы. Ударил зачем-то набат, но тотчас же смолк небольшой станционный колокол. Снова резанул пулемет. Темными точками поднимались и падали под прицелом две перебегающие цепи. Нестройно звенел пулями воздух. Играя лучами отточенных шашек, упругим ядром рванулись с фланга кубанцы, но, запутавшись на полпути в жгучих нитях колючки, забрякались с маху через головы кони и всадники. Через минуту еще стремительней кубанцы летели назад, исчезая за холмами увядших полей.

У железнодорожного телефона офицер старался перекричать шум приближающейся перестрелки:

— Да. Слышу. Ну? Нет, нет. Куда там, к черту, удержимся... Отходим.

Задребезжало разбитое стекло. Белою пылью отскочила от стены штукатурка.

Бомбой влетел другой.

— Скорей! Скорей!.. Охватывают.

Снова звякнуло окошко. Бешено заметалась рикошетом пойманная пуля.

На ходу обернувшись, бахнул один из нагана по аппарату. Сразу оборвался дробный звонок.

Вырвали поводья из рук вестового казака. Вскочили на коней, ударили шпорами.

Но уже зарвался чуть ли не с тылу десяток красноармейцев. Заметили.

— Ого-го-го!.. Крой, братва!

Один сверкнул золочеными погонами и грохнулся с разбитым черепом возле покосившегося крылечка.

— Сковырнулся... Сволочь.

Утихала стрельба. Перекатывались эхом приближающиеся крики. Белые отступали. Громыхая, промчались на окраины двуколки с пулеметами. Смыкались и подходили разбросанные далеко в стороны, запыхавшиеся от быстрого бега цепи. Наткнувшись на убитого офицера, остановились двое.

— Глянь-ка! Прапорщика убили,— захлебываясь от удовольствия, проговорил тот, что был помоложе.— Ловко это его!

— «Пра-апорщика»! Эх ты, Рязань косопузая, али по погону не видишь, что подпоручика.

— Ну, пущай подпоручика,— ответил несколько смущенно тот.— Я при погонах-то не служивал.

— Сапоги хорошие.

— Не сымай, спросить надо.

— Ишь ловкий! Пока я спрашиваться побегу, ты сам снимешь.

Вечерело. Умолкли и последние одинокие выстрелы.

К поповскому дому, в котором расположился штаб, разматывали провод полевого телефона.

Прискакал конный ординарец и передал приказание — на разъезде закрепиться и вести разведку.

Разъезд был маленький, домиков стояло совсем немного. Далеко не всем пришлось разместиться под крышами. На сыроватых лужайках загорелись костры, и насели, как грибы, котелки с кипятком.

Шинелишки в тот год были худые, ботинки рваные, а осень холодная. Зато кипяток горячий и живительный.

Вылез из красноармейского мешка оставленный к вечеру кусок черного хлеба. У некоторых экономных счастливцев даже тщательно завернутый в тряпочку огрызок сахара. «Чай», подернутый оставшимся на стенках котелка от обеда салом и заваренный пережженной коркой, сильно пахнул дымом. Его пили с наслаждением, причмокивая и больно обжигая губы об алюминиевые и жестяные кружки.

Разговаривали кучками.

— Оставьте полчашечки,— подошел к одной группе красноармеец.

— «Полчашечки»... — протянул насмешливо другой.— Чего сам не скипятишь?

— Поставить некуда.

— Нету, брат, нас и так четверо... Катись колбасой.— И он продолжал прерванный рассказ: — Да. И такое у него вышло дело — полушубок на нем был теплый, дубленый, валенки хорошие, подшитые. А как попался, совсем невзначай. Случай такой вышел. Казаки разговаривают промеж собой, один спрашивает: «Зачем его в штаб вести, одёжа хорошая, давай здесь

утопим». Другой соглашается: «Давай, мол». А лед в те поры толстый был. Подвели это его к проруби и говорят... Эй, эй, ты чего из-под моего котелка огонь удвигаешь? — рассерженно закричал рассказчик, заметив, что кто-то втихомолку орудует у костра.— Смотри-ка, все уголья повыгреб. Ишь, лень самому нащипать, черту... Да. Подвели это они его к проруби и велят: «Раздевайся, скидавай полушубок». А он спрашивает: «Сволочь вы белая, а хрена с маслом не хотите?» И прыгнул сам в прорубь, только его и видели.

— С валенками?

— Со всем, как есть.

Помолчали с минутку красноармейцы... Задумались.

— Дак ведь ему все равно — и так и так конец был бы.

— Нет, уж это ты оставь.

— Тоже конец концу рознь бывает... Да...

Холодный ветер играл углями потухающих костров. Мерно хрустели овсом лошади. Усталость брала свое. Засыпали, тесно сбившись для тепла кучками, винтовку приладив сбоку под живот.

У поповского дома ламповым светом желтели окошки. Там работали. То и дело пел монотонно аппарат. Борющийся со сном телефонист вскакивал, передавая трубку:

— Товарищ командир! Из штаба бригады.

Только что сообщили, что слева у дивизии белые снова перешли в наступление.

В стеклянном шкафу от тяжелых шагов по заплеванному полу чуть дребезжала посуда. Колыхались подвешенные на тесемочках херувимчики с белоснежными крыльями и сусальным золотом раскрашенные писанки. Мерно — точно маятники.

Коротко, твердо командир приказал:

— Дежурный! Сторожевым заставам и полевым караулам не спать, сам проверять буду.

— Не спят, товарищ командир.

— А сейчас пришлите ко мне начальника пешей разведки Горинова.

Глава 2

Опять втроем и вместе.

Шесть дней отступали тогда остатки разбитой бригады с Украины проселочными, лесными, болотными дорогами к Гомелю.

Жгло напоследок сентябрьское солнце. Чуть-чуть шумели желтеющие леса. Неторопливо колыхались упругими стеклянно-зеленоватыми волнами Днепр и Десна. Переходы курсанты делали большие, верст по 40—50. Выступали, едва брезжил рассвет, и шли до ночи. От земли пахло сеном, яблоками, спелыми дынями и осенью. Неподвижно висели в ослепительной глубине коршуны. И каркали сверху — точно нехотя — редко и глухо.

Кругом бродили мелкие шайки, охотились за отстающими, но на целые партии нападать не решались. Проходя через одну из деревушек, узнали случайно, что кулаки отправили депутацию к Петлюре.

На четвертый день, утомленные, остановились передохнуть на день. С рассветом тронулись дальше.

Остаток пути в 70 верст прошли бодрее, иногда даже в ногу и с песнями. Песни были громкие, веселые и, перекатываясь, будили улицы вымерших деревень. Мужики качали с удивлением головами:

— Ишь ты! Язви их — распевают.

Вечерело, когда измученные остатки бригады курсантов подходили к городу.

Белым серебром отсвечивали утонувшие в темной зелени купола церквей и стены чистеньких домиков Гомеля.

У Сергея сочились капли крови из растертых ног. Еле ступал Николай.

В эту ночь курсанты спокойно спали по казармам и по квартирам.

На другой день Николай узнал, что баржа с семьями комсостава, на которой была Эмма, прибыла сюда еще две недели назад, вся продырявленная пулями белобандитов, но без потерь.

Сразу вздохнулось легче.

Недолго простояла бригада. Через два или три дня ее отправили для расформирования в маленькое местечко Черниговской губернии — Городню... Здесь друзья ничего не делали. Отдыхали среди увядающей природы. Крепко спали свежими осенними ночами, зарывшись в мягкое сено, под темным, мерцающим звездами небом. Старались ни о чем не думать и не вспоминать, набирая сил. Через две недели разъезжались в разные стороны остатки славной бригады. Уезжали партии под осажденный Петроград, на польский и деникинский фронты. Прощался с друзьями Ботт. Он уезжал в одну, они трое — в другую сторону. Крепко сжимались их руки напоследок.

Задымились уносящиеся паровозы. Открылись семафоры к югу, к западу и к северу.

От командира полка Сергей вернулся озабоченный. Вошел в избу, переполненную спящими вповалку красноармейцами, и дернул Николая за рукав:

— Вставай, Колька!

— Чего там?

— Вставай, дело есть.

— Встаю... Эх, Сережка! Сон я какой видел, а ты перебил.

— В другой раз досмотришь.

На крыльце им повстречался Владимир, за которым уже посылали.

— Вот что, ребята. В разведку! Одну в Волчанку, другую в Овражки. Слева белые, а у нас что-то больно тихо.

— В Волчанку? — переспросил Владимир.— Ведь это верст пять будет.

— Ничего не поделаешь, тут уже с уставом считаться не приходится. Сам знаешь, при полку кавалерии двадцать человек.

— А Овражки где?

— Там же, только правее немного. Маленькая деревушка возле леса.

— Экая темнота,— ворчал Николай, отходя с отрядом.

— Темнота, брат, для разведчика первое дело.

— Первое-то оно первое, да только глаза-то у кошки занимать придется.

— Кто идет? — негромко ответили из-за кустов.

— Свои.

— Пропуск!

— Броневик.

— А рота какая?

— Разведка.

— Проходи.

За линией сторожевого охранения отряд разделился.

— Ну, Николай, смотри. В случае чего, держи к нам.

— Ладно. Прощайте.

— Прощай.

Глава 3

Сквозь голубые окна в облачном небе бросало солнце серебристые пятна на голые поля увядшей земли. Бледно-зеленым холодным светом играли прозрачные дали. К безлюдной деревушке осторожно подходила небольшая разведка.

На единственной улице ничего подозрительного дозорные не заметили. У колодца баба ведрами черпала воду. Бегал с хворостиной, загоняя жеребенка, мальчишка. Старик засыпáл лопатой завалинку возле покосившейся избушки.

— Эй! — крикнул, показываясь из-за овинов, дозорный.— Эй, тетка, были здесь?..

Но баба, не дослушав вопроса, бросив ведра, шарахнулась в сторону как полоумная. Испуганно попятился задом старый дед. Распахнулось на мгновение маленькое окошко.

— Ва-аська... Ва-аська... Бе-ги-и!..

Васька скрылся уже где-то под воротами. Исчез старик. Улица вымерла. И только стоял, удивленно подняв голову, жеребенок.

— Боятся.

— Думают — белые.

— Спросить, однако ж, нужно.

— Зайдем в хату.

— Хозяин... хозяин! Выдь на минутку.

Молчание.

— Выдь на минутку. Не бойся, мы красные.

Молчание.

— Не верят.

— А ты постучи в другую избу. Может, тут и всамделе нет никого.

У другой избы то же самое.

— Эх, до чего народ довели! Не иначе, через забор лезть придется.

— Ну, лезь. Гоп!

Отперли калитку, вошли в сени, распахнули дверь в хату.

— Здорово, хозяева. Чего боитесь?

Лежала на широкой кровати баба, дергалась всем телом, уткнувшись головой в полушубок. Плакала.

Маленькие полуголые ребятишки крикнули испуганно и жалобно заскулили из груды тряпья.

— Чего плачете... Испугались? Не тронем. Мы красные.

Приподняла чуть-чуть голову, окинула недоверчивым взглядом пришельцев, хотела что-то сказать и молча задергалась снова.

— Чего-то она надрывается?

— Мужика у ей севодни убили... Белые... — послышался старческий, шамкающий голос. Дозорные разглядели в полутемном углу на широкой лавке дряхлую, сгорбленную старуху.— ...Сына моего, значит... Утром... Белые...

Тихо забормотала что-то непонятное себе под нос.

Тикал за печкой сверчок: тик-так... тик-так. Плакал бесслезно, врываясь в щелястые окна, осенний ветер.

Вышли на улицу. Ядро разведки уже вливалось в деревеньку. По-видимому, крестьяне убедились, что пришли красные, потому что мужики бегали из избы к избе. Раскрывались окна.

Стрелой вылетел прежний мальчишка и стучал хворостиной в окошко:

— Мамка! Мамка! Отворяй! Товарищи пришли.

Мужики окружили подошедшего Николая и торопливо предупреждали:

— Белые были. Казаки.

— Недавно на Артемкино ускакали.

— Сорок человек.

Вьюном вертелся под ногами Васька.

— Пулемет тоже был. За спиной возють, у нас останавливался.

Появились бабы, повыскакали ребятишки. Кучка вокруг красноармейцев росла.

— Ну, а поблизости не слыхать где? — спросил Николай.

— Какое там не слыхать!

— Как собак полно.

— Вчерашний день ваши на Алешкином разъезде с ними схватились.

— Федор вчера из Артемкина пробрался, говорит — человек тридцать ихних товарищи побили.

— А где он? Давайте-ка его сюда.— Николай обрадовался возможности получить верные сведения.

— Его тут нету. У его возле леску хатенка стоит. Кордонный он.

— Далеко?

— С версту. Послать можно, когда надо.

— Пошлите, да поживей.

— Пущай, начальник-ат, солдат-то по домам,— говорил Николаю старик.— Пущай покушают.— Тянул к себе за рукав двух красноармейцев: — Пойдемка... Ах ты, господи боже ты мой, какое дело... сколько дожидались-то.

Кто-то командовал, распоряжаясь добровольной охраной:

— Петро! Ты беги к поскотине, на бугре станешь. А ты, Лешка, лезай на Егорову избу, мотри на Наземову дорогу. Да не зевайте!

— Усмотрим.

Довольные важностью возложенного на них поручения, пулей понеслись на свои места.

Николай пошел в хату. Там уже суетились, накрывая на стол, хозяева.

— Пожалуйста, пожалуйста, командир! Закусывай уж чего есть.

Придвигали сковороду с горячей, вкусно пахнущей яичницей.

— Угостили бы чем получше, да всё пообожрали, проклятущие. Не то чтобы там петуха или курицу — цыпленка на дворе ни одного не оставили.

Набилась полная изба народа. Говорили почти все разом.

— Никакого житья нету.

— Порют казаки нагайками.

— Солдаты шомполами.

— Мало што еще порют. Убили еще мужика у Агафьи.

— Застрелил офицер из нагану.

— За что?

— Ребятишки у ее. Схоронила крынку с молоком, а казак нашел. Мужик вступился. Не с голоду же, говорит, из-за вас ребятишкам подыхать. Тот его винтовкой хотел вдарить.

— Не хотел — вдарил, а другой намахнулся.

— Ну, в другой намахнулся, он и схватился за приклад-то.

— Отвел рукой от удара.

— Избил казак и к офицеру приволок. Хотел, говорит, винтовку мою отнять.

— И мужик смирный был. На што она ему?

— Ну, а офицер,— известное дело! Вынул наган да и бахнул.

— Ребятишек трое осталось.

Не было ни одного, кого бы не задели белые. Того начисто ограбили, другого вспороли, у третьего хлебом лошадей кормили, у четвертого с бабой охально обошлись — и так без конца.

Старик тревожно спросил вдруг Николая:

— А вы что же, товарищи, других дожидать будете али в разведку?

— В разведку.

Сразу оживленные голоса умолкли. Тяжело вздохнула изба.

— Так, может, не скоро ваши будут?

— Как — не скоро! Наши скоро в Курске будут, а не только у вас.

— Измучились. Деревенька маленькая, кругом овраги. Напускаются на нас чуть што. «Ах, такие-сякие. Красных ждете, пролетария голодраная». А мы, конешно, ждем... Раньше когда — не ждали, а теперь во как ждем...

— Раньше не ждали,— понуро опустив голову, как эхо, повторил опирающийся на палку старик.— А теперь конешно.

В дверях послышался шум. Вошел новый человек.

— Вот и Федор.

— Этот самый?

Подошел к Николаю крепкий, не старый крестьянин и поздоровался левой рукой:

— Здравствуйте. Пришли-таки?

— Пришли,— ответил Николай.

— Я говорил, что все равно придут,— мотнул головой на окружающих.— Моя правда вышла.

— Ну, рассказывай, что в Артемкине... Как они тебя оттуда выпустили?

— А так! Инвалид я, одну руку в германскую еще отхватило. Ну, и пропустили, особливо когда увида-

ли в документе, что два креста за царскую войну имею.

— Много их там?

— Да полка два было.

— А сейчас?

— Сейчас нету. Ушли все по Сосновской дороге. А куда свернут — не знаю: может, на Сосновку, может, на разъезд.

Николай встал и пошел к выходу. Высыпали мужики.

— Уходят товарищи...

— Ничего, теперь скоро придем. Заживете спокойно.

— Не верится ажно.

Приложил свисток к губам и острой струей пронизал воздух. Сбегались красноармейцы.

— Эй, там, быстро! — кричал отдельным запоздавшим кучкам.

— Набили брюхо молоком-то, черти!

— Все, что ли? Становись!.. Смирно!

Стихло все. Умолкла толпа, точно команда относилась и к ней. Притихли любопытные ребятишки. Тревожно рванул поверху ветер. Вздрогнула, настороживши сь, деревня.

— Товарищи!.. Орудия...

— Ваши дерутся!

— Да. Это возле разъезда бой. Ого, как грохочут трехдюймовки!

— Шагом марш!

Мужики кланялись, снимали шапки. Стояли плотной, неподвижной кучей.

— Счастлива-ва! Приходите, товарищи!

Сумрак падал на землю. Хмурилось. Снова стояла одинокая, покинутая деревушка.

Глава 4

В полуверсте от Волчанки глубокий, заросший кустами овраг прорезал зеленеющие озимями поля. Дальше расстилалось гладкое, совершенно не пригодное для продвижения разведки поле.

Первый разведчик, взобравшийся на край оврага, едва-едва успел оглянуться, как упал точно подкошенный, распластавшись на мягкой, разрыхленной земле. Пятясь задом, отполз немного и скатился кубарем по склону вниз.

— Что там такое?

— Тсс!.. Тише!.. Казаки.

Ёкнуло сразу сердце.

— По кустам,— приказал Сергей.— Да смотрите, чтобы, кроме наблюдателей, никто ни гугу.

Пробрался наверх, к тому месту, где густыми клоками колыхалась засохшая полынь, чуть-чуть поднял голову. На краю деревушки, привязанные к плетню, стояли три оседланные лошади. Рядом ходил человек. Казачий пост.

— Чуть не напоролись!

— Узнать надо, много ли их.

— Ладонь, а не поле.

— Смотри-ка — еще!

Откуда-то подошли еще двое; все вскочили в седла и унеслись назад по улице.

«Вот тебе и раз! А кто на посту остался?» — подумал удивленный Сергей.

Легкий свист снизу донесся до его слуха. Позади засохшего куста с коричневыми листьями лежали два наблюдателя, внимательно во что-то всматривались и махали ему рукой.

— Смотри, командир!

Длинной лентой из другого конца деревни тянулись белые батальоны. Легкою рысью вылетели взводы казачьей сотни, направляясь на ту дорогу, по которой пришла разведка.

— Слушай. Да они на разъезд! Нужно скорее влево, обогнать их.

— Смотри, что делают!

Вышедший на ровную дорогу первый батальон распался на три части, и в то время, когда одна пошла прямо, две другие полуоборотом забирали в стороны, а казачьи разъезды замелькали уже впереди линии.

— Ничего! Бегом понизу, заберем левее. Обгоним!

Через минуту все тридцать человек неслись по неровному, кочковатому оврагу, спотыкались, падали и жарили опять.

Быстрый бег разогнал тревожное настроение.

— Эй, взводный, мы при полку заместо кавалерии, что ли?

— Смотри-ка, у Гаврилова подкова отлетела,— другой показывал на красноармейца, державшего в руках оторванную подметку.

— Тут и у всех поотлетят, когда на веревках подвязаны.

Клокотали паровозами легкие. Слипались пересохшие рты.

— Командир... Отдохнуть!

— Ладно! Дома отдохнешь... Крой дальше, ребята!

Осталась влево, но еще далеко впереди, крайняя рота. Кончался овраг, и прикрываемые холмистой местностью разведчики неслись наперерез.

— Крой!..

Но, споткнувшись, отряд остановился разом. Бахнул впереди орудийный залп. Еще и еще. Глухо раска-

тываясь, поползли по сумрачно-серым полям отзвуки сильного боя.

— Не успели.

Сергей покачал головой:

— Нет, ребята! Это не то. Это наступают на разъезд с востока.

...Дальше через рощу. Шуршали под ногами листья, трещали сучья, больно хлестали по лицу ветки. Теперь уже можно было слышать, как к орудийным взрывам присоединился нестройный, но беспрерывный треск ружейных выстрелов.

Еще несколько минут торопливого бега. Умолкли батареи разом. Заглушая трескотню еще далеких выстрелов, мелкой дробью застрекотали пулеметы.

Но смолкли скоро и они. Стало тихо.

— Сергей?

— Что?

— Стой!

— Ну?

— Куда мы?

— На разъезд. К нашим.

— Слышишь, как тихо?

— Бой кончился, вот и тихо.

— Кончился, да в чью сторону? Может быть, наших-то там нет. Сами белым в руки влопаемся.

— Стой!

Остановились на небольшой полянке, облитые пóтом.

— Что делать?

— Узнать надо, кто там.

Положение было не из важных. Вернее всего, что заняли Алешино белые. И Сергей сказал, подумав:

— Вот что, ребята. Ждать до темноты недолго. К ночи сделаем разведку, а пока раскладывайся здесь.

Красноармейцы расположились на мягких опавших листьях. По верхушкам обнаженных деревьев гулял холодный ветер и шумел ветвями. Старая береза скрипела тягуче, и сквозь ажур ее тонких веток виднелось сумрачное небо.

С целью выяснить положение отряда относительно разъезда Сергей выслал несколько человек, с тем чтобы те осмотрели прилегающую местность. Минут через двадцать посланные вернулись и доложили, что они наткнулись на отряд Николая и он сейчас подходит сюда. И в самом деле, уже услыхали шум на дозорном посту.

— Встревожили вы нас здорово,— говорил Николай смеясь.— Мы думали, не белые ли топают. Я уж несколько дозоров в стороны послал.

Теперь разведчики почувствовали себя намного лучше. Они были снова все вместе. Донимал только голод.

— Я знаю, что сделать,— сказал Николай.— Я пошлю несколько человек в Овражки. Если там нет белых, то они соберут чего-нибудь.

Послали. До света надо было управиться.

— Пробираться к своим надо.

— Где их найдешь?

— Найдем где-нибудь...

Глава 5

«Я получила твое второе письмо,— писала Эмма.— Первое было послано из Гомеля, второе из Севска, но ответить могу только теперь, когда узнала твой полковой адрес. С чего начать — не знаю. Слишком много накопилось всего. Ну ладно, начну с самого начала. Тогда, через день после того, как вы ушли, к вечеру мы

отправились на барже из Киева. Еще днем нам привезли первых раненых из вашей бригады. Среди них я встретила Кудряшева. Ему осколком разбило правое плечо. Он был в сознании и рассказал мне, что видел тебя в последний раз перед началом боя под Бояркой.

Тяжело было уезжать, Коля. Тяжело и больно. У борта баржи нам был слышен беспрерывный гул уже подошедшего близко к городу фронта. Мать одного из курсантов (Лебедева, он был у вас во второй роте) еще на берегу, как раз перед самым отправлением, узнала от кого-то о его смерти. Остальные не знали ничего.

Я долго крепилась, но, когда загудел наш пароход и мы тихо отчалили, я не выдержала и горько, как маленькая, расплакалась. Да и не я одна, а многие — кто открыто, кто про себя. Ведь почти у каждого там остался кто-нибудь. Потом скрылись белые домики города и умолкли отзвуки выстрелов. Ночью в стороне бродил прожектор. Чей — не знаю. Но видно было, как разрезал его яркий свет на части темное небо. Настроение у всех было тревожное. Мимо нас, играя огнями, промчался какой-то вооруженный пароход. Промчался, не останавливаясь, но его матросы кричали нам на ходу что-то. Что именно — никто как следует не разобрал,— вернее, понял каждый по-своему. Одни решили, что впереди зеленые; другие говорили, что надо потушить огни. И откуда-то поползли вдруг тревожные слухи, что ехать, собственно, некуда, потому что Гомель занят белыми. Однако мы подвигались потихоньку вперед. Я плохо спала эту ночь. Утром, когда только что еще рассвело, я уже сидела наверху.

Я долго думала, вспоминая все, что так странно и так быстро промелькнуло за последнее время в Киеве. Никогда я не забуду, должно быть, его. Я только хоте-

ла приподняться, как вдруг с берега хлопнул выстрел. Я отскочила в сторону. Видно было, как какой-то всадник, приставив руки к губам, кричал что-то — по-видимому, приказывал остановиться. Пароход с баржей, конечно,— на другую сторону. Прибавили ходу. Тут начался настоящий хаос. С берега стреляли, пули дырявили стенки.

Ты знаешь, у нас было много женщин; перепугались все страшно, некоторые едва не повыбрасывались в воду. Но, к счастью, все остались целы. Больше на нас так не обрушивались, но одиночные выстрелы провожали нас чуть ли не всю дорогу, так что у меня создалось впечатление, что все берега Днепра кишат бандитами. Должно быть, это и было так.

Один раз мы остановились возле какой-то маленькой пристани. Там нам сказали, что сообщения с городом нет уже третий день из-за того, что перерезаны провода, а также, что вчера высланный из Гомеля пароходик высадил верстах в пяти нечто вроде десанта, человек около ста, а те схватились сегодня с шайкой какого-то Чибиряка.

По дороге Кудряшев умер. От загрязненной землей раны открылся столбняк. Мучился страшно. Но до самой смерти был в полном сознании. Еще только за несколько часов до конца, в минуту временного облегчения, он говорил мне: «Петлюра может радоваться — я последний». Я не совсем поняла его, но мне пояснили. Брат его был повешен гайдамаками; отец и мать убиты при налете на их хутор банды — за то, что он был курсантом. А теперь умер и он сам. Я в первый раз видела, Коля, как умирает человек.

К городу мы подплывали на рассвете, измученные нравственно и издерганные. Твои родители встретили меня очень хорошо, в особенности тетя. Всегда много

разговоров и расспросов о тебе. Ругают за то, что мало пишешь.

Теперь я здесь, а ты далеко на фронте. Ясно решить, что я буду делать, еще не могу. Однако чувствую, что должна что-то делать. Мне хочется работать, мне хотелось бы, чтобы моя работа была горячая и увлекающая и хоть сколько-нибудь похожа на нашу киевскую. Но в здешней обстановке придется, конечно, довольствоваться той, какая есть...»

Здесь в письме следовал перерыв, и начато оно было двумя днями позже.

«Коля! — писала Эмма.— Коля, неужели правда — все кончено, неужели наше проиграно? Я говорю н а ш е и хотя еще для него ничего не сделала, но верю, что сделаю еще. Неужели они победят? Недавно только сдали наши Воронеж, а сегодня заняли белые Орел. Так близко от Москвы. Мне все-таки не верится, хотя кругом много шепчут. Мне кажется, что армия сдержит удар, как бы тяжел он ни был.

Я пишу тебе... А может быть, тебя уже и нет? Я знаю, что ты на это скажешь. То же самое, что на окошке перед отъездом. За это я тебя еще больше ценю. А все-таки тяжело. Может быть, в этом и нет логики.

Прощай! Пиши, когда будет время. Сереже и Владимиру мой теплый привет.

Эмма»

Глава 6

Ночью за краем деревушки, под черным голым кустом и призрачной березой, две тени — часовой и подчасок.

Ходит часовой Стась, прячет шею в поднятый воротник. Ходит по натоптанной тропе и ругается:

— Пес бы побрал командиров наших! Виданы ли дела, чуть што — разведчиков на посты посылать, точно и без того работы мало.

Прислонившись к стволу березы, подчасок неторопливо отвечал:

— Правда, брат. Холера их возьми! Конешно, правда. А только ведь людей в полку не хватает...

— «Не хватает»! Тебе, чертова кукла, хорошо разговаривать! — Он с завистью посмотрел на овчинный тулуп и теплые валенки, которыми снабдил того хозяин.— Тебе хорошо!.. А меня цыганский пот прошибает.

Шинелишка на нем в самом деле была плохонькая, короткая; ботинки одеревенели, обледеневшие подошвы не гнулись.

— Ну скажи пожалуйста! Кака к хренам война! Германскую с самого начала до конца отбубнил, а такого никогда не видал. Ни тебе обмундировки, ни жратья... Кака, к черту, война?

— Самая, брат, настоящая! Ты возьми, к примеру, пленного раньше поймали. Что тебе? Ни холодно, ни горячо. Посмотришь для интересу — человек как человек. А ну-ка, теперь захвати казака или офицера. Так бы ему глотку перервал! А уж сам попадешься — держись только, с живого шкуру спустят.

Помолчали немного.

— Давай закурим, что ли?

— Давай!

Окоченевшие руки слушались совсем плохо, и бумага с табаком не свертывалась. Когда свернули, присели на корточки, зажгли под полой шинели спичку и, спрятавши цигарки в рукава, курили долго, с наслаждением.

— Крепок у тебя табак-то, слезу прошибает.

— Крепок. Хозяин горсти две в кисет насыпал. Добрый мужик!

— Все они теперь добрые. Их нынче...

— Смотри! Белые!

Далеко впереди, на фоне чистого голубоватого снега, показались приближающиеся точки — человек 15—20.

— Беги в команду... Пулемет пускай тащат... Скорее только!

Сбросив шубу, что было духу пустился подчасок к одной из крайних хат.

Сергей только собирался растянуться отдохнуть на соломе, как влетел подчасок с криком:

— Скорей! Белые!

— Встать живо!

Разом опустела изба, и через пять минут взвод разведки был рассыпан по окраине, а пулемет притаился на снегу.

— Сергей,— спросил, подбегая, Владимир,— а мне своих людей не выводить?

— Не надо!.. «Дураки! — подумал он, вглядываясь перед собой.— Прут кучей. Все под пулеметом будут».

— Поглядите-ка! Ровно что-то тащат,— заметил кто-то.— Вон в середке.

— Должно, кольта.

— На што разведке кольт?

Видно было, как все остановились, только два, отделившись, пошли вперед по дороге.

— Дозор, должно быть.

Но, по-видимому, это не были дозорные. Шли они торопливо, ни во что не всматриваясь. Затем с полдороги один снял шапку и, надев ее на винтовку, пошел, размахивая ею на ходу.

— Уж не наши ли?

Сергей приказал никому не стрелять — на всякий случай.

А те все ближе.

— Стой! — окрикнули их из цепи.— Стой! Кто такие?..

— Товарищи! — раздался радостный и неуверенный крик. И оба, бросив винтовки, побежали вперед.— Товарищи, не стреляйте! Мы перебежчики.

Через минуту Сергей расспрашивал их:

— Откуда? Сколько вас?

— Шестнадцать нас!

— Один раненый.

— Зовите остальных. На полдороге отсюда, вон у той березы, винтовки всем побросать. Кройте!

Оба парламентера бегом бросились назад.

— Не подвели бы! — усомнился кто-то.— Может, у них заместо раненого «максимка». Как полыхнут!

— Не подведут! Слыхал, винтовки бросать будут.

С любопытством смотрели красноармейцы. Совсем уже близко, возле невысокого дерева у дороги, все остановились и побросали винтовки далеко в стороны.

— Вот дурачье-то! Хоть бы в кучу сложили. Кто за ними подбирать будет?

— Подберут.

Четверо тащили раненого на руках. Он тихо стонал, и рука его, опущенная вниз, болталась точно плеть.

— Отделенный наш.

— Через него и побегли. Ему же и первая пуля попала.

— Скорей в тепло тащить надо.

— Фельдшера позвать.

Кучею входят в деревню.

— Заходи сюда! — крикнул Сергей.— Здесь изба просторная.

— Легче! Эй, там... Не с бревном, чай!
— Клади под голову.
— Шинельку.
— Полушубок давай.
Вскоре пришел фельдшер и окрикнул сердито:
— А ну, выметайся из избы, нечего смотреть!
Через полчаса раненый пришел в себя. Он тусклыми глазами посмотрел вокруг и спросил негромко:
— Пришли все?
— Все! Все! — ответил ему комиссар полка, стоявший рядом.— Не беспокойся.
— Хорошо...— ответил раненый совсем тихо. И, закрыв глаза, лежал долго-долго.
— Не надо беспокоить его,— сказал доктор, ощупывая пульс.— Он выживет, но его нельзя беспокоить.
Комиссар, невысокий, худощавый, из питерских литейщиков, вместе с Сергеем и комбатом вышли на двор.
— Как его ранили?
— А я сам толком не знаю. Слышал, что сагитировал их бежать и при побеге был ранен из заставы.
— Пойдемте к ним.
— Опрос сняли?
— Сняли,— ответил, прощаясь, комбат.— Я посылал.
Вошли в избу. При их появлении разговор смолк.
— Здравствуйте, товарищи! — сказал комиссар просто.— Садитесь, чего вы?
Разговор сначала не клеился. Перебежчики отвечали односложно и не могли попасть в тон незнакомой им среды. Но чем дальше, тем больше оживлялись и начинали говорить непринужденно.
— Как кормили вас? Порции хорошие? — спросил комиссар.— Так и у нас не разъешься.

— Порции... Шомполами по спине! — ответил ему кто-то сзади.

И, взглянув, комиссар встретился глазами с хмурыми, умными глазами невысокого солдата.

Желая оттолкнуть обидное подозрение, заговорили разом.

— Им своя дорога, нам своя!

— Мы за товарищей!

— Вы говорите — своя. Идет же за ними наш брат.

— «Идет»! А как идет? — усмехнувшись, выступил вперед хмурый солдат.— Кто не был, не знает. Казаки идут! Офицеры идут, верно! А крестьян силком посогнали да пулеметами позаперли.

— Страхом держатся!

— Возьмите нас, к примеру. Нам белые хуже черта. А и то сколько отделенный нас сманивал, сколько объяснял — боялись все.

— Верно! Верно! — качали головами остальные.

— Нэ треба нам их, щоб воны сказылыся! — прибавил пожилой хохол.— Я ж внучат вже маю, а воны мене по спине плетюгами.

— Отделенный наш казак сам, а вот сбивал. Не любил своих. Давно нас уговаривал, да не решались толком-то все, боязно. Только сегодня с утра сказал напоследок: «Как хотите... не пойдете, я один уйду». Ну, когда такое дело, собрались, пошли. Проходим заставу, а, на беду, ротный едет, посты проверял. Сметил, видно, в чем дело. «Какая такая разведка, а ну, кругом марш!» А он повернулся да как бахнет в ротного — так и ссадил. Ну, мы тогда бежать, конешно.

— Караул стрельбу поднял.

— Мы тоже стреляли, как бегли. Возле бугра отделенный заложил обойму, хотел еще стрелять, упал и говорит: «Не бросайте меня, ребята, плохо мне будет».

— Мы и понесли.

— Крови много вышло.

— Так покуда был в памяти, все до красных просил донести...

Долго еще говорили комиссар и Сергей с перебежчиками. Узнали много интересного.

— Боятся еще казаки теперь Буденного. Говорят, каторжник выпущенный, насажал свою братию на коней и орудует.

— Ээ! — усмехнулся Сергей.— Как же им не стыдно от каторжников бегать!

Перед уходом комиссар сказал, что с завтрашнего дня все прибывшие зачисляются в полк.

— Перекрасили, значит, без краски.

— Ничего! — говорил, уходя, Сергей.— Ничего, товарищи, по белому красным мазать легко, а вот наоборот — уже трудно.

Картошка была такая рассыпчатая, поджаренные шкварки сала так вкусно похрустывали на зубах, что товарищи ели и похваливали. А хозяйка, расчувствовавшись, доставала из печки крынку горячего молока.

— Ты нас, бабка, совсем закормишь — пожалуй, не подымешься.

— Ешьте, ешьте, детки! — говорила та.— Когда есть, то и дать не жалко; а вот когда уж нет, так и нету. Было как-то у меня раз. Отступали ваши от белых. Забежал ко мне в хату солдатик и спрашивает: «Бабушка, нет ли чего поесть?» А у меня ничегошеньки, только перед ним другие пообъели. «Нету, говорю, сынок, ничего».— «И хлеба нету?»—«И хлеба нету».— «Дай, говорит, хоть напиться». Напился и пошел. И только-то он ушел, села на лавку и реву; а чего, дура, реву, сама не знаю.

— Я думаю, так в Совнаркоме не каждый день едят! — проговорил, вставая, Владимир.— Это называется — закусили. С недельку бы тут постоять.

— Завтра выступаем, комиссар говорил. Да теперь недалеко до Харькова. Верст пятьдесят.

— Там, говорят, ресторанов много, с музыкой. Послушаем, значит,— сказал Николай потягиваясь.

— Своей сколько хочешь! — усмехнулся Владимир.— Завтра опять начнется.

Глава 7

Заняли Харьков красные 11 декабря. С трех сторон был обойден город — с юга, с запада и с востока, и только по одной неперехваченной дороге, на Изюм и Попасную, неслись один за другим эшелоны с отступающими и беженцами.

Бой был уже окончен, и в окраины вливались передовые части красных, продвигаясь глубже и глубже.

На одной из улиц Сергей со своими ребятами встретился с кучкой запоздавших белых. Остановившись, красноармейцы открыли огонь. Улица была прямая, ворота домов крепко заперты, и те бежали как сумасшедшие, пока, растеряв половину убитыми, не завернули за угол.

— Попало стервецам,— говорил Ледашкин, вытряхивая кого-то из шинели.

— Куда сымаешь? — крикнул ему кто-то на бегу.— Она вся в крови.

— А мне все одно. Была бы теплая! — И, накинув шинель на плечи, Ледашкин бросился догонять остальных.

Недалеко за углом Сергей наткнулся на стоящих 10—12 вооруженных рабочих и возле них убитого. За-

метив подбегающих, рабочие бросились было к калиткам.

— Куда вы, черти? Свои! — крикнул один.

Рабочие дружно засмеялись.

— Здравствуйте, товарищи!

— Кого это вы угостили? — спросил кто-то, указывая на убитого.

— Офицер, сукин сын.

— Сумка у него с картами.

— Дай сюда,— сказал Сергей.— Пригодится.

Он повесил сумку на пояс.

— Айда дальше! Эй, не расходиться там!

В третий раз Харьков стал красным.

В сумке убитого офицера Сергей нашел хорошие карты и полевую книжку. Когда он передавал ее Владимиру, из нее выпал небольшой голубой конверт. Его подняли, он был распечатан, и на нем был адрес: «Новороссийск. Серебряковская ул., дом Пшеничникова. Г-же Ольге Павловне Красовской».

— Интересно,— сказал Сергей.— Почитаем.

— Читай вслух.

— Мелко написано, сразу видно, что баба.

Крепкими духами пахнуло от исписанных листочков. Сергей подкрутил лампу и начал читать.

— «...Наконец-то пользуюсь случаем, чтобы послать письмо, которое дойдет уже наверное...»

— Как раз угадала.

— Ладно, не перебивай.

— «Я посылала по почте несколько раз, но думаю, что не доходило, потому что ответа нет до сих пор. Совсем недавно, две-три недели назад, я была совершенно уверена в том, что увижу всех вас скоро! Об этом мы условились с Жоржем. И Павел Григорьевич обещал

— Кого это вы угостили? — спросил кто-то, указывая на убитого.

ему один из классных вагонов из их интендантских, предоставленных для каких-то комиссий или ревизий. Оставалось только подождать, когда вагон вернется с его женой из Киева. Но разве можно быть в чем-нибудь уверенным в наше время! И вот обстановка сложилась так, что о поездке и думать не приходится. Опять наши отступают, большевики заняли уже Белгород и надвигаются ближе и ближе. Боже мой, какая мука! Опять приходится волноваться, переживать все ужасы сначала. Счастливцы вы! Вам не приходилось и не приходится испытать ничего подобного...»

— Ну, уж это положим,— проговорил, закуривая, Владимир.— Доберемся когда-нибудь и до вас.

— «Ну, об этом пока довольно. Стратег я плохой, а Жорж говорит, что дальше Белгорода их все равно не пустят. Живем мы ничего. Зарабатывает Жорж на службе прилично; кроме того, у него какие-то там дела с поставками. Какие — не знаю. Я не вмешиваюсь.

Вчера видела Лиду. Ты себе представить не можешь, какое у нее горе. Ее мужа убили. Он ехал из Курска в Харьков, какие-то бандиты остановили поезд и всех, занимающих более или менее видные посты по службе, тут же расстреляли. Она убита горем. По этому делу было следствие, посылали отряд на место. Он что-то там сжег, но, конечно, легче ей от этого не стало.

У нас часто бывает Виктор. Они с Жоржем большие друзья. Все такой же веселый, беззаботный, немного наивный, как и прежде. Он служит помощником начальника конвойной команды при тюрьме. Ужасный человек! Ненавидит красных страшно, и что у них там творится — одному богу известно. Я далеко не всегда могу выслушать его до конца. Да и вообще... Кровь... веревки... допросы... все это как-то не вяжется с моим представлением о нем. Ведь он, в сущности, милый,

чуткий и застенчивый даже. Помнишь, как он краснел всегда, когда говорил с тобою. Он до сих пор в душе обожает тебя.

Напишите скорее, как живете вы. На днях приезжал Роммер и говорил, что твой муж получил повышение, а Глеб будто бы уехал с карательным отрядом под Мариуполь. Правда ли это? Письмо это посылаю с нашим хорошим знакомым — поручиком... Волгиным. Он едет в командировку. Я думаю, что ему можно будет у вас на несколько дней остановиться. С ним же пришли мне ответ».

Сергей прочитал, вложил письмо обратно в конверт и аккуратно спрятал в сумку.

— Зачем это тебе?

— Пригодится. Когда-нибудь возьмем мы и Новороссийск. Тогда Чеке пригодится.

Сегодня неспокойный день в полку. Сегодня волнуется комиссар, и больше всего красноармейцы. Не потому, что наступают белые или предстоит какая-нибудь тяжелая боевая операция. Нет! Дело много проще по форме, но едва ли не сложнее по существу. Впервые из штаба бригады прислали обувь.

Вернулся из штаба к себе на квартиру Сергей, с досадою хлопнул дверями и выругался:

— Девяносто пар ботинок на весь полк, в то время, когда восемьдесят процентов разутых!

— Фюиить! — присвистнул Николай.— Какого же черта? Курам на смех. Сколько на нас-то пришлось?

— Восемь пар. Вот тут и обходись как знаешь. Одному дашь, другой к горлу пристанет: «Почему ему, а не мне», «Я тоже, да у меня тоже...» Не люблю я этих подачек по чайной ложке, только людей растравишь.

Весть о получении обмундирования давно прошла

по красноармейцам, но сведения ходили явно преувеличенные. Говорили, что наконец-то обуют весь полк, а если не весь, то во всяком случае больше половины. Ходили около квартиры, нетерпеливо ожидая результатов.

— Сколько? — обступили они вышедшего Николая.

— Английские или русские?

— Восемь пар всего.

— Восемь па-ар?!

— Так это кому же достанется? Почитай никому.

— Ладно. Видно будет. Становитесь в две шеренги. Командир осматривать будет.

— Чего осматривать? — со злобной ноткой заметил кто-то.— Али и так не известно?

Волна глухого раздражения прокатилась по рядам. Недоверчиво и недружелюбно красноармейцы посматривали то на командира, то на каптера, усевшегося с грудкой новеньких желтых ботинок на крыльце, то на свои собственные заскорузлые, с поднятыми кверху носами, с раззявленными ртами, через которые виднелись мокрые портянки.

— Вот что, товарищи,— сказал Сергей.— Почти всем одинаково нужна обувка, а вы сами видите, сколько ее. А потому я отберу из вас тех, у которых ботинки самые плохие, а они метнут жребий промеж себя.

Все разом заговорили, торопливо предлагая свой способ дележа.

— Зачем отбирать? Пускай все тянут! В одно время получали.

— Валяй, валяй, отбирай! Ишь ты! У кого хотя какие подходящие есть — что ж ему вторую?

— Для чего по жребию? Ты так давай! Рази не видишь, у меня одного ботинка вовсе нет.

— Заткни глотку, черт! Ты куда его дел? Еще вчера был.

— Вчера был, а сегодня совсем разорвался.

— У всех совсем.

— Давай, чтобы на всех обувка была! — крикнул кто-то из задних рядов.

— Ладно там! — оборвал Сергей.— Как я сказал, так и будет. Выходи вот ты...

Первые пропущенные тотчас же подняли крик и обступили его.

— Меня пошто пропустил?

— Ты вот посмотри, посмотри!

— Ты куда, сволочь, тоже лезешь? Гляди-ка, думаешь, не знаю, что у тебя в сумке сапоги, которые с казака снял!

— Дать ему в рыло раза, сукину сыну!

— Я при Колчаке получал.

— Я свои из дома потрепываю.

— Пропади я пропадом, если я не токмо в наряд, а хоть куда пойду, пока не получу! В Сибири пальцы обморозил, тут всю дорогу почитай босой прошел!

— Довольно!

— В штабах все поодетые. По три комплекта имеют.

— Не пойдем без ботинок! На всех пускай присылают!

— Давай комиссара!

Сергей вскочил на ступеньку крыльца и крикнул, перебивая всех:

— Замолчать всем! На места живо! Взводные, привести людей в порядок! Смирно! Слушай, что я скажу. В то время, когда повсюду наши части наступают вперед и вперед, вы заявляете, что дальше без новых ботинок не пойдете. Другие полки одеты не лучше, а многие и хуже вас, а идут без разговоров. Если бы все так рассуждали, то давно получали бы вместо ботинок

деникинские плети да шомпола по спинам. Но еще не все шкурники в Красной Армии, которые наступают на горло своим командирам, требуя с них того, чего они им не могут дать. Где я вам возьму на всех ботинок? Где их возьмет комиссар или командир, когда их нет? Или грабить мужиков, как грабят белые? Вы кричите, что где-то лежат полные цейхгаузы. Это ложь! Это у белых полные цейхгаузы английского обмундирования. Вот куда надо идти получать его. Но я знаю, что все-таки есть среди моей команды настоящие и сознательные ребята. Мы обойдемся и с ними!

Сергей кончил и отер лоб. Так со своими людьми он говорил в первый раз.

Все молчали.

— Ну, что же?

— Нету тут шкурников, командир. Зря говорите,— хмуро сказал кто-то.

— Посуди сам, легко ли — все ноги поссадили без обувки.

— А пойти-то пойдем. Это так, погорлопанили.

— Я так и знал, что с досады языком заболтали. Разведчики у нас в полку самый надежный народ. Не то что какая-нибудь там третья рота.

— Что верно, то верно!

— Мы от черта не бегали.

— Пулемета за все время ни разу не бросили.

— Вот и обидно, товарищ командир: ботинок, поди, больше им дали.

— Совсем бы стервецам давать не надо, а то при казаках они чуть што — разведка. А к каптеру за обмундировкой — так первые.

«Накипело, прорвалось и утихло,— подумал Сергей.— И все-таки чувствует каждый, что можно, а чего уже нельзя».

Когда были розданы ботинки, один из счастливцев говорил:

— Эх! Хорошо! Подошва спиртовая и каблук с подковкой. Крепкие!

— Теперь этих в очередь и не в очередь на посты. Пусть знают, что не задаром получили. Ешь их волки! А мы уж в своих до Кавказа дотопаем. Авось там и на нашу долю найдется!

— У них-то цейхгауз во!.. Англия!

Глава 8

Уже начинало темнеть, когда Сергей, осмотрев линию сторожевого охранения, мелкой рысцой отправился обратно.

«Поеду прямо, вдоль фронта,— подумал он.— Так ближе будет».

И он взял по направлению к чернеющим впереди кустам. Раззадорившийся Васька незаметно затрусил побыстрее и, пользуясь тем, что задумавшийся Сергей перестал обращать на него внимание, потянул немного вперед.

— Э-э, брат! — проговорил, отряхнувшись от мыслей, Горинов.— Куда тебя черт несет?

Он остановился, приподнялся на стременах и, оглядевшись, вздохнул полной грудью.

Фронт был безмолвен. Впереди, в нескольких верстах, горели огни Батайска. Чуть слышно было, как гудел паровоз.

«Крепко засели! — подумал Сергей.— А выбить надо — узел важный».

Он дернул за левый повод Ваську, круто повернул его и хотел стегануть его покрепче плетью.

Вдруг сердце его сразу ёкнуло, в виски ударила

кровь, и он покачнулся даже в седле. Как раз с той стороны, куда он только хотел направиться, из-за кустов выехало человек десять—двенадцать конных. Белых или красных?

Ни бежать, ни спрятаться было некуда. Ускакать — и подавно.

Сергей напряг всю волю, чтобы не выкинуть непоправимой глупости.

Скрыться абсолютно некуда. Если он сдвинется с места, то его увидят сейчас же. Если не сдвинется, то увидят минутой позже — только и всего.

Отъехав от края, Сергей встал как раз посередине дороги.

Его сразу заметили; передние сначала шарахнулись в сторону, но, не видя никого другого, направились рысью к нему с винтовками наперевес. Сергей стоял спокойно.

«Застрелиться успею!» — мелькнула мысль.

— Эй!.. Кто такой? — крикнул ему первый, подъезжая потихоньку и зорко всматриваясь.

— Подъезжай ближе! — ответил Сергей.— Чего горланишь? Офицер есть?

— Офицера нету, вахмистр есть.

— Давай его сюда!

И Сергей очутился среди всадников.

— А ты кто такой? — подозрительно покосившись, спросил вахмистр.

— Не видишь, животное, что офицер?

— Если так, то поедемте с нами к командиру,— настойчиво проговорил вахмистр.

— А я куда тебя зову? К черту на кулички, что ли? Болван!

По-видимому, последнее слово в значительной степени рассеяло сомнения вахмистра.

Некоторое время они ехали молча.

«Что я делаю? — повторил с отчаянием Сергей.— Что я делаю?» Партбилет, украшенное пятиконечной звездой выпускное свидетельство краскома раскалеными угольями жгли ему карман.

«Не надо распускаться. Спокойнее, как можно спокойнее!» — неотвязно вертелось в мозгу.

Казаки ехали молча или разговаривали вполголоса. Присутствие офицера их несколько смущало.

— А знаешь, Фомичев,— прошептал казак своему соседу,— у него на шапке-то звезды. И погонов нет! Мы еще как подъезжали, я приметил. Сказать, что ли, Жеребцову?

— Сиди! — недовольно ответил тот.— Али сам не видит? Звезда!.. Что звезда нынче значит? По-твоему, как погон, так и белый, а как звезда — так и красный. Али позабыл, как буденовцы погоны надевали, ежели насчет разведки по тылу нужда какая. Это, брат, тоже понимать нужно!

Он многозначительно кашлянул.

Путешествие приближалось к концу. Сначала их окликнули из заставы, потом они проехали линию укреплений. Вахмистр сердито предупредил:

— Порядком ехать. Не разбиваться! А то вгрохается кто в яму либо об проволоку.

Однако из-за темноты разглядеть Сергей ничего не мог. Потом стали попадаться домики. Мимо проходили солдаты, и кто-то в темноте крепко матерно ругался. Сергей видел, что дело подходит к развязке.

— Господин ротмистр дома? — спросил вахмистр остановившись.

«Приехали!» — сообразил Сергей. Он решил сейчас же, когда все будут слезать, броситься в сторону. Но вышло не так.

— Его нет,— послышался чей-то ответ.— Он скоро будет.

— Мы подождем! — сказал Сергей.— Зайдем к нему!

И он соскочил с лошади. Соскочил и вахмистр.

— А мы-то чего? — заворчали казаки.— Нам чего дожидаться не жрамши?

— Поезжайте домой! — решил вахмистр.— Скворцов! Скажи хозяйке, чтоб самовар поставила. Я скоро.

Казаки уехали. Сергей и вахмистр взошли на крыльцо. Перед ними были темные сенцы. Сергей был с карабином, сбоку в кобуре у него висел наган. Но вахмистр в темные сенцы пропустил его вперед. Стрелять было нельзя. Казаки только что отъехали, а кругом бродили солдаты. Он вышел в сени и, как бы отыскивая дверь, незаметно повернулся.

— Что там, али не найдете? — с ноткой тревоги переспросил его конвоир.

Сергей ясно услыхал тихий металлический щелк взведенного курка.

— Нет, не найду! — ответил он и ударил прикладом прямо перед собой.

Удар пришелся плохо, плашмя. Однако тот покачнулся, ухватился за стену и выронил револьвер, который, падая, гулко выстрелил.

— Нет, постой!..

Сергей выбежал на улицу, вскочил на чужого коня и рванул поводья.

Две-три минуты он мчался спокойно. Потом сзади послышался топот, выстрелы и крики. Очевидно, за ним гнались вернувшиеся на выстрел казаки.

«Куда я лечу?.. Совсем не в ту сторону»,— подумал Сергей.

Он хотел было свернуть от дороги в сторону, но

чуть не перелетел через голову, потому что бока у шоссе были крутые, а внизу плескалась вода.

Тогда он выбрался снова наверх и, не рассуждая, помчался дальше. Однако он потерял несколько минут, и крики догоняющих стали немного ближе.

Навстречу ему попадались солдаты, иногда даже конные, но, не понимая, в чем дело, сразу его не останавливали. Как бешеный вырвался Сергей на железнодорожные пути вокзала, но поворотить в сторону не успел. Срезанная шальной пулей, лошадь тяжело грохнулась. Он полетел вниз, ударился головой о рельс, выпустил из рук карабинку, тотчас же вскочил, прыгнул налево и закружился посреди забитых составами бесчисленных путей станции.

Выстрелы гремели сначала сзади, потом перекинулись вперед, затрещали со всех сторон. Где-то близко послышались голоса. Как загнанный зверь, Сергей отскочил и очутился посреди двух эшелонов. Впереди мелькнул убегающий огонек испуганного железнодорожника.

— Давай сюда!.. Черти-и-и!

«Неужели же конец?» — со смертельной тоской подумал Сергей.

Вдруг его взгляд упал на приоткрытую дверь товарного вагона. И, не раздумывая, подчиняясь инстинкту, он проскочил туда и захлопнул за собой дверь.

Через несколько секунд мимо с топотом пронеслись несколько человек, и кто-то выстрелил.

Через четверть часа все стихло. Потом опять послышались шаги. Сергей на всякий случай спрятался в угол, за какие-то ящики. И весьма кстати. Дверь приоткрылась, и луч желтоватого света скользнул по потолку.

— Пропади они все пропадом! Как начали стрелять, я думал, что зеленые наступают.

— Убежал кто-то. Должно, так и не поймали.

— И мы-то хороши — вагон распертый бросили!

— Провались он, вагон! Я щипцы с пломбами побросал. Фонарь только захватил, чтобы видели, что железнодорожник.

Дверь захлопнулась, послышался стук закидываемого запора, потом негромкий металлический звук.

«Пломба!» — мелькнуло в голове у Сергея. Все стихло, люди ушли; прошло минут пятнадцать—двадцать. «Как странно! — подумал Сергей.— Я цел, но где! Как же я отсюда выйду? Ну да, через окошко, они ведь отпираются изнутри. Только не сейчас, ночью».

От удара болела и кружилась голова. Он прилег на что-то мягкое и впал в полубессознательное состояние. Тяжело заснул. Когда открыл глаза, никак не мог дать себе отчета: в чем дело? Понемногу начал восстанавливать в памяти случившееся. Почему кругом так все шумит? Почему дрожат стенки?

Га-а-а!..

Впереди могучей сиреной заревел паровоз, эшелон давно мчался куда-то, ускоряя ход.

Глава 9

В вагоне было темно, и ориентироваться Сергей не мог никак. Пробовал поискать окно, но сразу попал ногой в какую-то щель и едва-едва из нее высвободился. «Черт его знает, что тут наворочено,— подумал он, ощупывая предмет на уровне своих глаз, на который он только что наткнулся.— Это ножка от стула. А это, кажется, перевернутый диван. Эвакуировались наспех, набросали в беспорядке всякой дряни полный вагон». К окошку пробраться оказалось невозможно. Весь ва-

гон был забит мягкой мебелью, коврами, картинами. В то время, когда в Ростове белые оставили много снаряжения и военного имущества, кто-то, по протекции, вывозил ненужный хлам.

«Нет,— решил Сергей, тщетно попытавшись обойти какой-то большой полированный предмет (по-видимому, рояль),— придется ждать до утра».

Он забрался в угол и расположился на перевернутом диване. Голова продолжала болеть. К своему удивлению, он заметил, что настроение у него сейчас безразлично-равнодушное.

«Черт с ним совсем! — думал он.— Выберусь как-нибудь».

Вагоны ритмично стучали. Мягкий диван пружинил, покачиваясь, и на Сергея напала дремота, перешедшая скоро в крепкий сон.

Проснулся он, когда лучи яркого солнца, пробившись через мелкие щелки, заиграли зайчиками на темных стенках.

Теперь он принялся за работу и, пробравшись вперед, стал раздвигать всё в стороны, разбирая дорогу к окошку.

Провозившись с полчаса, он разбил фарфоровую статуэтку и продавил ногой большую картину. «Вандализм! — подумал он усмехнувшись.— Может, это какой-нибудь Рубенс или Микеланджело, а у меня прахом идет». И, схватив за ноги безголовую статуэтку, он принялся отколачивать ею приржавевшую задвижку окошка. Наконец-то она подалась.

Открыть или нет? Сергей с минуту простоял, нерешительно раздумывая. Эшелон, настоявшись только что на какой-то станции, быстро шел вперед.

«Открою!» — решил Сергей и выпустил окошко из рук.

Сноп теплых весенних лучей бросился ему в глаза. Широкий простор открывался перед его глазами. Дымилась обесснеженная земля, синел убегающий горизонт, далеко в стороны темнели деревни.

Весна!..

Сергей улыбнулся, довольный. Высоко-высоко по небу плыла стая журавлей и таяла на его глазах в ласковой утренней синеве. По синеватой черной дороге передвигалась кучка всадников и остановилась у шлагбаума, пропуская поезд. Инстинктивно Сергей хотел податься назад, но рассмеялся и, высунув голову, с любопытством окинул взглядом забрызганные грязью бурки всадников.

Промелькнул вскоре семафор, и Сергей захлопнул окошко.

Днем состав долго стоял не двигаясь. Сергей решил уже, что это его конечная станция, но к вечеру сильным толчком ударил по вагонам прицепившийся паровоз и потащил куда-то дальше.

Сергея мучили голод и жажда, но до ночи приходилось терпеть. Карабинки у него теперь не было. Она отлетела в сторону, когда он ударился об рельс. Но наган был при нем, и Сергей не без удовольствия попробовал правым локтем твердую кобуру.

Часов около одиннадцати Сергей почувствовал, что приближается развязка. Колеса застучали по бесконечным стрелкам, вагоны бросало из стороны в сторону. Замелькали огни, зашипели паровозы.

«Екатеринодар! — решил Сергей.— Наконец-то!»

Эшелон остановился, но, судя по тишине, которая водворилась вокруг, где-то далеко от главных путей и других составов. Прошло около часа.

«Пора!» — подумал Сергей.

Осторожно опустил окошко, чтобы не хлопнуло,

высунул ноги вперед, повис на руках и, легко соскочив, остановился.

Он осторожно зашагал в сторону. Шел минут двадцать, потом остановился. Впереди него из-под железнодорожного забора вынырнула какая-то тень и скрылась в темноте, потом он услыхал легкий свист. Сергей отошел в сторону и расстегнул кобуру. Прошла минута... другая — ничего. Тихонько пошел дальше и опять остановился. Откуда-то издалека доносился протяжный, отчаянный крик... еще... еще... снова смолкло все. Вдруг через некоторое время, уже с другого конца города, раздался выстрел, другой, и сразу, перекатываясь эхом посреди ночи, одновременно загрохотали десятки — точно били пачками.

«Что это такое?.. Что это все значит?» — подумал изумленный и совершенно сбитый с толку столь странной встречей Сергей.

Выстрелы сразу как-то оборвались, и еще резче и загадочней удивила мертвая тишина.

Сергей шагнул в темноте раз, другой, наткнулся на какую-то решетку, отступил даже назад от изумления. Внизу черноватым отблеском отсвечивало море, и волны плескались в каменную набережную.

«...Новороссийск! Вот что!»

Ночь была глухая и темная, несколько случайных мокрых снежинок опустилось ему на разгоряченное лицо. С моря дунул холодный ветер. Где-то впереди послышался ровный топот шагов, гулко отдававшийся в тишине.

На всякий случай Сергей подался назад и скрылся за ящиками, нагроможденными возле забора.

— Не разбиваться... порядком идти! Раз, два, три... Раз, два, три... Взять ногу. По топоту слышу, сукины дети, что путаете. Раз, два, три...

Мимо Сергея прошел небольшой патруль, человек в пятнадцать—двадцать.

«Куда я сейчас, к черту, пойду? — подумал он, смутившись окончательно.— У них тут военное или осадное положение. Попадешься как раз. Да и не видать ничего — где улицы, где город».

Позади него стоял не то завод, не то какое-то станционное сооружение. Местность была завалена разной поломанной дребеденью. Здесь, закрывшись известковыми рогожами, Сергей продремал до самого утра.

«Ну! — подумал он поднимаясь.— Теперь надо решать, что делать. Прежде всего—долой с папахи звезду. Потом документы.— Он вынул целую кипу из полевой сумки.— Порвать надо? — Рвать было жалко, особенно партбилет и украшенное яркой пятиконечной звездой выпускное свидетельство краскома. Он остановился в нерешительности.— Лучше спрятать. Но куда?» Через несколько минут нашел и место. Один из толстых столбов забора был пробит насквозь. Сергей свернул трубочкой оба документа, засунул их туда и отверстие заложил кусочком цемента. «Ну, а остальные можно побросать». Он быстро перебрал их напоследок руками. Сводки, карты, полевая книжка, завалявшиеся бумаги. Он только что хотел порвать их, как взгляд его остановился на маленьком голубом конверте.

«Это что?» — Сергей сел на бочку и вынул чистенькие, плотные листки.

Крепкими духами пахнуло на него. Он перечитал с начала до конца и улыбнулся.

— Ерунда! — вслух ответил сам себе. Потом нахмурил лоб.

«...письмо передано с нашим хорошим...»

«А что, если попробовать!»

Рассвело. Вставал город. Толпой хлынул по дамбе со станции народ. Сергей завернул в узелок полевую сумку, кобуру с револьвером, незаметно вышел и смешался с толпой.

За все свое существование никогда не был так переполнен и не кипел такой бесшабашной жизнью Новороссийск. Вся накипь, все неустойчивые и панически настроенные элементы, рыцари легкой наживы, спекулянты, мародеры, валютчики — все они еще при первых же поражениях белой армии устремились сюда, обосновались и превратили в разгульный и разнузданный хаос жизнь мирного города.

— Скажите, пожалуйста, поезд, что ли, пришел? — обратился Сергей к затрепанному интеллигенту, направляющемуся с узелком в руках к городу.

— Нет!— ответил тот.— Поезд пришел еще ночью.

— Но мне кажется, что весь народ идет со станции.

— Конечно, со станции.— Тот взглянул удивленно.— Вы, верно, приезжий и порядков наших не знаете?

— Не знаю,— вполне искренно ответил Сергей.— Я тут недавно.

— Откуда?

— Из Константинополя.

— А-а!

Потрепанный интеллигент более благосклонно взглянул на него, очевидно почувствовав в нем своего.

— Ночью у нас бандиты бродят да патрули с зелеными перестреливаются.

— Как — с зелеными? — с волнением вскричал Сергей.— В самом городе? — Но тотчас же, оправившись, добавил: —Не может быть, чтобы у них хватало наглости показываться даже здесь.

— Может, если я говорю, молодой человек. Я врать не стану.

— Нет! Нет! Я, конечно, не сомневаюсь. Но в самом городе? — Теперь он понял причину ночной баталии.— Но я думаю, что принимаются какие-нибудь меры.

— Подозрительных хватают направо и налево. Каждый день партиями на «косу» водят. Да толку что-то мало.

Нельзя сказать, чтобы последнее сообщение пришлось по вкусу Сергею. У него было слишком много шансов попасть в число подозрительных. И он, боясь быть слишком навязчивым, не стал спрашивать, что это за «коса».

«Жрать хочется, как собаке,— подумал Сергей, очутившись на людной улице.— Хоть бы ломоть хлеба черного».

Повсюду сновали офицеры с крестами и без крестов, с повязками и без повязок. Солдат было мало. Изящные сестры с красными крестами выглядывали из проносившихся экипажей. Проезжали кавалеристы.

— Помогите несчастному солдату, принявшему муки за родину от большевистской чрезвычайки!—услышал позади себя Сергей.

Наконец он нашел толкучку, шумную и крикливую, где продавалась разная разность — от горячих пирожков до разорванных казенных седел.

— Беру франки и доллары!— подскочил к нему некто в сером.— Имеете, господин?

— Есть свежие французские булки!

— Яблоки! Настоящие антоновские яблоки!

— Продаете? Покупаете? — вырос перед ним субъект с сильным армянским акцентом.— Кокаин угодно?

Сергей молча протянул ему мозеровские часы.

— Э-э-э! Это не по нашей части,—ответил тот. Но, заметив, что Сергей собирается пройти дальше, схватил его за рукав: — Постойте, постойте, куда же вы? Можно и часики, если недорого.— Взвесив на руках для чего-то часы, он приложил их к уху и неодобрительно покачал головой.— Сколько?

— Тысячу,— наугад ответил Сергей.

— Триста!

Заметив, что Сергей заколебался, субъект забросал его отштампованными фразами:

— Ну, пятьсот!.. Крайняя цена... Дороже никто не даст! Самому нужны, потому только даю!

Получив деньги, Сергей подался сразу в сторону. Зашел в кабачок-подвальчик и потребовал обед.

В небольшом помещении было смрадно и шумно. За столом напротив сидели три офицера, уже порядком подвыпившие. Один то и дело ударял кулаком по столу и кричал:

— Хозяин!.. Почему музыка не играет?.. Армянская твоя морда!..

Или:

— Давай национально-российский марш... Сукин сын, большевистская башка!..

И хозяйский мальчишка поспешно в десятый раз заводил граммофон, и тот с сопеньем и хрипом начинал «Под двуглавым орлом».

В кабачке было душно, накурено, пахло затхлостью. Закусив, Сергей поспешно вышел.

На оставшиеся четыреста рублей он купил две пары офицерских погонов, иголку и ниток.

Затем Сергей поспешно смешался с народом, завернул за угол и торопливо пошел, разыскивая укромное местечко, где он мог бы преобразиться.

Через час, немного волнуясь, он в офицерской форме шел по улице, ища чего-то глазами.

Присяжный поверенный
Г. К. КРАСОВСКИЙ

«Это теперешний каратель,— решил Сергей.— Ну что ж, войдем!»

И он нажал кнопку.

Глава 10

Уже четвертый день живет Сергей в солидно-буржуазной обстановке.

Встретили его, по письму, приветливо, как своего.

— Скажите, почему вы так запоздали? — с легким укором спрашивала хозяйка.— Ведь письмо вам было передано уже давно.

— Ничего не поделаешь. Знаете, служба! Предполагал выехать раньше, но задержали.

Ему отвели небольшую комнату, обставленную тяжелой красной мебелью и широким кожаным диваном. Каждый день по утрам Сергей уходил, инсценируя «дела службы». Возвращался к обеду, а вечера проводил за чаем в столовой, посреди кружка друзей семьи Красовских.

Семья была типично буржуазная. Не аристократическая, но выдержанная и тонная. Ее внутренний механизм работал ровно и без перебоев, а жизнь текла плавно, своим чередом, как будто кругом ничего особенного и не происходило.

Все происходящее кругом в семье считалось недоразумением, неприятным инцидентом. А в худшем случае — беспорядком, должным скоро улечься и уступить дорогу прежней спокойной жизни. Как-то, между про-

чим, Сергей задал хозяйке вопрос: не думает ли она, что, в конце концов, уклад теперешней жизни пора бы изменить?

— Как же может быть иначе? — пожав плечами, ответила она.— Ну, я понимаю, сменить жизнь верхов, устроить другой образ правления, парламент, конституцию. Но зачем же личную жизнь ломать?

В голосе ее было столько неподдельного удивления, что Сергей перевел разговор на другую тему...

Однажды вечером он сидел у себя в комнате.

— Константин Николаевич! — послышался женский голос.— Идите чай пить.

«Ах, черт! — мысленно обругал себя Сергей.— Ведь это же меня!» И ответил поспешно:

— Сию минуту, Ольга Павловна! Зачитался, даже не слышу.

За чаем собралось несколько человек. Хозяйка — женщина лет тридцати пяти, в меру подкрашенная и подведенная; ее брат — тучный господин с жирным баском и лаконическими самодовольными суждениями обо всем; чья-то не то племянница, не то крестница, куклой наряженная Лидочка и еще какой-то субъект неопределенной категории, с козлиной бородкой и тщательно выутюженными складочками брюк.

— Сегодня доллар поднялся ровно в два раза! — громко проговорил тучный господин, ни к кому не обращаясь.— Это грабеж форменный. За один день на сто процентов!

— Удивительно! — проговорил Сергей.— Что бы это значило?

— А то, что плохо работаете, господин офицер. Всё отступления да отхождения.

— Но постой, мой друг! — вмешалась хозяйка, желая смягчить его резкость.— Почему же это ты так го-

воришь Константину Николаевичу, точно это от него зависит?

— На это есть причины чисто стратегического характера,— ответил Сергей.— Я думаю, никто не сомневается, что в конце концов Добровольческая сумеет разбить красные банды.

— Не сомневаются? — Толстяк несколько иронически посмотрел на Сергея.— Нет, сомневаются, раз доллар вверх скакнул. Отчего он скачет, вы знаете?

— Нет! — откровенно сознался Сергей.

— Ну то-то! А скачет он оттого, что спрос на него большой. А почему спрос? Да потому, что уши навострили все; чуть что — и до свиданья. С нашими-то за границу не уедешь. А вы говорите — не сомневаются. Нет, уж у меня доллар на этот счет лучше всякого барометра...

— Константин Николаевич! — перебила его Лидочка, которой надоел этот разговор.— Вы на фронте были?

— Как же! Был, конечно.

— И красных видели? Пленных,— добавила она.— Расскажите, какие они?

— Какие? Вот, право, затрудняюсь сказать. Люди как люди.

— А вы... их не расстреливали? Сами, конечно?

— Сам не расстреливал,— ответил Сергей несколько насмешливо.

— А-а! — разочарованно протянула Лидочка.— А я думала, что сами. Скажите, а вы видели, как их?..

— Лидочка, перестань, что ты за чаем о таких неприятных вещах говоришь! Неэстетично даже... Для молодой девушки — и вдруг такие разговоры.

Тощий господин, просмотрев газету, отложил ее в сторону и сказал, обращаясь к Сергею:

— Читали?.. Нет! Какую новость еще выкинули. Все просоциализировали — и дома, и имущества, и храмы... кажется, больше нечего было. Так нет, решили еще социализировать женщин,— проговорил он раздельно и едко усмехаясь.— Женщин от шестнадцати лет и выше. Посмотрите, официальное сообщение!

Сергей посмотрел:

— Что такое? «Официальное сообщение»? Вырезка из «Правды»? Может быть, здесь несколько преувеличено,— осторожно заметил он.— Вряд ли они могут решиться на такую меру. Это вызвало бы целый бунт.

— Э! Одним бунтом больше, одним меньше — не все ли им равно. А что это правда, так я и не сомневаюсь. Например, знаете, у них там для Совнаркома некая госпожа Коллонтай есть. Шикарная, конечно, красавица, бриллианты... меха и все такое прочее.— Он посмотрел искоса на скромно опустившую глаза Лидочку и добавил с раздражением: — Да неужели не слыхали? Ведь об этом все говорят.

— Да, слыхал что-то,— уклончиво ответил Сергей.— Только верно ли это?

— Враки всё! — прислушавшись, заявил толстяк.— Разве всему, что у нас в газеты попадает, верить можно? Всякой дрянью столбцы заполняют, а про то, что нужно, ничего. У меня вон фабрика в Костроме, так хоть бы строчка была, как там и что? Всё на один лад. Всё, пишут, поломано, растащено, камня на камне не осталось. А встретил я недавно человека. «Ничего,— говорит,— все на месте, одно отделение работает даже понемногу».

— Ах, оставьте, Федор Павлович! — возразил ему господин с козлиной бородкой.— Нельзя же все о ваших фабриках. Нужно всесторонне осветить бытие этих бандитов. Это, в конце концов, необходимо для истории.

— Враки! — упрямо повторил тучный господин.— А если не враки, то и у нас не лучше. Декрета не издавали, а что кругом господа офицеры делают? Стыдно сказать!

Лидочка вспыхнула и снова потупила глазки, размешивая ложечкой простывший чай.

— Оставь, Федор! — вмешалась хозяйка.— Ты всегда что-нибудь... такое скажешь!

Она неодобрительно покачала головой.

Сергей неторопливо грыз сухарь и слушал, как горячо доказывал субъект с козлиной бородкой.

— Нет, нет! Я не согласен, чтобы посягали на мои убеждения, на имущество... Я не могу согласиться... Я протестую, наконец!

— Ну и протестуйте! Сколько вам хочется! Да что толку-то? Это все равно, что кричать во все горло: «Я протестую против землетрясения». У меня вон фабрика! А так-то, впустую...

Хозяйка, заметив, что спор начинает принимать острый характер, снова оборвала разговор:

— Бросьте, господа! Всегда у вас политика. С чего бы ни начали, всё на нее свернете... Лидочка, ты бы сыграла что-нибудь!

Утром, когда Сергей вышел из дому, на переполненных улицах Новороссийска сразу же заметил необычайное оживление. Все бегали, суетились и шумели больше, чем обыкновенно. На лицах было возбуждение. Сергей направился к углу, возле которого толпилась

кучка прохожих. Он протискался к забору, и в глаза ему сразу бросилось огромным шрифтом кричащее «Правительственное сообщение»:

КРАСНЫЕ БАНДЫ РАЗБИТЫ НАГОЛОВУ!
ВЧЕРА, 21 ФЕВРАЛЯ, ДОБЛЕСТНЫМИ ЧАСТЯМИ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ ВЗЯТ РОСТОВ

Наступление продолжается...

Тут же стояли два щеголеватых офицера, сразу почувствовавшие себя героями.

— Может, опять как в прошлый раз? — усомнился кто-то.— Написать написали, а взять и позабыли?

— Нет, нет! Аэроплан прилетел, скоро будут все подробности.

А один из офицеров сказал небрежно, но авторитетно:

— Теперь покатятся...

«Неужели правда! — думал, уходя, Сергей.— Что бы это значило? Почему наши отступают?»

Однако уже после обеда стало очевидно, что Ростов занят.

Контрреволюция воспрянула духом. По кафешантанам, кабачкам и подвалам тыл сегодня шумно праздновал победу.

Все разменявшие состояния на иностранную валюту ожили, расцвели и замечтали снова.

Со станции Новороссийск загудел и сорвался вперед закованный в железо отдыхавший бронепоезд «На Москву». И его трехцветный флаг впереди паровоза, развеваемый ветром, гордо колыхался.

...А вечером в тот же день, в двух верстах от города, по Сочинскому шоссе зеленые захватили отправляющийся транспорт. Частью перестреляли, частью обезоружили его многочисленную стражу.

Глава 11

Между тем Сергей собирал где мог сведения, решив при первом случае убежать к партизанам. Он ежедневно слышал о том, что их в городе полно, что их переодетые шпионы снуют повсюду по улицам и базарам, всматриваясь и вслушиваясь во все.

— Но где же они прячутся? — как-то спросил он своего собеседника.

— Далеко! — усмехнулся тот.— Видите те сопки? — И он указал на горы, возвышавшиеся недалеко за рабочим поселком.— Так я ручаюсь, что если бы вы — один, конечно,— попробовали подняться туда, то попались бы живо.

— Но почему же не принимают никаких мер? Ну, отряд бы хотя послали.

— Посылали! — И тот безнадежно махнул рукой.— Да что толку! Кругом у них шпионы. Эти,— он указал на окраины,— сами полубандиты. Покрывают, предупреждают. А по горам гоняться удовольствия мало.

Сергей возвращался домой и шел задумавшись. Вдруг он заметил, что очутился посреди большой толпы, запрудившей улицу. Взглянул — впереди солдаты стоят и никого не пропускают. Почти у каждых ворот то же.

Квартал был оцеплен командой от коменданта города. Проверяли документы.

— Всем, всем, господа, предъявлять! Никто не освобождается. Военнослужащие тоже,— услышал он чей-то громкий голос.

— Константин Николаевич! — И кто-то тронул Сергея за рукав.

Обернувшись, он увидел госпожу Красовскую.

— Как хорошо, что я вас встретила. Пойдемте вместе, а то я паспорт из дома не захватила.

«Чтоб тебе провалиться!» — мелькнуло у Сергея.

— Вы постойте тут, пожалуйста,— торопливо освобождая руку, ответил он.— Тут очередь большая, а я сейчас все устрою.

Оставив ее удивленною такой поспешностью, он скрылся. Самое лучшее в таких случаях действовать как можно спокойней и решительней. Это уже несколько раз испытывал Сергей. Заметив, что возле одного переулка толпа слишком наседает на постового солдата, он подошел, ругаясь:

— Ты что, безмозглая башка, бабой стоишь? Тебя зачем сюда поставили? Смотри, тебе скоро на шею сядут. Не подпускать к себе никого на десять шагов!..

И пока растерявшийся солдат отгонял толпу, он спокойно прошел мимо и, очутившись по ту сторону, смешался с любопытными, завернул за угол и пошел прочь.

«Ну,— думал он, очутившись далеко,— теперь ворочаться домой нельзя. Куда же теперь идти?»

И он остановился раздумывая. Поднял голову, и перед его глазами встали сопки.

«Туда!» — решил он.

У самой подошвы гор кривыми, узенькими уличками раскинулся захудалый поселок. Маленькие домики низко вросли в землю. Плохо сколоченные заборы, через которые можно было заглядывать с дороги, шатались как пьяные. А деревянные крыши многих лачужек, точно отягощенные непосильной ношей, осели серединой книзу.

Народа не было видно вовсе, все как повымерли или попрятались. Но, проходя мимо, Сергей чувствовал

на себе из-за ворот и из окошек недоброжелательные взгляды. Когда Сергей миновал крайний домик, то остановился возле старого сарая. Сорвал с плеч погоны и отбросил их в сторону. Гора казалась раньше очень близкой, но прошло еще немало времени, прежде чем он добрался до ее основания и начал медленно подниматься узенькой, изгибающейся тропочкой. Земля была сыроватая и скользкая; шел он долго, поднимаясь все выше и выше. Уже смеркалось, день подходил к концу, расплывались резкие контуры, сливался в одно кустарник, и леса затемнели впереди черными массами. Сергей шел и шел. Несколько раз останавливался перевести дух, но ненадолго. Только когда добрался наконец до вершины первой горы и увидел впереди поднимающиеся новые громады, он сел, тяжело дыша, на одну из широких каменных глыб. Прислонился, охватив руками покрытый мхом, торчащий из земли обломок, и взглянул, усталый, перед собой.

Зашло солнце. Бледными огоньками зажигался город и мерцал тусклыми звездочками по земле — далеко внизу. Широкий простор убегающего моря поблескивал темными полосками чуть заметно. Было тихо. Лишь едва слышный шум, смутный и беззвучный, доносился с порывами ветра из оставленного города и замирал растаяв.

С непривычки немного кружилась голова.

Странное ощущение, не испытываемое никогда раньше, охватило Сергея.

Засмеялся громко-громко. Отголоски покатились по сторонам, удесятерив силу его голоса. И, раскатившись, пропали за темными уступами.

— Ого-го-го!..— широко и сильно крикнул Сергей, вставая.

Каждый камень, каждая лощинка, каждая темная

глубина между изгибами гор ответили ему приветливо и раскатисто:

«Го-о-о-о!..»

И вздрогнул Сергей, насторожившись. Тихо, но ясно откуда-то сверху донеслось до его слуха опять:

— Оо-ооо!..

Отвечает кто-то.

Он обернулся, всматриваясь, и увидел далеко перед собой впереди вспыхнувший огонек.

Пошел, спотыкаясь, опять. Долго шел. Два раза падал, разбил коленку. Огонек то мерцал, то пропадал за деревьями; вот вынырнул близко, почти рядом. Злобно залаяла собака. Он продвинулся еще немного, вышел на покрытую кустиками лужайку и остановился, услышав впереди у забора голоса.

Разговаривали двое.

— Давно ушел? — спрашивал один.

— Давно! — ответил другой.— Давно, а не ворочается. Может, попался?!

С минуту помолчали, потом один бросил докуренную цигарку и ответил неторопливо:

— Не должно быть, не из таких! Слышал я, как кричал кто-то внизу.

«Они!» — решил Сергей. И, выступив, окликнул негромко:

— Эй! Не стрелять! Свой, ребята.

Оба повскакали, лязгая затворами.

— А кто?

— Стой, стой! Не подходи, а то смажем!

— Свой! Из города к вам, в партизаны!

— К нам? — подозрительно переспросили его.

— А ты один?

— Один!

— Ну, подходи.

Сергей подошел вплотную.

— Ну, пойдем, коли к нам, в хату до свету.

Вошли во двор. Яростно залаяла, бросаясь, собака. Кто-то распахнул дверь, и он вошел в светлую, чистую комнату.

— Вот, Лобачев,— проговорил один из вошедших, указывая на Горинова,—говорит, к нам пришел, в партизаны.

Сергей поднял глаза. Перед ним стоял высокий, крепкий человек в казачьих шароварах, в кубанке, но без погонов. На груди его была широкая малиново-зеленая лента со звездой и полумесяцем.

Глава 12

«Какой странный значок! — подумал в первую минуту Сергей.— Почему бы не просто красный?»

Человек куда-то торопился. Он задал ему несколько коротких вопросов: кто он, откуда и как попал сюда.

— Я из красных, попал к белым и бежал...

— К зеленым?!

— Ну да! К партизанам,— утвердительно ответил Сергей и почему-то пристально посмотрел на спрашивающего.

— А вы не коммунист? — как бы между прочим спросил тот.

И что-то странное в тоне, которым предложен был этот вопрос, почувствовалось Сергею. Он взглянул опять на ленточку, на холодно-интеллигентное лицо незнакомца и ответил, не отдавая даже себе отчета почему, отрицательно:

— Нет, не коммунист.

— Хорошо!.. Зотов, возьмешь его, значит, к себе,—

проговорил он, обращаясь к одному. И добавил Сергею: — Завтра я вас еще увижу, а сейчас мне некогда.

И он поспешно вышел. В комнате осталось несколько человек. Сергей сел на лавку. Несмотря на то что наконец-то он был у цели, настроение на него напало неопределенное. Все выходило не совсем так, как он себе представлял. «Глупости,— мысленно сказал он.— Чего мне надо? Право, я как-то странно веду себя. Зачем, например, соврал, что не коммунист?»

Где-то вправо в горах раздался выстрел, другой, потом затрещало несколько сразу.

— Это кто? — спросил Сергей у одного из партизан.

— А кто его знает,— довольно равнодушно ответил тот.— Должно, красные балуются, они в тех концах больше бродят.

Опять Сергей почувствовал, что чего-то не понимает. «Какие красные... с кем балуются?» Он посидел немного молча. Налил себе кружку.

Присмотревшись, на рукаве у одного он увидел все ту же яркую ленту.

— Что она означает? — спросил он.

— Разное означает. Зеленый—лес и горы, где мы хоронимся; месяц со звездой—ночь, когда мы работаем.

— А малиновый?

— А малиновый? — Собеседник удивился.— Так малиновый наш искони казачий цвет.

«Что за чертовщина!» — думал Сергей.

— Ты у красных был? — опять спросил его собеседник.

— Был.

— Ну, нам наплевать. Хуть красный, хуть кто... А не коммунист ты?

— Нет.

— И не жид?

— Да нет же. Разве не видишь?

— Оно конешно,— согласился зеленый.— По волосам видно, по разговору тоже.

Вспомнив что-то, он усмехнулся:

— А то у нас история была. Прибежал как-то жидок к нам... такая поганая харя. Ваське Жеребцову как раз попался. «Товарищи,— кричит,— свой, свой!» Ворот рубашки распорол, а там документ, что комиссар, да партийный. Радуется сдуру, в лицо бумажку сует. Повели его, оказывается, белые к расстрелу, а он и удул, сукин сын.

— Ну? — спросил Сергей, чувствуя, что холодеет.— Ну что же?

— Как взяли мы его в работу! А, комиссар, песье отродье! Жидовская башка! Нам-то ты и нужен. Живуч, как черт, был: пока башку прикладом не разбили, не подыхал никак... — И, вздохнув, добавил рассказчик: — Конешно, ошибка у него вышла. Кабы он к Сошникову либо к Семенову попал, тогда другое...

Холодный пот прошиб Сергея. Он побледнел, содрогаясь при мысли о том, как недалек он был от того, чтобы разделить участь несчастного комиссара.

— Ложись спать,— предложили ему.— А то завтра вставать рано. Домой пойдем. Днем-то мы здесь не бываем — опасно.

— Оправиться схожу,— сказал, потягиваясь, Сергей и направился к двери.

— Постой, и я с тобой. А то на дворе собаки.

«Ах ты сволочь!» — изругался про себя Сергей, заметив, что тот захватывает винтовку.

Они вышли и остановились на высоком крылечке, оправляясь. Конвойный зеленый стоял на самом краю.

Сергей со всего размаха спихнул его в сторону. Зеленый с криком полетел в грязь. А Сергей рванулся через забор и помчался к деревьям. Вслед молниями засверкали выстрелы. Завизжали пули.

Что-то огнем рвануло ему плечо, и он пошатнулся, но, стиснув зубы, пересилив боль, прыгнул куда-то в чащу, под откос, и бежал дальше.

Всю ночь плутал Сергей. Взошла луна. Шатаясь, проходил он по рощам, полянам и кустам. Попал на какой-то скат и увидал далеко-далеко огни: «Должно быть, на море». Потом спустился куда-то и побрел снова. Уже когда рассветало, услыхал отголосок далекого выстрела. Бросился туда, бежал с полчаса. Остановился, прислушался... Никого... Измученный, обливающийся потом, изнывая от боли в плече, бросился Сергей на землю и долго лежал, жадно вбирая в себя освежающий холод.

Рассвело. Ночь прошла; звезды давно погасли. Бледным, призрачным пятном смотрел с неба месяц.

Вдруг близко, почти рядом, раздался звонкий, раскатистый выстрел.

«Неужели наши?.. — подумал, вскакивая, Сергей.— Или, может быть, опять какие-нибудь зеленые, голубые, розовые? Будь они все прокляты!»

Он бросился и закричал во весь голос:

— Кто-о там?

Прислушался. Не отвечал никто... Шумел по верхушкам деревьев ветер.

— Кто-оо?.. — закричал он уже с отчаянием.

— Чего зеваешь? — раздался вдруг позади грубый голос.— Кого надоть?

Обернувшись, Сергей увидел выходящих из-за кустов трех вооруженных людей. У одного из них наиско-

сок черной папахи тянулась тряпичная ярко-красная лента.

Их было трое. Один — невысокий, крепкий, с обрывком пулеметной ленты через плечо и с красной полоской на папахе — смотрел на Сергея хмуро и внимательно.

Другой — длинный, тонкий, в старой чиновничьей фуражке. На зеленом околыше была карандашом нарисована пятиконечная звезда. Винтовку держал наготове, присматриваясь к незнакомцу. Третий, который окликнул Сергея,— коренастый, широкий, с корявым мужицким лицом, обросшим рыжеватой бородой,— смотрел на него с любопытством.

— Ты кто такой? — уставившись из-под лохматых бровей и не двигаясь с места, спросил первый.

— Вы партизаны?.. Красные?

— Куда уж больше! С головы до ног, на левую пятку только краски не хватило,— усмехнувшись, ответил второй.

— Держи язык-то... брехало,— растягивая слова, перебил третий. И спросил Сергея грубовато, но не сердито: — Ты што за человек будешь? Пошто кричал-то?

— Я красный,— ответил лихорадочно Сергей.— Я убежал из города в горы, но попал к каким-то бандитам. Ночью опять убежал. Они стреляли...

— А не врешь? — хмуро оборвал его человек с красной лентой.— Может, ты шпион или офицер? — И, впившись в него глазами, добавил жестоко: — Смотри тогда! У нас расправа короткая...

Но, должно быть, было что-то искреннее в голосе и лице Сергея. И третий укоризненно ответил за него:

— Оставь, Егор, будет тебе... Не видишь, что человек правду говорит.

От усталости, перенесенных волнений и физической боли Сергей пошатывался и еле-еле стоял на ногах.

— Верно...— проговорил он тихо.— Верно, товарищи. Я врать не буду...

— Да у него кровь! — воскликнул молчавший до сих пор длинный партизан.

Забросив винтовку за плечо, он подошел к Сергею, у которого темно-красное пятно расплылось возле плеча по серой шинели.

— Откуда это?

— Я же говорю, что в меня стреляли...

Его обступили все трое. Прежняя недоверчивость исчезла. Даже Егор сказал мягче:

— Эк тебя, брат!

— Ах ты... штоб им, окаянным, пришлось! — засуетился мужичок.— Ты, парень, дойдешь? Тут недалеко. Там перевяжем.

— Дойду.

Шли недолго, с полчаса. Длинный шел впереди и тащил обе винтовки.

— Дядя Силантий, дядя Силантий! — проговорил он, оборачиваясь к мужику.— Ребята-то на нас накинутся сейчас. Белого, подумают, поймали. Даешь, мол, к ногтю.

Дорога подходила к концу. Они вышли на полянку, повернули за гору, и на небольшой площадке под крутым скатом Сергей увидал две прикорнувшие к скату землянки. Около них стояли и сидели, греясь на солнце, несколько человек.

Пришедших окружили кучею.

— Кого привели, ребята? — спросил невысокий пожилой партизан, с наганом за поясом. По татуированным рукам Сергей угадал в нем матроса.

— Наш,— коротко ответил Егор. И изругался

крепко: — Чего, дьяволы, рты-то разинули? Федька, тащи чего-нибудь. Неужели не видишь, у человека плечо прострелено! Доктор хреновский!

Землянка оказалась довольно вместительной. Посреди стояла железная печка, а по сторонам, прямо по земле, лежали охапки сухих листьев. Стола не было.

Сергею поставили какой-то обрубок, и он сел. Прибежал Федька, маленький, черный, суетливый человек. В германскую войну он служил где-то санитаром и только уже здесь, в горах, был возведен товарищами в «доктора».

Притащил сумку, все содержимое которой заключалось в бутылке йода и нескольких мотках бинтов, и приступил к делу. С Сергея стащили шинель, гимнастерку и совершенно окровавленную нижнюю рубаху.

— Отойдите от света-то, черти!

Федька отогнал всех столпившихся от маленького окошка, долго осматривал рану, потом объявил, что «пуля прошла насквозь, ниже плеча, через мякоть. Кости, кажись, не задела».

— Кричать, брат, сейчас будешь,— предупредил, подходя с бутылкой, Федька.— Ну, ничего, кричи. Тут оно скоро... самую малость.

— Не буду,— улыбаясь, ответил Сергей.

— Ой ли? Ну, смотри...

И он прямо из горлышка влил ему в оба отверстия раны черноватой, жгущейся жидкости. Сергей стиснул зубы.

— Эх, молодец! А у нас этого ёду боятся—страсть! Кулику нашему просадили намедни ногу. Так две версты в гору прополз, винтовку не бросил и не пикнул даже. А как ёду, то никак. Хуже бабы.

— Кто же это тебя? Не пойму я толком,— спросил матрос.

— Сам не знаю. Бандиты. Я думал, партизаны, а вышло вон как. Значок у них малиновый, с месяцем...

— Пилюковцы,— коротко сказал Егор.— Казачья сволочь.

— Что это за пилюковцы?

— Кубанцы-самостийники. Пилюк там в ихнем правительстве был. Ну, так он у них атаманом. Возле Сочи они больше путаются.

Веки Сергея отяжелели, глаза закрывались, голова горела как в огне. Начинался жар.

— Ляг,— сказал ему матрос.— Вон тебе в углу на листьях постлали.

Сергей лег, закрыл глаза и услышал, как они вышли. Ему было жарко, пробирала мелкая нервная дрожь. Рука теперь тяжело ныла, и повернуться было больно. Он чувствовал, как раскраснелось его лицо и как горячая кровь толчками била близко под кожей.

«Хорошо... — подумал он.— У своих...»

И когда через несколько минут в землянку вошел Егор, то он увидел, как, разметавшись, тяжело дыша, спит новый партизан.

Глава 13

Прошло две недели с тех пор, как Сергей убежал в горы. Но только недавно стал он уходить с ребятами от места стоянки отряда. Раньше очень болела рука, да и сейчас двигать ею было трудно.

Кругом партизан было много, но отрядами держались они небольшими. Вокруг Сошникова сгруппировалось человек тридцать — сорок. Народ грубый и неотесанный, но боевой и видавший виды. Сам Сошников — матрос, из тех, от которых еще в феврале пахло октябрем,— был партизаном со времен германской

оккупации Украины. Он был мало развит политически, не был даже как следует грамотен. Но это не мешало ему быть хорошим, сознательным повстанцем, ненавидеть до крайности белых и горячо защищать советскую власть. Он крепко ругался, крыл и «в бога» и во все, что угодно, но самою сильною бранью считал слово «соглашатель».

Егор — озлобленный и жестокий до крайности ко всем, кто принадлежал к «тому» лагерю,— когда-то был рабочим литейного цеха. Прямо с завода попал в солдаты. Оттуда за какую-то провинность — в дисциплинарный батальон. Постепенно озлобленность нарастала. Затем война — и, даже не заехав домой, он угодил на фронт.

— Всю жизнь промотался хуже собаки,— говорил он.— Другому хоть передышка какая, а у меня ни черта!

— А, пропади они все пропадом! — отвечал он с озлоблением, когда матрос или еще кто-нибудь из товарищей старался удержать его от излишней жестокости.

Он дружил с Сошниковым и считался его помощником.

Близко узнал еще Сергей дядю Силантия. Это был простой мужик, иногородный, как назывались крестьяне в казачьих станицах. У него где-то «там» была своя хатенка, «хозяйствишко», баба и девчонка Нюрка, о которой он очень тосковал. Ему совсем не по нутру были все эти сражения, выстрелы, война. Его мечтания всегда были возле «землишки», возле «спокоя» и крестьянства. Он верил в то, что большевики принесут с собой правду и что вскоре должно все хорошо, «побожески» устроиться. Но вышло все не так. Пришли белые, и первые плети он получил за то, что ходил за

офицером и доказывал ему, что нельзя никак ему без отобранной ими лошаденки. Потом пришли красные, и на квартиру к нему стал комиссар. Потом опять пришли белые, и ему всыпали шомполами за комиссара и посадили в холодную. Из холодной он убежал. И с тех пор бродит с партизанами, скучает по дому, по хозяйству и по Нюрке.

Долговязый Яшка служил полотером, работал грузчиком, собачником. А в дни революции одним из первых ушел в славную Таманскую армию.

Был еще черный, как смоль, грузин Румка, спокойный и медлительный.

Как-то раз Сергей стоял и разговаривал с Егором.

— Румка! Пойди сюда,— позвал тот.

Румка встал и медленно подошел:

— Ну?

— Вот, смотри,— сказал Егор, отворачивая у того ворот рубахи.

Сергей увидал, что вся шея Румки исчеркана глубокими, еще недавно зажившими шрамами.

— Что это? — с удивлением спросил он.

— Офицэр рубал,— ответил флегматично Румка.— Шашкой рубал на спор.

Офицер, оказывается, был пьян, а у Румки больше виноградного не было. Офицер рассердился и сказал, что будет Румке рубить голову пять раз. И если срубит, то его счастье; а нет — так Румкино. Офицер был здорово напившись, попадал не в одно место и свалился скоро под стол, головы не срубив. Счастье было Румкино.

И много других таких же, как эти, было в отряде. Озлобленные белыми, уходили к красным, и горе казаку, горе офицеру, попадавшему в их руки! Жестока была партизанская месть.

...Яшка сидел на камне, недалеко от костра, над которым в котле варилась обеденная похлебка, и наигрывал что-то на старой, затасканной гармошке. Играть, собственно, Яшке не хотелось, а хотелось есть. Но до обеда надо было чем-нибудь убить время.

Подошли к Силантию, который, сидя на чурбаке, подшивал к сапогу поотставшую подошву. Работал сосредоточенно и внимательно. Точно делал дело большой важности. Он с неудовольствием посмотрел на Яшку, который толкнул его легонько сзади:

— Ты чего?

— Ничего!

— Так ты ж не пхайся тогда. Видишь, человек делом занят.

— Балуешь, мужик! Утром портки зашивал, теперь сапоги.

Дядя Силантий откусил кусок суровой нитки, заскорузлыми пальцами завязал узелок. И ответил, продолжая работу:

— Одёжу, милай, беречи надоть. Нешто как у тебя, парень,— штаны-то вон новые, а все в дырьях.

— Пес с ними, с дырьями. Вот кокну офицера либо буржуя какого — и опять достану.

— Разве что... Да и то, милай, хорошего-то мало.

— На то они и буржуи, чтобы их бить,— убежденно сказал Яшка.— Дядя Силантий! — перескочил он.— Ты вот что, положи-ка мне заплаточку... ей-богу... А то перёд маленько лопнул. Валяй! Я за тебя черед отнесу или что еще придется.

— Ну тебя к лешему! Рук у самого нет, что ли?

— Нет, уж ты, право!.. Смотри... тут самая малость...

И, сунув Силантию свой сапог, Яшка куда-то поспешно скрылся.

— Ах ты лодырь... Провались он со своим сапогом... Думает, и взаправду чинить буду.

И Силантий даже отпихнул его ногой.

Свой у него был готов. Он надел его и посмотрел довольно: «Крепко. Теперь еще хоть полгода носи». Потом иголку воткнул в затасканную шапчонку, а клубочек ниток сунул в карман.

Посмотрел на Яшкин сапог. «Вот непутевый! Бросил — и хоть бы что». Поднял сапог, рассмотрел. «Ишь ты! Где это его так угораздило? Врет, что лопнуло,— об гвоздь, должно быть. Теперь пойдет рваться». Он поглядел, раздумывая, на дырку. Потом обругал еще раз Яшку и принялся накладывать заплатку.

Партизаны осмелели. На дворе стало теплее, наступила мягкая южная весна. Заночевать можно было под каждым кустом. И партизаны начали делать частые набеги. То стражника обезоружат, то казака верхового снимут. То ночью, подобравшись к самому городу, обстреляют патрули и мгновенно скроются.

Город был переполнен войсками. Но над ними не было твердого управления. Части разлагались. Только офицерские отряды представляли еще ценные боевые единицы.

Циркулировали всевозможные слухи, но точно никто ничего не знал. Где проходит линия фронта? Поговаривали, что где-то уже совсем близко. Чуть ли не возле Екатеринодара.

Однажды город был разбужен отголосками орудийных выстрелов. Испуганные и ошарашенные, повскакали с постелей обыватели. Возникли самые чудовищные предположения. Но вскоре волна смятения улеглась. Это английские суда с моря обстреливали тяжелой артиллерией где-то возле Туапсе зеленых.

Каждый день прибывали теперь с севера партии беженцев к последнему оплоту, последнему клочку, не поглощенному еще красной стихией,— Новороссийску.

Наступала агония.

Глава 14

Там, где кусты колючей ажины причудливо переплетались, из-за серого, поросшего мхом камня насторожившийся Яшка услыхал доносящийся издалека еще тихий, но ясный металлический звук: так-та... так-та...

— Подковы. Мать честная! Да неужели ж казаки?

От волнения даже дыхание сперло.

Впереди, из-за поворота, по широкой дороге показалось человек пять-шесть всадников. Яшка кубарем скатился вниз и помчался назад, пригнувшись и отхватывая длинными ногами саженные прыжки. Сергей видел, как он стремительно пронесся мимо них и скрылся за кустами, забираясь туда, где с главной частью отряда засел матрос.

Топот приближался. Партизаны зашевелились, принимая окончательное, наиболее удобное положение.

— Ребята,— предупредил Егор,— в последний раз говорю... Сдохнуть мне на этом месте, если не разобью башку тому, кто выстрелит без времени!

И ребята замерли, даже дыхания не слышно стало, потому что приникли их головы плотно к сыроватой, пахучей земле.

Конный дозор проехал близко, почти рядом, ничего не заметив.

Прошло несколько минут. Показался и весь отряд — человек около сорока пехоты. За ним тянулись экипажи, повозки, телеги. «Что бы это значило?» Сергей вопросительно взглянул на Егора.

— Беженцы в Сочи и к грузинам,— шепотом ответил тот.

Рядами проходили мимо солдаты. Впереди офицера не было, но зато возле повозок, из которых раздавался звонкий женский смех, на конях гарцевало целых три. Несколько мужчин в штатском, которым надоело, очевидно, сидение в экипажах, шли рядом разговаривая.

Молодая женщина, с развевающимся ярким шелковым шарфом, легко соскочила на ходу из шарабана, остановила одного из всадников и, взобравшись на седло, поехала, свесив ноги в одну сторону. До слуха Сергея донеслось несколько слов из оживленного разговора. Потом кто-то, проезжая мимо, мягким и красивым тенором запел модную в то время песню:

Плачьте, красавицы, в горном ауле,
Правьте поминки по нас.
Вслед за последнею меткою пулей
Мы покидаем Кавказ.

Вдруг, нарушив спокойную тишину, ударили выстрелы. Дикий, отчаянный визг смешался с перекатывающимся эхом.

Растерявшись, расстреливаемый в упор, отряд шарахнулся назад, но, встреченный огнем Егоровой засады, заметался, кидаясь в стороны от дороги. Некоторые пробовали было отстреливаться. Но они стояли на открытой дороге и, не выдержав, через несколько минут бросились по кустам, преследуемые партизанами.

Яшка сразу напоролся на офицера, который, прислонившись к какой-то повозке, садил пулю за пулей в их сторону.

— Брось, гадюга! — крикнул он, но в ту же секунду ему раздробило в щепки винтовку, а офицер отпрыгнул в сторону.

— Тебя-то мне, голубчик, и нужно! — процедил

откуда-то подвернувшийся Егор. И со всего размаха хватил офицера по голове прикладом.

Разгоряченные партизаны носились, как черти. Яшка орудовал новой, подобранной винтовкой.

Матрос, догнав какого-то субъекта, хотел его полоснуть из нагана. Пожалел патрона, сбил его ударом кулака на землю, и тот валялся до тех пор, пока его не пристрелил кто-то из пробегавших.

Егор заметил что-то мелькнувшее в стороне, закричал, кинувшись в кусты:

— Стой, стой, стервы!.. Не хотите?.. А!..

И он, не целясь, с руки выстрелил в убегающих; промахнувшись, бросился вдогонку сам. Сначала не увидел никого, повернул направо, сделал несколько шагов и столкнулся лицом к лицу с двумя женщинами.

Одна — высокая, черная, с разорванным о кусты ярким шелковым шарфом, та самая, которая еще так недавно беспечно смеялась, забравшись на верховую лошадь. Она смотрела на него широко открытыми темными глазами, и в этих глазах застыл безграничный ужас. Другая — еще моложе, белокурая, тоненькая — застыла, не соображая ничего, рукою ухватившись за одну из ветвей.

Несколько мгновений простояли молча.

— Аа,— проговорил Егор.— Так вот вы где... Убежать хотели? Офицеровы жены, что ли?

Женщины молчали.

— Я спрашиваю — офицеровы? — повторил Егор, повышая голос.

— Да,— беззвучно прошептала одна.

— Нет,— одновременно ответила другая.

— И да и нет,— усмехнулся Егор. И крикнул вдруг громко и бешено: — Буржуазия!.. Белая кость! Думаете, что раз бабы, так управы нет! Сукины дочери!..

Выхватив обойму, он стал закладывать ее в магазинную коробку.

— Большевик... — с отчаянием и мольбой прошептала высокая женщина.— Большевик... товарищ... пожалейте...

— Сдохнете, потом пожалею.— И, жестоко усмехнувшись, Егор лязгнул затвором, не обращая внимания на то, как тоненькая впилась взглядом в винтовку, вскрикнула и задергалась в истерике.

— Оставь, Егор! — проговорил, подходя сзади, матрос.

— Пошел ты к черту! — злобно изругался Егор.

— Оставь! — хмуро и твердо повторил матрос.— Будет на сегодня.

Егор посмотрел на него с насмешкой и презрением:

— Эх, ты!..

И отошел в сторону.

Победа была полная. Два офицера и человек пятнадцать солдат остались на земле. Человек около десяти — те, которые сразу побросали винтовки,— были захвачены в плен. Среди них непостижимым образом остались в живых двое штатских. Хотели было пристрелить и их, но кто-то предложил:

— Черт с ними! Пущай расскажут, как с ихним братом! А то и знать-то другие не будут.

Надо было торопиться. С захваченных поснимали шинели и отобрали патроны.

— Ну, стервецы,— подошел Егор к кучке пленников.— Пострелять бы вас, как собак, надобно. Против кого идете? Против своего брата рабочего, против мужика. Адмиралы вам нужны да генералы, каиново племя... валяйте к ним опять, когда хотите. А вы... — И Егор с ненавистью взглянул на штатских.— Вы, господа хорошие, и вы, мадамы! По заграницам, должно,

разъедетесь... больше вам деваться некуда. Так смотрите! Чтобы навек сами помнили и другим рассказать не позабыли... Вот, мол, как нас в России... — Он остановился гневно и добавил, переводя дух: — Ну, а теперь убирайтесь к черту! Да бегом, а кто отставать будет, вдогонку в спину получит.

— Товарищи! А не постреляете? — робко и недоверчиво переспросил кто-то из пленников.

— Постреляем, если глаза мозолить будете! — крикнул матрос.— Ну, раз... два... три! Да живо, сволочи, во всю прыть!

И когда те кучею понеслись, толкаясь и обгоняя друг друга, приказал:

— А ну, поддайте им жару, ребята! Дай несколько раз поверху... Вот так... Ишь, припустились.

Винтовки, повозки, ящики свалили в одну кучу. Обложили сеном из тарантасов и подожгли — чтобы не достались никому. Костер заполыхал, затрещал сухим деревом, взметываясь в небо.

— Хвейверк,— сказал кто-то.

— Люминация... Как в царский день.

— Эк, наяривает! Должно, в городе видно.

— И город бы надо со всех четырех концов.

— Зачем город? Наш скоро будет,— говорил матрос.— Даешь теперь в горы, ребята! Собирайся живей! Скоро отряды примчатся и пешие и конные. Гоняться будут со злости и день и ночь... Пускай гоняются... Ведь напоследок.

Глава 15

Взорванный под Екатеринодаром мост ненадолго задержал наступление красных. Их части осмелели настолько, что на следующий же день всего один баталь-

он, переправившись ночью, высадился на другом берегу и закрепился на нем, несмотря на то что двум лучшим дивизиям белых поручено было охранять переправу через разлившуюся Кубань.

Больше укрепленных позиций и рубежей не было. Оставалось последнее: выиграть насколько возможно больше времени, чтобы успеть погрузиться на иностранные суда и переправиться в Крым, в котором прочно засел Врангель.

А полк двигался все дальше. Каждый день приносил что-нибудь новое. На пленных перестали злиться, перестали интересоваться ими — слишком их было много.

Гораздо больше привлекало всех захватываемое партиями и вагонами снаряжение, имущество и обмундирование. Красноармейцы защеголяли в зеленых шинелях, во френчах с медными пуговицами и английским гербом. Затопали новенькими ботинками на подковах. Пополнели подозрительно солдатские мешки.

— Эй, ребята,— предупреждал Владимир,— смотрите, замечу у кого что лишнее, взгрею по чем попало.

— Эх, сукин сын! — завидовал кто-то.— Да ты, Охрименко, сам того не стоишь, сколько сапоги-то эти... Мать честная... с раструбами, по французской моде.

Много всякого добра оставляли по пути белые. Тупики, запасные и главные пути были совершенно забиты вагонами. Маневрировать не стало никакой возможности. Целые отряды занимались тем, что сваливали их десятками под откос, расчищая пути.

Белые отступали после очень коротких боев.

Только один раз нашим друзьям пришлось попасть в неожиданную переделку.

Как раз в тот день, когда не было у них ни стычки, ни даже перестрелки, после большого дневного перехода остановился полк в казачьем поселке. Утомленные

части крепко заснули. Утром, едва забрезжил рассвет, все повскакали, разбуженные выстрелами. Еле-еле успели выбежать и собраться кучками, как казаки уже ворвались в поселок.

Красноармейцы не растерялись. Из-за заборов, из калиток и из-за углов — со всех сторон посыпались выстрелы на прорвавшегося противника.

— Сдавай оружие!..— кричали по старой памяти казаки.

— Сдавай сам, когда хочешь!—отвечали красноармейцы.

А пулеметчики и того лучше. Выкатили на крыльцо «максима» — и, не глядя ни на что, давай садить прямо вдоль заборов.

Это была одна из последних безумных попыток одной из наиболее стойких частей вырвать инициативу, взять ее в свои руки. Увы! Прошли для донцов и кубанцев те золотые времена, когда десяток конных мог нагонять панику на целые батальоны. Казаки пошли наутек.

— На арапа думали!

— Нет, брат, шалишь... Теперь ученые.

Пулеметчик гордо доказывал, наполняя жидкостью кожух:

— Нет, брат, у казака врага больше, как «максимка».

Разгоряченный «максим» жадно пил холодную воду.

«По-хо-д!.. По-хо-д!..» — переливчато трубил сигналист.

Разбегались на места.

— Эх! — с сожалением говорил кто-то.—Жаль, товарищ командир, иттить скоро будет больше некуда.

— Найдем,— отвечал Владимир,— найдем, друг! По всему свету белых-то, ох, как много!

— Чтой-то ты разохотился, Кержаков? — усмехнулся кто-то.— Ты ведь ровно как в прошлом году домой винта нарезывал.

— Прошлый год в счет не идет,— отвечал тот, немного смущенный.— Прошлый год за кем греха не было? Тоже некоторые, чуть што, винтовки бросали,— добродушно подкольнул он.

— А что, взводный, сахару давно не давали? — подошел какой-то бородач к Николаю.

Все захохотали.

— Кто про почет, а Митрофанов все про хлеб да сахар!

— Становись!..—раскатывается по теплому воздуху привычный клич.—А ну там, шестая, не копаться!

Глава 16

На море у города корабли Антанты дымили трубами, ревели сиренами, ярко сверкали огнями. Дни и ночи работали, забирая накипь и гниль страны.

Толпились люди. Бесконечными вереницами, как потоки мутной, бурливой воды, вливались в обширные трюмы. Вздыхали облегченно под защитой молчаливых пушек. Бросали напоследок взгляды, полные бессильной злобы, страха и тоски.

Стояли капитаны на рубках. Глядели с высоты своего величия на встревоженных и мечущихся, оставляющих свою страну людей. На десятки тысяч хорошо вооруженных солдат, покидающих поля сражений. На хаос, на панику, на бессильную ненависть побежденных.

И карандашом по блокнотам удивленные капитаны прикидывали цифры. Разве мало орудий, патронов, пулеметов и снарядов привозили они?

И потому были непонятны причины поражений спокойным капитанам с чужих кораблей.

Офицерские отряды с бесшабашно-пьяными песнями расхаживали по улицам. Чтобы убить время от корабля до корабля, которые то скрывались за морским горизонтом, то появлялись за новым грузом, охотились по горам за зелеными. На них срывали злобу за неудачи, за проигрыш, за все...

Впервые над городом сегодня коршуном прокружил низко красный аэроплан. Обстрелянный со всех сторон, точно издеваясь, плюнул вниз засверкавшими серебром на солнце тысячами беленьких листовок. Спокойно улетел на восток.

А люди с окраин, из подвалов нетерпеливо поджидали, когда спустятся на землю вестники с того края. Осторожно оглядываясь, прятали листки по карманам. Дома подолгу, с жадностью читали.

В этот день, споткнувшись, Егор зашиб ногу об камень.

— Пес его тут приткнул!—с досадой говорил он, прихрамывая.— Только недоставало сиднем сидеть.

— Пройдет, Егор Кузьмич,— утешал его Федька.

И на том основании, что все равно скоро товарищи придут и «медикаментов» можно не экономить, выкрасил Егор почти всю ногу в темно-коричневый цвет, истратив последние полпузырька йоду.

— Пройдет,— уверял он.— Ежели после этакой порции как рукой не снимет — уж тогда и не знаю что.

Последние дни ребята ходили сами не свои. Каждый рвался отдохнуть хоть немного от волчьей жизни, узнать о судьбе оставленных на произвол во вражьей стране родных и близких, увидать окончательный разгром белых и долгожданную советскую власть.

— Ты куда ж тогда, милый, деваешься? — спрашивал матроса добродушный Силантий.

— В море уйду,— отвечал тот, потряхивая головой.— В море, брат, широко, привольно. Даешь тогда во всех краях революцию бунтовать! Я ведь при радиомашинах раньше служил. Знаешь ты, что это значит?

— Нету.

— Это, брат, штука такая. На тыщу верст говорить может. Захотел ты, скажем, в Англию или Францию рабочему что сказать, навернул раз, а уж там выходит: «Товарищи! Да здравствует всемирная революция». Захотел буржуазию подковырнуть, навернул в другой, а уж те читают: «Чтоб вы сдохли, окаянные. Придет и на вас расправа». Или еще что-нибудь такое.

Дядя Силантий слушал удивленно, потом спросил у Сергея, к которому всегда обращался со своими сомнениями:

— А не хвастает он, парень?

— Нет, не хвастает,— подтвердил Сергей.

Вечерело. Заходило солнце. То налетал, то снова прятался где-то мягкий ветер.

— А что,— сказал матрос,— не пора ли, ребята, за хлебом?

— Пора,— ответил Егор.—Ребята сегодня последние корки догрызли.

— Ну вот. А то завтра чуть свет к Косой горе, я думаю. С кем вот послать только?

— Дай я пойду,— предложил Сергей.

— Ступай, пожалуй. Человек с десяток с собой возьми. Они там тебе покажут.

Назначенные в фуражировку за хлебом, который был отдан на выпечку в один из домиков близ города, наскоро поужинали и собрались.

— Смотрите! — говорил матрос.— К рассвету уходить, из-за вас чтобы задержки не было.

— Хлеб-то дорогой не пожрите,— предупреждал кто-то.

Прошло около часа. Солнце скрылось, лишь последние лучи его откуда-то уж из-за земли отражались густо-красноватым блеском на тучных облаках.

Несмотря на то что завтра надо было чуть свет подниматься, никто не валялся и не отдыхал. Повсюду оживленно разговаривали, строили всевозможные планы и предположения на будущее. Кто собирался снова идти на землю, кто на завод, кто в Красную Армию. Смеялись над Яшкой.

— ...Сошников на коне должен впереди по Серебряковской... А все буржуи, какие останутся, по тротуарам во фронт встать должны...

— Зачэм буржуй,— запротестовал Румка.— Буржуй не надо оставлять... Рабочий на тротуар встрэчать будэт... флаг махать. А буржуй затылка пуль пускать надо...

Слушатели захохотали. Вдруг недалеко впереди послышался сильный и резкий свист. Смех сразу оборвался... Разговоры затихли.

— Что это такое? — прислушиваясь, вскочил матрос.— Постовой!

Свист повторился. Повскакали все, побросались к винтовкам — патронташей никогда не снимали. Из-за деревьев, запыхавшись, выбежал партизан.

— Ребята! — проговорил он, еле переводя дух.— Внизу белые... много... Прут прямо в нашу сторону.

— Далеко?

— С версту.

— Ладно! — крикнул матрос.— Все равно не догонят.

— Утикать?

— Ясно. Скорей, ребята, за мной!

Через несколько минут лихорадочной спешки отряд быстро и бесшумно уходил в горы.

— Я знаю их повадку,— говорил на ходу матрос прихрамывающему Егору.— Они теперь по верхам лазить будут. А мы возле дороги кого ни то сцапаем.

Начинало совсем темнеть. Сзади, далеко где-то, послышалось несколько выстрелов.

Уже широко бледная полоса наступающего рассвета залегла на востоке. И предутренним сырым холодком повеял ветер с моря, когда нагруженный буханками десяток партизан приближался к своему укромному убежищу в горах.

«Запоздали немного,— думал Сергей.— И то еще торопились, всего какой-нибудь час передохнули».

В крохотной хибарке тем временем Сергей успел узнать все последние новости города.

«...Белым не хватает кораблей... Главное начальство уехало... Вот-вот придут товарищи...» «Володьку увижу... Кольку увижу...»

На душе было хорошо и весело. Позади ребята смеялись. У Севрюкова вырвалась буханка и покатилась колесом, высоко подскакивая на выбоинах, вниз по скату.

— Ах ты окаянная! — закричал он.

Но нагнал ее только тогда, когда она сама остановилась, прокатившись саженей с пятнадцать.

— Что это вроде гарью пахнет? — заметил кто-то.

— От костра, должно быть.

— Больно здорово.

Подошли к стоянке совсем близко. Постового на месте не было.

Сергей сделал еще несколько шагов и, заметив что-то неладное, бросился вперед. Крик вырвался из его груди.

На полянке никого не было. Землянки пообвалились. Синеватый угарный дымок поднимался от обуглившихся головешек. Костер с треножником был разметан. А посередине валялся разбитый пулею чугунный котел.

В первую минуту все отскочили назад, опасаясь, как бы на что-нибудь не нарваться.

Были белые — сразу стало всем ясно.

Оправившись немного от изумления, принялись осматриваться.

— Может, их поубивали сонными,— высказал кто-то.

— Хреновину городишь. Где же убитые?

— Я так думаю, боя не было. Наши, должно, смотались вовремя да утекли. Посмотри, вокруг ни одной стреляной гильзы не валяется.

Присмотревшись внимательно, следов боя не нашли никаких. И Сергей пришел тоже к заключению, что отряд успел своевременно убраться. Но куда же они ушли?

— К Косой горе,— сказал Севрюков.

— Обязательно туда. Вчера матрос говорил.

— Когда не все там, так кого-нибудь поставили. Знают же, что нам негде больше их искать.

— Далеко это?

— Верст пять будет. Только горами.

— Пойдем туда.

Хлеб побросали.

Вдруг далеко-далеко позади — сначала тихо, потом ясней и ясней — послышались глухие удары...

— Орудия! — крикнул кто-то.

Заколотились сердца тревожно, волнующе. «Может быть...» — думал каждый.

Окрыленные надеждой партизаны понеслись во весь дух к своим.

Надвигалась развязка.

Когда часа через два они спускались усталые, но бодрые к морю, из-за гор взошло теплое, яркое солнце. Тяжелые, свинцовые волны загорелись голубоватым прозрачным блеском.

Вышли на шоссе.

— Вон,— указал один на кусты, рассыпанные по буграм над дорогой.

Подошли поближе. Никто не показывался.

— Гляди-ка! — ахнул один, останавливаясь возле кучки темных камней.— Кровь...

— Вон еще.

Подошли вплотную — никого. Двое полезли наверх, другие остались внизу. Кто-то дернул Сергея за рукав. Он обернулся и увидел Севрюкова:

— Ты что?..

— Они там... — оборвавшимся голосом ответил Севрюков, показывая на море.— На берегу...

Долго ждали не подозревающие опасности партизаны.

— И чего копается! — ругал матрос Сергея.

Впереди по шоссе показалась большая часть белых. Партизаны попрятались по кустам. Солдат проходило много, нападать было опасно. Их пропустили мимо. Не прошло получаса, как впереди опять показались солдаты.

«Куда их прет столько?» — подозрительно подумал матрос. Приказал ребятам лежать под кустами не шелохнувшись.

Вдруг где-то с тылу раздался выстрел.

— Черти! Сволочи! — закричал он, вскакивая. Ему пришло в голову, что выстрелил кто-то из своих.— Все дело испортили!

Но оттуда же раздались крики и стрельба. Их обошел первый миновавший отряд. Сзади с шоссе тоже засвистели пули.

— Обошли! — в панике крикнул кто-то.

— По бугру!.. По бугру!..— бегал, раскидывая по гребню растерявшихся ребят, Егор.

Застрочил пулемет и точно косой срезал верхушки кустов над головами.

Из-за прикрытия оправившиеся партизаны открыли сильный ответный огонь. Два раза пробовали занять сопку, и оба раза осаживали.

Через полчаса раздались зловещие фразы:

— Егор! Патрон мало!

— Две обоймы... Последняя...

Матрос увидел, что дело плохо. Белые забрались еще выше, на соседний бугор, и оттуда поливают из пулемета. Упал Кошкарев; медленно, мешком осел Румка. Закорчились, хватаясь за землю, еще несколько человек. Выстрелы партизан заметно поредели.

— Сошников! — крикнул Егор.— Кончено дело! Стрелять нечем!

«Эх! — решил матрос.— Все равно пропадать!» И гаркнул во весь голос:

— Товарищи, за мной!

И первым скатился под откос на дорогу. За ним ринулись оставшиеся человек двадцать.

Выстрелы сразу оборвались. Тонкая цепь белых дрогнула. Но из-за поворота, лязгнув железом подков о камни, вылетел и врубился откуда-то взявшийся полуэскадрон.

«Точка,— решил матрос и наган с последней пулей взметнул к виску.— Нет,— мелькнула мысль,— пусть сами, а она — им». Выстрелил в упор в грудь какого-то кавалериста, упал с ним рядом, бессильно закинув назад разрубленную голову.

Через несколько минут все было кончено. По дороге валялись зарубленные. Человек восемь были захвачены живыми. Среди них Егор, Силантий и Яшка.

Их оставили для допроса.

Егор стоял хмуро и вызывающе. Когда офицер, заметив это, ударил его несколько раз кулаком по лицу, он проговорил холодно, окидывая врага взглядом, полным жгучей ненависти, сплевывая на траву кровь:

— Бей! Теперь твоя взяла! Бей, сволочь! Попался бы ты ко мне, я бы с тебя совсем шкуру спустил!

— А, м-мерзавец!.. — завопил в бешенстве белый.

Яростно замахнулся на Егора, но в эту секунду далеко за горами глухо загудели взрывы. Вздрогнули все сразу. Тревога, растерянность невольно появились на лицах белых.

— Товарищи идут! — громко и убежденно крикнул Яшка.

— Я вам покажу... Я вам дам товарищей! — закричал опять офицер.

— Ничего ты, подлец, не покажешь,— угрюмо сказал Егор.— Вам скорей убираться надо. Разве по пуле пустить успеете.

Должно быть, и правда белым стало некогда, потому что они отказались от допроса.

— Только не возле дороги,— говорил старший офицер поручику.— Здесь люди проходить будут.

Их отвели к самому берегу моря.

— Прощайте, ребята,— сказал Егор, когда ему с несколькими партизанами приказали отойти в сторону.

Треснул залп. Крикнуло эхо. Испуганно взметнулась чайка. Упали люди.

— Следующие!..

По щеке у Яшки катилась слеза. Его старая чиновничья фуражка с выцветшим околышем и кривобокой звездой съехала набок. Рубаха была разорвана. Он хотел что-то сказать, но не мог.

Силантий, сняв шапку, стоял спокойно, уставившись на прицеливающихся солдат.

— Господи, не оставь Нюрку!

Сергей стоял задумчиво. Сняв шапки, стояли оставшиеся с ним партизаны. Море шуршало гальками. Тихо всплескивая, набегала голубовато-прозрачная волна и, прильнув ласково к откинутой руке Яшки, уходила обратно.

И все рухнуло. Заметались солдаты, беженцы, офицеры. Бросились с отчаянием к морю. С оружием врывались на переполненные суда. Ждали с лихорадочным нетерпением новых. Новых не было, старые уходили.

Возле города разорвалось несколько снарядов. Началась паника. Пехотинцы кидали на тротуары винтовки. Кавалеристы пускали лошадей, сбрасывали шашки. Повсюду метались офицеры... Срывали погоны... Проклинали всех и всё... На окраинах, около цементных заводов, раздавалась беспорядочная трескотня.

— Большевики в городе! — послышались крики.

У набережной кто-то испуганно взвизгнул. Почти

в самую гущу вылетел небольшой кавалерийский отряд. Не обращая ни на кого внимания, умчался, трепыхая красным значком, дальше.

Сергей с винтовкой в руках бегал по улицам. Он уже знал, что его бригада здесь, и разыскивал свой полк. Но посреди сумятицы и шума добиться ничего не мог.

Кто-то сказал ему, что полк, кажется, на вокзале. Кинулся туда. Вдруг столкнулся совершенно неожиданно со знакомым красноармейцем из своего полка.

— Петров!.. Где наши? — крикнул Сергей.

— Горинов... — отскочил даже тот.— Откуда?

— После, после... Где наши?

— Наши везде. И на станции и в порту.

— А разведка?

— Вон! Видишь пристань?.. Они охраняют там что-то.

Стрелой полетел туда. Вон Владимир кричит что-то и бегает, расставляя людей. Вон Дройченко возле громадной кучи тюков со снаряжением.

— Володька! — кричит Сергей.— Володька!..

Повернувшись, тот замер от изумления, потом бросился к Сергею. Со всех сторон бежали красноармейцы его команды. Откуда-то — стремительно, как и всегда,— вылетел Николай. Завопил от радости что-то несуразное.

Его расспрашивали — он расспрашивал. Ему тискали руки — он жал руки. Как щепку, его передвигали с одного конца толпы в другой.

— Я говорил!.. — перебивая всех, кричал Николай.— Я говорил, что найдется.

Смеялись и кричали бестолково и радостно.

— Смотрите, товарищи,— говорил Сергей, когда все немного успокоились.— Пришел наш черед. Сегодня вся армия... вся Республика... сегодня мы празднуем победу.

Кругом била жизнь ключом. Носились кавалеристы. Тянулись пленные. Проходили отряды с песнями. Откуда-то доносились бодрые, приподнимающие звуки боевого марша.

...А на море, у далекого синего горизонта, чуть заметные темные точки — корабли Антанты дымили трубами.

...Корабли Антанты покидали Советскую Страну.

1925

НА ГРАФСКИХ РАЗВАЛИНАХ

I

З ТРАВЫ выглянула курчавая белокурая голова, два ярко-синих глаза, и послышался сердитый шепот:

— Валька... Валька... да заползай же ты, идол, справа! Заползай сзаду, а то он у-ч-ует.

Густые лопухи зашевелились, и по их колыхавшимся верхушкам можно было догадаться, что кто-то осторожно ползет по земле.

Вдруг белокурая голова охотника опять вынырнула из травы. Свистнула пущенная стрела и, глухо стукнувшись о доски гнилого забора, упала.

Большой, жирный кот испуганно рванулся на крышу покривившейся бани и стремительно исчез в окне чердака.

— Ду-урак... Эх, ты! — негодуя, проговорил охотник поднимающемуся с земли товарищу.— Я же тебе говорил — заползай. Там бы сзаду как удобно, а теперь на-ко, выкуси... Когда его опять уследишь.

— Заползал бы сам, Яшка. Там крапива, я и то два раза обжегся.

— Крапива! Когда на охоте, то тут не до крапивы. Тебе бы еще половик подостлать.

— А раз она жжется!

— Так ты перетерпи. Почему же я-то терплю... Хочешь, я сейчас голой рукой ее сорву и не сморгну даже? Вру, думаешь?

Яшка вытер влажную руку, выдернул большой крапивный куст и, неестественно широко вылупив глаза, спросил, торжествуя:

— Ну что, сморгнул? Эх ты, нюня.

— Я не нюня вовсе,— обиженно ответил Валька.— Я тоже могу, только не хочу.

— А ты захоти... Ну-ка, слабо́ захотеть?

Веснушчатое курносое лицо Вальки покраснело; не принять вызова он теперь не мог.

Он подошел к крапиве, заколебался было, но, почувствовав на себе насмешливый взгляд товарища, рывком выдернул большую, старую крапивину. Губы его задрожали, глаза заслезились; однако, силясь вызвать улыбку, он сказал, немного заикаясь:

— И я тоже не сморгнул.

— Верно!—по-чистому согласился Яшка.— Раз не сморгнул, значит, не сморгнул. Только я все-таки посередке хватал, а ты под корешок, а под корешком у ей жало слабже. Ну, да и то ладно! Знаешь что? Пой-

дем давай во двор, там девчонки играют, а мы им сполох устроим.

— А мать дома?

— Нет. Она на станцию молоко продавать пошла. Никого дома нету.

Во дворе возле забора домовитые и стрекотливые, как сороки, две девочки накрыли сломанный стул и табурет старым одеялом и, высунувшись из своего шалаша, приветливо зазывали двух других девчонок:

— Заходите, пожалуйста, в гости! У нас сегодня пироги с вареньем. Заходите, пожалуйста!

Но едва только гости чинно направились на зов, как хозяйки шалаша испуганно переглянулись:

— Мальчишки идут!

Яшка и Валька приближались медленно, спокойно, ничем не выдавая на этот раз своих истинных намерений.

— Играете? — спросил Яшка.

— У-ухо-дите! Чего вы лезете? Мы к вам не лезем,— плаксиво сказала Нюрка, Яшкина сестренка.

— Отчего же нам уходить? — еще мягче спросил Яшка.— Мы посмотрим да и пойдем дальше. Это что у вас такое? — И он ткнул пальцем в одеяло.

— Это наш дом,— ответила Нюрка, несколько озадаченная таким необычно мирным подходом.

— До-ом? А разве домá из одеялов строят? Дома строят из бревен или из кирпича. Вы бы потаскали кирпичей с «Графского» и построили крепкий, а этот чуть толкнешь — он и рассыплется.

И Яшка потрогал ногою табуретку, чем вызвал немалую панику у обитателей шалаша.

— Ну ладно. А где же у вас пирог?

— Вот тут,— тревожно следя за каждым движением Яшки, ответила Нюрка.

— Вот дуры-то! Все у них не по-людски. Дом из одеяла, а пироги из глины. А ну-ка, съешь один пирог, ну-ка, кусни. А... не хочешь? Людей такой дрянью угощаешь, а сама не хочешь... Валька, давай мы все их-ние пироги им в рот запихаем. Сами напекли, пускай и жрут.

— Я-а-а-шка! — безнадежно-тоскливо в один голос затянули девчонки.— Я-а-шка... у-ходи, ху-ли-и-га-ан.

— А... вы еще ругаться! Валька, в атаку на это бандитское гнездо!

Только-только угроза разгрома и расправы вплотную нависла над мирными обитателями шалаша, как вдруг Яшка почувствовал, что кто-то крепко взял его сзади за вихор.

Девчонки, точно по команде, перестали выть. Яшка обернулся и увидал Валькины пятки, исчезающие за забором, да рассерженное лицо матери, вернувшейся с вокзала.

— Марш домой! — крикнула мать, давая ему шлепка.— Ишь, разбойник, и игры-то у него разбойные... Смотри-ка, какой Петлюра выискался! Вот погоди, придет отец — он тебе покажет, как атаманствовать!

II

Отец у Яшки старый — уже пятьдесят четыре года стукнуло. Служит он сторожем в совете, а раньше садовником у графа был.

В революцию граф с семьей убежал. Усадьбу старинную мужики сгоряча разграбили. Невдомек было, видно, что усадьба-то пригодиться может. В суматохе кто-то то ли нарочно, то ли нечаянно запалил ее. И выгорело у каменной усадьбы все деревянное нутро. Одни только стены сейчас торчат, да и те во многих местах

пообвалились. А от оранжерей и помину не осталось. Стекла в гражданскую войну от орудийной канонады полопались, а дерево сгнило.

Раньше хоть мимо дорога была, но с тех пор как построили новый мост через Зеленую речку, совсем усадьба в стороне осталась. И стоит она на опушке, над оврагом, как надмогильный памятник старому режиму.

Отец Яшки, Нефедыч, вернулся сегодня вовсе добрым, потому что получка была. А в получку каждый человек, конечно, добрый, и потому, когда мать начала жаловаться на Яшку, что нет с ним сладу, отец ответил примирительно:

— Ничего, осенью в школу опять пойдет, тогда за ученьем дурь из головы вылетит.

— До осени-то еще долго. Он и вовсе избалуется. Тебе-то что, а у меня он на глазах.

Яшка сидел молча, уткнув голову в тарелку, и не оправдывался.

Это отмалчивание еще больше рассердило мать, и она, бухая на стол горшок с кашей и свининой, продолжала:

— Этак из мальчишки добра не выйдет. Тоже пошли деточки... Я сегодня с вокзала иду, смотрю — в стоге сена, возле тропки, что-то ворочается. Уж не наш ли поросюк забежал?.. Подошла, глянула, да так и обмерла. Высовывается оттуда рожа, че-ерная, ло-охматая, вся как есть в саже. Во рту цигарка, а в руке рогуля с резиной, а в резине камушек. Мальчишка лет тринадцати, а страшенный—сил нету. Я назад, а он как засвищет, да этак засвищет, что аж в ушах зазвенело.

При этих словах Яшка насторожился, а Нефедыч аккуратно сложил газету и сказал:

— В совете у нас про это самое разговор был. Говорят, объявился у нас в местечке какой-то беспризорный.

И зачем его к нам занесло — уму непостижимо. Местечко у нас маленькое, стороннее, от главной линии только ветка. У нас рассуждали — что не изловить ли его? Так опять — куда ты его денешь? В суд — нельзя, пока за ним проступков никаких не замечено. Беспризорного дома у нас нет, а в город отправлять — возня. Секретарь говорил, что, должно быть, беспризорный и сам скоро убежит, потому что у нас ему неинтересно: ни публики на вокзале, ни толпы на улице — кошелек спереть из кармана и то не у кого.

Яшка, ошеломленный услышанным, забыл про кашу и прилип к табуретке. Потом, сообразив, что, вероятно, он пока является единственным обладателем подслушанного сообщения, заерзал, бросил недоеденную тарелку и, невзирая на грозный окрик матери, понесся на двор, срочно поделиться с Валькой важной новостью.

Он бросился к забору Валькиного сада и чуть не лбом столкнулся с перелезающим навстречу Валькой.

— А я, брат, чего знаю! — сказал, переводя дух, Яшка.

— Нет, ты слушай лучше, что я знаю.

— Про что ты можешь знать! Ты знаешь про неинтересное, а я про интересное.

— Нет уж, я-то про самое интересное знаю.

— Знаю я, про какое интересное ты знаешь. Наверное, про то, кто нашу нyретку на проток перекинул? Так это что, а я вот знаю!

— Ничего ты не знаешь. А ну давай об заклад биться: если ты знаешь интересней, я тебе две стрелы с напайками дам, а если я интересней, то ты мне... ножик.

— Ишь ты какой ловкий!.. Ножик-то почти новый, у него только одно лезвие сломано, а от второго еще больше полполовины осталось... Хочешь, я тебе патрон дам?

— На что он мне? У меня своих три.

— Так у тебя же пустые, а я нестреляный дам; его ежели в лесу в костер бросить, так он как ухнет.

— Ну ладно. Чур — так! Говори. А то ты увидишь, что моя берет, и скажешь, что про это же самое знаешь, чтобы не отдавать.

— Так тогда как же?

Оба мальчугана постояли, задумавшись, потом Яшка прищелкнул языком и сказал:

— А вот как! Ná тебе гвоздь и нацарапай им на заборе про что у тебя, а потом в другом месте нацарапаю я, тут уже будет без обмана.

Оба долго пыхтели, вычеркивая кособокие буквы.

Через минуту оба хохотали.

— Да у нас про одно и то же. Только у меня написано «про беспризорного», а у тебя «про беспризорного налетчика». Почему же, однако, он налетчик?

— А уж обязательно налетчик,— снижая голос, ответил Валька.— Они все такие — у них в кармане либо финский нож, либо гиря на ремне. А то чем же они питаться станут!

— А может, попросят где,— сомневаясь в словах товарища, сказал Яшка,— либо яблок по садам накрадут, вот и жрут.

— Ну уж и «попросят»! Скажешь тоже... Да кто же этаким страшенным подаст? Нет уж, ты поверь мне, что налетчик. Симка Петухов его сегодня повстречал. Симка говорит, что как выскочит тот из ямы возле кирпичных сараев и кричит: «Выкладывай все, что есть», а сам махает гирей; а гиря тяжелая — десять фунтов.

— Ну уж и десять?

— Ей-богу, десять. Симка еле утек. Он бы, говорит, вступил с ним в сражение, да был без оружия, палки — и той под рукой не было.

— А может, он врет, Симка-то? Что с него грабить? Я сам видел в окно, как он мимо пробежал. На нем одни штаны только до колен, а рубахи и той не было.

Последний довод смутил несколько Вальку, но, не желая сдаваться, он ответил уклончиво:

— Уж не знаю чего, а только налетчики всегда этакими словами разговор начинают, это у них уже такая привычка.

— Валька! — сказал, немного подумав, Яшка.— А как же теперь... мальчишки? Поди-ка, все струхнут.

— Обязательно струхнут. Чуть вечер, поди, и за ворота выйти побоятся.

— А ты?

— Я-то... — Валька горделиво усмехнулся.— Я что! Я и сам... я вот сегодня ножик перочинный отточу да на бечевке под рубахой к поясу привяжу. Так и буду ходить, как черкес. Пусть только попробует сунуться!

— А я налобок возьму, которым в ямки играют. Он крепкий, дубовый. Приходи завтра пораньше утром под окошко и крикни меня. Да только не ори, как вчера, во всю глотку, так, что мать даже с постели вскочила — думала, говорит, что пожар или сполох какой.

— Не... я тихонько.

— Валька...— спросил Яшка, перед тем как уйти.— А отчего они черные такие?.. Как мать говорит, хуже черта.

— Оттого, что они под мостами либо в котлах ночуют.

— А зачем же в котлах? — еще больше удивился Яшка.— Какой же есть интерес в котле ночевать?

— Какой? — Валька задумался.— А такой, что ежели ты его в постель положишь, то он и глаз закрыть не может, а обязательно, чтобы в котле. Это уж у них такая природа.

II

В последующую неделю были немалые толки и пересуды среди мальчишек местечка. Беспризорный этот, по-видимому, и на самом деле оказался настоящим разбойником.

Например, в ночь с субботы на воскресенье оказался целиком очищенным от яблок сад тетки Пелагеи. В поповском доме неизвестно откуда залетевшим камнем вдребезги разбито стекло. А что еще хуже — пропал у Сычихи козел. То есть были обысканы все закоулки, все пустыри, а козла нет и нет...

Яшка все понимал. Ну, яблоки, скажем, про запас. В стекло камнем — просто для озорства. Ну, а козел на что? Ни шкуры с него, ни мяса не жрут.

— Жру-у-ут! — с увлечением подтверждал Валька.— Простые люди не жрут, а они все как есть жрут. Такая уж у них природа.

— Что ты мне забубнил,— рассердился Яшка,— природа да природа! По-твоему, может, и сырье жрут.

— И сырье и всякое! — еще с большим азартом принялся уверять Валька.— Мне Симка рассказывал, что когда был он в городе — такое видел! Идет торговка с корзиной, а беспризорные налетели... раз... раз, и не осталось от нее ничего.

— От торговки-то?

— Да не от торговки, а от корзины, с калачами там или с пирогами.

— Так ведь это пирог — пирог, он вкусный, а то козел — тьфу!

Валька оглянулся, подошел к товарищу поближе и сказал таинственным шепотом:

— Яшка! А Степка-то за нами выслеживает. Честное слово. Я пошел к «Графскому». Вдруг как ровно дернуло меня обернуться. Я присмотрелся. Гляжу,

Степкина голова из-за кустов торчит и пристально этак за мною выглядывает. Я нарочно взял да и свернул логом к пустырю, а оттуда домой.

— Ну-у! — И у Яшки даже голос осекся от волнения.— А может, он просто нечаянно?

— Ну нет, не нечаянно. Этак прямо смотрит и смотрит. А я гляжу — рядом куст колыхнулся... должно быть, там еще кто-нибудь из ихней партии сидел.

— Так ты, значит, там не был?

— Нет!

— А как же он там, голодный?

— Ничего, ему хлеба в прошлый раз много принесли и воды тоже. Жив будет до завтра. А завтра пойдем либо рано утром, либо к вечеру попозже, когда от мальчишек незаметней. Ух, как осторожно надо действовать, а то накроют! Нас двое, а их четверо. Кабы нам хоть кого третьего к себе придружить.

— Кого придружить? Ты его сегодня придружи, а он назавтра все ихним и выболтает. А тогда что? Тогда убьют его непременно.

— Убьют обязательно.

Возвращаясь домой, Яшка за огородами натолкнулся на своего закоренелого врага, Степку.

Встреча была неожиданная для обоих. Но противники заметили один другого еще издалека, и поэтому, не роняя своего достоинства, свернуть в сторону было невозможно.

Сблизившись на три шага, враги остановились и молча, внимательно осмотрели один другого. У Степки была палка — следовательно, преимущества были на его стороне. Осмотревшись, Степка презрительно и мастерски сплюнул на траву. Яшка не менее презрительно засвистел.

— Ты чего свистишь?

— А ты чего расплевался?

— Я вот тебе свистну! Вы зачем на нашего кота со стрелами охотитесь?

— А пусть в чужой сад не лезет. Когда наш Волк к вам во двор забег, вы зачем в него кирпичами кидали?

— А вы куда Волка девали? Вы врете, что его отравил кто-то. Вы сами его куда-то спрятали, потому что мы на него в суд за задушенных кур подали. Только вы нас не проведете... Погодите, мы до вас скоро докопаемся!

— Четверо-то на двоих нашлись!

— Эх, и трусы! «Четверо»! Ваську тоже сосчитали, когда ему только девять лет.

— Что же, что девять. Он вон какой толстый, как боров... да и все-то вы свиньи.

Последнее замечание показалось настолько оскорбительным, что Степка схватил с земли глиняный ком и со всего размаху запустил его в Яшку.

И если кровавому поединку не суждено было совершиться и если Яшка не пал на поле битвы от руки лучше вооруженного врага, то только потому, что этот последний вдруг дико вскрикнул и без оглядки бросился бежать.

Предполагая, что тот струсил, Яшка издал воинственный клич и хотел было преследовать неприятеля, как вдруг услышал позади себя негромкий смех.

Он обернулся и тотчас же понял действительную причину поспешного исчезновения Степки.

Возле куста бузины стоял одетый в лохмотья черный невысокий мальчуган, в котором Яшка без труда угадал грозу всех мальчишек местечка, героя последних событий — беспризорного налетчика.

IV

И тотчас же Яшка понял, что он погиб окончательно и бесповоротно. Он хотел бежать, но ноги не слушались его. Он хотел закричать, но понял, что это бесполезно, потому что вокруг никого не было. Тогда, решившись отчаянно защищаться, он стал в оборонительную позу.

Мальчуган в лохмотьях продолжал смеяться, и этот смех сбил еще больше с толку Яшку.

— Ты чего? — спросил он, с трудом ворочая языком.

— Ничего,—отвечал тот.— Что это вы, как петухи,— друг на друга налетели?

Мальчуган раздвинул кусты и очутился рядом с Яшкой.

«Сейчас гирю вынет»,— с ужасом подумал тот и сделал шаг назад.

Однако, вместо того чтобы напасть на Яшку, беспризорный бухнулся на траву и, хлопая рукой по земле, сказал:

— Чего же ты столбом встал. Садись.

Яшка сел. Беспризорный засунул руку в карман и, к величайшему изумлению Яшки, вынул оттуда маленького живого воробья и поднес его ко рту.

— Сожрешь? — негодуя, воскликнул Яшка.

Беспризорный вопросительно поднял на Яшку маленькие ярко-зеленые глаза, подышал теплом на воробьенка и ответил:

— Разве ж воробьев жрут? Воробьев не жрут и галок тоже не жрут. Голубь — тут другой разговор. Голубя ежели в угольях спечь — вку-усно! Я их из рогатки бью.

Он сунул воробья за пазуху рваной бабьей каца-

вейки и, протягивая Яшке недокуренную цигарку, предложил:

— Нá, докури.

Машинально Яшка взял окурок и, не зная, куда его девать, спросил несмело:

— А козла ты зачем съел?

— Кого?

— Козла... Сычинного. У нас ребята говорят, что ты его упер на жратву.

Беспризорный хлопнул себя руками по бокам и звонко расхохотался. И пока он хохотал, оцепенение начало сходить с Яшки, и беспризорный представился ему в совершенно другом свете. Яшка рассмеялся и сам, потом подскочил и затряс кистью руки, потому что догоревший окурок больно ожег ему пальцы.

Успокоившись, подвинулись друг к другу ближе.

— Тебя как звать? — спросил беспризорный.

— Меня Яшкой. А тебя?

— А меня Дергачом.

— Почему же Дергачом?

— А почему тебя Яшкой?

— Вот еще скажешь тоже. Яков — такой святой был, и именины справляют. А такого святого, чтобы... Дергач, не должно бы быть...

— А мне и наплевать, что не должно.

— И мне,— немного подумав, признался Яшка.— Только ежели при матери этак скажешь, так она за ухо. Отец, тот ничего, он и сам страсть как святых не любит — якобы дармоеды все. А мать — у-уу! Про что другое, а про это и не заикнись. Я один раз масла из лампадки отлил — Волку лапу зашибленную смазать, так что было-то...

— Били? — участливо спросил Дергач.

— Нет! Только за волосы оттрепали да в чулан

заперли.— И задорно он добавил: — А зато я, пока в чулане сидел, назло со всех крынок сливки спил... А ты, Дергач, зачем к нам пришел? — перескочил вдруг Яшка.

— Значит, нужно было,— ответил тот и глубоко вздохнул.

Этот тяжелый, горький вздох, за которым, казалось, спрятано было что-то большое, невысказанное, почему-то точно теплом обдал Яшку.

— Давай дружиться, Дергач? — неожиданно для самого себя искренне предложил Яшка.— Я тебя с Валькой сведу — с моим товарищем. Хороший... только врет много. А потом... — Тут Яшка поколебался.— Потом мы тебе интере-есную вещь скажем. И как весело будет жить, Дергач.

Дергач ничего не ответил. Он лежал, подставив лицо отблескам багрового, угасающего горизонта. И Яшке показалось, что Дергач чем-то не по-детски глубоко опечален.

Однако, заметив на себе пристальный взгляд Яшки, Дергач быстро повернулся и сказал, вставая:

— Достань завтра у отца махорки... и принеси сюда, а то у меня вся повышла... Я буду ждать здесь же об эту пору.

И, не прощаясь, он раздвинул кусты и исчез, оставив Яшку размышлять о странной встрече и странном новом товарище.

V

Дома тихо. Потрескивают угли в самоваре. Яшка строгает деревянную дощечку. Нефедыч углубился в чтение. Из-за развернутого листа газеты виден его красный лоб, отсыревший после пятого стакана чая. Нюрка мастерит кукольную шляпу. Мать возится на кухне.

— Не пойму,— слышится ее голос.— Никак не пойму, куда девались из сеней полчугуна вчерашнего борща. Чугун на месте, а борща нет. Анка! Ты поросюку не выливала?

— Нет, мам!

— Ну так, должно быть, этот идол опрокинул.

«Этот идол», то есть Яшка, сидит и пыхтит, обглаживая дощечку, и делает вид, что разговор его не касается.

— Тебе, что ли, говорят? Ты опрокинул? — сердито повторяет мать.

Яшка, нехотя и не отрываясь от работы, отвечает:

— Кабы я, мам, опрокинул, так все бы на полу было, а раз пол сухой, значит, и не опрокидывал.

— А пес вас разберет! — еще больше раздражается мать.— Тот не брал, этот не опрокидывал, что же он, высох, что ли? Отец! Да брось ты свою газету! Кто же, выходит, взял-то?

Нефедыч не торопясь складывает газету и, очевидно расслышав только конец фразы, отвечает невпопад:

— Действительно... И кто бы мог подумать. Опять они взяли, да как ловко, что и не подкопаешься.

— Да кто они-то? Кому же это прокислый суп понадобился?

— Да не суп... какой суп? — растерянно оглядываясь и с досадой отвечает Нефедыч.— Я говорю, консерваторы опять власть взяли.

Убедившись в том, что ни от кого толку не добьешься, мать плюнула и принялась греметь посудой. А Нефедыч, почувствовавший желание поговорить, продолжал:

— И казалось бы, что отошло их время. Ан нет, вывертываются еще. Скажем, вон, например, наш граф. Имение у него посожгли, сам где-то по заграницам ша-

тается. А все, поди-ка, мечтает, как бы старое вернуть. Да еще бы и не мечтать! Возьмем хотя бы имение—чем там ему не жизнь была? Картинка — что снутри, то и снаружи. Одни оранжереи чего стоили. И чего там только не было — и орхидеи, и тюльпаны, и розы, и земляника к рождеству... Пальма даже была огромная, больше двух сажен. Специально с Кавказа, из-под Батума, выписали. Я говорю ему: «Ваше сиятельство, куда же мы этакую махину денем — это всю оранжерею ломать придется!» А он отвечает: «Ничего, ты ее прямо в грунт посади, а каждый год к холодам возле нее специальную постройку из стекла делай, а к весне опять разбирать будем». Ну и разбирали. Красивая пальма была. Мне тогда за уход граф двадцать пять целковых подарил... как раз в мае.

— Вот еще спятил старый. Да разве же у нас свадьба в мае была? Свадьбу как раз после троицы сыграли.

— Уж не знаю, после троицы или после чего, а только в мае мы тогда как раз левкои высаживали.

— Что ты мне говоришь! — раздражаясь внезапно, как и всегда, говорит мать.— Посмотри в метрики, за божницей лежат.

— Мне смотреть нечего. Я и так помню. Еще тогда старший барчук только что из кадетского корпуса на каникулы приехал и фотограф снимал его под пальмой. У меня и сейчас где-то карточка эта сохранилась... Яшка, я показывал тебе эту карточку?

— Сто раз видел,— отвечает Яшка.

Мать, негодуя, всплескивает руками и лезет за метриками за божницу.

Она долго не может найти нужную ей бумагу. За это время пыл ее несколько остывает, ибо, прикинув в уме, она начинает припоминать, что троица в том году,

когда была свадьба, как будто бы и в самом деле была ранняя и приходилась на май. Но тут ее внимание отвлекает другое обстоятельство.

— Анка! — слышится опять ее голос.— Ты не убирала из-за божницы венчальные свечи?

— Нет, мам!

— Отец! Уж ты, конечно, не трогал свечей?

— Двадцать пять лет не трогал,— покорно подтверждает Нефедыч.— Как раз со дня самой свадьбы не трогал.

— А я их на прошлой неделе еще видела. Куда же они девались? Наверно, опять Яшка куда-нибудь засунул.

Яшка, поскольку вопрос не обращен прямо к нему, продолжает молча сопеть над доской.

— Яшка! Ты, паршивец этакий, должно быть, извел свечи?

Яшка кончает работу, кладет нож на стол и отвечает серьезно, но в то же время чуть лукаво посматривая на мать:

— У нас, мам, по наказу Ленина электричество провели, так что мне при нем и без ваших свечей светло.

— Так куда же они делись-то? Вот еще чудные дела! Борща никто не выливал, свечей никто не брал, а ничего на месте нету. Что ты тут с ними будешь делать!

VI

Ранним утром, когда еще в доме все спали, из окошка высунулись белокурые вихры Яшки. Увидав Вальку, нетерпеливо ждавшего возле забора, Яшка спрыгнул на влажную траву, и оба мальчугана исчезли в малиннике. Через минуту они вынырнули оттуда, причем

Яшка осторожно нес большой глиняный горшок, завязанный в грязную тряпицу.

Выбравшись за огороды, ребята быстро помчались по тропке, ведущей мимо кустов и оврагов к развалинам «Графского».

По пути Яшка рассказывал про вчерашнюю встречу.

— И вовсе он без гири, а в кармане у него воробей... и козлов они не жрут, а все это мальчишки со страха брешут. А сегодня мы вдвоем к нему пойдем. Ежели он с нами сдружится, он нас от Степкиной компании застоит. Он сильный, и ему все нипочем. А потом, он ежели и вздует кого, то на него некому пожаловаться, а на нас чуть что — и к матери.

— А почему он беспризорный? Так, для своего интереса, или домашних никого у него нет?

— Не знаю уж! Не спрашивал еще, только вряд ли, чтобы для интереса: у беспризорных-то ведь жизнь тяжелая. Я вот вырасту, выучусь, на завод пойду или еще куда служить, а он куда пойдет? Некуда ему вовсе будет идти.

Роща встретила мальчуганов утренним шумом, задорным гомоном пересвистывающихся птиц и теплым парным запахом высыхающей травы.

Вот и развалины — молчаливые, величественные. В провалах темных окон пустота. Старые стены пахнут плесенью. У главного входа навалена огромная куча щебня от рухнувшей колонны. Кое-где по изгрызенным ветрами и дождями карнизам пробивались поросли молодого кустарника.

Нырнув в трещину каменной ограды и пробравшись через чащу бурьяна и полыни, доходившей им до плеч, ребята остановились перед сплошной завесой буйно разросшегося одичалого плюща. Посторонний глаз не разглядел бы здесь никакого прохода, но ребята бы-

стро и уверенно взобрались на полусгнивший ствол сваленной липы, раздвинули листву, и перед ними открылось отверстие окна, выходящего из узкой, похожей на колодец комнаты без крыши.

Поднявшись по лесенке, они очутились уже в большой комнате второго этажа, из окон которой можно было видеть кусок Зеленой речки и тропку, ведущую в местечко.

Отсюда они попали на балкон, прямо перешли на крышу, дальше через слуховое окно вниз. Здесь было совсем темно, потому что комната эта раньше служила, очевидно, кладовой и железные ставни с заржавленными засовами крепко запирали окна.

Яшка где-то пошарил рукою. Достал огарок позолоченной венчальной свечи с бантом и зажег его.

В углу показалась железная дверца. Добравшись до нее, Валька дернул за скобу.

Ржавые петли горько заплакали, заскрипели, и ребята очутились в большом полуподвале с узенькими окнами, выходящими на поверхность заплывшего водорослями пруда.

И тотчас же в приветствие мальчуганам раздался из угла веселый, задорный визг.

— Волк, Волчоночек, Волчонок! — закричали ребята, бросаясь к привязанной за ошейник собаке.— Соскучился... проголодался. Гляди-ка, весь, как есть до корки, хлеб съел, и воды в корытце нисколечко.

Волк, повизгивая, помахивал хвостом, пока его развязывали. Потом запрыгал возле горшка, ухитрился лизнуть Яшкину щеку и чуть не сшиб с ног Вальку, упершись ему лапами в спину.

— Да погоди же ты, дурень... дай горшок-то развязать. Ну, нá — лопай.

Собака стремительно запустила морду в прокислый борщ и с жадностью принялась лакать.

Подвал был сухой и просторный. В углу лежала большая охапка завядшей травы.

Здесь находилось тайное убежище ребятишек, спрятавших сюда преступного душителя чужих кур — собаку Волка.

Поджидая, пока Волк насытится, ребята завалились на охапку травы и принялись обсуждать положение.

— Еду трудно доставать,— сказал Яшка.— Ух, как трудно! Мать и то вчера борща хватилась. А Волк-то все растет... Гляди-ка, он уже почти все слопал. Ну где на него напасешься!

— У меня тоже,— уныло поддакнул Валька.— Мать увидала один раз, как я корки тащу, давай ругаться. Только не догадалась она — зачем. Думала, что кривому развозчику на пареные груши менять. Что же теперь делать? А на волю выпустить еще нельзя?

— Нет, пока еще нельзя. Скоро суд будет насчет Степкиных кур. Мамку вызывают, а меня в свидетели.

— В тюрьму могут засадить?

— Ну, уж в тюрьму! Деньги, скажут, за кур давайте. А где ж их возьмешь, денег-то. И на что только им деньги, они и так богатые, на базаре-то вон какая лавка.

Волк подошел, облизываясь, и лег рядом, положив большую ушастую голову на Яшкины колени.

Полежали молча.

— Яшка,— спросил Валька,— и зачем, по-твоему, этакий домина?

— Какой?

— Да огромный. Его ежели весь обойти... ну, скажем, в каждую комнату хотя заглянуть, и то полдня

надо. А для чего графам такие дома были? Ведь тут раньше штук сто комнат было?

— Ну, не сто, а что шестьдесят — так это и мой батька говорил. У графов каждая комната для особого. В одной спят, в другой едят, третья для гостей, в четвертой для танцев.

— И для всего по отдельной?

— Для всего. Они не могут так жить, чтобы, например, комната и кухня. Мне батька говорил, что у них для рыб и то отдельная комната была. Напускают в этакий огромный чан рыб, а потом сидят и удочками ловят.

— Эх, ты! И больших вылавливают?

— Каких напускают, таких и вылавливают, хоть по пуду.

Валька сладостно зажмурился, представляя себе вытаскиваемого пудового карася, потом спросил:

— А видел ли когда-нибудь, Яшка, живых графов?

— Нет,— сознался Яшка.— Мне всего три года было, как их всех начисто извели. А на карточке видел. У батьки есть. На ней пальма — дерево такое, а возле нее графенок стоит, так постарше меня, и в погонах, как белые, кадетом называется. А хлюпкий такой. Ежели такому кто дал бы по загривку, то и в штаны навалил бы.

— А кто бы дал?

— Да ну хоть я.

— Ты... — Тут Валька с уважением посмотрел на Яшку.— Ты вон какой здоровый. А если я дал бы, тогда навалил бы?

— Ты... — Яшка, в свою очередь, окинул взглядом щуплую фигурку своего товарища, подумал и ответил: — Все равно навалил бы. Батька говорит, что никогда графам насупротив простого народа не устоять.

— А какой на пальме фрукт растет? Вкусный?

— Не ел. Должно быть, уж вкусный, ежели уж на пальме. Это ведь тебе не яблоня, она тыщу рублей стоит.

Валька зажмурился, облизывая губы:

— Вот бы укусить, Яшка! Хоть мале-енечко... а то этак всю жизнь проживешь и не укусишь ни разу.

— Я укушу. Я вырасту, в комсомольцы запишусь, а оттуда в матросы. А матросы по разным странам ездят и всё видят, и всякие с ними приключения бывают. Ты любишь, Валька, приключения?

— Люблю. Только чтобы живым оставаться, а то бывают приключения, от которых и помереть можно.

— А я всякие люблю. Я страсть как героев люблю! Вон безрукий Панфил-буденовец орден имеет. Как станет про прошлое рассказывать, аж дух захватывает.

— А как, Яшка, героем сделаться?

— Панфил говорит, что для этого нужно гнать нещадно белых и не отступаться перед ними.

— А ежели красных гнать?

— А ежели красных, так, значит, ты сам белый, и я вот тебя как тресну по котелку, тогда не будешь трепаться.

Валька испуганно замигал глазами:

— Так я же нарочно. Разве же я за белых? Спроси хоть у Мишки-пионера.

— Мне в школьном отряде не больно понравилось,— сказал немного погодя Яшка.— Вот в других отрядах хоть на лето в лагеря уходят, в лес. А в школьном девчонок больше. И всё стихи там учат, про школу да про ученье. Я походил, походил да и перестал. Какие же могут быть летом стихи! Летом рыбу ловить надо, или змея пускать, или гулять подальше,

— А меня в школьный отряд вовсе не приняли. Сережка Кучников нажаловался на меня, будто бы я у Семенихи груши пообтряс. Ябеда такой выискался, а сам когда в прошлом году нечаянно у Гавриловых снежком окно разбил, то и не сознался, а на Шурку подумали,— его мать и выдрала. Тоже этак разве хорошо делать?

— Ничего! Вот к зиме лесопилка опять заработает, в тамошний отряд и запишемся. Там веселые ребята. Там ежели и подерутся иногда, то ничего. Ну подрались — помирились. Разве без этого мальчишкам можно? А в школьном отряде — чуть что, сразу обсу-жда-ают!

Яшка сердито плюнул и поднялся:

— Идти надо. Ты посиди еще, а я наверх — Волку за водой сбегаю.

Вернулся Яшка минут через десять. Лицо его было озабоченно.

— Гляди-ка,— сказал он, протягивая ладонь.

— Ну, чего глядеть-то? Окурок...

— А как он в верхнюю комнату попал?

— Так, может, это давнишний,— неуверенно предположил Валька.— Может, это еще от старого режима остался.

— Ну нет, не от старого. Вон на нем написано «2-я госфабрика».

— Тогда, значит, это Степкины ребята поверху уже шныряли. Я знаю, у них Сережка Смирнов тайком курит.

— Конечно, они,— согласился Яшка. Но тут он посмотрел на окурок, по которому золотом было вытиснено «Высший сорт», покачал головою и сказал: — А только с чего бы это Сережка Смирнов закурил вдруг такие дорогие папиросы?

Мальчуганы посмотрели, недоумевая, друг на друга. Потом крепко привязали Волка, наказали ему молчать. И, быстро выбравшись, побежали домой.

VII

Дергач затянулся дымом цигарки, свернутой из махорки, принесенной Яшкой, и, тыкая пальцем на Вальку, спросил:

— Так это он тебе набрехал, что я козла съел? Скажет тоже! Козел-то еще и сейчас в овраге лежит — ногу он себе сломал. Я ему еще клок травы сунул, чтобы не издох с голоду.

— Дергач,— спросил после некоторого колебания Яшка,— а где ты живешь?

Дергач усмехнулся:

— Сам при себе живу. Где на ночь приткнусь, там наутро и проснусь.

— А у тебя родные есть?

— Есть, да далеко лезть.

Яшка, сбитый с толку такой манерой отвечать, сказал укоризненно:

— И зачем ты, Дергач, огрызаешься! Мы ведь тебе не допрос делаем, а ежели спрашиваю я, то по дружбе.

Дергач все еще недоверчиво посмотрел исподлобья на ребят и ответил уклончиво:

— А кто вас знает, по дружбе ли или еще почему. Я как-то в Ростове под мостом жил. Подсел ко мне какой-то хлюст. Этакий же, как и я, рвань рванью. Колбасой угостил, папироску дал. Ну, то да се, и начал про мою жизнь расспрашивать. Я ему сдуру возьми да и расскажи. И как от отца с матерью в голодные годы потерялся, и какой я губернии, какой местности, чем живу. Даже про случай, как мясную лавку обокрали, и

то рассказал. Дня этак через три подходит ко мне сам Хрящ да как хлоп по шее! А сам газету мне в лицо тычет. «Ты, говорит, чего это язык распустил?!» А я грамоту знаю. Посмотрел я в газету и ахнул. Мать честная! Все до слова, что я говорил, в газете напечатано — и кличка, и имя, и откуда родом, и, главное, про мясную лавку. Здорово тогда избил меня за это Хрящ.

— Мы не напечатаем в газету,— испуганно отталкивая от себя такое обвинение, заговорил Валька.— Мы даже ни строки не напечатаем. Я даже не видел никогда, как это печатают, и он не видел тоже.

Дергач лежал на спине и о чем-то думал. Так, по крайней мере, решил Яшка, потому что, когда человек лежит, уставившись глазами в звездное небо, он не может, чтобы не думать.

— Дергач,— спросил неожиданно Яшка,— а кто он тебе?

— Какой «он»?

— Хрящ.

При упоминании этого имени Дергач весь как-то дернулся, быстро повернулся и спросил, недоумевая и озлобленно:

— Какой еще Хрящ?

— Да ты же сам только что про него говорил.

— А-а... разве говорил? — опять повертываясь на спину, рассеянно проговорил Дергач.— Так... человек один.., У-ух, и человек! — Тут Дергач приподнялся, облокотившись на локти, лицо его перекосилось, и, отшвыривая окурок, он добавил едко: — У-ух, и негодяй... ух, и бандит!

— Настоящий? — широко раскрывая удивленно-любопытные глаза, спросил Валька и добавил с нескрываемым сожалением: — А я вот ничего не видел — ни графа живого, ни бандита настоящего.

Дергач презрительно пожал плечами:

— А я и графа видел.

— Живого?

— Конечно, не дохлого.

Валька, как и всегда в моменты возбуждения, зажмурил глаза и, проникшись невольным уважением к оборванцу, сказал с плохо скрываемой завистью:

— И счастливый же ты, Дергач, что все видел.

Дергач посмотрел на Вальку удивленно, пожалуй даже сердито:

— Ух, кабы тебе этакое счастье, завыл бы ты тогда, как перед волком корова! Нет, уж не приведись никому этакого счастья... Эх, кабы мне...— Тут Дергач махнул рукою и замолчал.

И опять Яшке показалось, что на душе у Дергача есть какое-то большое, невысказанное горе. И, не зная, собственно, к чему, он положил руку на плечо Дергачу и сказал:

— Ничего, Дергач! Может быть, как-нибудь все и обойдется.

Дергач отшатнулся было, но, встретившись глазами с серьезно-дружеским взглядом мальчугана, склонил слегка голову и ответил как-то приглушенно:

— Хорошо бы, если все обошлось, да только не знаю.

И с этого вечера между Яшкой и Дергачом протянулась нить необъяснимо крепкой дружбы.

VIII

Идея Дергача была прямо-таки гениальна. Посвященный в тайну мальчуганов и их затруднения с доставкой продовольствия Волку, он быстро нашел выход.

На рассвете можно было видеть Яшку и Вальку

в саду, возле старой бани. Они торопливо выносили оттуда большой чугунный котел, в котором мать разводила обыкновенно щелок для стирки белья.

То обстоятельство, что котел этот ребята потащили не через двор, а перевалили его прямо через забор к огородам, показывало, что все это делается без ведома домашних.

Выбравшись на тропинку, мальчуганы подхватили котел за ручки и поспешно скрылись в кустах.

Если бы проследить их дальнейший путь, то можно бы было видеть их пробегающими мимо мусорной свалки и исчезающими в провале глубокого пустынного оврага. Здесь было тихо и безветренно, только жужжанье неуклюжих шмелей да неумолкаемый рокот веселых кузнечиков заполняли утреннюю тишину.

Ребята остановились передохнуть.

— Ну и ловко же мы справились! Надо ведь было этакую махину вытащить. А к вечеру мы опять обратно стащим, и все будет шито-крыто.

— Вечером-то труднее будет, Яшка, народу больше.

— Ничего, справимся как-нибудь! Ну, пойдем.

Они свернули в одно из бесчисленных ответвлений русла оврага и вскоре увидали дымок костра и Дергача, деловито хозяйничавшего возле огня.

Дергач держал в руке нож и пучком сырой травы обтирал окровавленное лезвие. Рядом лежала только что содранная козлиная шкура и разрезанная на части туша.

— А я уж думал, что вы не придете,— сказал приблизившимся ребятам Дергач.— Смотрите-ка, как я мясо разделал. Тут теперь Волку на неделю хватит. Надо проварить только покрепче да соли больше бухнуть, чтобы не испортилось. Ну, давайте за работу, живо!

Дергач распоряжался умело и уверенно. Валька был командирован собрать хворост. Яшка камнем вбивал стойки для котла, а сам Дергач обчищал от сучьев перекладину.

— Ребята! — возбужденно говорил Валька, бросая на землю огромную кучу хвороста.— А внизу ящериц сколько! Огромные есть, давайте потом наловим.

— Можно потом наловить, а сейчас давай подбрасывай, распаливай огонь.

Пламя, яростно пожирая сухую листву подброшенных веток, высоко взметнулось и полыхнуло теплом на лица мальчуганов, и без того раскрасневшиеся

В котел, наполненный водою из соседнего ручья, наклали куски мяса и высыпали чуть не целый фунт соли.

— Так... готово теперь. С нее Волк так разжиреет, что скоро с теленка станет.

Завалились все на траву. Солнце высушило уже росу. Пахло мятой, полынью и медом.

Лежали сначала молча. Высоко в небе звенели беспечные, счастливые жаворонки, да где-то далеко в стороне мычало выгнанное на луга стадо.

— Валька! — лениво сказал, не поворачивая головы, Яшка.— Я нашел карточку-то... Ну, какую! С пальмой, которую я тебе показать обещал.

— А ну дай.

Валька приподнялся, рассматривая выцветшую фотографию, и лицо его приняло несколько разочарованное выражение.

— Ну уж! Этакую пальму-то я в трактире видал через окошко, только не знал, что пальмой называется. А граф-то так себе, какой-то вертлявый, только нос вперед крюком выдался да подбородок четырехугольный.

Дергач... схватил фотографию обеими руками и жадно впился в нее глазами.

— Это у них в семье все такие. Батька говорил, что у всего ихнего рода этакие носы, как у ястребов, так уж по наследству пошло.

— А ну дай, я посмотрю!—отозвался Дергач, гревшийся на солнце.

Он поднес фотографическую карточку к глазам и в ту же секунду слегка вскрикнул и быстро перевернулся.

— Змей!—испуганно вскакивая, взвизгнул Валька.

Яшка подпрыгнул тоже.

Но Дергач не шевельнулся, схватил фотографию обеими руками и жадно впился в нее глазами.

— Где змей? Чего ты врешь, дурак?—рассердился на Вальку Яшка.— Я вот тебе дам затрещину, чтобы знал, как спугивать.

Валька виновато заморгал глазами:

— Так разве же это я! Это же Дергач... чего он как ужаленный вертанулся.

Яшка с удивлением посмотрел на Дергача. Лицо того было взволнованно и глаза блестели.

— Кто это? — спросил Дергач, показывая на карточку.

— Это... это граф здешний... то есть сын графов. Их в революцию разгромили. А где Волка-то мы прячем — это ихняя усадьба была.

— Вон оно что! — пробормотал Дергач, засовывая карточку в карман. И, отвечая на Яшкин вопросительный взгляд, добавил: — Потом отдам!.. А ну-ка, чего мы заканителились! Огонь чуть не погас. Давай хворосту.

Долго — почти весь день — возились в овраге ребятишки. Собирали сучья, играли в колышек, поймали внизу четырех ящериц и завязали их занятно в тряпицу.

Только что окончили варить козлятину, как Валька,

разыскавший поверху дикую малину, кубарем скатился вниз.

— Ребята,— прошептал он взволнованно,— по тропке из леса Степка, Мишка и Петька идут... должно быть, за грибами ходили. Вот бы накрыть их!

— Нет,— ответил Яшка, перебарывая в себе желание отколотить своих заклятых врагов.— Ежели мы вдвоем выскочим, то они набьют нас, потому что их больше. А ежели с Дергачом, тогда они узнают и всем расскажут, что мы с ним заодно.

— Дай я один пойду,— задорно предложил Дергач, и, схватив палку, он, как ящерица, начал пробираться наверх.

Валька и Яшка забрались к краю оврага и, чуть высунув головы, приготовились наблюдать, а на крайний случай, уже невзирая ни на что, прийти на помощь товарищу.

Дергач остановился за кустом у тропки и стал караулить. Едва Степкина компания приблизилась, Дергач вышел и, чуть расставив ноги, загородил им дорогу.

Столь неожиданное появление опасного противника заставило остолбенеть мальчишек. Но, сообразив тотчас же, что их трое, а он один, они решили защищаться.

— Бросай корзину! — крикнул Дергач вызывающе.

Вместо ответа Степка поставил корзину и наклонился за камнем; остальные двое сделали то же.

— А, так вы вот как! — рассерженно крикнул Дергач, и, оглушительно засвистев, он бросился с поднятой палкой на врагов.

— Кровь! — в ужасе крикнул вдруг кто-то, разглядев красные руки Дергача.

И, вероятно, предположив, что страшный Дергач

только что совершил кровавую расправу над каким-либо путником, все трое, не дожидаясь, пока и их постигнет та же участь, в панике бросились бежать, преследуемые издевательским свистом Дергача.

— Видал,— восхищенно завопил Валька,— как он один на троих! Ой! Ой! Как хорошо, Яшка, что мы сдружились с Дергачом! — И Валька вне себя от восторга принялся кататься по траве.

Дергач спустился к костру, молча бросил захваченную корзину и опять лег.

— Как это ты их здорово! — сказал Яшка, подсаживаясь рядом.

Дергач слегка улыбнулся, махнул рукой, как бы говоря, что не стоит о таком пустяке разговаривать, и опять, вынув фотографию, принялся ее рассматривать. Яшка высыпал грибы на траву, а старую корзинку кинул в огонь.

— Зачем ты?

— Нельзя же с ихней корзиной домой возвращаться, узнать могут. А грибы мы потом ссыпем в опростанный котел и домой стащим, а там в свои лукошки пересыпем. А если матери станут ругаться: где пропадали? — мы скажем, что за грибами ходили. Грибы-то во какие... белые, березовиков вовсе мало.

Совсем уже вечерело, когда Дергач, нанизав куски мяса на бечеву, отправился снести продовольствие в «Графское», а ребята, подхватив котел, потащились к дому.

Они благополучно миновали тропку, никого не встретили на огородах и уже в саду столкнулись с поливавшей грядки Яшкиной матерью.

— Это вы что же, идолы, делаете? Это вас куда с котлом носило?—грозно приближаясь, спросила она.

Валька, как и всегда в таких случаях, стремительно

дал ходу, а Яшка так оторопел, что только и нашелся ответить:

— Мы, мам, за грибами... мы, смотри, каких белых...

— Это с котлом-то за грибами? — остолбенела мать.— Да ты чего врешь-то!

Получив затрещину, Яшка взвыл не столько от боли, сколько по обычаю, и улепетнул во двор.

Мать подошла к котлу, заглянула в него и, увидав большую груду грибов, пришла в еще большее недоумение:

— Батюшки вы мои! Да что же это такое? Я думала, он врет, что за грибами... а он на самом деле...— И она беспомощно развела руками.— А только... только где же это видано, чтобы по лесу с двухпудовым котлом за грибами ходили... Да уж они, не дай бог, не сошли ли и на самом деле с ума?

IX

В этот вечер Яшку из дома больше не выпустили. Валька покрутился было возле его окна, посвистел. Но оттуда вдруг выглянуло рассерженное лицо Яшкиной матери и послышался ее суровый голос:

— Я вот тебе посвищу! Я тебе посвищу, поросенок этакий! Я вот тебе сейчас ведро с помоями на голову выплесну!

Валька шаром откатился подальше и решил, что Яшку заперли либо засадили за арифметику и придется одному бежать нyретку перекидывать.

Он захватил с собою «кошку», то есть якорь из гвоздей, подвешенный к тонкой бечеве, и понесся к речке.

Солнце уже скрылось. Над почерневшей рекою раскинулись облачка теплого пара. Валька спустился к

старой искореженной раките, раскинувшейся возле поросшего осокой берега, взял конец бечевы в левую руку, правой раскачал «кошку» и, наметив место, быстро выбросил ее вперед.

Вода булькнула. Испуганно бултыхнулись с берега встревоженные лягушки.

Валька потянул конец бечевы — бечева не натягивалась.

— Не зацепило! — догадался он и перебросил «кошку» чуть правее.

— Ага... теперь есть!

Сердце его затрепетало, как птица, запутавшаяся ночью в кустах, когда неуклюжие прутья ныретки показались над поверхностью воды.

— Эх, кабы щука... либо налим фунта на три.

Он выхватил ныретку, поднял ее к глазам и, не обращая внимания на струйки воды, стекавшие ему на штаны, принялся рассматривать улов:

— Две плотвы... три ерша, три сайги и два рака.

Валька вздохнул разочарованно, нанизал рыбешек на кукан. Раков выбросил в реку, ныретку перекинул на другое место и, свернув «кошку», выбрался наверх.

Была уже ночь. Красной дугою выглядывал из-за леса край огромной луны. И, озаренные ее слабым сиянием, развалины графской усадьбы казались теперь снова величественным, крепко спящим замком.

Но что это? Валька подпрыгнул, точно зацепил ногой за корягу, и выронил кукан. Одно из окон спящего замка озарилось изнутри слабым светом.

«Что за штука? — подумал Валька.— Кто это там?.. Ага! Да это, конечно, Дергач зажег свечу. Но чего он там бродит? Как он, дурак, понять не может, что отсюда могут увидать мальчишки и заинтересоваться!»

Валька наклонился, отыскивая оброненный кукан. Когда он поднял голову, то света в окошке уже не было.

И на Вальку напало сомнение, что не лунный ли отблеск на случайно сохранившемся осколке стекла принял он за огонь.

«Надо будет завтра спросить Дергача,— решил он.— Ежели он не зажигал огня, то, значит, мне показалось».

С утра Яшку нарядили в новые штаны, праздничную рубаху, и из сундука мать достала пахнущий нафталином картуз.

— Мам... а картуз-то зачем?—запротестовал было Яшка.— Сейчас не осень и не зима, и так жарко.

— Помалкивай! — оборвала его мать.— Хочешь, чтобы судья посмотрел на тебя и сказал бы: у, какой хулиган, весь растрепанный! Да рожу-то получше умой. Да если спрашивать тебя чего будут, то отвечай скромно да носом не шмыгай.

В суде они встретили Степкину мать — лавочницу, разряженную в старомодную плюшевую кофту, и Степку, до того зачесанного назад, что, казалось, глаза его даже по лбу подались.

Матери расселись молча, не поздоровавшись. Степка же ухитрился показать Яшке язык, на что тот повернул ему в ответ аккуратно сложенную фигу.

Началось разбирательство этого запутаннейшего дела по встречным искам о возмещении убытков.

Первый — о стоимости трех кур, задушенных собакой, носящей кличку «Волк». Второй — о стоимости двух утят и куска вареного мяса, похищенных котом, носящим кличку «Косой». Сначала ничего не возможно было понять. Выходило как будто бы так, что кур ни-

кто не душил, а мяса никто не утаскивал. Потом вдруг оказалось, что куры сами были виноваты, ибо забрели на чужую территорию и разрывали грядки с рассадой.

А утят сожрал и мясо стащил не «Косой» кот, что Степкин, а «Бесхвостый» Сычихин, который давно уже имел репутацию подозрительной личности, занимающейся темными делами. Однако бойкая Сычиха тотчас же клятвенно присягнула в том, что «Бесхвостый» вовсе не ее кот, а живет он на чердаке ее бани самовольно, сам заботясь о своем пропитании, и никакой ответственности за него она нести не может.

— Свидетель Яков Бабушкин,— спросил судья, Егор Семенович, добрый старик со смеющимися глазами,— ответьте мне на вопрос: были ли вы во дворе, когда собака Волк бросилась на соседских кур?

— Был,— отвечает Яшка.

— Что вы делали?

— Мы...— Яшка заминается.

— Отвечайте... не бойтесь,— подбадривает судья.

— Мы с Валькой пуляли из рогуль.

— Из чего-о?

— Из рогуль,— смущаясь, продолжает Яшка.— Палка такая с резиной, в нее камень заложишь, а он как треснет!

— Куда треснет? — удивляется судья.

— А куда нацелиться, туда и треснет,— объясняет Яшка и окончательно сбивается, услышав гул сдержанного хохота.

— Так!.. И что же вы сделали, когда увидели, что собака Волк душит соседских кур?

— Так они, товарищ судья, сами лезли к нам на грядки...

— Я не про то! Вы ответьте, что вы сделали, когда увидали, что собака душит кур?

— Мы... так мы когда подошли, то уже Волк убежал.

— А куры были уже дохлые?

— А кто их знает... может, и не дохлые... может, они просто с перепугу обмерли.

— Садитесь... Свидетель Степан Сурков. Верно ли, что ваши куры забрели на чужой огород?

— Они не сами забрели, их нарочно зерном подманили.

— Почему же вы думаете, что подманили?

— Обязательно подманили. А то чего же они на чужой двор пойдут? Что у них, своего нет, что ли?

— Когда вы подобрали кур, то они были уже дохлые?

— Вовсе дохлые... а у одной даже полноги не хватало. Мать как понесла их на базар продавать, то тех двух ничего, а эту третью насилу...

Тут Степан, почувствовав вдруг тычок в бок со стороны сидевшей рядом матери, внезапно умолкает.

Но уже поздно, и судья спрашивает строго и удивленно:

— Так, значит, вы... дохлых кур продали на базаре?

Степкина мать чувствует, какую оплошность допустил ее сын, и пробует вывернуться:

— Врет он, товарищ судья! Куры только помяты были, а вовсе еще живые; я их, конечно, зарезала и продала.

— Та-ак!—растягивая слова и хитро сощуриваясь, говорит судья.— Значит, вы утверждаете, что зарезали своих живых кур и продали их на базаре... Но позвольте: о чем же тогда может быть иск?

Зал дружно смеется, а Яшка чуть не взвизгивает от удовольствия. Яшка наверняка знает, что Волк задушил кур, но после того как Степка сболтнул, что их

продали на базаре, Степкиной матери никак не возможно утверждать, что она продала дохлых кур.

— Ух! — кричит он, через некоторое время выходя из суда.— Наша взяла.

А позади разозленная лавочница говорит тихонько Степке:

— Погоди, вот домой придем, я тебя выдеру, покажу я тебе, как языком брехать!—И, поворачиваясь к Яшкиной матери, она кричит сердито:—А вы скажите своему сорванцу, чтобы он не безобразничал! Утром отворяю кладовку, да так и обмерла—по всему полу ящеры шмыгают. Знаю я, кто это с огорода через окошко напускал.

Но Яшка дергает мать за подол и говорит ей убедительно:

— Не верь, мама! Что я, змеиный укротитель, что ли? Я и сам всех ящеров и змеев хуже смерти боюсь.

XI

В предыдущий вечер Дергач, захватив нанизанную на бечевку козлятину, пустился бежать к «Графскому».

В подвале стоял уже полумрак. Дергач зажег свечу и, кинув кусок мяса всегда голодному Волку, улегся на охапку сена и опять вынул фотографию.

— Так вот он кто! — прошептал Дергач.— А я думал, что это только кличка у него... В эполетах... А теперь до чего дошел человек... Так, значит, это его вся усадьба была...

Дергач сунул карточку в карман и, уложив с собою теплого, плотно закусившего Волка, закрыл глаза.

Под сводами каменного подвала стояла мертвая тишина. Слышно было даже, как колотится равномерно сердце Волка да шуршит под окном на пруду тростник.

Дергач уснул. Спал он крепко, но беспокойно. Во сне он видел пальму, а под пальмой Яшку.

«Иди сюда»,— звал Яшка. И вдруг Дергач увидал, что это вовсе не Яшка, а сам грозный налетчик Хрящ стоит и манит его пальцем: «А ну, пойди сюда, пойди сюда... А почему ты захотел быть домушником, а зачем ты бросил стремя?»

Дергач хотел крикнуть, но не мог; хотел бежать, но трава заклеила ноги; он рванулся и... открыл глаза.

Волк стоял рядом. Видно было, как зеленоватыми огоньками горели его глаза. Дергач погладил собаку и почувствовал, что каждый мускул ее напружинен и напряжен.

— Ты чего? — спросил Дергач шепотом и, прислушиваясь, уловил где-то далеко вверху еле слышный шорох.

«Это совы гоняются за летучими мышами,— подумал он.— Кто сюда ночью придет. Ложись, Волк, ложись... Никого нет. Мы одни».

И, крепко обняв собаку, он полежал еще немного с открытыми глазами, потом уснул и больше не просыпался до рассвета.

XII

Дергач ответил Вальке, что никакого света он в верхних комнатах не зажигал. Но при этом он так смутился и нахмурился, что это не ускользнуло от глаз мальчуганов.

— Я думаю податься завтра отсюда,— совершенно неожиданно заявил он.

— Куда податься? Зачем, Дергач? Разве тебе здесь с нами плохо?

Дергач помолчал... Видно было, что он колеблется и хочет что-то сказать ребятам.

— Все туда же,— вздохнув, проговорил он.— Дом свой разыскивать. У меня ведь и отец и мать где-то

есть. Как был голод, так и потерялся от них возле Одессы, а теперь и не знаю, где они. Думаю в Сибирь, в город Барнаул, пробраться, там где-то у меня тетка есть — она уж наверно адрес родителей знает. Да вся беда только в том, что я фамилию ее не знаю, а знаю, что зовут ее Марьей. Да в лицо немного помню.

— Трудно найти без фамилии, Дергач.

— Трудно,— подтвердил Валька.— Во, возьмем хоть у нас три соседских дома, а и то в них четыре Марьи, ежели не считать даже Маньку Куркину, которой один год, да коз, которых Машками зовут. А как твоего отца фамилия, Дергач?

— Елкин Павел, а меня Митькой раньше звали. Это уже когда я в беспризорники поневоле попал, то там мне кличку дали.

— А почему, Дергач, ты так вдруг собрался уходить?

Дергач опять нахмурился.

— А потому...— сказал он после некоторого раздумья,— что очутился я здесь, убегая от Хряща. Мы на главной линии, на ветке с ним нечаянно столкнулись. Он там был с одним еще, а теперь по некоторым приметам думаю я, что не сюда ли они направлялись тоже.

— Ну и тебе-то что? Что тебе Хрящ, начальник, что ли?

— Хрящ-то? — И Дергач насмешливо посмотрел на Яшку, как бы удивляясь нелепости такого вопроса.— Хрящ ежели поймает меня, то обязательно убьет.

— Да за что же убьет? Разве есть такой закон ему, чтобы убивать?

— У них есть закон.

— У кого — у них?

— У настоящих налетчиков. Я со стремя убежал, на которое они меня поставили... А у них уже так за-

ведено, что кто со стремя самовольно уйдет, того обязательно убивать, как за измену.

— Что же это за стремя?

— Как бы тебе сказать... Ну, караул... или наблюдатель, которого выставляют возле дома для сигнала, пока грабят. Вот меня Хрящ и поставил, а я убежал нарочно... из-за этого двое тогда сгорели.

— Пожар был?

— Да не пожар... Сгорели — это, значит, попались и в тюрьму сели... Да чего вы стоите, рты поразинув?

— Чудно больно, Дергач,— робко ответил Валька.— И рассказ такой страшный, и слова какие-то непонятные...

— С собаками будешь жить — сам насобачишься. И до чего вредный этот Хрящ! Сколько он ребят смутил, сколько из-за него в исправительных колониях сидят! Эх, и надоела мне эта собачья жизнь! Все равно, ежели хоть не найду своего дома, ото всех сил буду стараться куда-нибудь пристроиться — к сапожнику в ученики либо в подшивалки,— уж где-нибудь, а приткнусь. Да чего тут говорить?—кончил Дергач и тряхнул лохматой головой.— Трудно хоть, но если захочешь, то все-таки на хороший путь вывернешься... Кончим про это разговаривать, побежим лучше на речку пиявок ловить; у Козьего заброда есть страшенные; потом купаться будем, а то чего про горе раздумывать...

Дома мать сказала Яшке:

— А тебя тут отец все разыскивал. Фотографию какую-то, говорит, не брал ли ты.

— Какую еще фотографию?

— Да спроси у него самого. Он в амбаре чего-то роется.

«Вот еще новая напасть,— подумал Яшка.— И на что она ему понадобилась?»

Из амбара вышел отец. Он был засыпан пылью и держал в руках кипу каких-то пожелтевших бумаг.

— Яшенька,— сказал он ласково,— не видал ли ты где карточку с пальмой?

— Видал где-то!

— А ты пойди принеси мне ее...

— Хорошо! — сказал Яшка и направился было в комнаты, но, по дороге вспомнив, что карточка осталась у Дергача в кармане, он вернулся.— Да я не помню уже, папаня, где я ее видел. И зачем она тебе вдруг понадобилась?

— Нужно, милый! А ты вспомни обязательно. Ежели вспомнишь и принесешь, я тебе полтинник подарю.

— По-олти-инник? — расцвел даже Яшка.— А не обманешь?

— Обязательно сразу же подарю.

Яшка исчез, теряясь в догадках, с чего это отец решил так расщедриться. Раньше бывало, гривенник в воскресенье не всегда выпросишь, а тут вдруг сразу целый полтинник.

Он выскочил и засвистал Вальку.

— Валька! Ты не знаешь, где Дергач?

— Должно быть, у Волка ночует. А что?

— Побежим, Валька, в «Графское», он мне беда как нужен. Карточку у него взять. Отец обещал, если я принесу, дать полтинник.

— Темно уже, Яшка. Пока добежим, и вовсе ночь настанет.

— Ну что же, что ночь,— а зато полтинник. Мы завтра бы селитры да бертолетовой соли купили — ракету сделаем.

— Ну, побежим,— только чтобы одним духом. У меня мать в баню кстати ушла.

Понеслись. Яшка бежал ровным, размеренным шагом, как настоящий бегун-спортсмен. Валька же не мог и тут обойтись без выкрутас. Он то учащал, то уменьшал шаг, попутно подражал то фырчанью мотора, то пыхтенью локомотива.

Вот и поворот над речкою.

— А ну, поддай пару... Ту-туу!..

И вдруг Валька-паровоз на полном ходу дал тормоз; остановился как вкопанный и Яшка.

Валька изумленно посмотрел на Яшку, Яшка на Вальку, потом оба повернули головы в сторону развалин «Графского». Сомнений не могло быть никаких: в угловой комнате второго этажа горел огонь.

— Ого! — проговорил Яшка, выходя из оцепенения.— Это что же еще такое?

— Я же говорил! Я говорил, что Дергач зажигал огонь. Ты видел, как он смутился, когда я его спросил про огонь?

— Да чего же ему поверху шататься? Что он там затеял? Знаешь что, давай подкрадемся и подглядим, чего еще он там выдумал.

— Боязно что-то подглядать, Яшка.

— Вот еще, чего боязно! Чай, он с нами заодно. Да и карточка-то тоже нужна. Полтинники тоже не каждый день обещают. Сегодня батька пообещал, а назавтра возьмет и раздумает.

И оба мальчугана припустились опять по тропке.

Уж какой странный и причудливый ночью замок! Огромные липы спокойными вершинами чуть-чуть не касаются луны. Серый камень развалин не везде отличишь от ночного тумана. А черный заросший пруд, в котором отражаются звезды, кажется глубокой пропастью с светлячками, рассыпанными по дну.

Как странно все ночью, как будто бы все вещи

передвинулись со своих мест. Все приходится разыскивать сначала. И старая липа лежит как будто бы не там, где лежала, и заросшее плющом окно не на месте.

— Залезай, Валька.

— А ты?

— И я сейчас, только ботинки сниму, чтобы не скрипели.

Тихонько ступая босыми ногами по холодной каменной лесенке, Яшка начал пробираться наверх, намереваясь узнать, что именно делает там в такую позднюю пору Дергач.

Он почти добрался до верхней ступеньки, как Валька неосторожно ступил на какую-то доску, которая предательски громко скрипнула.

И тотчас же, к несказанному ужасу мальчуганов, глухой бас, никак не могший принадлежать Дергачу, сказал:

— А как будто бы внизу что-то зашумело?

И другой голос, тягучий и резкий, ответил:

— Некому тут шуметь. Кто сюда ночью полезет!

— Надо все-таки загородить окно,— продолжал первый.— Сходи вниз, я там рогожу видел, а то может увидать кто-нибудь свет со стороны речки.

При этих словах мальчуганы еще больше перепугались, так как вниз нужно было спускаться мимо них. Они хотели уже было напролом кинуться к окну, но второй голос ответил:

— Обойдется на сегодня и так. У меня свечки нету запасной вниз идти.

Тогда медленно ребята начали пятиться назад.

Они выбрались к окну и, выскочив на землю, во весь дух бросились бежать, оставив даже неподобранными Яшкины спрятанные ботинки.

XIII

Добежав до огородов, ребятишки, не обсуждая всего случившегося, условились встретиться завтра пораньше и разбежались по домам.

Яшка нырнул под одеяло и, укрывшись с головкой, притворился уснувшим.

Вошел отец и спросил у матери:

— Спит уже Яшка-то? Не нашел, видно, фотографию. Эх, и жаль, ежели не найдет!

— Да на что она тебе? — отозвалась из-под одеяла засыпавшая уже мать.

— Вот в том-то и дело, что есть на что. Фотография заваль завалью, ей пятак цена, а мне за нее пятерку посулили. Сижу я, газету читаю в сторожке. Подходит ко мне какой-то неизвестный человек. Я сразу угадал, что приезжий. Поздоровался он и спрашивает: «Вы будете Максим Нефедович Бабушкин?» — «Я»,— говорю. «Очень приятно! Хотелось бы мне с вами поговорить. Ежели вы не заняты, то, может быть, зашли бы вы со мной в соседнюю чайную, «Золотое дно», а там за бутылкой пива я изложил бы вам суть дела». А я как раз домой собирался уже. «Что же, говорю, можно и зайти. Погодите, я только каретник на замок запру». Зашли мы в чайную, подали нам пару пива, и приступил он к делу. Оказывается, приехал он с товарищем из города от какого-то общества по изучению русской старины. То есть изучают они разные старые постройки, усадьбы и церкви. Какой архитектор сработал, в каком году да в каком стиле. И вот заинтересовались они и графским имением. Я объяснил ему, что хотя и много лет служил у графа садовником, но усадьба сама лет за сто еще до меня построена была, так что насчет архитектора сказать ничего не могу. Вот что

касается оранжерей и парка,— это все было под моим наблюдением. Стал он тогда меня расспрашивать, какие растения выращивали да какие цветы. Я отвечаю ему и упомянул к слову про пальму. Он не верит: «Не может в этаком климате на воле пальма произрастать».— «Как, говорю, не может? Я врать не буду — у меня и по сию пору фотография с нее сохранилась». Как заблестели у него глаза... «Продайте нам эту фотографию,— предлагает он мне,— мы вам за нее рублей пять дадим. Вам она ни для чего, а нам для коллекции». Я так и ахнул — за всякую дрянь да пять рублей! Ну, думаю, верно уж, что не знаешь, где человеку удача выпадает. И пообещался ему принести... Да вот только нигде найти не могу.

— Дураки люди,— сказала, зевая, мать.— Денег им девать, что ли, некуда? В прошлом годе тоже художник какой-то с Сычихи портрет рисовать взялся, да еще по целковому за день ей платил. Ну взял бы хоть председателеву жену срисовал или еще кого поприглядней, а то Сычиху — да на нее и без портрета смотреть оторопь берет!.. А ты поищи все-таки карточку-то, пятерки под забором не валяются. Вон Яшке к осени пальтишко справлять придется, из старого-то он вовсе вырос.

«Ээх, и ду-ураки мы! — подумал Яшка, осторожно высовываясь из-под одеяла.— Эх, и трусы! И чего испугались? Мирные люди усадьбу обследуют. Да еще добрые какие, отцу пять рублей обещались. Нам бы вместо чем бежать, надо бы наверх к ним выбраться. Может быть, пособили бы в чем-нибудь — глядишь, по двугривенному заработали, а мы бежать. И чего только ночью со страха не померещится!»

Яшка натянул покрепче одеяло и услышал, как отец повернул выключатель, выключая свет.

Яшка повернулся на бок и закрыл глаза. Так он пролежал минут десять. Сладкая дрёма начала охватывать его, и его мысли начинали смешиваться, мелькнул уже кусочек какого-то сна, как вдруг он услышал, что что-то тихонько стукнулось об пол, точно обвалился с потолка маленький кусочек штукатурки. Через минуту опять что-то стукнуло.

«Должно быть, Васька-кот в темноте балует»,— подумал Яшка и спустил руку к полу, отыскивая что-либо, чем можно бы отпугнуть кота. И в ту же минуту он почувствовал, что прямо к нему на одеяло упал небольшой, с горошину, камешек.

«Кто-то через окно кидается. Уже не Валька ли... Но зачем же это он так поздно?..»

Яшка высунулся в окно. Возле черного забора он еле разглядел прячущегося в тени Вальку. Яшка махнул ему рукой, что должно было означать: «Уходи, выйти не могу, отец с матерью только что легли». Однако Валька упрямо замотал головой и продолжал подавать сигнал, вызывая Яшку.

«Вот, пес тебя забери! — подумал обеспокоенный Яшка.— Что у него могло этакое случиться, чтобы вызывать в полночь?»

Он осторожно натянул штаны и прислушался. Сестренка Нюрка крепко спала. В соседней комнате похрапывал отец, но мать еще ворочалась с боку на бок.

Яшка бесшумно взобрался на подоконник, нащупал рукою уступ и тихонько спустился на выемку фундамента. По выемке он добрался до угла и только здесь уже спрыгнул в мягкую землю клубничных грядок.

— Ты чего? — напустился он на Вальку.— Разве я велел тебе по ночам будить?

Вместо ответа Валька взволнованно приложил пальцы к губам и потащил Яшку за рукав.

— Так чего же ты? — нетерпеливо переспросил Яшка, останавливаясь возле бани и не понимая возбужденного состояния Вальки. И тотчас же понял все или, вернее, ничего не понял — у стены бани он увидел привязанного, откуда-то взявшегося Волка.

— Я только хотел ложиться спать, вышел оправиться,— рассказывал Валька,— смотрю, бежит во весь мах собака — и прямо ко мне. Я подумал, что бешеная, да со страха прямо на забор скакнул. И вижу вдруг, что это Волк.

— Да зачем же его Дергач выпустил?

— Не знаю.

— Вот еще новая напасть... Гляди-ка, да Волк-то весь мохнатый, он в воде где-то был... Что же с ним делать сейчас?

— Давай привяжем его пока в баню... А утром назад сведем. Он, может быть, вырвался у Дергача.

Привязали собаку в бане... Еще раз условились встретиться пораньше утром и опять расстались.

Яшка тем же путем начал пробираться домой. Уже возле самого окна он обернулся, и ему показалось, что верхушка сиреневого куста, росшего в саду возле бани, как-то неестественно сильно вздрогнула, точно ее качнули снизу. Необъяснимое беспокойство овладело отчего-то мальчуганом. Он забрался в комнату, сам не зная зачем запер окно на задвижку и долго не мог уснуть, раздумывая о случившемся.

Должно быть, потом он заснул очень крепко, потому что проснулся как-то вдруг, рывком, от сильного шума и лая.

— Яшка,— кричала мать,— Яшка, да проснись же ты, дьявол!

Яшка вскочил, ничего не соображая.

Лай все усиливался. Это уже был не простой лай

собаки на проходящего путника, а отчаянная тревога, переходящая в остервенелый визг.

Нефедыч, схватив со стены охотничью берданку, поспешно выбежал во двор.

Через полминуты лай сразу оборвался, и почти тотчас же раздался грохот выстрела.

Яшка не помня себя выскочил во двор. Навстречу ему попалось несколько человек соседей. Кто-то говорил:

— В баню пробрался какой-то человек. Должно быть, вор. Он ранил ножом собаку. Нефедыч выстрелил, да мимо.

— А зачем же он пробрался в баню? Зачем он напал на собаку?

— Уж не знаю зачем, это вы у него спросите.

«Ну и ночка! — подумал ошалелый Яшка, бросаясь к бане.— Ну и ночка сегодня, нечего сказать».

XIV

Ударом ножа Волк был неопасно ранен в верхнюю часть шеи. Отец с матерью учинили Яшке строжайший допрос о том, каким образом «отравленная» собака очутилась в бане.

Воспользовавшись благоприятным моментом, Яшка чистосердечно сознался, что Волк был спрятан им до поры до времени, и умолчал о том, где именно скрывался Волк. И так как иск к Волку не был утвержден судьей, а кроме того, собака показала себя настоящим героем, оберегая в прошедшую ночь дом от неизвестного злоумышленника, то Волку была объявлена амнистия.

Встретившись с Валькой, который был осведомлен уже обо всем случившемся, Яшка потащил его в сад

и там, остановившись в укромном местечке, сунул руку в карман.

— Смотри, Валька! Вчера мы ночью не разглядели, а сегодня утром я нашел это, привязанное к ошейнику Волка.

И Валька увидел обрывок картины—нижнюю часть фотографии с пальмой. На оборотной стороне были, очевидно, вычерчены какие-то буквы, но разобрать их было невозможно, потому что кровь, стекавшая с шеи раненого Волка, запачкала всю эту сторону карточки.

— Как она попала на шею Волка?

— Дергач привязал! Он что-то хотел написать нам... Может быть, с ним случилось какое несчастье. Может, камень какой упал со стены и придавил его или ногу он в темноте свихнул себе.

— А почему только половина карточки?

Ничего не решив толком, ребята направились к «Графскому», чтобы на месте расспросить обо всем Дергача.

Возле поросшей плющом стены Яшка оставил Вальку разыскивать оставленные вчера ботинки, а сам полез наверх.

В темной кладовой он зажег спичку, и сразу же ему бросились в глаза окурки. Он поднял один. Это был такой же самый окурок, какой он нашел несколько дней тому назад в верхней комнате.

«Это исследователи-ученые были уже и здесь»,— подумал он.

Спичка потухла. Он зажег вторую и дернул дверь, ведущую в полуподвал,— в подвале никого не было. Тогда Яшка выбрался обратно и засвистел условным сигналом. Гулкое эхо десятками фальшивых пересвистов ответило ему, но Дергач не отвечал.

Стало ясным, что Дергач исчез.

XV

Прошло два дня. Ребятишки построили Волку крепкую конуру, посадили его на цепь, и Волк официально вступил в должность сторожа Яшкиного дома.

О Дергаче не было ни слуха.

— Подался куда-нибудь дальше,— говорил Валька.— Помнишь, он в последние дни все заговаривал об этом. Они ведь такие: кусок хлеба за пазуху — и пошел куда глаза глядят.

— А почему же он не попрощался с нами?.. И что он писал на обратной стороне фотографии?

Яшка вынул обрывок картины, повертел его и, решив, что здесь ничего все равно не разберешь, выкинул карточку на траву.

— Пойдем купаться, Валька.

Через десять минут после того, как ребятишки убежали, из калитки сада вышел Нефедыч. В руках он держал кривой садовый нож, которым обрезал сухие ветки, и лопату.

Во дворе он остановился как раз возле того места, где недавно разговаривали ребята, и стал завертывать цигарку. Взгляд его упал нечаянно на карточку, валявшуюся на траве.

— Ишь, ребята опять насорили,— проворчал он, поднимая обрывок. Он повертел находку в руках, вынул очки и, присмотревшись к поднятому клочку, развел руками: — Ах ты, дьяволята вы этакие! Я-то ищу, ищу фотографию, по два раза на дню человек за ней наведывается, а они разорвали ее. Пропала теперь моя пятерка... Кому понадобится этакий обрывок? — Он сунул карточку в карман и, тяжело вздохнув, пошел домой.

Когда Яшка и Валька возвращались домой к обе-

ду, то, еще не дойдя до ворот, услыхали лай Волка и крик отца.

— Да замолкни же ты, окаянный, ишь как разъярился!.. Проходите, проходите. Не бойтесь, он на цепи.

Калитка распахнулась, и навстречу ребятам вышел какой-то незнакомый человек. Невысокий, слегка сутулый, с неровным рядом мелких зубов, оскалившихся в довольную улыбку. Правая рука его была перевязана бинтом.

Он искоса посмотрел на мальчуганов и круто повернул на противоположную сторону тротуара.

Во дворе Яшка столкнулся с отцом, державшим в руке новенькую хрустевшую бумажку.

Яшка быстро посмотрел на траву возле забора. Брошенного им обрывка фотографии не было.

После обеда он прошел в сад, лег и задумался. И чем больше он думал, тем назойливее привязывалась к нему мысль, что все события последних дней не случайны, а имеют меж собою крепкую связь и что связывающим звеном всего случившегося и есть эта самая фотографическая карточка.

XVI

Как раз в это время отец Яшки получил отпуск и собрался с матерью погостить на три дня в город, к старшей замужней дочери.

Похозяйствовать в дом на это время пригласили тетку Дарью. Но тетка Дарья была уже стара, к тому же чрезмерно толста и немного глуховата, и поэтому мать еще с утра принялась накачивать Яшку:

— Да смотри, чтобы ложиться рано и двери не позабывать запирать... Да к Нюрке не приставай, а то приеду — взбучку задам. Да ежели я замечу, что ты,

как в прошлый раз, шкаф с вареньем гвоздем открывал, то тогда лучше заранее беги из дома.— И так далее. Сначала перечислялись возможные Яшкины преступления, затем шел перечень наказаний, кои воспоследуют за этими преступлениями.

Яшка на все отвечал коротко:

— Да нет, мам. Да что ты привязалась? Ты бы еще загодя по шее мне натрескала. Сказал, что не буду,— значит, и не буду.

Но едва только скрылась повозка, увозившая на станцию родителей, как Яшка ураганом помчался в сад, высвистывая всегда готового появиться Вальку. И вдвоем они начали гоготать и скакать по траве, как молодые жеребята, выпущенные на волю.

— Я теперь хозяин в доме! — гордо заявил Яшка.— У, как весело, когда отец с матерью изредка уезжают! Уж мы с тобою за эти дни выдумаем что-нибудь веселое.

— Давай, Яшка, змея пускать... с трещоткой сделаем.

— А с трещоткой милиционер не велит, потому что лошади пугаются. Да и без трещотки не велит, чтобы телефонные провода не путать.

— А мы в поле побежим, подальше.

Работа закипела вовсю; достали стакан муки, заварили клейстер. Яшка принес отцовскую газету и мочалу, выдернутую из половика, а Валька — дранки.

Когда Яшка налаживал уже «пу́та», то есть три ниточки, сводящиеся у центра, на глаза ему попалось интересное объявление. Там было написано:

Родители мальчика Дмитрия Елкина убедительно просят написавшего о нем заметку в ростовской газете «Молот» сообщить сыну наш адрес: «Саратовская губ., совхоз «Красный пахарь».

— Мать честная, да ведь это же Дергача разыскивают! — ахнул Яшка.— Помнишь, он говорил нам, что про него кто-то в газете написал.

— А Дергач-то ничего и не знает. Может, никогда и не узнает вовсе — разве же ему попадется газета?

— И куда он провалился! Нет чтобы подождать... Жалко все-таки, Валька, Дергача. Он хоть и беспризорный, а хороший был. Он за нас заступался. Волку козла сварил... Мне рогатку наладил. И вот ушел... А как бы он рад был, Валька!

Окончив змей, ребята дали ему подсохнуть, потом захватили с собой Волка и побежали в поле запускать.

Но, несмотря на то что змей ровно пошел вверх и весело загудел трещоткой, распугивая звенящих жаворонков, настроение у ребят упало. Было жалко Дергача и обидно за то, что так неожиданно и нелепо ушел он от своего счастья. В Сибирь собрался, какую-то тетку разыскивать. А где еще ее без фамилии разыщешь? А тут до Саратовской губернии далеко ли?

Змей, неожиданно козырнув, быстро пошел книзу. Яшка что было мочи пустился бежать, натягивая нитку, но ничего не помогло. Змей еще раз козырнул и камнем упал куда-то на деревья позади «Графского».

Стали стягивать клубок ниток, но нитки вскоре оборвались. «Эх, не задала бы мать! — подумал Яшка.— Клубок-то ведь у нее на время без спросу взял. Придется идти змей разыскивать».

Побежали. Змей сидел высоко в ветвях одного из деревьев рощи, которая начиналась от «Графского» и примыкала к мрачному Кудимовскому лесу. Яшка хотел уже было лезть на дерево, как внимание его было привлечено лаем Волка.

Заинтересованный, Яшка побежал на лай и увидал, что Волк прыгает в кустах возле узенькой тропки и,

радостно помахивая хвостом, треплет зубами какой-то черный предмет.

Ребята вырвали у Волка его находку и переглянулись. Это было не что иное, как затрепанная и перепачканная в саже фуражка Дергача.

— Валька,— сказал Яшка, немного подумав,— а может быть, Дергач вовсе и не убежал? Может, он просто испугался кого-нибудь и прячется где-нибудь здесь, по соседству? Я знаю, тут недалеко шалаш есть.

— А кого ему пугаться-то?

— Кого! Да хотя бы вот этих, что по усадьбе лазают.

— Так ты же сам говорил мне, что это ученые.

— Знаю, что говорил. Да вот что-то кажется мне теперь, Валька, что они, пожалуй, не совсем чтобы ученые, а какие-нибудь другие.

Между тем Волк, тихонько, радостно повизгивая, бегал по тропке, обнюхивая ее и не переставая помахивать хвостом.

— Смотри, Волк-то как радуется. Честное слово, он Дергача след учуял. Знаешь что, Валька, побежим за Волком, он куда-нибудь нас приведет. Тут несколько даже шалашей есть, в которых на покосе ночуют. А сейчас не поздно. Солнце-то во как еще высоко.

Валька заколебался, но, послушный всегда желаниям своего товарища, согласился.

— А ну, Волк! — И Яшка помахал перед его носом Дергачовой фуражкой.— А ну, ищи!

Волк, высоко подпрыгнув, лизнул Яшку в лицо, как бы показывая, что понимает, чего от него хотят, уткнулся носом в землю, повертелся и, разом натянув бечевку, протянутую от ошейника к Яшкиной руке, потащил мальчугана за собой.

— Ишь, как любит он Дергача.

— Еще бы! Дергач одного мяса ему сколько скормил да спать с собой всегда клал.

Сколько времени продолжалось это быстрое продвижение по тропке, сказать трудно. Но, должно быть, немало, потому что деревья уже начали отбрасывать длинные тени, а ребята порядком вспотели, когда Волк неожиданно остановился, завертелся, обнюхивая землю, и решительно завернул прямо от тропки в лес.

Через полчаса Яшке определенно стало ясным, что в той стороне, куда рвется Волк, нет ни одного места, где бы можно было укрыться Дергачу, кроме только... кроме только «охотничьего домика».

Постройка, известная под названием «охотничьего домика», находилась верстах в семи от «Графского». Выстроенный когда-то по прихоти графа вдали от проезжих дорог, на краю огромного болота, он оставался почти нетронутым и по сию пору. Правда, все, что из него можно было унести, было расхищено за годы войны, но сам домик, сложенный из валявшихся в изобилии глыб серого камня, уцелел.

После революции кто-то из сожженных крестьян хотел было приспособить домик под жилье, но место оказалось совсем неудобное: с одной стороны — камень, с другой — болота. Так и не вселился в домик никто, и зарос он сорной травою да сырым мхом.

Целые тучи мошкары носились меж деревьев. Солнце плохо прогревало сквозь густую листву влажную землю. Не заходили сюда и бабы за грибами, потому что росли здесь одни молочно-белые скрипицы да огненно-красные мухоморы.

И только ранней весной да к осени, когда разрешалась охота, можно было услышать глухое эхо выстрела одинокого охотника, промышляющего за утками.

Да и то редко: своих охотников в местечке было мало, а до города отсюда далеко.

К этому-то домику Волк и потащил за собой ребят.

Немного не доходя до места, Яшка остановился и, передавая Вальке бечевку от ошейника собаки, сказал:

— Останься здесь. Сядь вот за этим камнем да смотри, чтобы Волк не лаял. А я пойду вперед и осторожно разведаю. А то кто его знает, на кого еще нарвешься. В случае чего — назад стрекача пустим.

Валька съежился. Видно было, что это приказание ему не по душе, но он знал, что Яшке возражать бесполезно, да, кроме того, и домик за поворотом, совсем рядом. Он пристроился между двух больших глыб и притянул к себе нетерпеливо рвущегося Волка.

Завернув за поросший кустарником холм, Яшка увидел крышу «охотничьего домика». Прячась за листву, он пробрался вплотную и прислушался.

Кроме жужжанья комаров, кваканья лягушек да тоскливого писка какой-то болотной пичужки, он не услышал ни одного звука, который мог бы ему подсказать, что домик обитаем.

Тогда Яшка осторожно приблизился к крыльцу, недоумевая, что именно заставило Волка так настойчиво тянуть к этому месту. Он потянул ручку двери и очутился внутри домика. В первой комнате никого не было, но за то, что люди были здесь недавно, говорили очистки от колбасы, бутылка из-под вина и окурки, разбросанные по полу.

Он поднял один окурок и опять без труда узнал все тот же сорт папирос с золотыми буквами, которые он дважды находил в «Графском».

«Ого,— подумал он,— наши-то исследователи и здесь уже, кажется, успели побывать!» В соседней комнате лежала охапка сена. Тогда он заглянул в

маленькую боковую комнату. Здесь он сразу наткнулся на ящик с какими-то инструментами и два неизвестных предмета, похожих немного на снаряды.

«Что это все может означать? — подумал Яшка.— Э, да лучше, пожалуй, будет убраться отсюда подальше, а то, чего доброго, подумают еще, что я спереть что-либо прилез».

И он шмыгнул обратно к крыльцу.

XVII

А где же, в самом деле, был в это время Дергач?

Отправившись, как обычно, вечером в подвал «Графского», к Волку, он вскоре заснул. Проснулся он опять от легкого рычанья собаки. На этот раз шум наверху был слышен совершенно отчетливо; он то усиливался, то стихал.

Наконец шаги послышались в соседней с подвалом кладовой. В узенькую щель железной двери просочился свет от зажженной свечи. Кто-то зашаркал ногами по каменному полу, потом зашуршало брошенное на пол сено, и слышно было, как человек улегся на охапку отдохнуть.

«Кого еще это принесло сюда?» — подумал Дергач. И, потрепав Волка, чтобы тот молчал, Дергач, прокравшись к двери, заглянул в щель.

И хотя свеча тускло озаряла каменные своды кладовой, Дергач сразу узнал человека.

— «Граф»,— прошептал он, чувствуя дрожь в коленях.— «Граф» вернулся к себе в свое поместье, но зачем? Чего ему здесь надо?» — Страшная мысль обожгла при этом Дергача...

Вот почему он видел графа и Хряща на станции главной линии. Они сами направлялись в местечко, а

он, Дергач, не нашел никакого места, куда убежать бы надежнее, как сюда же, в местечко. Ясно, раз граф здесь, то Хрящ где-нибудь неподалеку.

Но что же делать сейчас? Волк еле сдерживается, чтобы не залаять, а граф и не собирается уходить. Может быть, он даже ночевать здесь останется? А на рассвете, если он заметит дверь, ведущую в подвал, и заглянет сюда? Тогда что? Тогда конец.

Планы бегства из этой ловушки один за другим промелькнули в голове Дергача. Нет... ничего не выходит. Тогда он достал фотографию, вытащил огрызок карандаша, завалявшийся среди прочей мелочи в кармане, и в темноте наугад написал:

«Яшка, я заперт... Хрящ здесь, в «Графском», скажи в милицию»...

Дергач привязал фотографию к ошейнику, подтащил Волка к узенькому окну и просунул туда собачью голову.

Волк не заставил себя упрашивать...

Слышно было, как он бухнулся в воду и поплыл, направляясь к противоположному берегу.

Дергач забился в угол, свернулся и закидал себя сеном. «Все-таки без собаки легче,— подумал он,— а то она обязательно выдала бы лаем».

Несколькими минутами позже в соседнюю кладовую быстро вошел еще кто-то, и по голосу Дергач сразу узнал Хряща.

— Граф,— сказал он отрывисто,— что-то неладно... Здесь где-то легавые... Я иду мимо пруда, слышу — бултых что-то от стенки. Гляжу, собака плывет; я к ней... подождал, пока она станет выбираться... осветил ее фонарем — гляжу, у ней к шее какой-то пакет привязан... Я уже выхватил револьвер, чтобы ее ухлопать, но она как бешеная рванулась в кусты и ис-

чезла... Постой... собака упала в воду от этой стены... Погоди-ка, а куда ведет эта железная дверь?

При этих словах Дергач еще больше съежился и почти что остановил дыхание.

В соседней комнате о чем-то шепотом совещались.

Потом вдруг дверь разом распахнулась. Сначала Дергач не разглядел никого. Но потом он увидел, что оба налетчика предусмотрительно улеглись на пол, очевидно опасаясь, чтобы тотчас из раскрытой двери не бабахнул по ним выстрел. В руках у них были наганы.

— Нет никого,— сказал граф.

Однако Хрящ двумя прыжками очутился возле вороха сена, лежавшего в углу, и сильно пнул его ногою.

Злорадный крик вырвался у него, когда он увидел перед собою сжавшегося в комочек Дергача:

— А... так ты вот где... так ты следишь за нами... донесение кому-то с собакой послал, в милицию, что ли?.. Чья это была собака?..

И Хрящ со всего размаху ударил Дергача. Тот зашатался и, делая отчаянную попытку если не оправдаться, то выиграть время, ответил:

— Я не в милицию писал, а мальчишкам знакомым, чтобы они завтра не приходили сюда, потому что здесь есть кто-то чужой. Это их собака, они здесь ее прятали.

— А... я знаю... кто такие...— процедил Хрящ, обращаясь к графу.— Они на днях все время вертелись тут, около усадьбы. Один из них сын того самого сторожа... Ну, знаешь, какого... к которому я все за фотографией хожу...

— Постой,— прервал его граф,— записка-то все-таки может в милицию попасть... Черт знает, что в ней этот змееныш написал. Ее надо вернуть во что бы то ни стало... иначе все дело может рухнуть... Собака, должно быть, до утра по двору бродить будет... Попро-

буй проберись во двор и убей ее... и сорви написанное на ошейнике... Это ведь не шутка... Мы еще ничего же не сделали...

Хрящ ударил еще раз Дергача и сказал зло:

— Вот еще, путайся теперь с собакой!.. Своего дела мало, что ли... Ну ладно... Останься здесь... Да свяжи руки этому гаденышу... И смотри будь начеку.. В случае чего... стукнешь, а сам туда подашься... там и встретимся.

И он исчез.

Вернулся Хрящ часа через полтора. Он был разозлен, и правая рука его была вся в крови.

— Проклятая собака! — сказал он.— Ее заперли в баню... Я пробрался туда, ударил ее ножом, но она, как остервенелая, впилась мне в руку... Тут содом поднялся, кто-то даже бабахнул мне вдогонку, да счастье мое, что мимо.

— А записка?

— Какая, к черту, записка! Там к ошейнику целая карточка подвешена была. Я рванул — половину сорвал, а половина там осталась. На́, смотри...

Граф посмотрел на поданный ему обрывок и крикнул:

— Слушай, да ты знаешь, что это такое? Это-то и есть половина той самой фотографии, которая нам нужна; но только весь низ ее, который нам больше всего нужен, остался там... Как она попала к тебе? — спросил он, рванув Дергача за плечо.

Дергач ответил.

— Эх, ты! — ядовито сказал граф Хрящу.— Побоялся собачьего укуса. Ну что бы тебе ее всю сорвать! И все дело было бы кончено... А теперь что... весь участок оранжерей перерывать, что ли...

— Эх, ты тоже хорош! — огрызнулся обозленный

Хрящ.— Ваше сиятельство! Хозяин усадьбы — и не может показать место, где пальма росла.

— Дурак! Да когда нас мужичье из усадьбы выгнало, мне всего-то навсего двенадцать лет было.

— А чья же это рожа на карточке?

— Это старший брат мой. Я на него очень похож был. Да и вся наша семья схожа собой была, это у нас фамильные нос и подбородок... Ну, а что же теперь делать?

Хрящ подумал и сказал:

— Надо пока на всякий случай смотаться отсюда. Там переждем денек, а тогда видно будет.

— А этого? — И граф мотнул головой, указывая на притаившегося в углу Дергача.

— Этого мы тоже с собой возьмем. Я его еще сначала допрошу хорошенько, как и зачем он здесь очутился.

Налетчики быстро выбрались наружу, и, подталкиваемый пинками, Дергач побрел по указываемой ему тропинке в лес.

Одна из веток зацепила его фуражку и бросила ее на землю. Поднять ее Дергач не мог, потому что руки его были крепко связаны.

XVIII

По инструментам, разбросанным на полу «охотничьего домика», в который был приведен Дергач, он понял, что налетчики прибыли сюда для какого-то серьезного дела.

Его втолкнули в большую комнату, и он полетел в угол.

Опомнившись немного, Дергач начал осматриваться. Его сразу же изумило то, что окно, выходящее на-

ружу, было распахнуто и не имело решеток. Он просунул туда голову, но ночь, черная, непроглядная, скрыла очертания всех предметов.

И сразу же Дергач задумал бежать. В полусгнившей раме вышибленного окна торчал небольшой осколок стекла.

Прислонившись к подоконнику, он начал перетирать связывавшую его веревку об острый выступ, удивляясь в то же время, отчего это обыкновенно хитрый и предусмотрительный Хрящ сделал на этот раз такую оплошность и оставил его в помещении, из которого можно без особого труда убежать.

Между тем в соседней комнате шла перебранка.

— И дернул черт твоего папашу,—говорил Хрящ,— связаться с этой пальмой! Подумаешь, примета какая: сегодня была, а назавтра сгнила. Ну, взял бы хоть, как примету, камень какой... ну, хоть если не камень, то солидное дерево — липу либо дуб, а то пальму! И как у него не хватило сообразить, что не станут без него мужики эту пальму, как он, на каждую зиму в стекло обстраивать и пропадет она в первый же мороз!

— Да кто же знал-то,— возражал граф.— Кто же тогда думал, что все это надолго и всерьез! Да не только отец, а никто из наших так не думал. Все рассчитывали, что продержится революция месяц... два... а там все опять пойдет по-старому. Ведь на белую армию как надеялись.

— Вот и пронадеялись. Не станете же весь сад перекапывать! Тут тебя враз на подозрение возьмут. Это все надо быстро и незаметно — нашел место, выкопал, вскрыл и улепетывай... Я вот думаю, нельзя ли старика садовника в усадьбу вызвать... Пусть прямо покажет место, где росла пальма.

— Опасно... догадаться может.

— Нам бы он только показал, а там...— Тут Хрящ присвистнул.

— Ну, а с этим что делать?

И Дергач понял, что вопрос поставлен о нем.

— С этим?.. А вот давай закусим немного да отдохнем, а там я допрошу его, да и головой в болото... У меня с ним счеты старые. Все равно из него толку не выйдет. Вот тогда со стремя убежал, скотина.

«Дожидайся! — подумал Дергач, стряхивая с рук перерезанные веревки.— Только ты меня и видел!»

Он осторожно взобрался на подоконник, собираясь прыгнуть вниз, как внезапно зашатался и судорожно вцепился руками за косяк рамы.

Небо чуть-чуть посерело, звезды угасли, и при слабых вспышках предрассветной зарницы Дергач разглядел прямо под окном отвесный глубокий обрыв, внизу которого из-за густо разросшихся желтых кувшинок выглядывали проблески воды, покрывавшей кое-где вязкое, пахнущее гнилью болото.

И только теперь понял Дергач, почему его оставили без присмотра в комнате с распахнутым окном, и только теперь почувствовал весь ужас своего положения.

Но годы, проведенные в постоянной борьбе за существование, ночевки под мостами, опасные путешествия под вагонами и всевозможные препятствия, которые приходилось преодолевать за годы бродяжничества, не прошли для Дергача бесследно. Дергач не хотел еще сдаваться. Стоя на подоконнике, он начал осматриваться. И вот вверху, над окном, выходящим к обрыву, он заметил другое, маленькое окошко, ведущее на чердак. Но до него, даже став во весь рост, Дергач не смог бы дотянуться по крайней мере на полтора аршина.

«Эх, если и так и этак лететь в трясину,— подумал, горько сжав губы, Дергач,— если и так и этак пропадать, то лучше все-таки попытаться».

План его состоял в том, чтобы распахнуть половинку наружной рамы до отказа, взобраться на верхнюю перекладину, ухватиться за выступ слухового окна и, пробравшись на чердак, бежать оттуда через выходную дверь.

В другом месте Дергач проделал бы это без особенного труда — он был цепок, легок и гибок,— но здесь все дело было в том, что рама была очень ветха, слабо держалась на петлях и могла не выдержать тяжести мальчугана.

Все же другого выхода не было.

Дергач распахнул окно до отказа и затолкал какую-то деревяшку между подоконником и нижней петлей, чтобы окно не хлябало. Он заглянул вниз, и ему показалось, что черная пасть хищной трясины широко разинулась, ожидая момента, когда он сорвется. Он отвел глаза и больше не смотрел вниз.

Потом с осторожностью циркового гимнаста, взвешивающего малейшее движение, он ступил ногою на нижнюю перекладину. Сразу же раздался легкий, но зловещий хруст, и рама чуть-чуть осела. Тогда, цепляясь за выступы неровно сложенной стены, стараясь насколько возможно уменьшить этим свою тяжесть, он поднялся на среднюю перекладину. Опять что-то хрустнуло, и несколько винтов вылетело из петель. Дергач закачался и, впившись пальцами в стену, замер, ожидая, что вот-вот он полетит вместе с рамою вниз.

Теперь оставалось самое трудное: надо было занести ногу на верхнюю перекладину, разом оттолкнуться и ухватиться за выступ слухового окна, которое было уже почти рядом.

Ноги Дергача напружинились, пальцы, готовые мертвой хваткой зацепиться за выступ, широко растопырились. «Ну,— подумал он,— пора!..»

И он рванулся с быстротою змеи, почувствовавшей, что кто-то наступил ей на хвост. Раздался сильный треск, и сорванная толчком рама начала медленно падать, выдергивая своей тяжестью последние, еще не вылетевшие винты.

И Дергач, заползающий уже в слуховое окно, услыхал, как она глухо плюхнулась в зачавкавшее болото.

Выбравшись на чердак, Дергач бросился к выходной двери. Но едва только он толкнул дверь, как понял, что она закрыта снаружи на засов и он опять взаперти.

Он лег тогда на пыльную земляную настилку... кажется, впервые за все годы беспризорности почувствовал, что слезы отчаяния вот-вот готовы брызнуть из его глаз.

Между тем треск сорвавшейся рамы встревожил налетчиков. Внизу послышались голоса.

— Он выбросился в окно,— говорил граф.

— Он думал, наверно, что выплывет. Ну, оттуда не выплывешь! Чувствуешь, какая поднялась вонь? Это растревоженный болотный газ поднимается...

— А как же теперь?

— Что «как же»? Потонул, туда ему и дорога. Я же и сам после допроса хотел его по этому же пути отправить.

XIX

Мало-помалу к Дергачу, понявшему, что налетчики его считают погибшим, начала возвращаться совсем было утраченная надежда на спасение.

С рассветом Хрящ и граф исчезли куда-то. Дергач, воспользовавшись их отсутствием, испробовал все способы вырваться из своей темницы, но дверь была крепко заперта снаружи и не подавалась нисколько. Разобрать же крышу было тоже нечем.

Прошел еще день. Дергач был голоден и измучен. За это время он съел только кусок хлеба, случайно оставшийся в кармане, да выпил две пригоршни воды, просачивавшейся через щель крыши во время ночного дождя.

На третий день налетчики вернулись. Они были чем-то радостно возбуждены.

— Главное,— рассказывал Хрящ,— старик показывает мне обрывок фотографии, а сам говорит: «Мальчишки изорвали, на траве только половину нашел». Я так чуть не подскочил. «Все равно,— говорю,— давайте хоть половину». И когда дал я ему обещанную пятерку, так он чуть не обалдел от радости.

— Значит, сегодня!

— Сегодня. Лошадь я уже достал... мы его вьюком нагрузим и перевезем сюда, затем ночью вскроем, и кончено.

Вскоре оба ушли.

«Сегодня они привезут что-то, вероятно стальной ящик, и будут взламывать,— подумал Дергач, вспомнив про виденные им внизу инструменты.— А потом скроются... А я что? Неужели мне останется так пропасть с голоду?» И Дергач, совершенно обессиленный, лег на землю и, прикорнув, как мышонок, к серой пыли, впал в какое-то полузабытье.

Опомнился он уже к вечеру, когда услышал внизу шаги. «Вернулись»,— подумал он.

Но шаги на этот раз были какие-то крадущиеся,

неуверенные, точно кто-то посторонний тихонько, на цыпочках пробирается по комнатам.

Дергач подполз к двери и заглянул в щель. У входа никого не было видно. Он подождал. Опять послышались шаги, и кто-то вышел на крыльцо, осторожно озираясь и, по-видимому, собираясь бежать прочь.

— Яшка! — крикнул вдруг Дергач, зашатавшись.— Яшка! Я здесь... здесь, заперт на чердаке...

Через минуту Яшка был уже около двери.

— Дергач,— ответил он взволнованно,— здесь отпереть нельзя... огромный замок висит и весь заржавленный...

Дергач походил на волчонка, только что запертого в клетку. Он дергал дверь, злился и кусал себе губы...

— Скорее надо, они сейчас вернуться должны... Что, не выходит? Ну, достань тогда мне снизу веревку, я по старой дороге спущусь, а ты меня в окно втянешь...

Яшка сбегал за веревкой и просунул ее Дергачу в щель двери... Веревка туго пролезала, и пока Дергач продергивал ее, коротко рассказал Яшке про все, что случилось.

— Ну, теперь... беги в боковую комнату и жди, как я начну спускаться... Постой!

Ребята вздрогнули... Где-то невдалеке заржала лошадь...

— Беги...— шепнул Дергач,— они возвращаются... Беги в милицию, скажи, что здесь взламывают ящик Хрящ и граф, бандиты... Скажи, что к рассвету будет уже поздно... Выручай, Яшка...

И Яшка, скатившись с лестницы, врезался в кусты, не останавливаясь, махнул рукой притаившемуся Вальке... И, невзирая на ветви деревьев, больно хлещущих лицо, перепуганные ребята побежали к местечку.

XX

Едва Дергач успел продернуть к себе через щель толстую веревку, как к домику подошел граф и Хрящ, державший узду навьюченной лошади.

Тяжело топая ногами, налетчики внесли небольшой квадратный предмет в комнаты, и по тому, как тяжело стукнулось что-то об пол, Дергач догадался, что это несгораемый ящик.

Затем в продолжение всей ночи внизу была слышна возня, скрип и какое-то шипенье, похожее на шум разожженного примуса.

Очевидно, дело подвигалось медленно, потому что несколько раз снизу доносились отчаянные ругательства.

Наступал рассвет, а помощь все не приходила. И теперь уже Дергача не столько занимала мысль о том, скоро ли ему придется выбраться, сколько, сумеет ли прибыть вовремя милиция и захватить проклятого Хряща, прежде чем налетчики взломают ящик и скроются отсюда.

Радостные восклицания, раздавшиеся снизу, подсказали Дергачу, что наконец-то ящик вскрыт. Последовало несколько минут молчания и торопливой возни. Внизу, наверно, рассматривали содержимое ящика.

— Уф, жарко... Я взмок весь,— сказал Хрящ.

— У меня тоже язык чуть не растрескался... Пойди на ключ, принеси воды.

Но Хрящ, очевидно, по соображениям, казавшимся ему достаточно вескими, ответил:

— Вот еще! Чего я один пойду... идем вместе... а потом сразу же, не теряя ни минуты, заберем все и смоемся, а то лошади, наверно, хватились уже...

— Боишься, как бы я не забрал все да убежал? —

насмешливо спросил граф.— Ну ладно, пошли вдвоем пить.

В щель Дергач увидел, как они поспешно направились к опушке и исчезли в кустах. «Сейчас вернутся, заберут все, что было в ящике, и исчезнут,— подумал Дергач.— И опять Хрящ будет на свободе, и опять вечно бойся и дрожи, как бы он не попался на твоем пути. Эх! Да чего же не идут наши-то!»

И внезапно дерзкая мысль пришла в голову Дергачу.

— А, Хрящ! — прошептал он.— Ты всегда только и знал, что бить да колотить меня, ты хотел сбросить меня в болото... Погоди же, Хрящ! Мы с тобой сейчас расквитаемся.

Очевидно, какая-то горячка опьянила Дергача, потому что прежде он, трепетавший при одном упоминании имени Хряща, никогда бы не решился на такой рискованный поступок.

Он быстро спустил веревку из слухового окна по отвесной стене... закрепил один конец за столб, поддерживавший крышу, и скользнул по веревке вниз. Очутившись на подоконнике боковой комнатки, он спрыгнул и, выбежав в соседнюю комнату, крепко захлопнул тяжелую дверь и задвинул ее на железный засов.

«Попробуйте-ка, доберитесь сюда теперь!» — злорадно подумал он, оглядывая крепкие решетки выходящих к лесу окон.

Ему видны были налетчики, возвращающиеся обратно.

Он встал за дверью. На крыльце послышались шаги. Дверь вздрогнула. Вздрогнула еще раз.

И тотчас же снаружи раздалось озлобленное и в то же время испуганное восклицание:

— Что за черт! Там кто-то заперся.

Тогда Дергач крикнул из-за двери с нескрываемым озлобленным торжеством:

— Хрящ... ты, собака, хотел бросить меня в болото! Кидайся теперь сам туда от злости! Я не отопру тебе, и ты не получишь ничего из того, что есть в стальном ящике.

Грохот выстрела, раздавшийся в ответ... и пуля, пронизавшая дверь, не смутили Дергача, ибо он предусмотрительно встал за каменный простенок.

— Открывай лучше, собачий сын! — заревели в один голос граф и Хрящ.— Открывай, иначе все равно выломаем дверь!

В ответ на это Дергач захохотал как-то неестественно громко от возбуждения.

Он знал наверняка, что налетчики не могут голыми руками выломать дверь, потому что все их инструменты остались в домике. Ему важно было выиграть время и задержать бандитов, пока не придет помощь.

Вдруг он упал камнем на пол, потому что граф, прокравшись с другой стороны, просунул руку с револьвером в решетчатое окно.

Дергач подполз вплотную к стене. Рука графа корежилась, стараясь изогнуться настолько, чтобы достать пулей Дергача.

Пуля пронизала пол на четверть от него. Граф через силу изогнул руку еще и опять выстрелил. Пуля подвинулась к Дергачу еще вершка на два. Но рука графа была не резиновая, и больше он не мог ее изогнуть. Тогда граф отскочил от окошка и забежал за угол, очевидно надумав другой план.

Воспользовавшись этим моментом, Дергач шмыгнул в боковую комнатку, окно которой выходило на болото.

Здесь он был в сравнительной безопасности.

— Но почему же наши не идут? — с беспокойством прошептал он.— Ведь очень-то долго я не смогу продержаться. Хрящ уж что-нибудь да выдумает...

В том, что Хрящ уже что-то выдумал, он убедился через несколько минут, почувствовав запах гари.

Он высунулся в соседнюю комнату и увидел, что на полу горят клочки набросанного через решетку сена. Он хотел затоптать, но тотчас же отскочил, потому что пуля ударилась в каменную стену, недалеко от его головы.

«А ведь сожгут! — в страхе подумал Дергач.— Будут бросать сено, пока не загорится пол. Но почему же не идут на помощь милиционеры?»

Очевидно, Хрящ хорошо знал, что делает. Среди аппаратов, привезенных налетчиками для взлома шкафа, находились горючие жидкости. Пламя, добравшись до них, забушевало сразу с удесятеренной силой, расплываясь по полу и распространяя тяжелый, удушливый дым.

«Пропал! — подумал, задыхаясь, Дергач.— Пропал совсем». Дым лез в глаза, в нос, в горло. Голова Дергача закружилась, он зашатался и прислонился к стене.

«Пропал совсем...» — подумал он еще раз, уже совсем теряя сознание.

Колени его подкосились, и он упал, уже не услышав, как загрохотали по лесу выстрелы подоспевших и открывших огонь милиционеров.

XXI

Проснулся Дергач в больнице. И первое, на что он обратил внимание,— это на окружающую его белизну. Белые стены, белые подушки, белые кровати. Женщина в белом халате подошла к нему и сказала:

— Ну, вот и очнулся, милый! — На-ко, выпей вот этого.

И, слабо приподнимаясь на локте, Дергач спросил:

— А где Хрящ?

— Спи... спи...— отвечала ему белая женщина.— Будь спокоен.

Словно сквозь сон видел Дергач какого-то человека в очках, взявшего его за руку.

Было спокойно, тепло и тихо, а главное — все кругом такое белое, чистое. От черных лохмотьев и перепачканных сажей рук не осталось и следа.

— Спи! — еще раз сказала ему женщина.— Скоро выздоровеешь и уже скоро теперь будешь дома.

И Дергач — маленький бродяга, только огромными усилиями воли выбившийся с пути налетчиков на твердую дорогу,— закрыл глаза, повторяя чуть слышным шепотом: «Скоро дома».

Через день Яшка и Валька были на свидании у Дергача. Оба они были одеты в огромные халаты, причесаны и умыты. Дергач улыбнулся им, кивнув худенькой, остриженной головой. Сначала все помолчали, не зная, как начать разговор в такой непривычной обстановке, потом Яшка сказал:

— Дергач! Выздоравливай скорей. Граф арестован, он оказался настоящим графом. Они вырыли под пальмой ящик, спрятанный старым графом перед тем, как бежать к белым. В ящике много всякого добра было, но из-за тебя всё успели захватить наши милиционеры. Ты выходи скорей, все мальчишки будут табунами за тобой теперь ходить, потому что ты герой!

— А Хрящ где?

— Хрящ убит, когда отстреливался.

— Дергач,— несмело сказал Валька,— а твоих

домашних по объявлению разыскали. И тебе хлопочут пионеры билет. А Волк кланяется тебе тоже... Он очень любит тебя, Дергач.

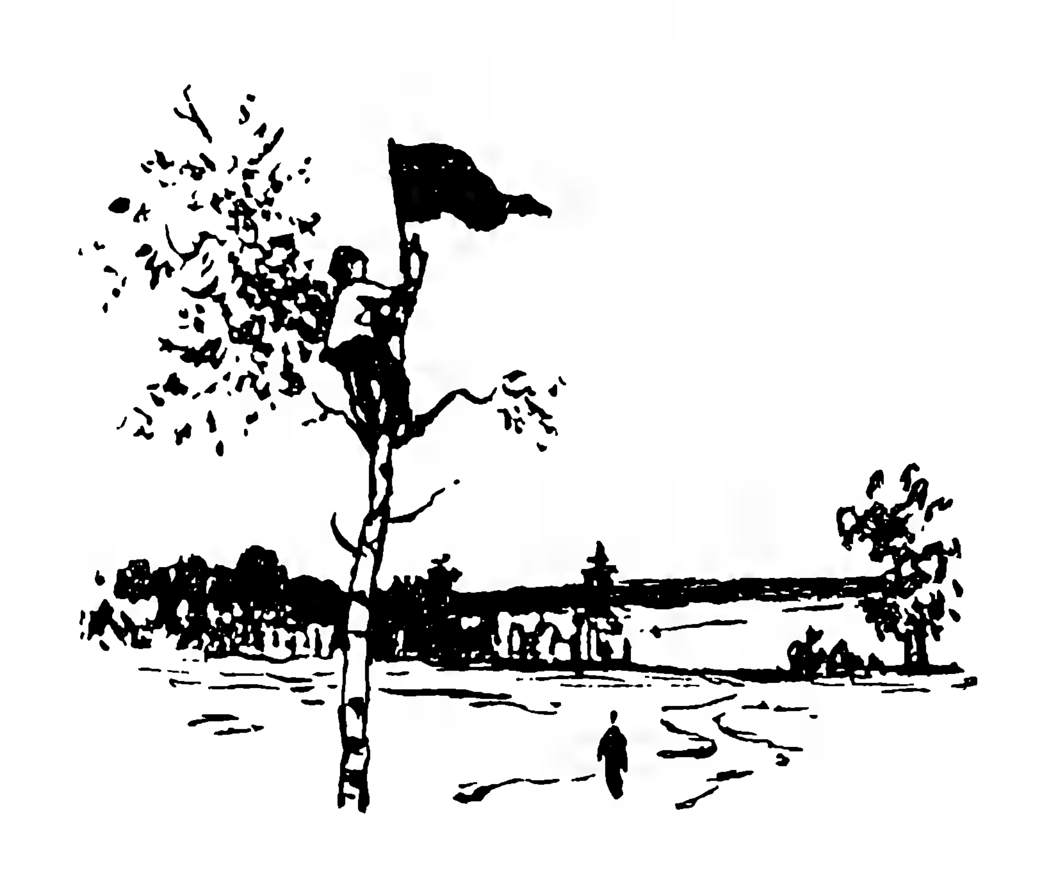
Дергач вздохнул. По его умытому, бледному еще лицу расплылась хорошая детская улыбка, и, закрывая глаза, он сказал радостно:

— И как хорошо становится жить...

1928

НЕОКОНЧЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ОБЫКНОВЕННАЯ БИОГРАФИЯ

ЧАСТЬ 1

В ВОРОНЕЖСКОМ военном госпитале я пролежал три недели. Рана еще не совсем зажила, но за последние дни прибывало много [раненых]* шахтеров с линии Миллерово — Луганск — Дебальцево. Мест не хватало.

Мне выдали пару белых грубых новых костылей, отпускной билет и проездной литер на родину.

Я надел новую гимнастерку, брюки, шинель, полученные взамен прежних — рваных и запачканных кровью,—и подошел к позолоченному полинялому зеркалу.

* В квадратные скобки взяты слова, вычеркнутые автором в оригинале, или же слова, неразборчиво написанные.

Я увидел высокого, крепкого мальчугана в серой солдатской папахе, самого себя с обветренным, похудевшим лицом и серьезными, но все равно веселыми глазами.

Полтора года прошло с тех пор, как, испугавшись, убежал я из нашего города Арзамаса.

С тех пор прошло многое. Октябрь. Боевая дружина сормовских рабочих, Особый революционный отряд, фронт, плен, гибель Чубука, прием в партию, пуля под Новохоперском и госпиталь.

Я отвернулся от странного зеркала и почувствовал, как легкое волнение слегка кружит мою только что поднявшуюся с госпитальной подушки голову.

Тогда я подпоясался. Сунул за пояс тот самый, давнишний маузер, из-за которого было столько беды в школьные годы, и, притопывая белыми, свежими костылями, пошел потихоньку на вокзал. Там спросил я у коменданта, когда идет первый поезд на Москву.

Охрипший суровый комендант грубо ответил мне, что на Москву сегодня поезда нет, но к вечеру пройдет на Восточный фронт санитарный порожняк, который довезет меня до самого Арзамаса.

И еще сердитый комендант дал мне записку на продпункт, чтобы выдали мне хлеб, сахар, селедку и махорку в двойном размере — как отпускнику-раненому.

Хлеб, сахар и селедку я положил в вещевой мешок, а махорку отдал на вокзале одному товарищу, который был еще раньше ранен и теперь опять возвращался на фронт.

Около года я не получал писем от матери. Сам я написал ей за это время два или три коротеньких письма, но адреса своего ей сообщить не мог, потому что в то время полевых почтовых контор еще не было, да

если бы и были, то и это не помогло бы, потому что орудовал наш маленький отряд больше по тылам — сначала у немцев, потом у гайдамаков и у белых.

А из госпиталя, из Воронежа, я не писал нарочно — чувствовал, что мать, узнав о моей ране, только без толку расплачется и разволнуется.

Санитарный порожняк торопился на восток, где в это время шли крепкие бои с Колчаком. Уплывали одна за другою станции, чужие, незнакомые, но все так похожие одна на другую — забитые, грязные, кричащие, звенящие, лязгающие оружием, расцвеченные красными флагами и плакатами.

Мелькнет вокзал, красноармейцы, выстроившиеся с котелками возле дымящейся походной кухни.

Дернет за сердце прорвавшийся через грохот колес напев гармоники, дунет морозный ветер — запахом дыма, сена, лошадиного навоза и карболки.

Врежется в память [посиневшее] лицо рабочего-дружинника, опоясанного пулеметной лентой на вылинялой кожаной тужурке, отягощенной брезентовым патронташем.

Улыбнется и махнет рукой женщина, вероятно работница. Да и какая там женщина — просто веселая девчонка с наганом у кожаного пояса.

И опять далекое поле, а в поле за сугробами далекие дороги и далекие деревни, села, и в каждой деревне свой Деникин, в каждом селе свой Колчак, свои красные, своя ненависть и борьба.

Поезд прорвался за Муром, и вместе с ударами станционных колоколов сразу зазвучали имена станций, разъездов, полустанков, давно знакомых еще по детству, по школе, по семье... Мунтилово, Балахониха, Костылиха...

Давно ли? Нет, впрочем, давно, очень-очень дав-

но — года четыре или лет пять назад отец взял меня с собой в Костылиху, куда ездил в гости к тамошнему учителю Федору Матвеевичу... Там мы спали на сеновале, потом пили чай с крыжовником, потом мы ходили купаться, и когда шли назад, отец и учитель и еще две какие-то хорошие женщины, то все они пели песню, которую я силился сейчас вспомнить, но никак не мог.

Отец гудел басом, как церковный колокол. А одна из хороших женщин, та, которую звали Маруся, пела так звонко-звонко, что я схватил ее за руку и так прошел с нею всю дорогу — тихонько и молча.

Потом, когда уже дома я рассказывал об этом матери, мама сказала мне, что эта Маруся нехорошая женщина, и заплакала... И когда отец стал успокаивать мать и стал говорить, что он и сам не находит в Марусе ничего хорошего, то и тогда я остался при своем убеждении, что эта Маруся все-таки хорошая.

Поезд прорвался мимо полустанка Слезевка. Впереди мелькнули бесчисленные церкви и монастыри Арзамаса, они росли, вырисовываясь все ярче, ярче... так что я теперь мог уже различить и крутую гору собора, и купол Благовещенской церкви, и даже старую пожарную каланчу.

Тогда поезд завернул влево и ушел в лес, в тот самый детский лес, в котором мне были знакомы каждый бугорок, каждая поляна и каждая ложбина.

Кто-то положил мне руку на плечо. Я обернулся. Передо мною стояла красная сестра с поезда.

— Приехали,— мягко сказала она.— Сойдешь, постарайся найти лошадь. А если не найдешь, то иди потихоньку и чаще отдыхай.

— Хорошо,— ответил я,— потихонечку.— А сам с поспешностью, какую только могли позволить мои костыли, затопал к дверям останавливающегося вагона.

Извозчиков не было. Стояло несколько подводчиков, приехавших за грузом на станцию. Я задумался. До города было километра четыре — сначала полем, потом через овраг, потом через перелесок. Такой длинный путь с моей простреленной ногой мне было пройти нелегко. Но делать было нечего. Я поправил вещевой мешок за плечами и пошел по гладкой, накатанной дороге. Я шел потихоньку, а мне хотелось бежать. Но когда я пробовал ускорить ход, костыли начинали скользить по обледенелым колеям или проваливаться в снег, а нога начинала неметь и ныть.

— Э-эй! — услышал вдруг я позади себя окрик.

Я хотел посторониться. Но посторониться было некуда, потому что я был в ложбине, занесенной снегом, где только-только могла проехать одна лошадь. А в сугроб свернуть мне было нельзя...

Тогда я рассерженно обернулся и, опираясь на костыли, встал поперек пути.

С саней соскочил подводчик, подошел ко мне и, разглядев, в чем дело, сказал:

— Садись, солдат, подвезу.

Я забрался на сани, груженные мешками с овсом... и с любопытством посмотрел на подводчика.

Ему было лет сорок, он был небрит, нос его был красен, щеки одутловаты, на голове у него была заячья шапка с ушами, а одет он был в [серую] форменную шинель — такую, какие носили раньше учителя и акцизные чиновники...

«Неужели это он? — подумал я.— Конечно, он!»

— С какого фронта? — спросил подводчик, завертывая толстую цигарку из махорки.

— С Южного,— ответил я ему улыбаясь.— Александр Васильевич, это вы, а это я.

— Что значит «это вы, а это я»? — удивленно

переспросил он, вынимая изо рта цигарку и поднимая на меня мутные маленькие глаза.— Го-о-риков? — вполголоса вскрикнул он.— Го-о-риков! — Он снял толстую брезентовую рукавицу и протянул мне руку: — Ну, здравствуйте.

— Здравствуйте, — весело ответил я. — Как живы-здоровы, Александр Васильевич?

— Жив...— ответил он,— и жив и здоров... А вы, я как вижу, не совсем?

— Нет, и я совсем! Я также и жив и здоров, а это...— и я ткнул рукой костыль,— это пустяк, это временно.

Лошадь тихонько бежала по узкой дорожке через перелесок. Мы оба замолчали. Каждый думал о своем.

Сидя в санях, я вспоминал: тишину, черное пятно классной доски, форменный сюртук с блестящими пуговицами и машинный, ровный голос:

«Швеция должна была признать себя побежденной. Великая Российская империя приобрела устье Невы, Кронштадт и северное русло исторического пути, связывающего Европу и Азию...»

Он, вероятно, думал:

«В 1917 году Великая Российская империя была побеждена и завоевана людьми, приобретшими начало и конец пути, который должен, по их замыслам, связать и Европу, и Азию, и весь мир в одно целое. И вот я, дворянин, коллежский советник Александр Васильевич Воронин, учитель, в порядке трудповинности посланный за овсом на вокзал, везу сейчас раненого большевика, и даже не большевика, а большевистского мальчишку, которого два года тому назад я учил тому, что Великая империя непобедима».

Он довез меня до самого дома и, хмуро кивнув головой на мое «спасибо», повез сдавать овес в упродком.

А я, с опаской посмотрев на окна нашей квартиры, зашагал во двор, радуясь тому, что окна заледенели и через них ничего не видать.

Стараясь не стучать, я поднялся по лестнице, осторожно отставил костыли в угол за шкаф и постучал в дверь.

За дверями послышался мелкий топот. И по пыхтенью я понял, что это Танюша тужится, открывая крючок двери.

— Мама дома? — спросил я у не узнавшей меня сестренки.

— Нет! — ответила она, и испуганные глаза ее блеснули слезинками.

— А-ах... не-ет! — весело закричал я, подхватывая костыли и вваливаясь в комнату.— А-ах... нет! А ты без мамы и узнать меня не хочешь!..

Я сбросил сумку, шинель и, усевшись на кровати, обнял не совсем еще оправившуюся от испуга девчурку.

— Господи, Борька!.. Ну, Борька!.. Ну, какой ты ужасный солдат! Ну, как папа был солдат, так и ты солдат...— стрекотала Танюшка. И, целуя меня, она добавила протяжно и укоризненно: — Бо-о-орька! Борька! И что ты как давно не писал, а уже мама думала, думала. И я тоже думала, думала. Да вот! Когда она сейчас с базара придет — все сама расскажет.

Я оглянулся. Все стояло на старом месте... и шкаф, и кровать, и старый треногий диван. Я посмотрел на стену — там было новое.

Прямо со стены глядел на меня большой портрет отца — в такой же, как у меня, серой папахе и в такой же шинели, и был тот портрет обведен траурной каймою из красной и черной материи.

— Это тебя на войне убили? — спросила Танюшка, осторожно дотрагиваясь пальцем до костыля.

— На войне! — рассмеялся я и сунул костыли под кровать.

— А у нас, Борька, горе какое! Ну какое горе! Такое горе! — И сестра грустно посмотрела на меня.

— Какое еще горе? — встревоженно спросил я, пододвигая ее к себе.

— А такое горе, что Лизочка уже умерла!

— Какая еще Лизочка? — спросил я, вспоминая и перебирая в памяти всю веселую ораву моих двоюродных сестричек, живших в деревне неподалеку от Арзамаса.

— Как — какая? — И Танюшка подняла на меня печальные и изумленные глаза. — А наша-то Лизка — кошка такая. Помнишь? Да она-то еще один раз с печки спрыгнула — и молоко опрокинула. Ну, вспомнил теперь?..

— Вспомнил, Танюша!

Пришла мать. Распахнув дверь, она остановилась. Внимательно посмотрела на меня. Поставила на пол корзину и, подойдя, крепко обняла меня. Сбросила платок, холодными от мороза руками взяла мою голову, посмотрела мне в лицо и сказала дрогнувшим голосом:

— Похудел. Побледнел. А вырос-то, а вырос-то! Да встань ты с кровати! Дай я на тебя посмотрю.

— Мне, мама, неохота с кровати вставать, — отказался я. — Я бы, пожалуй... да у меня нога немного побаливает.

— Отчего побаливает? — И мать подозрительно посмотрела вокруг. — То-то я слышу, что йодоформом пахнет.

— А оттого побаливает, что еще не зажила. То есть уже зажила, да еще не совсем.

— Он с палками пришел, — вмешалась Танюшка, вытягивая из-под кровати костыли. — Как пришел, так под кровать их спрятал, а сам сидит!

— Ранен? — тихо спросила мать.

— Немножко,— ответил я.— Да ты не думай ничего, мама, все прошло...

Мать провела рукой по моей бритой голове, и с минуту мы просидели молча. Потом она быстро встала, сдернула пальто и бросилась на кухню:

— Бог мой! Да ты, должно быть, голодный!.. Танюшка, беги скорей в сарай — тащи уголь! Сейчас самовар поставлю. И куда это я спички сунула?.. Борис, у тебя есть спички?.. Не куришь? Так, ну и хорошо! Да вот они!.. Ты бы сапоги снял и лег. Дай я тебя разую...

Вскоре зашипел самовар. Запахло с кухни чем-то вкусным. Входила и выходила из комнаты раскрасневшаяся у плиты мать. Ровно тикали стенные часы да колотила метелица в узорчатые морозные окна.

Легкая дрёма охватила меня. Было тепло и мягко на старой кровати, укрытой знакомым стеганым одеялом. И вдруг показалось мне, что ничего не было — ни фронта, ни широких, далеких степей, ни отряда, ни боев. Будто бы все то же, что и раньше. Вот она, настенная полка с учебниками. Вот в углу [древняя] картина, изображающая вечер, закат, счастливых жнецов, возвращающихся с поля. Через открытую дверь виднеется кипящий самовар на клеенчатом столе — такой же неуклюжий, с конфоркой, похожей на старую шляпу, сбившуюся набок.

Я полузакрываю глаза... В углу возится Танюшка, напевая древнюю баюкающую песенку — ту самую, которую я слышал от матери еще в глубоком детстве:

На горе, го-о-оре
Петухи поют.
Под горой, горой
Озерцо с водой.

Как вода, вода
Всколыхнулася,
А мне, девице,
Да взгрустнулося.

И мне уже совсем начинает казаться, что ничего не было, что все по-старому, по-школьному, по-давешнему.

— Борис! — кричит мне мать.— И соседей кликать?.. Боря, тебе чай в кровать дать? Или ты сюда придешь?

Я вздрагиваю, и опять я вижу через смеженные веки свою шинель, папаху на вешалке и как тащат и ставят костыли у моего изголовья.

Так — все было.

После обеда, когда мать ушла на дежурство в больницу, а я, вдоволь насмотревшись и наговорившись, лежал в кровати, раздумывая о том, куда мне завтра пойти и кого повидать, в дверь постучали.

И в комнату неожиданно вошел мой школьный товарищ Яшка Цукерман. Он вошел улыбаясь, и в то же время видно было, что он старается казаться серьезным и солидным.

Яшка был на год моложе меня, следовательно ему было сейчас пятнадцать. Мы были с ним одноклассниками и дружили когда-то, давно, еще до революции, до тех пор, пока не был приговорен к смерти мой отец, и до тех пор, пока ко мне не была прилеплена кличка «дезертиров сын».

После всего этого я разошелся со всеми товарищами, кроме Тимки Штукина. С одними, как, например, с Кореневым или с Федькой, у меня была открытая вражда, с другими — в том числе и с Яшкой — вражды не было, но был взаимный холодок и отчужденность.

Но так как все это было очень давно и так как

с тех пор изменилось многое, то я [все-таки, увидев его] обрадовался Яшкиному приходу.

— Здравствуй, Гориков,— сказал он, называя меня по фамилии.

— Здравствуй, Цукерман,— в тон ему ответил я.— Садись! А я устал с дороги и полежу немного.

— Что ты! Что ты! Конечно, лежи! — быстро проговорил он, поглядывая на мою ногу, под которую заботливая мать перед уходом положила подушку.— А мы узнали, что ты приехал,— продолжал он, усаживаясь на стул и держа в руках форменную фуражку с сорванной кокардой.— Вот ребята и говорят мне: «Пойди, Яшка, узнай: как он, откуда, надолго ли?.. Ну, вообще, говорят, пойди и узнай...» Вот я взял да и пошел.

— И хорошо сделал! — ответил я, не совсем понимая только, какие это именно ребята могли попросить Яшку узнать обо мне, потому что с отъездом Тимки Штукина на Украину никаких школьных товарищей у меня не осталось.

— Ты с фронта приехал? — спросил Яшка.

— С Южного,— ответил я, внимательно разглядывая прежнего товарища и удивляясь тому, как вырос и возмужал он за эти полтора года.

— Ты был ранен?

— Да, в бок и в ногу!

— Ты надолго приехал?

— У меня отпуск на три недели...

— А потом?

— А потом опять на фронт...

— На какой?

— Не знаю! На какой пошлют, фронтов много.

Разговор не завязывался никак. Он спрашивал. А я отвечал охотно. И все-таки, несмотря на все это, не-

смотря на то, что нам обоим хотелось попросту поговорить,— какая-то неуловимая черта, наметившаяся еще где-то далеко в прошлом, лежала между нами.

— Ребята просили! Если ты сможешь, то приходи завтра к нам. У нас завтра в семь часов вечер в клубе. Там много наших встретишь — они будут рады.

— Цукер...— спросил я,— вот ты все мне говоришь: ребята послали, ребята просят — какие это ребята? Ну, например, кто?..

— Как — кто! Васька Бражнин, Васька Суханов, Гришка, Федор... я, Пашка Коротыгин — ну, вообще все наши одноклассники, комсомольцы...

— Как? — Я повернулся так быстро, что нога моя соскочила с подушки и больно и сладко заныла.— Как ты сказал? Комсомольцы! Разве Гришка комсомолец?.. Разве ты, Яшка, комсомолец?..

— А ей-богу же, Борька, комсомолец! — обиженно и искренне вскричал Яшка, впервые называя меня по имени и так же по-прежнему, по-мальчишески оттопыривая губы, за что его и прозвали в школе Яшка-теляшка.— Уж скоро полгода, как комсомолец... Да хочешь, я тебе билет покажу?

— Ой-ой-ой-ой! — захохотал я, вырывая и отбрасывая его фуражку, которую он без толку крутил в руках.— Ой, и чудак же ты, Яшка! Что же ты мне просто не сказал? А то сидит, как китайский посол, и тянет что-то... меня послали... тебя просили... Сел бы да и говорил просто!

— А черт тебя знал, Борька, как с тобой разговаривать! — откровенно сознался Яшка.— Твое, можно сказать, такое положение, да еще с фронта, да еще раненый! Мне ребята говорят: «Гориков приехал, сходи ты, Яшка». Я спрашиваю: «Почему я? Пускай Гришка идет или Васька». Васька говорит: «Мне что,

я схожу. А только Яшке лучше, он и раньше у него бывал». Ну, я и пошел...

Все прошло. Исчез холодок. Разговор стал простым и теплым — таким, какой может быть только между двумя давно не видавшимися после ненужной и случайной ссоры товарищами.

Я мало рассказывал, больше спрашивал. Потом мы начали вспоминать:

— А помнишь?

— А помнишь?..

Много таких светлых и коротких [помнишь] накопилось за время дружбы ребят, которая началась чуть ли не с шестилетнего возраста.

Он рассказывал мне о моих школьных товарищах и врагах, о том, кто из них остался, кто уехал, кто вступил в комсомол. И я с огромным вниманием и радостью слушал о том, что Кольку приняли было, да вскоре исключили. А что Васька оказался хорошим парнем. А что другой Васька тоже в комсомоле... И что Петька подал заявление... И только один раз я нахмурился. Это когда я узнал, что Федька Башмаков тоже в комсомоле — и, мало того, один из первых вступил в комсомол.

Это больно задело меня. До сих пор еще во мне жила глухая, крепкая вражда к Федору.

И хотя я не сказал ничего об этом Яшке, но он и сам почувствовал это и перевел разговор на другое.

Яшка долго еще просидел у меня, и когда он уходил, то у обоих у нас горели щеки, глаза блестели молодым, светлым задором.

Мы условились встретиться завтра на вечере в клубе укома...

Был последний вечер первой недели, которую я провел в Арзамасе.

Я, Васька Бражнин, Яшка и еще две наши девчонки сидели на диване в клубе укома. Яшка только что сдал Ваське ночное дежурство. Васька нацепил на пояс огромный «Смит и Вессон» и деловито осматривал принятое под расписку оружие: четыре винтовки разных систем и две гладкоствольные берданки.

Две девчонки — Маруся и Зойка — возвращались домой из госпитальных бараков, что за городом, завернули на минутку передохнуть да и застряли в клубе. А я зашел повидать Сережу Шарова, председателя укома. Но мне сказали, что он все еще на вокзале.

Ночью мимо Арзамаса должен был пройти на восток эшелон с муромским рабочим батальоном, и наши комсомольцы еще с обеда грузили в вагоны фураж, чтобы батальон мог, не задерживаясь, катить дальше на фронт. Поэтому-то в клубе сегодня было так спокойно и тихо.

Васька окончил щелкать затворами и потащил винтовки в деревянную стойку. Гнезд в стойке было восемнадцать, а винтовок — всего шесть, и чтобы они не ютились в одном уголку, он расставил их вдоль всей подставки — через два гнезда в третье.

— Васька! — сказала Зойка.— Ты бы хоть печь затопил. Смотри, холодина какая...

— Затоплю,— ответил Васька и подошел к телефону.— Штаб охраны! — гордо попросил он, отворачиваясь, чтобы нам не было видно его лицо.— Это штаб? Дай дежурного по гарнизону... Дежурный по гарнизону?.. Говорит дежурный по комсомолу Василий Бражнин. Дежурство принял. Налицо шесть винтовок и два патрона... С 10 вечера до 8 утра... Ночуют в комсомоле четверо...

Он отрапортовал это, потом спросил уже совсем обыкновенным голосом:

— Это ты сегодня дежуришь? Слушай, ведь я еще тебя в прошлый раз просил... Ну неужели у вас не найдется хоть десяток патронов?.. Ну да, для винтовки... Поищи, пожалуйста, а то у нас на нее всего одна обойма...

Затем он повесил трубку и подошел к большому синему плану города, висевшему на стене, взял листок с адресами и стал что-то рассматривать.

— Васька! Затопи печку,— повторила Зойка, укутываясь покрепче в пальто и подбирая ноги на диван.

— Затоплю,— ответил он, тыкая пальцем в расчерченный на квадраты план и бормоча вслух: — Первое отделение... Анохин, есть... Второе — угол Армянской и Ольгинской — Колька, есть... Слушай,— спросил он, оборачиваясь к Яшке,— почему у нас по боевому расписанию выходит, что... Голубев, который живет на Севастопольской, должен бежать к Шагину и к Ильину? А Коноплянников, который живет... на Сальниковской, должен бежать на Большую к Ведеркину и Самойлову — то есть под самый бок к Голубеву? Тоже... расписание называется!

— Васька! Затопи печку,— повторила Зойка.— Как твое дежурство, так ты все с винтовками да с сигналами, а в комнате уши мерзнут...

— Затопи, Васька! — поддержала Зойку молча сидевшая Маруся.— Что ты там мудришь? Какая тревога? Восстание будет, что ли?..

— Дура! — серьезно и сердито ответил Вася и обратился ко мне: — Поясни им — восстание не восстание, а когда в прошлом месяце вызвали на охрану спиртового завода в Лаловку... то три часа прошло, пока половина собралась... Вот тебе комсомольская дружина... Сейчас затоплю,— сказал он, доставая из угла большой топор.— Дров только еще наколоть надо...

Он вышел во двор. И через минуту послышался сухой треск раскалываемых поленьев.

— Затопит — тепло будет! — сказала Зойка.— Я и так намерзлась сегодня. Веселое дело — выбрали нас с Муркой в санитарную комиссию. Пришли мы в госпитальные бараки: [на складе] грязь, одеяла — как половики, простыни тоже... «Что ж это, говорим, товарищи! За все это мы можем и акт составить». А там только рукой махнули: «Составляйте, говорят. Прислали нам все это добро из расформированного полевого лазарета. А прачек нет... тут их по крайней мере двадцать нужно... А у меня всего и по штату шестеро, а налицо четверо. Вы бы, вместо чем акты составлять, помогли как-нибудь...» А как поможешь? — Тут голос у Зойки стал унылым, жалобным.— А как поможешь? Вот... собрали мы с Муркой девчат одиннадцать человек... да сегодня шестой день и стираем! Надоело... ужас как.

Она помолчала, подула на застывшие руки и добавила:

— Я бы уж лучше на фронт пошла... А ты как, Мурка?

— А что там делать? — подумав немного, спросила Маруся.

— Как — что? Воевать!

— Разве что воевать! — улыбнулась Маруся.

Тут они обе переглянулись и ни с того ни с сего рассмеялись.

Вошел Васька и бухнул возле печки большую вязанку расколотых сосновых поленьев.

Со станции появился Сережа Шаров и сказал, что погрузка окончена и ребята идут в город.

Вскоре запылал огонь, сразу стало теплее и светлее. Мы подвинули диван к печке.

— Расскажи, Борька, что-нибудь про фронт! — попросила Зойка.— Ну вот, например, идет ваш отряд — вдруг... Ну, и так далее...

— Как это, Зойка, и вдруг... и так далее? — удивился я.

— Обыкновенно как... Как всегда рассказывают. Так-то и так-то... потом вдруг так-то! И так-то! Так-то и так-то. И вдруг еще как-нибудь.

Все рассмеялись.

— Дуреха! — снисходительно вставил подсевший к нам Васька.— Ну, спросила бы про бой или про атаку, ну там про фронтальную или про фланговую...— Васька спокойно и солидно произнес эти два слова.— А то «вдруг да вдруг...». На военные кружки — так их нет! И потому спросить-то у человека толком не умеют. «Вдруг да вдруг».

И Васька посмотрел на меня, как бы говоря: «А что с них спрашивать?.. Разве они понимают!»

Однако, по правде сказать, если бы я стал рассказывать, то мне много легче было бы рассказывать по Зойкиной схеме: вдруг — так, а вдруг — этак, чем описать картину... «фронтальной или фланговой» атаки. Потому что я и сам не знал, когда у нас была фронтальная, когда фланговая, когда еще какая... И, во всяком случае, если они и были, то уж никак не похожи на те, о которых вычитал Васька в старых уставах... Однако я хитро подмигнул ему—что, конечно, мол, мы-то понимаем,— но рассказывать отказался, сославшись на то, что надоело и расскажу когда-нибудь потом.

— Ты, Борис, храбрый? — спросила Зойка.

— Очень! — ответил я.

— Ну, какой храбрый? Есть же все-таки и храбрей тебя?

— Мало! — коротко ответил я.

— Это хорошо, что ты «очень»! — задумчиво сказала Зойка.—А вот мы с Маруськой—ой, какие трусихи!..

Тут девчонки опять переглянулись и снова дружно рассмеялись.

— Домой бы идти надо,— сказала Зойка,— и неохота. А нужно еще кое-что почитать, выспаться. А завтра у нас в десять кружок. «Женщина и социализм» разбираем... Ты как, Борис, смотришь на женский вопрос? Тебе все понятно у Бебеля?..

Зойка подтолкнула валенком высунувшиеся из печи шипящие поленья и, повернув раскрасневшееся от огня лицо, посмотрела на меня. И я смутился. Дело в том, что на женский вопрос я как-то еще никак не смотрел, да и фамилию-то Бебеля слышал только что впервые.

Я хотел как-нибудь уклониться от ответа.

Зойка сразу догадалась об этом. Она укоризненно покачала головой и спросила опять:

— А ты Карла Маркса читал?.. Нет!.. Ой-ой-ой! Ой-ой-ой! А еще коммунист!

— Ему некогда было читать! — вступился за меня Васька.— На фронте не до чтения... Как там загрохочут двадцать батарей... так тогда не до чтения.

— Конечно, если двадцать-то батарей,— покорно согласилась Зойка,— какое тогда чтение.

Тут уж я рассердился не на Зойку, а на Ваську. Никогда я не слыхал, как грохочут двадцать батарей. Две-три — еще может быть, а никак не двадцать. Кроме того, не читал я, уж конечно, вовсе не из-за батарей и вовсе не потому, что было некогда, или потому, что не попадались книги. Времени свободного было сколько хочешь; не одну, так другую книгу тоже достать было можно. А не читал я просто так — [из-за лени, безалаберности, да и все].

— Прочитаю еще,— хмуро ответил я.— Соберусь как-нибудь и прочитаю.

— Тебе обязательно надо,— серьезно поддержала Зойка. И, опять хитро переглянувшись с Марусей, задорно добавила: — Мы-то еще комсомольцы, а ты ведь уже коммунист.

Застучало, загрохотало на лестнице, распахнулась дверь — и в клубах пара, осыпанные снегом, с побелевшими от мороза бровями, ввалилось в комнату около десятка человек. Они, точно по команде, оглушительно затопали, стряхивая с сапог и с валенок рыхлый снег, посбрасывали полушубки, шинели, куртки; некоторые скинули обувь и задвигали скамьями, пробираясь к огню...

— Ну и мороз, Борька! — сказал Сережа Шаров, присаживаясь рядом со мною и бесцеремонно оттискивая в угол дивана Зойку.— Замерз! Три вагона нагрузили... И знаешь, только-только окончили, как прибежал комендант: «Ну как, ребята?»—«Готово!» — говорю. «Вот, говорит, выручили! А мне сейчас позвонили, что эшелон уже из Мункалова вышел. Через час здесь будет. Вы бы, говорит, подождали: может, приветствие какое-нибудь — ну там митинг... И они вам спасибо за фураж скажут». Как услышали наши ребята про приветствие да про митинг — и друг за другом ходу: кто в барак греться, кто в дежурку. «Нет, говорим, товарищ комендант, приветствовать... вы им сами передайте... [неразборчиво] [и без спасибо нам идти надо. И то сказать, с обеда... Какое уж тут спасибо]». Зойка! — сказал он, оборачиваясь к притихшим девчонкам.— Тебя сегодня в укоме Васильев ругал. Ты прикреплена к приюту. Скажи, пожалуйста... а ты была там хоть один раз? Нет!.. Ну и паскудная же ты, я скажу тебе, девка.

— Сереженька! — уныло сказала Зойка.— Солнышко ты мое любимое, золотой мой!.. Я в госпитале... сейчас занята, занята! А до госпиталя я каждый день на вокзал три километра — в распределитель — бегала, бегала! А до этого — на продразверстку в Полянскую волость... с Анохиным, ездила, ездила. Ой, как люблю я тебя, дорогой мой! — лукаво закончила она, обнимая Сережу за шею.

— Ну-ну, любишь! — заворочался Шаров, разжимая своими крепкими лапами ее руки.— Балаболка! А впрочем, и то правда. Я так и сказал: «Не разорваться же ей». А в приют мы завтра Ленку пошлем.

— Ленка не пойдет! — вскричала гревшаяся у огня Маруся.

— А кто спрашивать будет? — удивился Шаров.— Постановим — значит, пойдет!

— Ленка не пойдет. Она на днях замуж выходит и к мужу в вокзальный поселок переедет. А оттуда далеко...

— Замуж?.. Далеко?..— переспросил Шаров, и на лице его появилось такое неподдельное негодование, как будто бы ему сообщили не о том, что Ленка замуж выходит, а о том, что Ленка уходит... в белогвардейскую банду.— Ну ладно! — добавил он уже более сдержанно.— Это мы еще обсудим, кто замуж, а кто куда!.. Борька! — негромко сказал он, оборачиваясь ко мне.— Пойдем в другую комнату, нам ведь с тобою поговорить кое о чем нужно...

1931

ГЛИНА

(Отрывок)

ПАВЛИК-ЯБЕДА ПОДСЛУШИВАЕТ ИНТЕРЕСНУЮ НОВОСТЬ

ВОСПОЛЬЗОВАВШИСЬ тем, что мать вышла во двор, Павлик быстро выудил из супового горшка большой жирный кусок мяса.

В это время в сенцах что-то стукнуло. Обжигая пальцы, Павлик торопливо сунул мясо в карман. Однако мать не показывалась. Вероятно, это за дверью завозился у кормушки поросенок Хрюк.

Павлик обозлился на Хрюка, из-за которого он перепачкал растопленным жиром карман новых штанов. Он хотел выйти и дать Хрюку пинка, но тут досада его обернулась на младшего, двухлетнего братишку Гошку.

Этот хитрый, измазавшийся Гошка стибрил с Павликовой тарелки половинку творожника и, затолкав в рот, спокойно пережевывал его, раздувая красные, замасленные сметаной щеки.

Сгоряча Павлик хотел треснуть Гошку и поднялся уже со стула. Но хитрый Гошка, заметив этот маневр, уже заранее открыл рот, собираясь заорать во всю свою горластую глотку.

Тогда Павлик переменил решение. Он с грустью посмотрел на оставшуюся половинку творожника. Вздохнул, незаметно смазал снизу творожник горчицею и нарочно на глазах у Гошки сверху густо посыпал сахаром.

— Ешь, Гошенька! — радушно предложил Павлик.— Я наелся. Кушай на здоровьице.

Не закрывая рта и хитро скосив маленькие круглые глаза, Гошка недоверчиво посмотрел на Павлика. Но жадность пересилила в нем осторожность. Кусок был такой аппетитный, да и лицо Павлика улыбалось так искренне и приветливо.

Гошка сунул кусок в рот, и почти тотчас же глаза его заслезились. Он отплюнулся, показал Павлику язык и только после этого глубоко вздохнул и заревел.

Реветь Гошка был мастер. Он никогда не кричал до хрипоты, захлебываясь и закашливаясь, как орут многие глупые дети. Гошка набирал полные легкие воздуха и начинал однотонно и басисто:

— А-а-а-а-а...

Потом делал коротенькую передышку и начинал опять снова:

— А-а-а-а...

Таким образом, экономно расходуя свои силы, Гошка мог орать очень продолжительное время.

Заранее радуясь тому, что, вернувшись, мать, вероятно, выдерет Гошку после того, как тот доймет ее своим воем, Павлик скромно отошел в угол и сел на лавку, приготовившись наблюдать за дальнейшим ходом интересных событий. Но тут дверь распахнулась, и вместо матери в комнату вошел неожиданно вернувшийся из города отец.

Это совершенно меняло дело. Толстый Гошка был любимец отца, и, вспомнив это, Павлик заерзал, спрыгнул со скамьи к оравшему братишке и быстро заговорил вкрадчиво и ласково:

— Ну-ну, будет, Гошенька! Ну, что ты?.. Вот наш дорогой папочка приехал. Ну, что ты орешь? По маме соскучился? Сейчас, сейчас придет мама...

Но ни Гошку, ни отца эта хитрость не провела.

Гошка заорал еще громче, а отец защемил Павликино ухо и, жестким пальцем постучав сына по голове, спросил сердито:

— Ты у меня, пустая башка, будешь помнить, как к ребенку приставать?

Однако, так как Гошка говорить еще не умел и никаких доказательств Павликова преступления не было, он, вероятно, отделался бы только внушением. Но тут отец обратил внимание на большое жирное пятно, просочившееся через оттопыренный карман, и потащил сына к свету.

Минутой позже вернулась мать, и уличенный в покраже супового мяса, огорченный Павлик, к превеликому восторгу переставшего орать Гошки, был выдран ремнем и отослан на кухню со строгим приказанием не показываться оттуда на глаза раньше вечера.

Забравшись на теплую печку, Павлик подложил валяный сапог под голову, укрылся старым овчинным полушубком и, вдоволь наплакавшись, утих, раздумывая о том, как бы это получше отомстить отцу и Гошке. Так, незаметно для себя, он уснул. Снилось ему, будто бы он, Павлик Алалыкин, уже большой и будто бы его назначили взамен Семена Семеновича главным народным судьей. И вот приводят к нему на суд Гошку.

«А...— говорит Павлик-судья.— Так это вы, гражданин Гошка? О-о-очень хорошо! А помните, как вы мой творожник сожрали? А помните, как из-за вас меня отец выдрал? О-очень хорошо, гражданин Гошка! Назначаю вам сорок лет каторги... Уведите с моих глаз, товарищи милиционеры, и не давайте этому паршивцу никакой пощады!»

Вероятно, от удовольствия Павлик потянулся. Лежавший под головой валенок сдвинулся и задел сушившийся в углу веник, который шлепнул Павлика в лицо. Павлик сердито фыркнул. Он не желал просыпаться и хотел досмотреть сон с дальнейшими злоключениями справедливо осужденного Гошки. Но тут до слуха Павлика из соседней комнаты донесся негромкий разговор.

Павлик же был любопытен. И вообще он был твердо убежден в том, что самое интересное и важное можно не услышать, а только подслушать. Подслушивать тоже нужно умеючи. Прежде всего притвориться спящим. Но на это нужно свое время. Днем, например, за столом никак не уснешь — не поверят да еще выругают. Ночью же то неудобство, что или отец с матерью спят, или самому на самом деле спать охота. Можно также спрятаться, чтобы подумали, будто бы ушел. Только в это время нельзя ни капли чихать. Летом подслушивать удобно под окошком. Но зимой это не годится — холодно.

Павлик свесил с печки золотушную рыжую голову, приложил к уху трубочкой руку, и тотчас же голоса за тонкой перегородкой приобрели бóльшую звучность и четкость.

— Ну, калоши — раз: это два рубля сорок копеек,— сказал отец и щелкнул костяшкой счетов.— Гошке ботинки — два. Это еще пятерка.

— Пашке фуражку бы надо,— подсказала мать.

— А прошлогодняя? Летом ведь только покупали.

— Мала она ему. У него голову, как тыкву, распирает. И подумать только... Сколько жрет, а худющий, как церковный огарок. Одна голова растет. Уж не знаю, умный, что ли, будет больно?

— То-то и дело, что, кажется, дурак,— хладнокровно ответил отец и еще раз щелкнул костяшкой.— Ну, шут с ним, фуражка — два рубля. Итого, мать моя, мы с тобой насчитали шестнадцать рублей сорок копеек. Вот тебе и пасха!.. А ты еще занавески хотела!

За стеной отец зевнул, чиркнул спичкой. Слышно было, как мать бренчит стаканами, приготавливая чай.

Павлик, довольный, шмыгнул носом и облизнул губы. Вероятно, в другое время обидное замечание отца задело бы его, но сейчас он не обратил на него никакого внимания, потому что обещанная фуражка с лакированным козырьком крепко уселась на его голову и овладела его мыслями.

— Я вот насчет Пашки,— продолжал отец.— Скоро конец ему придет за собаками гонять. В городе, в исполкоме, сегодня учителя встретил. Назначают к нам вместо покойного Ивана Яковлевича. Спрашивает меня: «Ну, как у вас ребята?» Я говорю ему: «Ежели по совести сказать, то хуже наших вряд ли где найдешь. Сплошное хулиганье!» — «Ничего, говорит, вот именно поэтому меня к вам и посылают».

— За что же это? — заинтересовалась мать.

— Да ни за что. Ты думаешь, что ему в наказание? Вовсе нет! Это специально такой учитель. Он где-то раньше хулиганов-беспризорников обучал. Он в такой оборот их возьмет, что не пикнут. Да...— продолжал отец, понижая голос.— Комната ему будет нужна. Я ему намекнул, что у нас, дескать, снять можно. Так что ты сейчас помалкивай насчет учителя, а то еще, неравно, как кто свою предложит. Глядишь — десять целковых из кармана вылетели.

За стеной замолчали. Зашипел самовар, и кипяток с урчаньем побежал в чайник.

Сколько ни обрадован был Павлик известием о предполагаемой покупке фуражки, но все же даже эта новость ему показалась мелкой и неважной по сравнению с тем, что услышал он от отца о назначении нового учителя.

Павлик перевернулся и сбросил полушубок. Ему стало жарко. Он открыл рот и учащенно подышал. Было похоже на то, что кто-то посторонний тянет его с печи за ноги. Павлик не мог больше ни минуты оставаться на месте. Заполученная им важная новость рвалась на волю. Сознание того, что только он один — Павлик Алалыкин, по прозванию Ябеда,— обладает этой новостью, приятно волновало и в то же время мучило его.

Нужно было бежать и сообщить обо всем мальчишкам. Нужно рассказать им подробно. Если подробностей не хватит, можно выдумать их или, вернее, не выдумать, а допридумать. Какой учитель? Почему он не простой, а особенный? Когда приедет? Молодой или старый?

Павлик обул валенки, накинул ватное, перекрашенное из шинели пальто, схватил облезлую заячью шапку и тихонько выскользнул в сени.

Теплые мартовские сумерки мягкой влагой лизнули лицо. Выбежав на улицу, Павлик остановился, раздумывая, куда ему направиться: на Гончары или на Горки? Поколебавшись, он завернул на Гончары, потому что было ближе.

Павлик бежал вприпрыжку по истоптанной, порыхлевшей дороге. Возле церковной ограды четверо маленьких ребятишек лепили снежного болвана. Заметив Павлика, они с визгом и смехом схватились за руки и, приплясывая вокруг недолепленного болвана, громко запели неприятную для Павлика песню:

Павлик-Ябеда беда,
Козлиная борода!
Он кошек жрет,
Про мальчиков врет!

— Я вот вас! — пригрозил Павлик и наклонился за снегом.

Ребятишки, как воробьи, прыснули врассыпную. Павлик показал им вдогонку кулак и пошел дальше, будучи, в сущности, весьма доволен тем, что есть в местечке и такие ребятишки, которые и его, Павлика, боятся.

— Ябеда! — спокойно окликнул кто-то Павлика.

Павлик обернулся и увидел у церковной ограды Володьку Рыбакова. Павлик направился к Володьке, но, сделав два шага, он остановился и только сейчас сообразил, какую ошибку допустил он, направившись на Гончары, вместо того чтобы бежать на Горки.

Охваченный желанием скорей поделиться с кем-нибудь новостью, он совсем позабыл о том, что беспо-

щадный Володька при первой же встрече непременно будет его бить — и бить за дело, потому что еще только на днях Павлик наябедничал своему отцу, секретарю местечкового совета, о том, что это Володька на прошлой неделе выколол стекло из памятника над могилой председателевой бабушки.

— Ябеда, пойди сюда! — повторил Володька.— Если не подойдешь, то догоню, хуже будет.

— Бить будешь, Володька? — заискивающе и жалобно поинтересовался Павлик.

— Буду,— хладнокровно ответил мальчуган и сплюнул в снег.

— А ты — не надо,— еще жалобней заныл Павлик.— Кто тебе велит драться? Ты ведь вон какой здоровый! Ты здоровше всех мальчишек, а я нет.

Последние слова Павлик сказал с тонким расчетом польстить врагу и воздействовать на его великодушие.

Но результат получился как раз обратный. Черный тонкий мальчуган зло рассмеялся и, сощуривая глаза, крикнул:

— Ишь, какая сирота казанская! Драться — так маленький, а ябедничать — большой. Поди сюда тотчас же!.. Или нет: встань на колени и ползи ко мне на четвереньках. Ну, раз... два...

Прядь темных волос выбилась из-под смятого картуза Володьки Рыбакова. Постукивая тонкой палкой по носку своего худого сапога, он чуть-чуть подался туловищем вперед, и Павлик понял, что еще секунда промедления — и он будет жестоко и беспощадно избит.

— Володька! — уныло завопил Павлик, оглядываясь по сторонам и неловко опускаясь на корточки. — А я тебе что скажу... Если не будешь драться, я тебе тогда такое скажу, какое ни один мальчишка еще не знает. Я и сам только что узнал. Такое интересное, что

ежели это сказать хоть кому хочешь, хоть Кольке Горшкову, то он так и ахнет!

На этот раз, намекая на то, что Колька Горшков может первым узнать что-то очень важное, Павлик поступил очень хитро и умно.

Рыбаков выпрямился, поправил сбившуюся фуражку и, за презрительной гримасой стараясь скрыть овладевшее им любопытство, согласился:

— Ну ладно, выкладывай! Что еще такое ты подслушал?..

— А встать с четверенек можно? — робко спросил Павлик.

— Можно. Только ежели наврал и не очень интересное, то тогда и вовсе на пузо ляжешь.

Поднявшись, Павлик несколько раз подпрыгнул, разминая захолодевшие колени, и начал передавать Рыбакову свежие важные новости.

По мере того как он говорил, смуглое, пересеченное шрамом лицо Володьки становилось все серьезней, а тонкая, гибкая палка в его руках резче и злей чертила по снегу кривые узоры.

— Холостой или женатый? — задавал он короткие вопросы.

— Холостой... то есть он женатый, только жена его в другом городе... и дочка тоже в другом. А сын у него был, да только помер,— с азартом допридумывал Павлик, опасавшийся, что слишком короткий рассказ не удовлетворит Володьку и тот снова вернется к решению драться.

Когда совсем оправившийся от испуга Павлик кончил говорить, Володька положил ему на плечо худую, но цепкую пятерню. Павлик понял это как жест дружбы и признательности за сообщенную новость. Польщенный этим, он радостно хихикнул и в порыве благо-

дарности хотел было дополнить свой рассказ новыми подробностями об учителевой бабушке, о его наружности, о прежнем месте работы, но тут он почувствовал, что Володькина пятерня крепче и крепче давит ему плечо, и это не понравилось Павлику.

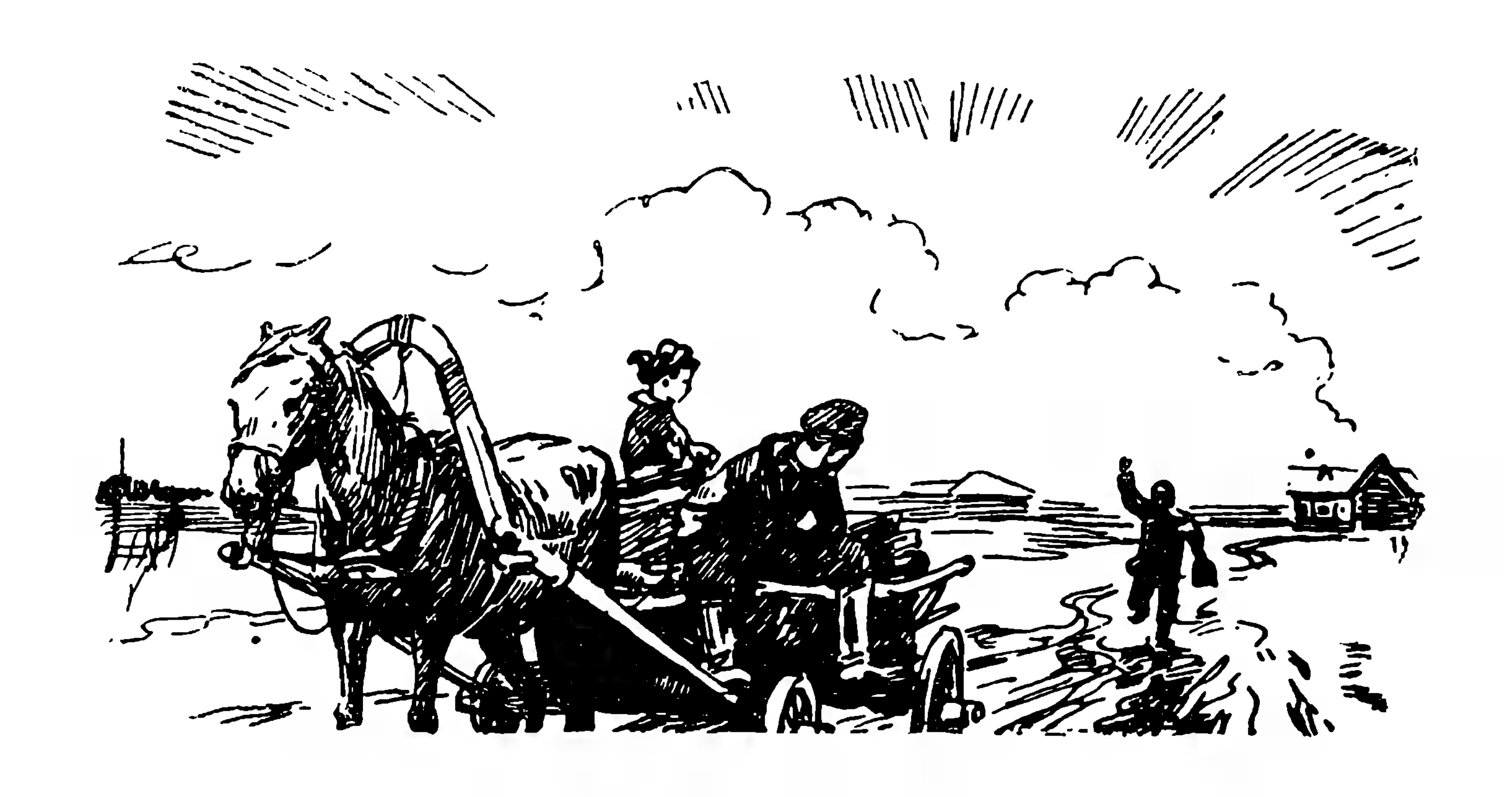
— Если ты, Ябеда, об этом расскажешь еще кому-нибудь, то буду бить я тебя и за старое и за новое. Понял?

Не дожидаясь ответа, Володька потряс Павлика, толкнул его в сугроб, затем свистнул и легко перескочил через церковную ограду.

Убедившись в том, что опасный собеседник исчез, Павлик выкарабкался из сугроба. Отряхнул заячьей шапкой комья налипшего снега, оглянулся и, по-видимому подражая Володькиной манере говорить, прищурил глаз, опустил уголки губ и, посмотрев в сторону церковной ограды, на которую уселась черная галка, сказал, презрительно растягивая слова:

— Па-а-а-думаешь! Так тебя и испугался!

СИНИЕ ЗВЕЗДЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

РАННИМ утром взорвался только что разожженный третий горн, и погиб на работе хороший человек.

На другой день пришли в больницу товарищи, принесли венок, красные флаги. И под печальную музыку проводили они гроб на далекое кладбище.

Очень сильно плакали и жена и сестра. Плакал и Кирюшка — сын этого человека.

Тут и так столько горя, что не перескажешь, а тут еще прохватило на похоронах Кирюшку ветром — закашлял он, поднялась температура, и было с ним много хлопот целых три дня и две ночи.

А на третью ночь утих кашель, заснул Кирюшка спокойнее и видел такой сон: приснилось ему широкое поле, прыгали по этому солнечному полю веселые зайцы, и очень звонко распевали в кустах разноцветные птицы. Одни птицы были совсем незнакомые, а две птицы были совсем знакомые. Это толстая черная ворона и хитрая серая галка, за которыми часто охотился Кирюшка возле помойной ямы, близ заводской ограды.

«Кар! — закричала хитрая остроглазая галка, поспешно взлетая с нижних ветвей на верхние сучья.— Карр... берегитесь! Это идет опасный человек, Кирюшка с рогаткой в руках и с камнями в кармане».

И, услышав такое тревожное карканье, разом умолкли испуганные птицы, скрылись в норах трусливые зайцы, а толстая, заспанная ворона в страхе взметнулась к небу и улетела прочь.

«Неправда,— рассмеялся Кирюшка.— Давно уже сломалась рогатка, и давно уже разорвала и сожрала резинку от рогатки наша хромоногая собака Жарька».

Вот какой сон увидел Кирюшка. А так как во сне он что-то шептал и улыбался, то мать подошла к нему и положила руку на его все еще горячую голову.

— Мама? — спросил тогда, открывая глаза, улыбнувшийся Кирюшка.— Знаешь что, мама, давай и мы с тобой поедем тоже в широкое поле.

— Поедем! Поедем!.. Спи, Кирюшка,— торопливо ответила мать и тихонько потянулась к столику с градусником.

*

Еще через три дня как будто бы поправился Кирюшка. А пока он лежал в постели, совсем покривилась и завалилась снежная гора на площадке у второ-

го корпуса, высохли тротуары. А это значило, что была зима и прошла зима.

Собрали и Кирюшку на улицу. Вышел он за ворота, и прямо ему под ноги выскочила хромоногая собака Жарька. В другое время он припомнил бы ей, как жрать резинку от рогатки, а сейчас ничего не сказал. Погладил он прожорливую Жарьку, и пошли они дальше вместе.

Встретили заводской грузовик, на котором еще недавно ездил Кирюшка с отцом на базу за сортовым железом. Остановился Кирюшка и долго смотрел грузовику вслед. Хороший грузовик!

Встретили высокого рябого кузнеца Матвея, который приходил с женой под Новый год в гости. Ел у них пирог и пил с отцом пиво. Постоял Кирюшка, посмотрел ему вслед: хороший кузнец Матвей Миронович!

И дошли они с Жарькой до проходной будки завода.

— Заходи, Кирюшка,— позвал его старый табельщик.— Заходи, милый! Сейчас кипяток принесу, чай попьем. Посиди минутку, а я сейчас вернусь.

Зашел Кирюшка в будку, а за ним потихоньку и Жарька. Сел Кирюшка у печки на толстую прокопченную лавку. В печке потрескивал огонь. В будке было жарко. Снял он шапку и задумался.

«Динь-дон!.. Динь-дон!» — услышал Кирюшка среди заводского шума далекие знакомые перезвоны.— «Динь-дон! Дзаг-бах! Буух-уух!»

— Тише,— строго сказал тогда неспокойной Жарьке побледневший Кирюшка.— Ляжь, проклятая собака! Слышишь, как наша кузница работает.

И оба замолчали, прислушиваясь, как звенели наковальни и первого и второго горна, как лязгало сбрасываемое с вагонеток железо и тяжело ухал могучий

паровой молот, тот самый, вблизи которого совсем еще недавно так неожиданно погиб Кирюшкин отец.

Кирюшка опустил голову и вспомнил: много яркого, гудящего огня, раскаленные брызги, кожаный фартук, железные щипцы, влажное закопченное лицо и веселый окрик отца: «Эй, берегись! Прожжешь пальто — задам трепку!» Это было в прошлом году, в такой же веселый день, когда купили ему, Кирюшке, вот это, теперь уже потрепанное пальтишко. Это было перед хорошим праздником 1 Мая, на который так дружно вышли они с отцом из дома в светлое раннее утро.

И мать завернула им тогда по куску пирога — один отцу, другой Кирюшке.

Когда старик табельщик вошел с горячим чайником, он увидел, что Кирюшка лежит на лавке, уткнувшись лбом в стену, а хромая собака Жарька, жалобно повизгивая, тычется глупой мордой в его спину и тихонько помахивает куцым хвостом.

*

И ночью с Кирюшкой опять было что-то неладное. Жару не было, но бредил он и бормотал всякую бессмыслицу. То ему снилось, что из-за дыма и огня надвигается проклятый паровой молот и стучит в ворота своим железным кулаком. То, перепутав все на свете, видел он, как в широком поле поют на деревьях веселые зайцы и скачут по норам трусливые птицы.

Вот тогда-то всем — и матери и соседям — показалось, что Кирюшка крепко болен.

С раннего утра побежала мать и в завком и к директору, а в полдень прислали Кирюшке какого-то незнакомого, не заводского доктора.

Доктор этот сел возле Кирюшкиной кровати и стал

расспрашивать про то да про се, как будто приехал он вовсе не по делу. Даже про хромоногую Жарьку спросил и тоже смеялся, когда узнал, что эта несчастная Жарька сожрала резинку от Кирюшкиной рогатки.

Потом он попросил Кирюшку закрыть и открыть глаза. Потом стукнул по Кирюшкиному колену резиновым молоточком. Потом встал и ушел с матерью на кухню.

А о чем они там, на кухне, разговаривали, этого Кирюшка не слышал.

II

На следующий день высокого рябого кузнеца Матвея позвали в завком. И Матвей, догадавшийся, зачем это его зовут, нахмурился. Однако решил про себя: раз уж так, то пускай будет так.

В завкоме, кроме самого председателя Бутакова, сидел еще кто-то маленький, рыжебородый, обрызганный засохшей грязью и сильно пахнувший махоркой.

— Давайте, давайте, давайте! — с отчаянием говорил рыжебородый, торопливо и недоверчиво поглядывая на Бутакова.

— Дадим, дадим, дадим! — с досадой отвечал Бутаков.— Сказано тебе, что дадим. Бригада собрана, инструмент выделен, вся задержка была за бригадиром. А ты думаешь, это легко. Дурака послать — сами ругаться будете, а толковые люди и у нас не без счета. Назначили было мы вам бригадира, да ведь сам слыхал — убило человека в кузнице.

— Нам же сеять! — скороговоркой твердил рыжебородый.— Ведь мы на вас, как на каменную гору. Дорогие вы мои, у вас одного человека убило, а вы через это всех нас как есть поубиваете.

— Полно городить,— уже дружелюбно ответил

Бутаков.— Сами знаем, что сеять... Да вот тебе и новый бригадир идет,— сказал он, показывая на остановившегося у двери кузнеца Матвея. И, оборотившись к Матвею, он сказал не очень-то веселым голосом: — Так ты, брат, того... Не сердись... Придется все-таки тебе ехать. Как ни крути, как ни верти, а больше некого. А дела у них, как я вижу, и на самом деле плоховатые.

— Дела то есть вовсе никудышные! — заерзав по табуретке, весело закричал рыжебородый.—Один слесарь жениться уехал. У двух машин гусеницы сорваны. У «клетрака» какая-то штуковина треснула. Председатель сам не свой — корова сдохла. А конторщик запил и все одно заладил: «Хочу, говорит, в монахи идти». Я его стыжу: «Куда тебе, пьяная морда, в монахи? Тебе надо в ГПУ, а не в монахи». А ему хоть бы что. «Я, говорит, не царь, не вор и не разбойник, и в ГПУ мне делать нечего. А вот отработаю свой контракт и пойду куда глаза глядят правду искать». Ну, что ты с таким человеком делать будешь?

— Сам ты кто? — спросил Матвей, с любопытством оглядывая этого тщедушного говорливого человечка.

— А я тамошний,— охотно ответил рыжебородый.— Тамошний мужик — колхозник. А сейчас я на тракторной базе вроде как бы завхоз. Настоящего-то завхоза у них нет пока,— добавил он со вздохом.— Настоящего-то как раз под крещенье районная милиция по какому-то делу забрала, так и до сей поры все еще не выпускают. Давайте! Давайте! Давайте! — опять заторопился он, ерзая по табурету.— Давайте, старший бригадир... Сделайте хорошее дело. Выезжайте завтра вечером!

— К завтрему не справимся,— ответил Матвей.— Инструмент проверить надо, запаковать тоже, самим собраться. Послезавтрего как раз в аккурат.

И точно, были уже сумерки следующего дня, когда Матвей, забив последний гвоздь и затянув последний шпагат поверх упаковочной рогожи, выходил из ворот завода.

Он был сердит, потому что хотел есть, но знал, что дома ничего не приготовлено, так как жена, Варвара, обозлившись на его неожиданный отъезд, еще с утра уехала к матери и пообещала вернуться только завтра.

Он поколебался, не зайти ли закусить в соседнюю пивную, но пожалел денег и хмуро повернул к дому.

Возле угла он встретился с Кирюшкиной матерью.

— Ты куда, Матвей? — тихо спросила она, задерживая его руку.

— Домой, Катя, поесть охота. Варвара-то моя совсем одурела. Тут собираться надо, то да се, а она рассердилась да к теще и уехала.

— Матвей... — не сразу сказала Катерина, шагая с ним рядом.— Что это люди говорят... Как это так ни с того ни с сего и вдруг взорвалось? Я и сама не пойму. Как это десять лет не взрывалось и вдруг взорвалось?

— Не знаю я, Катя. Там инженеры смотрели... Комиссия. Может быть, с углем что-нибудь попало... может быть, среди старого железа. Помнишь, как Парашкиного мальчишку убило. Нашел он в огороде какую-то балбешку, стал расковыривать, а она как ахнет!

— Матвей! Ты завтра уезжаешь? Надолго?

— Вечером, Катя. Надолго... На всю весну.

— Возьми с собой Кирюшку,— дрогнувшим голосом неожиданно попросила Катерина, и холодными влажными пальцами она крепко сжала кисть его загрубелой руки.

— Что ты, Катя, городишь! — воскликнул Матвей, заглядывая в ее заплаканное, осунувшееся лицо.— Куда я его возьму? Что я с ним делать буду?

— А ты ничего не делай. Ты просто возьми. Он уже большой — девять лет... Вот доктор говорит: «Сейчас же подальше уберите его от квартиры, от завода. Лучше в деревню... в поле. Там обживется, позабудет...» А куда в поле? В какое поле, когда я сама всю жизнь возле города и завода. Возьми, Матвей. Одёжа у него есть, ботинки я с утра новые куплю, у нас как раз дают по талону. Ну что тебе не взять? Жалко мальчишку. Помнишь, как я... когда Николай, когда ты... помнишь, когда вы из солдат... больные, рваные...

Высокий рябой кузнец остановился, и казалось, что под напором этих горячих, бессвязных слов он даже покачнулся.

— Катя,— растерянно ответил он.— Да ты постой... Как же это так сразу? Это дело такое... Подумать надо... Да возьму, возьму! — совсем растерявшись, заговорил он, неловко поддерживая ее за руку.— Экая ты, право. Ну что ты?.. Сказал — возьму, значит, возьму... Доктор! — со спокойной досадой продолжал он немного спустя.— Тоже! Нет чтобы человеку микстуру или порошок. А он — в деревню... В поле... Он, доктор-то, думает, что нынче в поле спокой. Нынче нигде нет спокоя.

— Он, может быть, лучше знает,— робко возразила Кирюшкина мать. И, обрадованная, благодарная, она настойчиво тянула Матвея за рукав: — Заходи, Матвей! Ну, пожалуйста, заходи. Я самовар взгрею. Картошка в духовке стоит. Селедку очищу.

— И то разве зайти,— согласился Матвей. И опять, вспомнив про свое, он рассердился: — Вот

дура баба Варвара! И скажи, какой характер! Мужика в дорогу собирать, а она — на́ тебе!.. К теще!

Вот так и случилось, что послали Кирюшку в широкое поле.

*

Багаж был сдан, места в вагоне заняты, и до отхода поезда оставалось совсем немного, а одного бригадника все еще не было.

— Кирюшка! — несколько раз говорил обеспокоенный Матвей, разбирая и рассовывая вещи.— Выдь на площадку, посмотри, не идет ли этот балда Шарабашкин. Он, может быть, номер вагона позабыл.

— Пройдет по составу и найдет,— отвечал слесарь Федор Калганов.— Что он — дите, что ли?

— Выйди, Кирюшка,— через несколько минут опять приказывал Матвей.— Да смотри от вагона не отходи — отстанешь... Не сломается... Пусть бегает,— кивая головой в сторону уходящего Кирюшки и вытирая платком рябой мокрый лоб, объяснил Матвей.— Боюсь, не заревел бы. А так: туда, сюда — глядишь, и некогда.

Ударил второй звонок, и запыхавшийся, взволнованный Кирюшка протискался в вагон.

— Нету Шарабашкина. Я и вперед смотрел и назад. Нигде нет.

— Может быть, хватил он немного лишнего на проводах? — осторожно предположил второй слесарь, Дитятин, который давно уже молча сидел в углу, сонно похлопывая глазами.

— Непьющий. Не как некоторые,— коротко ответил Матвей, искоса поглядывая на осоловевшего Дитятина.

— Наверно, дома замешкался,— успокоил Федор Калганов.— Ну, догонит со следующим поездом!

Вагоны застучали. Кирюшка сразу же взобрался на верхнюю полку и вытянул голову к окну.

Долго еще не кончался этот огромный город. Долго еще громыхали стрелки, мелькали семафоры, шумели паровозы, дымили заводские трубы.

Потом зачастили дачные поселки с зубчатыми желтыми платформами, но поезд с ревом проносился мимо них, потому что это был не дачный, а дальний поезд.

На какой-то большой станции принесли кипятку. Пить чай в качающемся вагоне Кирюшка не привык. То ему вода из кружки лезла на подбородок, то плескалась к носу. Но выпил он с удовольствием. Съел кусок сахару и толстую ватрушку с луком, из тех, что напекла ему на дорогу поднявшаяся еще спозаранку мать.

После этого он положил в изголовье сумку, укрылся пальтишком и притих.

Внизу Федор Калганов неторопливо доканчивал чайник. Слесарь Дитятин, который, вероятно, на проводах и сам перехватил лишнего, крепко спал, а Матвей читал газету.

— Что пишут? — спросил Федор, выплескивая остатки чая.— Я эти два дня со сборами и газеты не видел.

— Разное пишут,— ответил Матвей, подвигая остывшую кружку и отхватывая, как клещами, кусок сахару.— Опять же, Япония с Китаем воюет. В Германии тоже что-то неладно. А большая у них сила, в Германии,— добавил он, поднимая на Федора голубые удивленные глаза.— И что за сила? Их жмут, их давят, а они все свое.

— Кого это? — не понял Федор.

— Ну, кого? Коммунистов ихних, а то кого еще? Бо-оль-шая у них сила! — с уважением повторил Ма-

твей, покачивая головой.— И когда это только набралась такая сила?

— Про паспорта ничего не пишут? — спросил Федор.

— Писали уже. Каждый день, что ли?

— Надо думать, днями и у нас на заводе выдавать начнут. Мы-то как, получим?

— Приедем и получим,— равнодушно ответил Матвей.— Нам этого дела дожидаться некогда.

Он расстегнул пояс, снял сапоги и, чтобы не украли, положил их за мешок под изголовье.

— Спит мальчонка? — спросил Федор.

— Спит,— ответил Матвей. И, как бы только что вспомнив, он добавил с удивлением и досадой: — Вот дура баба Катерина! Навязала человека на мою голову!

— Это верно,— равнодушно согласился Федор и, позевывая, спросил: — За харчи-то она тебе как? Высылать, что ли, будет?

Но такой вопрос не понравился Матвею. Даже при скудном пламени сальной свечки можно было видеть, как рябое открытое лицо его покраснело. Он пробормотал что-то неясное и заворочался, устраивая постель.

Устроившись, он встал, поправил съехавшую Кирюшкину голову, подоткнул ему под бок свисавший край пальтишка, потом лег и закурил.

III

Ранним утром высадились они на маленькой, пустынной станции. Кое-как успели свалить вещи и сгрузить багаж. Поезд двинулся дальше, а Матвей пошел узнавать, где остановились высланные за ними подводы. Ходил он недолго и вернулся сердитый, потому что

подвод не оказалось, а до Малаховки оставалось целых восемнадцать километров. Решили ждать. Но случилось как-то, что вскоре всем стало хорошо и спокойно.

Вероятно, потому, что в маленьком помещении вокзала было почти пусто, и они широко, удобно расположились и пили чай в самом чистом и солнечном углу.

День наступал яркий, весенний. Куда ни взгляни — всюду волнистый простор, голубое небо, далекие холмы и рощи. А над всем этим властвовала такая непривычная для них тишина, что через распахнутую дверь слышно было журчанье бесчисленных ручьев и даже звонкие крики веселого петуха, доносившиеся из маленькой, точно игрушечной, деревушки.

Две подводы пришли уже после обеда.

— Что не ко времени? — спросил Матвей у седого старика, обутого в новые грязные сапоги и одетого в прожженную солдатскую шинель.

— Да ведь время-то нынче какое? — добродушно ответил старик, указывая на мокрые, запачканные голенища.— Время-то, сам видишь, какое. Распута!

— Завхоз ваш когда... вчера, что ли, приехал? — спросил Матвей.

— Это какой? — не понял старик.— Это дирехтор?

— Зачем директор! Не директор, а завхоз. Ну, маленький такой, борода рыжая.

— А-а! Этот вчера — это Калюкин. Он вчера,— непонятно улыбнувшись, ответил старик,— Семен Калюкин. Какой он завхоз! Так он у нас... актиф...

— Кто? — переспросил Матвей.

— Актиф, говорю,— повторил подводчик.— Это его у нас мужики прозвали — актиф да актиф.

— Почему же это актив? — опять переспросил не понявший Матвей.

— А этого я вам не могу сказать,— немного помол-

чав, серьезно ответил старик.— Это ему уже, верно, от бога. Характер такой. А родители у него все спокойные были... Лошадей пойду покормлю,— добавил он, поворачиваясь к двери.— Тут-то пока пойдет сухо. А дальше, за Чарабаевским лесом, дорога круто тяжелая.

*

В первую телегу сели подводчик, Федор Калганов, Дитятин, а на вторую — Матвей и Кирюшка.

Только что тронулись, как из-за поворота со свистом вылетел пассажирский поезд.

— Стой! — крикнул Матвей.— Подержи-ка, Кирюшка, вожжи, а я сбегаю посмотрю: вдруг Шарабашкин подъехал.

Он прошел на платформу и остановился, вглядываясь вдоль по составу.

Слезли четверо. Слепой старик с хромой старухой, толстый мужик с узлом, которого тотчас же принялась ругать встречавшая его баба, да какой-то широкоплечий, в кожаной фуражке, с солдатским мешком за спиной. Шарабашкина не было.

— Вот балда! — выругался Матвей, забираясь на телегу.— На улице, что ли, его задавило?

И он сердито дернул вожжами, потому что первая подвода была уже далеко.

Отдохнувшие кони бойко рванули под гору, колеса зачвакали, разбрасывая грязь, и Кирюшка, который сидел на ящике спиной к Матвею, крепко ухватился за торчавший стоймя рогожный сверток.

— Матвей!.. Дядя Матвей! — закричал Кирюшка, толкая Матвея в спину и еще крепче цепляясь за рогожу.— Дядя Матвей! Да обернись ты... гляди-ка, кто-то нас догоняет!

Матвей обернулся. И точно, вслед за ними от

вокзала прямо по грязи бежал человек, что-то крича и размахивая руками.

Матвей остановил коней и вскоре узнал в догонявшем того человека в кожаной фуражке, который только что слез с поезда.

— В Малаховку? — спросил, подбегая, запыхавшийся человек.— Ах, черти! Чуть было не отстал.— Он поспешно сбросил мешок, вскочил сам на телегу и спросил: — Это ты бригадир? Ну, здоро́во! Тебе от Бутакова записка. Заболел Шарабашкин, меня за него послали.

— Го-го! — загоготал Матвей.— Вот оно что! А я смотрю, кто это по грязи, как козел, скачет? Ах ты, Шарабашкин! Молодец Бутаков! Ну, теперь все хорошо... Трогаем!

*

Новому бригаднику было лет под пятьдесят. Кожаная фуражка была ему не впору: мала. От этого лысая голова его казалась еще круглее.

Но больше всего удивило Кирюшку то, что у бригадника была только одна бровь. Другой брови не было, и от этого лицо его казалось сбитым из двух разных половинок.

— С сыном едешь? — спросил бригадник, забирая у Матвея вожжи.— Сын-то ростом не в батьку... Н-н-о, хорошая! — задорно крикнул он, подстегивая шуструю буланую пристяжную.— Получай овсеца с другого конца! Тпру... дура!..— озабоченно остановил он и, соскочив на землю, уверенно направился к лошадиной морде.— Как же это ты, бригадир, едешь, едешь, а у тебя вожжа под чересседельник пропущена?!

— Скажи ты! А мне и ни к чему! То-то, я смотрю, все вертится, проклятая,— оправдывался Матвей. И теперь уже совсем дружелюбно посмотрел на нового

товарища, прикидывая, что с этим, вероятно, работа пойдет ладно.

Телега затарахтела дальше, а Кирюшка с еще большим любопытством и даже с уважением посмотрел на этого однобрового человека.

— Что смотришь? — спросил тот.—Али я знакомый?

— Отчего это? — нерешительно спросил Кирюшка, показывая на безбровый глаз.

— Это, брат, смолоду. Дитем еще был. Дед под горячую руку кипятком в лицо плеснул. Зачем, говорит, сел за стол, лба не перекрестивши. Спасибо еще, что глаз-то цел остался... Ну, хорошая! — задорно крикнул он буланой коняге. И, сжимая вожжи между коленей, он сказал, оборачиваясь к Кирюшке и подмигивая ему голым глазом: — Вот, брат, у нас какое в детстве бывало,— это тебе не с пионерами в барабан бить.

*

Ехали полем, ехали лесом. Перед самой Малаховкой дорога подняла круто в гору.

Первая подвода остановилась, поджидая отставшую вторую.

— Ну, доехали! — крикнул Матвею посиневший и продрогший Федор.— Все нутро растрясло. Куда останавливаться поедем?

— В контору поедем, там скажут. Далеко ли, старик, контора?

— Контора-то? Контора-то не больно далеко. Да кто его знает, не поздно ли в контору. Я лучше вас до Калюкина свезу. Он уже все объяснит вам — и куда и что.

— К Семену, что ли, или к Якову? — неожиданно спросил у подводчика подошедший новый бригадник.

— К Семену, к Семену.— подтвердил старик, поднимая удивленные глаза на спрашивавшего.— К Якову зачем же? То Яков — он ни к чему,— а то Семен... Александр Моисеевич! — протяжно заговорил вдруг старик, уставившись на нового человека.— Александр Моисеевич! Вас ли привел господь бог встретить?

— Бог не бог, а как видишь,— ответил бригадник, здороваясь с подводчиком.— А ты, дядя Пантелей, не стареешь и не молодеешь. Ну, к Калюкину так к Калюкину. Где он? Все там же, на Овражках?

— Нету, Александр Моисеевич: он да Григорий Путятин теперь в костюховском дому живут. Давно уже живут.

— А сам Костюх где?

— Костюх? — И старик еще с большим удивлением посмотрел на спрашивавшего.— Выслали Костюха, Александр Моисее-вич,— задумчиво и протяжно добавил он.— Какой там Костюх! Да у нас за эти годы делов-то, делов-то сколько переделалось! Какой там Костюх! — повторил старик и, недоуменно улыбаясь, махнул рукой.

— Бывал ты, что ли, здесь? — спросил у нового товарища Матвей, когда зашагали они рядом с подводами вдоль села.

— Бывал ли? А ты у него спроси,— улыбнувшись, ответил бригадник, кивая на старика.— Вот что, бригадир,— сказал он, останавливаясь.— Вы прямо к Калюкину ступайте, а я тут к знакомым заверну. Все равно уже скоро ночь. А я вас завтра чуть свет разыщу, тогда и за работу.

— Здешний он, что ли? — спросил у старика Матвей, когда новый товарищ, круто свернув в проулок, исчез из виду.

— Александр Моисеевич? — спросил старик.— Ба-

аль-шая голова! Это он наш колхоз собрал. Вон, видишь, как раз на горке домок с радиом: это раньше он здесь жил. Как же! — все так же задумчиво повторил старик.— Как же!.. Здешний! Первый наш председатель!

Матвей хотел было расспросить подробней, но тут подводы остановились у калюкинского дома, и удивленные бригадники увидели следующее.

Возле трех порожних подвод стояли два насупившихся подводчика и толстая баба, которая крепко держала в руках два больших, еще горячих каравая хлеба. А возле этой бабы сердито и беспомощно кружился и прыгал сам маленький рыжебородый Калюкин.

— Давай, Маша, давай! — быстро говорил он, пытаясь схватить каравай хлеба.— Давай, Маша! Видишь, людям некогда. Я тебе завтра чуть свет из пекарни такие же принесу.

— Не дам! — сурово и громко отвечала баба.— У меня хлеб сеяный, а ваш пекарь норовит с отрубями испечь; у меня хлеб как хлеб, а у него то с подгаром, то с закалом. У меня чистая мука, а ему недолго и песку в квашню подвалить. На черта мне сдался ваш пекарский хлеб!

— Ты бы хоть людей постыдилась, Маша! — завопил увидавший бригадников Калюкин.— Какой песок? И как тебе не совестно?.. Давай лучше, Маша, давай! Сама видишь, людям некогда.

Но тут толстая баба и сама заметила подъехавших незнакомых людей. Она сердито плюнула в сторону отскочившего Калюкина, с сердцем швырнула оба каравая в крайнюю подводу и быстро пошла в ворота, одергивая на ходу высоко подоткнутую юбку.

Обрадованный Калюкин закричал подводчикам,

чтобы они поскорей уезжали, и побежал навстречу подъехавшим.

— Это ничего,— объяснил он, здороваясь с Матвеем.— Это Маша... Жена моя... Тут, знаете, хлеб в пекарне запоздал, а людям на станцию надо — бензин подвозим. Вот она, Маша, и сердится.

— Так ты хлеб у нее своровал, что ли? — рассмеялся догадавшийся Матвей.

— Зачем своровал? Взаймы взял,— обиделся Калюкин.— Завтра отдам. А это она врет, что с песком. И подумать только — сболтнет со зла такая дура, а там и пойдет: с песком да с песком. Заходите, заходите, заходите! — опять весело зачастил Калюкин.— Вот и хорошо, что приехали.

— Маша! — вскоре как ни в чем не бывало распоряжался он в избе.— Вздуй-ка, дорогая Маша, для гостей самовар.

— Самовар! — спокойно и укоризненно отвечала толстая баба.— И сколько раз я тебе говорила: отдай, Семен, в кузницу. Долго ли кран починить? А теперь — самовар! Эх, ты! — с досадой добавила она насмешливо и добродушно.— Эх, ты! И правда, что одно слово — актиф.

И, опять подтыкая юбку, она сердито закричала высокой чернобровой девке Любке, чтобы та вздула огонь и поставила чайник.

Матвей и Кирюшка ночевали у Калюкина.

Перед тем как лечь спать, Матвей вспомнил о записке от Бутакова. Бутаков писал: «Посылаю тебе кузнеца из утильцеха — Александра Моисеевича Сулина. Работает он у нас недавно, но человек, кажется, толковый. Спасибо, что выручил и вызвался поехать взамен Шарабашкина».

Кирюшке постлали на сундуке, на печке. Сквозь

окно виднелась лунная пустая улица. В темной избе пахло теплым хлебом, березовыми вениками. Где-то в головах стрекотал сверчок, а за стеною ворочалась и постукивала скотина.

Проснулся Кирюшка оттого, что в окошко громко застучали. Сквозь зеленое стекло он разглядел лошадиную морду и голову человека в мохнатой папахе.

Калюкин вышел. Вскоре Кирюшка увидел, как в избе напротив зажегся огонь, а по улице пробежали двое или трое.

— Уж не пожар ли? — с тревогой спросила толстая Калюкиха и, проворно соскочив с постели, вздула лампу.

Проснулся и Матвей. В сенях застучало — упала метла, и в избу вошел Калюкин.

— Вот беда,— заговорил он, поспешно натягивая сапоги.— Дай-ка, Маша, шапку. Вот беда,— объяснил он Матвею.— Возле Куракина — это восемь верст повыше по реке нашей, по Согве,— затор. Льду поперек набило — прорва. Вода вширь пошла. Спасибо еще, куракинский председатель на́рочного верхового прислал.

— А вам что за беда? — спросил Матвей.

— А то беда: кабы не затор, то прошла бы вода мимо. А теперь вот-вот прорвет, и двинет вода поверх берегов. У нас этак уже годов шесть тому назад было.

— И что, затопит? — затягивая штаны, спросил Матвей.

— А то затопит, что как раз вашу кузницу затопит, да и амбары с зерном как бы не захватило.

Оба они, и Матвей и Калюкин, сейчас же ушли. Толстая Калюкиха вскоре погасила лампу. По улице пробежало еще несколько человек. Протарахтели колеса. И наконец, тяжело громыхая и заставив

задрожать всю избу, протарахтел мимо трактор с прицепом. Потом все стихло.

Кирюшка уже почти засыпал, как услышал что-то такое, отчего он насторожился и повернул голову к окну. Кто-то быстро шел по улице, подпрыгивая и подпевая:

Тари-тира-та,
Всюду темнота;
Тари-тири-ри,
Ээй... смотри...

Голос напевавшего этот не ко времени веселый мотив был чист и звонок. И удивленный Кирюшка сразу же угадал, что поет это не взрослый, а кто-то из ребят — вероятно, мальчуган.

— Любка! А Любка! — сонным голосом позвала Калюкиха дочку.— А никак, это Фигуран?

— А то кто же? — равнодушно ответила девка.— Фигуран... Фигуран и есть.

— И скажи, что за паршивец! — зевая и почесываясь, удивилась Калюкиха.— Ни свет ни заря, а он вон что. Был бы отец, он бы показал ему хворостиной ти-ра-ра.

— Драли уже, да что толку-то,— неохотно ответила Любка.— Спите, маманя. Мне утром на скотном и за себя и за Соньку работать. Да и арифметику я нынче из-за гостей что-то вовсе плохо выучила.

Было уже солнечно, когда раскрасневшаяся у печки Калюкиха разбудила Кирюшку.

— Вставай, парнишка! — сказала она.— Сбегай к речке, спроси у мужиков, придут чай пить или нет. Я уж и так чайник два раза доливала.

Кирюшка оделся, сунул в карман теплую лепешку

и выбежал во двор. Но во дворе, у самой калитки, стояла сильная черная собака. И, насторожив уши, она смотрела на него зелеными злыми глазами.

— Собачка...— робким и ласковым голосом позвал ее Кирюшка.— Собачка... Шарик... Уу, ты, моя хорошая!..

Собака стояла, не шелохнувшись, и не спускала глаз с незнакомого мальчугана.

— Собачка...— еще ласковее позвал струсивший Кирюшка.— Фю... фю... Хочешь, я тебе лепешечки дам. На, возьми!

Собака тихонько подошла, осторожно обнюхала кусок лепешки, и вдруг, вместо того чтобы сожрать кусок и дать Кирюшке дорогу, она с рычаньем отбросила лапой лепешку и злобно оскалила страшные белые зубы.

— Я тебя! Я тебя! Ах ты негодник! — распахивая окно, закричала на собаку Калюкиха.— Иди, сынок, не бойся. Ты только не кидай ему ничего. Его это в прошлом году чуть было не отравили; так он с той поры от чужих и крошки не возьмет.

«Вот проклятая собака! Это тебе не то что Жарька. Той что ни кинь, все сожрет»,— подумал Кирюшка, проскочив сквозь калитку. Он сунул в рот оставшийся кусок лепешки и быстренько побежал под гору — туда, где чуть виднелись суетившиеся у берега люди.

Матвея он нашел у кузницы.

— Чай пить иди. Тетка зовет,— позвал его Кирюшка.

— Уйди, Кирька... зашибу,— ответил Матвей, нагибаясь и принимая на спину большой кузнечный мех.

Повертевшись около кузницы, Кирюшка пошел к амбару, где стояли подводы. Тут он наткнулся на Калюкина.

— Чай пить иди, твоя тетка зовет,— передал ему Кирюшка,— а то, говорит, она и так два раза чайник доливала.

— Ты куда кладешь? Ты как мешок кладешь? — бросаясь к телеге, писклявым голосом заорал Калюкин.— Клади дырой вверх. Куда зерно в грязь сыплешь!

И, сдернув с головы шапку, он поставил ее под желтую струйку высыпающегося из прорехи овса.

— Что за чай? — сердито ответил он Кирюшке.— Какой тут чай?!

Он обернулся, прикидывая, куда бы это высыпать из шапки овес, но в это время его крикнули, и, сунув шапку с зерном Кирюшке, он исчез среди народа, толпившегося у амбаров.

Кирюшка постоял, постоял, но вскоре стоять ему надоело, и он прошел на пригорок, где в толпе увидел ссутулившегося Федора Калганова.

Отсюда, с пригорка, хорошо было видно, как в четырех крайних избах поспешно выволакивали все пожитки.

Седая и очень кроткая с виду старуха тяжело поднималась в гору. В одной руке она бережно несла старую, разбитую икону, а другой цепко держала рыжего, злобно мяукавшего кота.

Позади старухи две бойкие девчонки тянули за рога упиравшуюся козу. А за ними, пушистой вербовой хворостиной подгоняя пару гусей, шагал уже знакомый Кирюшке подводчик дед Пантелей.

Поравнявшись с Федором, дед остановился и поздоровался.

— Твоя хата? — спросил Федор, показывая на самую крайнюю избенку.— А ведь недолго, пока и затопит.

— Затопит,— беззлобно согласился старик.— Нас это со старухой годов шесть назад уже топило. И как затопило — ночью. Сами еле выбрались. Лошадь вывести не успели. Телка пропала... Поросенок да две, что ли, курицы... Ариша,— виновато спросил он у отпустившей кота старухи,— что у нас тогда, две или три курицы потопло?

— Три курицы, старый дурак! — неожиданно очень злым голосом ответила старуха.— Три курицы да один петух, чтоб на твою голову хвороба села! Говорила я тебе, не трогай икону — сама сниму. Так нет. Полез. Разбил стекло, раскокал лампадку. Вот погоди...— злорадно пригрозила она,— погоди, снесет избу в реку — пойдешь по миру, тогда узнаешь, как за иконы браться.

— Все от бога,— смущенно пробормотал дед Пантелей, оборачиваясь к Федору.— А я что же...

— Зря сердишься, старая,— успокоил Федор.— Как так — по миру? Нынче нет такого закона, чтобы колхозник да вдруг — по миру!

— Я ведь тоже понимаю, что зря,— приободрившись от хорошего слова, заговорил старик.— Мне шестьдесят годов, а у меня семьдесят трудодней на колхоз выработано, да по ночам — сторожем — керосин при тракторах стерегу. Да у старухи восемнадцать дён — овец стерегла. А она, глупая баба, что понимает... Весна,— добавил он, улыбнувшись и показывая на голубой сверкающий горизонт.— И до чего же хорошее времечко это — весна!

— А никак, пошла.

— Пошла, пошла,— послышались вокруг Кирюшки озабоченные голоса.

И точно, из-за реки с раскиданными по ней островками дунул холодный ветер. Льду еще не было видно,

но вода поперла с большой, все увеличивающейся силой.

В течение нескольких минут она заняла двор крайней избенки и, взметнув мусор, остатки дров и соломы, хлынула дальше, подбираясь к амбару, от которого только что отъехали последние, груженные зерном подводы.

— Кирюшка,— спросил потный и красный Матвей,— ты что это шапку держишь? А тебя Калюкин ищет.

— А зерно куда? — спросил Кирюшка.— Я, дядя Матвей, пересыплю зерно в карманы, а то у меня и так на холоду все руки занемели.

— Сыпь да беги скорей.

Набив зерном карманы, Кирюшка побежал разыскивать Калюкина. Но вскоре он остановился возле кучки мужиков, баб и ребятишек, обступивших какого-то лохматого и горбатого мальчугана.

Этот лохматый и горбатый, воткнув посреди круга кривую палку и притопывая возле нее, спокойно и гордо распевал такую песню:

Дело было на заре
У Семена во дворе,
Он лопатою копал,
Что-то по земле искал.

Дружный и непонятный для Кирюшки хохот раздался при этих словах вокруг певца. А он, спокойный и уверенный, прошелся с вывертом вокруг палки, топнул ногою, как заправский танцор, и продолжал:

Если б солнышко не грело,
Не просохла бы вода.
— Отчего изба сгорела?
...Тири-ри да тара-та.

И хотя опять Кирюшка не нашел в словах этой песни никакого смысла, кругом зашумели и засмеялись.

— Ишь ты! Фигуран фигуряет,— услышал Кирюшка снисходительно-насмешливый голос.— И скажи, что за человек!

Вспомнив ночной случай, Кирюшка с любопытством сунулся поближе. Но, не глядя под ноги, он споткнулся и упал, растянувшись почти посередине круга. При этом из всех карманов его потекло пересыпанное с Калюкиной шапки зерно.

— Вор,— спокойно и почти торжественно изрек Фигуран, показывая пальцем на смущенно поднявшегося Кирюшку.— Вор и расхититель колхозного имущества. Начнемте же, колхозники, суд над расхитителем.

Он подошел к Кирюшке и молча потянул его за рукав, вытаскивая на середину круга.

Но тут, не дожидаясь суда, испуганный и озлобленный Кирюшка рванул руку и со всего размаху съездил Фигурана кулаком по голове. Фигуран покачнулся. Он покачнулся и снова выпрямился, насколько позволял ему горб, и с молчаливым удивлением посмотрел на приготовившегося защищаться Кирюшку.

— Дерни ему палкой по башке.

— Ишь ты, какой выискался! — заорали вокруг Кирюшки незнакомые и поэтому враждебные к нему ребята.

Фигуран подумал, схватил за рукав одного из кричавших и, подтолкнув его к Кирюшке, сказал равнодушно:

— Дай ему за меня, Степашка. И бей в мою голову до самой смерти.

Услыхав такое, Кирюшка побелел, еще крепче сжал

кулаки и губы; но теперь уже совсем непонятно было ему, отчего загоготали и засмеялись ребята.

— Лодку давай! — внезапно гаркнул от берега чей-то могучий встревоженный бас.

— Лодку давай!.. Лодку! — суматошно и визгливо заорали другие голоса.

— Льдом-то, льдом-то дернет, вот тебе и будет лодка.

— Эге-ей! — громко заорал бас, пытаясь перекричать шум ветра и треск надвигавшегося льда.

Почуяв что-то неладное, окружавшая Фигурана толпа кинулась к берегу. Сам не зная как, очутился на берегу и Кирюшка.

Сначала, еще не остыв от гнева и обиды, Кирюшка не мог ни рассмотреть, ни понять, почему тревога, шум и крики. Но вскоре понял и он.

С шумом и яростной быстротой вода заливала островки, подминая густой мелкий кустарник. Позади, сдерживая еще больший водяной вал, надвигалась широкая полоса льда.

И в это время по берегу одного из еще не затопленных островков со всех ног бежал захваченный врасплох человек.

Он бежал к мысу, по-видимому собираясь броситься отсюда в воду и переплыть протоку до подхода льда. Но, добежав до самой стрелки, он остановился, закрутился и вдруг совсем неожиданно кинулся в противоположную сторону, в тот проток, который был и бурливее и шире.

— Куда, черт? Куда, дурак? — заорал надрывающийся бас.

— Сдурел. А и есть сдурел,— заохали и заахали бабы.— Ему бы сюда кидаться, а он — вон что.

На короткое время голова пловца чуть видна была

...Вода заливала островки, поднимая густой мелкий кустарник.

над водою. Потом она скрылась за кустарником острова.

С треском и хрустом лед прошел мимо бугра. Как ножом срезало плетень и баню. Ударив по углу, вышибло два бревна у амбара и выкинуло тяжелую сверкающую льдину к самой двери кузницы. Потом лед двинул дальше кромсать и рвать острова. А за ним хлынула мутная, пенистая вода.

Долго еще не расходились мужики, бабы и ребятишки. Долго всматривались они в опушку противоположного берега, однако незнакомого пловца уже нигде не было видно.

*

В этот день Кирюшка на улицу решил больше не выходить — опасался, как бы не поколотили.

Но и дома ему не было скучно. Изба была большая, наглухо перегороженная на две половины. В одной жил Калюкин, в другой — еще кто-то. За двором начинался вишневый сад. Туда можно было пройти и через ворота за сараем, и через маленькую ветхую калитку под темным навесом, возле входа в коровник.

В саду, кроме вишен, росла густая, пушистая верба. А в сторонке, за вербами, стояла пахнувшая смолою и дымом старая, черная баня.

Заглянул Кирюшка и в баню. Там было полутемно и сыро.

У маленького закоптелого окошка в предбаннике пригретая сквозь стекло весенним солнцем тихо барахталась крупная лимонно-желтая бабочка.

Обрадованный Кирюшка вынес ее в сад, открыл ладонь, и бабочка тяжело вспорхнула, сверкая на солнце, как настоящая золотая. Но не успела она подняться над вишнями, как с пушистой вербы сорвались сразу две пичужки, и одна из них, ловко схватив летунью,

проворно юркнула в кусты. Сначала Кирюшку очень огорчило это дело, и он схватил с земли камень. Но так как пичужка все равно уже исчезла, то он сердито швырнул камень в стайку воробьев и утешал себя тем, что эти бабочки жрут капусту, огурцы и еще что-то, и в прошлом году ему самому досталось при дележке вовсе червивое яблоко.

Уже к вечеру через сломанный забор Кирюшка выбрался на край неглубокого оврага. Внизу бурлил пенистый ручей. Рядом пролегала уже подсохшая дорога, и по ней бойко катила удаляющаяся от села подвода.

В стороне от дороги виднелась на опушке рощи одинокая церковь с маленькой колоколенкой.

«Почему там церковь? — удивился Кирюшка.— Ни села возле нее, ни поселка; даже домика сторожа и то что-то не видно. Вероятно, кладбище»,— решил он. Но опять-таки и это показалось ему странным: для чего бы кладбищу быть так далеко.

Усталый Кирюшка присел на пенек и посмотрел на тот край поля, куда опускалось вечернее солнце.

И теперь отчего-то показалось ему широкое поле пустым и печальным, а красноватое солнце — тяжелым и холодным. Он покрепче запахнул пальтишко, съежился, задумался и притих.

«Отчего это бывает смерть? — глядя на покосившийся крест над колоколенкой и вспомнив отца, подумал Кирюшка.— Ну вот живет человек, живет, и что же от него после смерти останется? Ничего не останется».

И он стал припоминать.

Он вспомнил знакомого заводского кучера Семена Харламова, смерть которому пришла оттого, что тресснули его в пьяной драке по голове пивной бутылкой.

Потом он вспомнил соседку по квартире — кривую, сердитую бабку Евдокию, смерть которой пришла ни от чего, а просто от старости.

Потом вспомнил монтера Николая Николаева, который погиб во время прошлогоднего наводнения, когда, бросившись в воду, он доплыл до столба и перекусил кусачками какие-то провода, чтобы не случилось какого-то замыкания и не испортилась какая-то нужная машина.

И, вспомнив, отчего пришли эти три знакомые ему смерти, Кирюшка задумался над тем, что же от каждой смерти осталось?

И тогда он вспомнил, что от кучера Харламова осталась в третьем корпусе свободная комната, куда тотчас же въехал бригадир-комсомолец Сиваков, который жил раньше в бараке.

От бабки Евдокии остался сын, рыжебородый мастер из котельного цеха, которому недавно подарили часы и бесплатный трамвайный билет через переднюю площадку.

От Николая Николаева остались та самая нужная машина да черноглазая трехлетняя девчонка Нинелька, которая на похоронах нисколько не плакала и свалила со стола красивый венок, притянув его за широкую красную ленту.

«А от отца что? Ну, я остался»,—подумал Кирюшка.

И хотя это было бесспорно так, но этого показалось Кирюшке мало. И ему захотелось, чтобы от отца осталось еще что-то. И он чувствовал и знал, что осталось еще что-то нужное и важное. Но что именно, этого Кирюшка не знал и не мог сказать, потому что сквозь горе и слезы плохо тогда слышал и понял он, что говорили над могилой товарищи отца и ораторы.

Крупная слеза скользнула по его щеке. И, вероят-

но, Кирюшка опять, как в тот раз в проходной будке, горько и безудержно расплакался бы. Но тут из-за поворота послышался топот, и перед Кирюшкой оказался верховой.

— Эй ты, пионер! — гаркнул всадник запыхавшимся и сердитым басом.— Ты давно тут сидишь?

— Давно,— с удивлением, но без испуга ответил Кирюшка, узнавая в этом толстом рыжем человеке того самого, который так беспокоился на берегу и так громко орал, чтобы давали лодку.

— Не видал ты, не проезжала ли по этой дороге — чтобы у ней колеса посвернулись! — парная подвода?

— Проехала,— ответил Кирюшка.

— Лошади серые?

— Серые,— подтвердил Кирюшка.— Только давно проехала и, должно быть, теперь уже далеко.

— Вон они куда,— пробормотал рыжий и подстегнул коня.— Эй ты, пионер! — крикнул он, опять останавливаясь.— Поди сюда. Вот что: беги к Еремееву и скажи, что я поскакал догонять подводу на Куракино. Коли догоню в Куракине, то вернусь скоро, а коли не догоню в Куракине, то вернусь, когда догоню. Понял? Да смотри передай, а не то я рассержусь,— предупредил он, дергая повод и пускаясь вскачь.

Конь затопал, а Кирюшка, у которого разом вылетели все печальные мысли о кладбище и о смерти, остался в сильном недоумении.

Во-первых, он совсем не знал, кто такой этот Еремеев и где его искать.

Во-вторых, он не успел спросить, от кого надо передать.

А в-третьих, он же решил сегодня не выходить на улицу, опасаясь, как бы его не вздули за утрешнее.

Он постоял, покрутился, но приказание рыжеборо-

дого было слишком твердым. Да и самому Кирюшке уже надоело торчать весь день в саду. И он решил выполнить поручение, но сначала забежать в избу и спросить у Калюкихи, кто же этот Еремеев и где он живет.

Но Калюкиха ушла к соседке, и дома он застал только Любку. Эта здоровенная Любка сидела у стола и, неуклюже ворочая карандашом по тетрадке, высчитывала вслух кормовые нормы на скотину.

— Значит,— бормотала она,— еще надо прибавить 19 килограммов отрубей, 7 килограммов жмыха... 19 да 7 — это будет... будет 26. Да 11 турнепсу, да 21 картофелю... Господи! Куда же это? Обожраться, что ли? 11 да 21 — это будет... 10 да 21 будет 31 да еще 1 — будет 32. И, значит, если теперь сложить 32 и 26...

— Любка,— перебил ее Кирюшка, увидав, что эта арифметика, кажется, затянется надолго.— Скажи мне, пожалуйста, где это у вас на селе живет такой человек — Еремеев?

— Отстань,— не глядя, ответила Любка.— 32 да 26... Вот еще, сбил только. Выдь пока, Кирюшка, побегай на улице.

— 32 да 26 — это будет 58,— подсказал ей Кирюшка.— Сейчас уйду. Ты только скажи, Любка.

— Ну, верно 58,— согласилась Любка.— Еремеев Михайло — это на Овражках. Старик такой... блажной. Он раньше в церкви псаломщиком был. Да как-то с колокольни пьяный свалился и с той поры вроде как бы не в своем уме.

— Любка,— постояв немного, спросил озадаченный Кирюшка,— а нет ли какого-нибудь другого, чтобы не с колокольни... и в своем уме?

— Такого другого нет,— коротко отрезала Люб-

ка.— Такой другой есть только Семен Павлович Еремеев. Так это не наш деревенский, а помощник директора тракторной станции.

— Вот он-то, должно быть, и нужен мне,— укоризненно сказал Кирюшка.— А ты мне какого-то — с колокольни. Эх, ты! А еще комсомолка. Любка,— продолжал он,— а ты не знаешь ли, кто это такой рыжий?

— Какой еще рыжий? — рассердилась Любка.— Уйди ты от меня или я сама за тобой дверь захлопну!

— Ну, какой? Рыжий, здоровый, верхом на лошади.

— Еще что... Рыжий! Мало ли у нас рыжих? Сел рыжий на лошадь, вот тебе и верхом. Слез — вот тебе и пешком. Тоже спрашивает, как дурак. А еще пионер.

«Ладно, корова, я тебе припомню»,— подумал Кирюшка и выбежал во двор.

В конторе, кроме самого Еремеева, Кирюшка застал Матвея, Калюкина и Александра Моисеевича Сулина.

То и дело хлопала дверь: подходили всё новые и новые люди. Еремеев показывал, очевидно, только недавно полученную телеграмму.

Что было в той телеграмме, Кирюшка, конечно, не мог знать. Но он сразу же догадался, что телеграмма эта хорошая, веселая, потому что, прочитав ее, одни радостно восклицали: «Го!», другие: «Га!», а некоторые хотя и ничего не восклицали и даже начинали ругаться, что, дескать, давно бы пора, но Кирюшка видел, что рады они и сами не меньше других.

— Тебя зачем принесло? — спросил Матвей у Кирюшки.

— Рыжий прислал,— буркнул Кирюшка. И, протискавшись к столу, он слово в слово пересказал то, что ему было приказано.

— Молодец Бабурин! — похвалил рыжего Еремеев, и, обратившись к Матвею, он спросил: — А это кто? Твой сын, что ли?

— Та-к... племянник,— сурово соврал и тотчас покраснел Матвей, которому и неохота, да и не время сейчас было объяснять, как и почему попал с ним Кирюшка в деревню. И, приказав Кирюшке бежать домой, Матвей быстро перевел разговор на то, что для ремонта борон на складе нет двухдюймового железа, да и шинного тоже только-только на три дня работы.

— Читал телеграмму? — успокоил Еремеев.— Теперь все получим. Пошлем на приемку Калюкина, да ты и сам поезжай.

— Мне нельзя,— отказался Матвей,— мне кузню налаживать надо. Водой сегодня все переворотило.

— Ну, тогда пусть Сулин поедет. Он, говорят, человек здешний, бывалый. Его не проведешь.

— Меня не проведешь,— согласился Сулин.— А на приемке они, поди-ка, всю заваль всучить нам попробуют.

— Зачем заваль? — обиделся Калюкин.— Что же они, жулики, что ли?

— Кто сказал — жулики? — удивился Сулин.— А доведись до тебя, неужели ты бы им получше отдал; а себе похуже оставил?

— Я бы по совести,— убежденно ответил Калюкин.— Что у нас для государства, то и у них для того же.

— Конечно, если по совести!..— усмехнулся Сулин. И, хлопнув Калюкина по плечу, он сказал добродушно и снисходительно: — Совесть что! Так... культурное слово. А вот насчет государства, это ты как раз в самую точку.

Когда Кирюшка выбежал на улицу, то крепко

удивили его луна и звезды. Звезды — еще туда-сюда. Но такой большой, сверкающей луны в городе он не видал никогда.

Пока он раздумывал, как это так и почему, сам того не заметив, он очутился на незнакомой кривой уличке, возле шаткого мостика. Но ворочаться назад, в гору, ему не захотелось, и он пошел через мостик, рассчитывая свернуть где-нибудь влево.

Шел он не торопясь, на ходу заглядывая в незавешенные окна старых изб.

Через одно окно он мельком разглядел худую бабу, которая кормила толстого горластого дитенка.

В другой избе он увидел, как два бородатых мужика укоряют в чем-то один другого, а третий, лысый, пьет чай и читает газету.

Потом — седую бабку и пятнистого теленка.

Потом — красивую девку, которая сразу делала три дела: качала ногой люльку, вязала чулок и слушала через наушники радио.

Потом еще издалека услышал он рев и подивился на то, как сердитый дядёк дерет ремнем какого-то вертлявого черного парнишку.

И, вероятно, много еще интересного рассмотрел бы Кирюшка на своем пути, если бы кем-то ловко брошенный комок глины не угодил ему прямо в спину.

В страхе отпрыгнул Кирюшка, обернулся, но никого не заметил.

Он хотел было пуститься наутек, но здесь уличка кончалась тупиком. Справа зияли черные дыры проломанных заборов, торчал сарай без крыши и валялась телега без колес. Слева скрипела распахнутая калитка, за которой что-то мычало, что-то рычало,— в общем, плохо было дело... Второй ком глины шлепнулся о доски где-то совсем рядом, и Кирюшка понял, что

неизвестный враг прячется в темной нише, у ворот, напротив.

Тогда, увидев, что деваться некуда, перепуганный Кирюшка схватил увесистый булыжник и изо всех сил запустил им в ворота. Потом ему попалась под руки мокрая чурка, потом суковатая палка — все это полетело туда же.

И почти тотчас же из темноты раздался жалобный вой. Очевидно, палка крепко ударила по невидимой цели.

Но этот вой еще больше испугал Кирюшку, особенно после того, как хлопнула дверь и кто-то, встревоженный ударом булыжника, грозно спросил, отчего стук и крик.

Тогда, не дожидаясь, как оно будет дальше, Кирюшка юркнул в дыру забора, и, спотыкаясь о кочки, цепляясь за колючки, он проворно полез куда-то в гору.

Кирюшка очутился на полянке, поперек которой стояла низкая изба; рядом с избой — двор, а за двором уже стучала колесами улица.

Запыхавшийся Кирюшка осмотрелся: нельзя ли как-нибудь выбраться на улицу, минуя чужую усадьбу? Но оказалось, что нельзя никак. Тогда, крадучись вдоль стены, Кирюшка направился через двор. Но едва он добрался до освещенного окошка, как впереди, за углом избы, что-то заскреблось, заворочалось.

— Собака! — ахнул Кирюшка и притих.

Так простоял он с минуту, не решаясь двинуться ни назад, ни вперед.

Он уже заглянул в окно, чтобы крикнуть на помощь хозяев, но не крикнул, так как увидел следующее.

На постели, широко раскинув руки, лежал могучий седой старик и храпел так, что слышно было даже через окошко. По-видимому, он был пьян.

За столом возле керосиновой лампы сидел горбатый Фигуран и что-то писал, время от времени искоса посматривая на старика.

Рядом с Фигураном лежали большой нож, сапожная колодка и точильный брусок.

Вдруг старик двинулся, заворочался и закашлял. Фигуран ловко сунул лист бумаги за пазуху и, схватив нож, зачиркал им о точило.

Старик откашлялся, грузно перевалился к стене и опять захрапел.

Фигуран оглянулся, отложил нож, отодвинул брусок и опять вытащил бумагу.

На некоторое время оробевший Кирюшка забыл даже о собаке. Но тут за углом опять что-то заскреблось, заворочалось. Кирюшка съежился, сжался. И вдруг из-за поворота вместо собаки вышел косматый, рогатый козел и, остановившись перед Кирюшкой, противно замемякал: «Ме-а! М-я-я-а!»

— Ах, чтоб тебе пропасть! — рассердился Кирюшка. И, дав козлу пинка, он быстро проскочил через калитку на улицу.

*

Дома Матвей и Калюкин уже кончали ужинать.

— Ты откуда? — строго спросил Матвей у Кирюшки, который боком пробовал юркнуть за печку.

— Так мне же, дядя Матвей, мать сама наказывала, чтобы я не сидел дома, а больше гулял,— быстро вывернулся Кирюшка.— Вот я пошел гулять и все гуляю, гуляю. Даже надоело!

— Гулять тоже надо с толком, а не когда попало,— ответил Матвей и, подозрительно оглядев Кирюшку, спросил: — А отчего это у тебя пальто глиной заляпано и вроде как бы поперек рожи царапины?

— Пальто... Это оно просто так... А царапина? Царапина это оттого, что где-нибудь общарапнулся,— поспешно объяснил Кирюшка и быстренько нырнул за печку раздеваться.

Его позвала Калюкиха и налила ему миску щей. Пока он хлебал, Матвей и Калюкин курили и разговаривали.

— Рядом кто живет? — спросил Матвей, показывая на толстую бревенчатую стену.

— Путятин Егор. Он — многосемейный. А там большие горницы,— ответил Калюкин. И, вспомнив что-то, он, подскочив к стене, постучал кулаком и закричал: — Егор, а Егор!

— Нету Егора,— чуть слышно ответил из-за стены бабий голос.— Тебе что?

— Он на третьем участке пашет, что ли?

— Нет, не на третьем, а на втором. На третьем Мишка Бессонов.

— Голову оторвать этому Мишке надо,— оборачиваясь к Матвею, сказал покрасневший Калюкин.— Я после обеда поехал на мельницу, в амбары зерно перегружать. Гляжу... мать честная!.. На пашне шесть огрехов насчитал. Да огрехи-то какие — борзой кобель не перескочит. Разве ж это работа?

— И что тебе, Семен? Больше других надо! — ворчливо вмешалась Калюкиха.— Чем чужие огрехи считать, ты бы лучше рассказал, как недавно два мешка овса своим керосинищем изгадил. Уж я и холодной водой мыла и теплой. Куда там! Свинья и та морду воротит.

— Я за тот овес, Маша, и сам болею,— смутился Калюкин.— Я за это своих последних полтора мешка в амбар свез. А так, как Мишка Бессонов пашет, это тоже не пахота... Бо-о-льшие горницы,— продолжая

прерванный разговор, начал Калюкин.— Сам-то Костюх на той половине жил. А здесь сын его Василий.

— Богатый был Костюх?

— Надо думать, богатый. Конь-то, правду, у него один был, коровы две. Не любил он скотину, но торговал шибко. Хлебом торговал, кожи скупал. Он да еще тут один старик с ним в компании. Костюха-то выслали, а того старика оставили. У нас на Овражках живет, сапожничает.

На дворе сердито гавкнула собака, и кто-то зашаркал в сенцах, старательно вытирая ноги. Вошел дед Пантелей.

Еще у порога он снял было шапку, но, вспомнив, что иконы в избе нет, он нахлобучил опять шапку и добродушно погрозил пальцем ухмыльнувшейся девке Любке.

— Луна,— сказал дед Пантелей, указывая палкой на окошко.— Иду это я... смотрю, стоит поперек проулка корова. Чья же это, думаю, корова? Подошел, гляжу, а это Николихина корова.— Дед Пантелей опять снял шапку и неторопливо сел на лавку.— Зачем, сынок, звал? Чай пить али по делу?

— Какой тут, дедушка, чай? — сердито перебила Калюкиха.— Уж я ему сколько раз говорю: отдай, Семен, самовар в кузницу, долго ли кран починить? А он: ладно да ладно!

— Ты оставь, Маша! Сказал — отдам, значит, отдам. Человек по делу, а ты: самовар. Я тебе говорю, олова на ремонт нету, а ты: самовар... да самовар! — рассердился Калюкин, обувая сапог, докуривая цигарку и доставая с гвоздя лохматую баранью шапчонку.— Вот что, дедушка! Возьми с утра лошадь да съезди в Чарабаевскую рощу, лозы нарежь. У меня на складе

двадцать бутылей-двухведерок, а оплетки нету. Потом как-нибудь сядешь да сплетешь мне для бутылей оплетки.

— Ладно, коли так,— согласился старик.— Нарядил бы ты со мною какого-нибудь парнишку. Вдвоем-то ловчей управимся.

— Пускай мальчонка с тобой поедет,— кивнув на осоловевшего Кирюшку, предложил Калюкин.

— И то дело,— согласился Матвей.— Катай завтра, Кирюшка, с дедом за лозой. Нечего тебе зря без дела шататься.

Вскоре дед Пантелей ушел. Вслед за ним, накидывая на ходу поддевку, направился и Калюкин.

— А ты куда? — окликнула его Калюкиха.— Спать-то когда придешь? Опять к полуночи?

— В школу, Маша... в школу. Там нынче второй бригады собрание; надо думать, директора ругать будут.

— Да тебе-то что? — почти жалобно спросила Калюкиха.— Кабы тебя ругали, а то директора.

— Как можно, Маша?.. Что ты! Раз я сейчас вроде как бы завхоз, значит, и мне тоже... значит, и я тоже,— уже захлопывая дверь, забормотал Калюкин. И слышно было, как он быстро протопал вниз по лесенке.

*

После того как уснул Кирюшка, лег и Матвей.

Но, несмотря на то что он встал до зари, ему не спалось, и он долго ворочался, припоминая все то, что случилось за сегодняшний день.

Тракторная станция, обслуживавшая Малаховский колхоз, была небольшая, только с осени выделенная от другой, крупной, Каштымовской МТС. И случилось так, что попали сюда тракторы потрепанные, разно-

мастные, к тому же без запасных частей и почти без ремонтного инструмента.

Всю зиму просили, грозили, требовали. Но каштымовцы упирались. И только сегодня, как раз после того как проехал заезжавший по пути каштымовский директор, была из края получена телеграмма, в которой каштымовцам строго-настрого было приказано снабдить новую МТС запасными частями, материалами, инструментами.

И вот вдогонку за каштымовским директором поскакал секретарь ячейки Бабурин, тот самый рыжий верховой, который встретился Кирюшке на дороге.

«Надо Сулину сказать, чтобы он круглого железа побольше выбрал,— вспомнил Матвей.— Борон целая груда, а все зубья повырваны. Камни ими, что ли, ворочали?.. Он достанет,— думал Матвей.— Мужик, видать, толковый».

И уже совсем засыпая, Матвей вспомнил, что за всеми сегодняшними хлопотами он позабыл расспросить у Калюкина, как и почему уехал Сулин совсем из деревни.

В избу потихоньку вошла Любка и, не зажигая огня, стала раздеваться.

— Ты откуда? — спросила с кровати Калюкиха.

— В клубе была. Там сегодня кино,—закидывая на печь валенки и задергивая занавеску, ответила Любка.

— Отца видела?

— В школе он. Ругаются. Ему, маманя, Мишка Бессонов чуть в рожу не плюнул.

— И поделом! — с досадой откликнулась Калюкиха.— И скажи только, что за человек! В свое, не в свое дело — всюду ему сунуться нужно. Ты помяни мое слово, что когда-нибудь ему и вовсе шею наколотят.

— Так колотили уже, да что толку-то,— завалива-

ясь на скрипучую кровать, ответила Любка. И вдруг огрызнулась: — А за что колотить? За Мишку Бессонова? Этого Мишку у нас на прошлом собрании поделом в комсомол не приняли. Попробуй поколоти! Говорите вы, маманя, а что, сами не знаете!

Обиженная Калюкиха полежала, помолчала, но ей не лежалось и не молчалось. Она закряхтела, заворочалась и с хитростью спросила у притихшей Любки:

— А что, Любка, правда это бабы говорят, будто Мишка Бессонов собирается какую-то вашу комсомолку сватать?

— Спите, маманя! — уже грозно ответила Любка.— У вас бессонница, а у нас завтра на скотном ветеринарный осмотр будет. Инструктор, что ли, какой-то приехал.

Утром Кирюшка побежал к деду Пантелею.

После вчерашнего паводка возле избенки сверкали лужи. Проломанный плетень был смят и повален. Повсюду валялась щепа и торчали косматые охапки еще мокрой соломы.

Пригретые ясным солнышком, суетливо бродили по грязи хлопотливые куры. Из стойла высовывал морду добрый теленок, и даже злобный рыжий кот и тот, ласково жмурясь, тихо полз по крыше, подбираясь к стайке беспечно горланивших воробьев.

У крыльца седая и уже не сердитая бабка развешивала широкие дедовские штаны. А сам дед Пантелей кончал запрягать лошадь.

— Пришел,— улыбнулся дед Пантелей.— А я смотрю, что не идешь? Или, думаю, не придет, да нет, думаю, должно быть, придет. Погода-то нынче вон какая. Светлая. Ну садись. Как тебя звать-то?.. Кирилл?.. Залезай, Кирила, на телегу. Поехали...

И как только выехали в поле, пахнуло таким непривычным, невиданным простором, что Кирюшка сразу притих.

— Слышишь? — спросил дед, корявым пальцем указывая в небо.— Глянь-ка вон туда, под облако... Гурлы... Гурлы. Это дикие лебеди-кликуны потянули.

Задрав голову, долго смотрел Кирюшка, как высоко-высоко, под самыми облаками, вытянув прямые длинные шеи, плавно и стремительно летела стая больших белых птиц.

«Как же это так? — задумался Кирюшка.— Был завод, школа, отец, мать, знакомая улица, автобус № 5, трамвай № 17,— а сейчас никого рядом и ничего».

И потому, что рядом не сидел даже Матвей, который был все-таки свой, городской, Кирюшке вдруг как-то почудилось, что вот уже поехал и он не в Чарабаевскую рощу за ракитовой лозой, а тронулся в какой-то новый и далекий путь.

Тогда он сощурил заслезившиеся от солнца глаза, и стало ему грустновато.

«Эх, папка, папка! — укоризненно подумал Кирюшка.— И что тебе стоило немного, ну совсем немножечко подвинуться, а не стоять на том самом месте? И тогда пролетели бы разорванные кирпичи мимо или еще в кого-нибудь».

Он вздохнул. Но тотчас же вспомнил, что если бы отец не стоял на том самом месте, у парового молота, то там обязательно стоял бы кузнец Матвей.

И Кирюшке стало жалко Матвея, он сейчас же захотел, чтобы и Матвей тоже подвинулся.

Но если бы не стоял Матвей, то встал бы туда Иван Караулов, девчонка у которого, Катюшка, была веселая, черноволосая, и это ей он, Кирюшка, подарил однажды хорошее, но только немножко червивое яблоко.

Тогда ему стало жалко и отца, и Матвея, и Ивана, и еще кого-нибудь, кто обязательно стоял бы на этом месте, потому что это такое твердое место, где всегда кто-нибудь должен стоять. И, конечно, стоит кто-то уже и сейчас.

«Нельзя всем двигаться,— смутно решил Кирюшка.— И я бы тоже не подвинулся. Раз поставили — значит, стой!»

— Что, Кирила, задумался?—окрикнул дед Пантелей.—Вот она и Чарабаевская роща. Помещик тут раньше жил, Константин Ермолаевич Чарабаев. Гордый был человек... Сильный. Беда, сколько земли поднимал!

Это заинтересовало Кирюшку. Он и сам, бывало, в цирке видел, как поднимают гири, видел, как поднимают людей. А однажды видел даже, как один молодец взвалил себе на спину невысокую лошадку. Но, чтобы землю поднимали, этого он еще не видел никогда. Как ее поднимешь — в мешки насыпать, что ли?

— И сколько он поднимал? — осторожно спросил Кирюшка, недоверчиво посматривая на старика.

— А вот сколько. Вон, под солнышком, вроде как бы гору видишь? А теперь гляди дальше, за речку, туда, где наши трактора идут. А теперь глянь в ту сторону, до самого края, где чуть-чуть лес синеет. Это все его земля была. Но теперь повороти голову назад и смотри как раз от речки до того села... до Балаихи — это и был наш деревенский куток. Вот, брат Кирила... как тебя по батюшке-то величать, не знаю... так-то и жили.

Старик неожиданно рассмеялся, подстегнул конька, и телега весело вкатилась в Чарабаевскую рощу, из-за голых деревьев которой уже виднелись развалины старой барской усадьбы и невысокая церковка с покосившимся крестом, та самая, которую заметил Кирюшка еще вчера, перед закатом.

*

Прямо за одичалыми развалинами, цепляясь один к другому, раскинулись заглохшие и заболоченные пруды. По берегам густо разрослись вербы, ольха и ракитник.

Дед Пантелей дал и Кирюшке острый нож. Он показал, какая нужна лоза и как ее срезать, чтобы не обрезаться. А так как мудреного в этом было мало, то Кирюшка с азартом полез в самую гущу.

Через час работы на телеге лежала большая груда гибких пахучих прутьев.

— За глаза хватит. Довольно! — скомандовал раскрасневшемуся Кирюшке дед Пантелей.— Давай садись, отдохни. Да и я сяду, табачку закурю. А то на ходу курить тряско.

Но Кирюшке не сиделось. Пока старик поправлял воз, пока он свертывал да закуривал, Кирюшка шмыгнул на узенькую тропку и вскоре очутился перед развалинами чарабаевского имения.

Одиноко и печально торчали потрескавшиеся стены. Повсюду валялись поросшие травой кирпичи. Тяжело бабахнувшись, лежала расколотая и наполовину вросшая в землю каменная колонна. Тут же, неподалеку, высилась уцелевшая колоколенка без колоколов и небольшая церковь с тяжелой дверью, на которой вместо замка был замотан узел ржавой проволоки.

Рядом с кучей муравейника валялась чья-то позеленевшая мраморная голова, но без уха, с отбитым кончиком носа. И по этой неживой голове тихо лазили только что выползшие после зимовки, еще полусонные муравьи.

Так же как путешественник, который задумчиво останавливается перед обломками древних гробниц, перед руинами средневековых башен, так и Кирюшка,

который слыхал о помещиках только по рассказам, с молчаливым удивлением рассматривал остатки этой самой обыкновенной барской усадьбы: так вот где они жили!

Он постучал носком о выступ скользкого крылечка и провел пальцем по холодной истрескавшейся стене.

Заслышав шорох, он обернулся и невдалеке от себя увидел человека.

Человеку этому было лет под пятьдесят. Бородатый, ссутулившийся, с тяжелой дубинкой в руке, он стоял, прислонившись к стволу гнилой липы, и, по-видимому, уже давно наблюдал за Кирюшкой.

«Сторож»,— подумал Кирюшка. Но так как он никуда не залез, ничего не украл, то безбоязненно посмотрел на незнакомого человека.

— Видать, нездешний парнишка? — негромко спросил человек, и, подойдя поближе, он сел на каменную ступеньку.

— Нездешний,— подтвердил Кирюшка.— Мы с дядей Матвеем из города приехали.

— В Малаховку, что ли? — И, не дожидаясь ответа, чернобородый неожиданно попросил: — А что, паренек, у тебя покурить нет ли?

— Так я еще малый! — с негодованием ответил покрасневший Кирюшка.— Разве же такие курят!

— Всякое бывает! Бывает нонче, что и такие. Кто вас разберет?

— Это только хулиганы курят,— убежденно возразил Кирюшка.— А разве я хулиган? — Он подумал, запнулся и уже с задором добавил: — Я пионер, а не хулиган. А правда, дядя, есть в нашей школе один, Павлушка Кукушкин, и стал он курить, а мы его взяли да из пионеров и выгнали.

Кирюшка остановился, ожидая, что за это толковое рассуждение незнакомец похвалит его или просто улыбнется.

Но угрюмый человек не похвалил и не улыбнулся. Внимательно посмотрел он на Кирюшку и не сказал ничего.

Это не понравилось Кирюшке, он захотел тотчас же отправиться восвояси, но все-таки задержался и услужливо предложил:

— А вы, дядя, пойдите со мною да у деда Пантелея попросите. Он тут, рядышком, возле лошади. Мы с ним лозу резать приезжали. Он как раз сидит возле телеги и курит.

— Это какой Пантелей? Малаховский? — быстро переспросил бородатый человек.

— Малаховский. Он живет да бабка, да больше у них никого нет. У них, дядя, вчера избу чуть-чуть льдом не сдернуло.

Бородатый постоял, по-видимому раздумывая, пойти или нет в ту сторону, откуда уже дед окликнул Кирюшку. Потом, не сказав ни слова, бородатый повернулся и быстро пошел через кусты в противоположную сторону.

«Тоже, курильщик!..» — подумал обиженный Кирюшка и вприпрыжку побежал к поджидавшему его деду Пантелею.

На обратном пути они встретили целый обоз. На передней подводе сидели Калюкин и Сулин.

— Нарезали? — еще издалека заорал Калюкин, увидав телегу с грудой лозы.— Ну давай, давай, дедушка, плети, поторапливайся.

— Все в аккурат будет,— не спеша ответил дед и, сняв шапку, поклонился Сулину.— Далеко ли, Александр Моисеевич, поехали?

— В Каштымово, старик. В Каштымово...— ответил Сулин и, подмигнув Кирюшке, спросил:—Что, брат, и ты трудодни зарабатываешь? Ну, работай, работай... Это тебе не с пионерами трубы трубить.

«И что тебе дались эти пионеры?» — подумал смутившийся Кирюшка. Но пока он искал, что ответить, кони дернули, и весь обоз со стуком и грохотом прокатил мимо.

— Вес-селый человек,— задумчиво пробормотал дед Пантелей.— Баа-льшая голова.

Справа, на залитых лугах, два рыбака ставили мережи. Лодчонка у них была маленькая, вертлявая, и Кирюшке казалось, что вот-вот она опрокинется.

— Ничего им не сделается,— объяснил дед Пантелей.— Это старик Сидор и Ермила хромой. Они сроду к воде привычные. Ермила-то вовсе без одной ноги. Ногу ему в солдатах оторвало. А как плавает! Одной ногой по воде тырк, тырк, тырк, да так затыркает, что иной и с двумя за ним не угонится.

— Дедушка? — спросил Кирюшка, вспомнив про вчерашнее.— А кого это на островке водой захватило? Он бежит, бежит, добежал, повертелся да как кинется, а лед хрр... хрр... А зачем он, дедушка, в ту сторону кинулся? Я бы в эту, а он в ту...

— А кто его знает? Ошалел, должно быть, человек. Я и сам не разберу: охотник — не охотник. Рыбу у нас там тоже не ловят. И жилья там никакого нет, только что оставался шалаш от покоса. Кто его знает? — отказался догадываться старик.— Кто-нибудь чужой, а не наш, деревенский.

Они подъезжали к Малаховке. С треском и лязгом навстречу выкатил трактор. Лошадка шевельнула ушами, скосила глаза и, раздувая ноздри, зафыркала.

— Здорово, дед Пантелей, счастливый человек! — озорно крикнул молодой кудрявый тракторист и крутанул рулем, уступая дорогу.

— Здорово, Михайло Бессонов, непутевая голова! — сердито ответил старик и стеганул заупрямившуюся лошадь, чтобы бежала быстрее.

— Это и есть Мишка Бессонов? — спросил Кирюшка, вспомнив вчерашние калюкинские ругательства.

— Он самый! — с сердцем ответил старик.— И всем бы хорош... И сам собой и в грамоте силен. А вот, пойди ты... Такой оголтелый! На рождество достал он где-то, пес его возьми, монашью рясу, нацепил под клобук волосы и приходит в избу. Стал у порога и славит: «Рождество твое, Христе боже наш, воссияй миру свет разума...» Ну, кончил славить. Поздравил с праздником... Я, конечно, и говорю старухе: проси к столу, как заведено, закусить, конечно... выпить. Выпил он стопку, выпил другую, поклонился, да и марш дальше. А потом, когда моя старуха узнала, так чуть меня со свету не сжила. А я-то при чем? Ну монах, думаю, и монах...

Но Кирюшка, которому очень понравилось такое забавное дело, громко рассмеялся. И вдруг ему показалось, что, может быть, этот Мишка Бессонов вовсе уж не такой плохой человек.

Улыбнулся и дед Пантелей. Он погрозил Кирюшке кнутовищем и, останавливая лошадь, сказал:

— Ну, я здесь отверну. А ты беги. Приходи в другой раз... корзины плесть научу. Да только смотри: в избу в шапке не заходи, а то у меня бабка беда какая строгая. Сразу выгонит.

По пути Кирюшка заглянул на скотный двор. Там, возле злого рогатого быка, он увидел Любку. Бык крутил мордой и пытался боднуть Любку, которая

поливала его спину какой-то зеленой жижей и растирала жижу щеткой.

— Иди помогать. Подержи-ка ведро,— предложила Любка, и, ловко увернувшись, она крепко стукнула кулаком по могучей бычьей шее.

Но Кирюшка таких рогатых быков не любил. Он показал Любке язык и побежал домой, потому что очень захотелось ему поесть.

Только что завернул он за пожарный сарай, как увидел, что прямо навстречу катит Степашка — тот самый паренек, который вчера по приказанию Фигурана должен был бить его, Кирюшку, «до самой смерти».

Заметив Кирюшку, Степашка остановился. А Кирюшка с полного хода повернул обратно и, преследуемый победными криками Степашки, стремительно помчался куда глаза глядят.

Опомнился он только возле кузницы.

В непросохшей кузнице было чадно и дымно. Кроме Матвея, там работали еще двое.

— Что тебе? — спросил Матвей у Кирюшки, который потихоньку остановился в углу.— Иди, иди, тут тебе нечего толкаться.

Запыхавшийся Кирюшка стоял молча, и на глазах у него заблестели слезы.

— Что тебе? — уже мягче спросил Матвей.— Тебе доктор толком гулять велел, а ты... то ночью обляпанный да разодранный приперся, то в чаду да в дыму торчишь... Тоже, кузница!..— с досадой добавил он, вытирая рукавом замазанный лоб.— В такой кузнице только при царе Дударе чертям вилы ковали.

— Мальчишка там,— негромко ответил Кирюшка.— Я бегу домой, а он бежит навстречу и драть меня хочет.

— Это дело серьезное,— согласился Матвей.

И, кинув в горн железную полосу, он подошел к Кирюшке.— Большой мальчишка?

— Большой, дядя Матвей.

— А как большой?

Кирюшка запнулся.

— Ну, какой я, такой и он.

— Вот что, Кирилл,— сказал Матвей, провожая Кирюшку до двери,— ты мне голову не морочь. Я тебе в няньки не нанимался, да и ты не генеральское дите. У меня и без тебя дела много. Сам видишь... это что?

И Матвей показал туда, где возле стены лежала целая груда борон с вырванными зубьями, разбросанные плуги, диски, колесные шины и еще какие-то кривые, почерневшие железины.

— Беги,— приказал Матвей,— да скажи хозяйке, что обедать я только к ужину приду.

Кирюшка нахлобучил шапку и покорно побежал в гору. У пожарного сарая он остановился, настороженно оглядываясь по сторонам. Нечаянно обернулся он назад и тут увидел, что Матвей все еще стоит у двери дымной кузницы и пристально смотрит вдогонку.

Весело гикнул тогда Кирюшка и смело примчался к дому, где добрая Калюкиха навалила ему целую миску жареной картошки и налила в чашку холодного молока.

Днем Кирюшка соснул, а к вечеру, когда болтливая Калюкиха ушла к соседке, он достал чернила, бумагу и сел за письмо.

Письмо вышло бестолковое. Начал он с того, как влезли они в поезд. Но вскоре решил, что это не самое главное, и, не дожидаясь отправления поезда, он перескочил на малаховскую дорогу.

Однако путь в Малаховку от станции был не близкий, и, еще не доехав полпути, Кирюшка остановился

посреди самой грязи и решил, что пусть дальше мать сама добирается как хочет. Потом он взялся описывать наводнение. Здесь дело пошло складно и споро.

Но тут, испугавшись курицы, которая сердито клюнула его в хвост, вертлявый серый котенок вскочил на стол и опрокинул чернильницу. Чернила залили и острова, и хату деда Пантелея, а вместе с ними и всю Кирюшкину охоту продолжать это неудачливое письмо.

Тогда он коротенько дописал: «До свиданья, дорогая мама. Крепко целую и кланяюсь, а скоро напишу еще».

Потом он запечатал конверт, сунул в карман и полез под стол за паршивым котенком, чтобы потыкать его мордой в пролитые чернила.

Из-под стола котенок шмыгнул под лавку. Из-под лавки скакнул за печку. Из-за печки — на печку. Но все равно не уйти бы ему от разгневанного Кирюшки, если бы в избу не забежала Любка.

Она крепко осадила Кирюшку, сбросила грязный кожух, сдернула с гвоздя чистую поддевку. И, наспех поправляя растрепанные косы, спросила, где мать.

— У соседей,— ответил Кирюшка и, надувшись, спросил: — Ты чего толкаешься? Думаешь, если здоровая, так и толкаться? Я вот скажу дяде Матвею, он тебя толкнет...

— А провались ты со своим дядей Матвеем! — огрызнулась Любка.

Зачерпнув воды, она быстро сполоснула испачканные кровью ладони, накинула поддевку и, хлопнув дверью, выскочила на улицу.

«Что это дядя Матвей долго не идет? — с тревогой подумал Кирюшка.— И Любка как ошалелая. Отчего это руки в крови? Бык ее забодал, что ли?»

Кирюшка покосился на темное окошко.

Небо в тучах. Ни вчерашних звезд, ни золотой луны не было.

«То ли дело в городе,— вспомнил Кирюшка.— Глянешь на улицу — фонари. Трамваи — трры-трыыы... Автобусы — буу...уу... А здесь темно, тихо... Хоть бы Калюкиха скорее пришла».

Хитро щурясь, с печки смотрел зеленоглазый котенок.

— Кисынька, кисынька,— жалобно поманил Кирюшка, которому очень захотелось, чтобы хоть котенок посидел с ним рядом.

Но котенок не шел. Должно быть, боялся, как бы не потыкали.

Тогда Кирюшка запустил в котенка валенком и тотчас же кинулся вытирать со стола чернила, потому что услышал приближающиеся голоса.

Вошли Калюкиха, Любка, а за ними Матвей.

Пока Матвей умывался, Любка рассказывала, и Кирюшка так ее понял:

Вышла Любка к околице, вдруг слышит — кто-то идет и охает. Подняла Любка палку и окликнула, кто такой охает? Смотрит, а это тракторист Мишка Бессонов. И голова у него вся в крови. Задрожала тогда Любка и спрашивает: «Что с тобой, Мишка? Или спьяну?» — «Нет,— говорит Мишка,— не спьяну. Беги, Любка, кликни народ. У амбара замок сбит. Два чувала зерна в грязи лежат. Да какой-то дьявол меня сзади камнем по башке двинул».

И сорвала тогда Любка платок, завязала Мишкину голову, а сама скорее побежала сзывать народ.

— Мишке-то к ночи какое у амбара дело было? — недоверчиво спросила Калюкиха, кидая на стол полкаравая хлеба и плюхая миску с пересохшей картошкой.

— А он, маманя, с отцом вчера поругался. А сего-

дня, когда окончил норму, поехал на вчерашний участок—дай, думает, на самом деле посмотрю, неужели и правда, что шесть огрехов? Тут у него с трактором что-то случилось. Пока провозился, уже темно, а трактор ни тпру ни ну! Пошел Мишка пешком какой-то инструмент доставать. Проходит мимо амбара, а там вон что.

— «Ни тпру ни ну»! — передразнила Калюкиха.— Так и все у вас — ни тпру ни ну! А я вот думаю, как бы теперь отец в ответ не попал. Скажут то да се... да закрыл плохо, да замок худой...

Калюкиха помолчала, загремела по столу деревянными ложками и покосилась на Любку:

— А тебя, дуру, зачем к околице понесло? Или оттуда к дому ближе?

Но Любке не понравился такой вопрос.

Любка сердито глянула на мать и, усаживаясь за стол, коротко отрезала:

— К болоту ходила — лягушек слушать. До соловьев-то, маманя, еще далеко.

*

Матвей молчал. Он нехотя ел картошку, и Кирюшке показалось, что он думает о чем-то своем.

Так оно и оказалось. Когда Любка исчезла, а Калюкиха вздула фонарь и пошла поить скотину, Матвей закурил и сел на край Кирюшкиной постели.

— Люди! — пробормотал он и крепко сплюнул в угол. Он повернулся к Кирюшке и спросил: — Это не ты, Кирилл, случайно, из амбара два чувала с зерном выволок?

— Нет, дядя Матвей!..— испуганно отказался Кирюшка.— Я все время дома, я к матери письмо... я даже и не знаю, где амбар.

— Я и сам думаю, что не ты,— успокоил Матвей.—

Вот подковные гвозди тоже... Как перетаскивались от воды, был мешочек, этак кило в пять. Искал, искал сегодня — нету мешочка. Вот, брат Кирилл! Доктор сказал, чтобы в поле... где покой. А сдается мне, что не туда мы с тобой заехали. Поле это — тут оно. А покоя я что-то мало вижу.

Матвей замолчал. Кирюшка молчал тоже. И вдруг показалось Кирюшке, что от Матвея чуть-чуть припахивает не то пивом, не то вином.

— А сегодня зашел я на базу,— продолжал Матвей.— Народ толкается не разбери-бери. Кто по делу, кто без дела. Вижу — умывальник. Снял я пиджак и умылся. Тут меня Федор окликнул. Подошел я к нему, поговорили. Вернулся, надел пиджак. Елки зеленые, что это карман легкий? Сунулся — бумажника нету. А в бумажнике билет профсоюзный да двадцать пять целковых денег. Вот тебе и широкое поле!

— Воры завелись,— сочувственно поддержал Кирюшка.— А ты бы, дядя Матвей, в милицию...

— Что милиция,— пробормотал Матвей.— Тут не в одной милиции дело.

Он бросил окурок в лохань и потрепал Кирюшку по плечу.

Это обрадовало Кирюшку. И ему тоже захотелось сделать Матвею что-нибудь хорошее.

— Дядя Матвей,— предложил он,— мне мать на дорогу пять рублей дала, да своих у меня рубль двадцать было. Ты возьми. На что они мне? А в город вернемся, тогда, может быть, отдашь.

Матвей встал и неожиданно рассмеялся.

— Спи, Кирюшка. Спасибо.— Он опять улыбнулся и посоветовал: — А мальчишек ты не бойся и не прячься. Кто прячется, тех всегда бьют. А ты сам напирай крепче. Все равно, мол, наша возьмет!

*

— Все равно наша возьмет! — на бегу размахивая палкой, гордо восклицал Кирюшка.— Врангеля разбили, Деникина разбили, Магнитострой построили, и еще кого-то разбили, и еще что-то построили. Так неужели же теперь бояться какого-то несчастного длинноухого Степашки!

Кирюшка бойко завернул к почтовому ящику и тут увидел Фигурана, который слюнявым пальцем заклеивал конверт.

Фигуран торопливо сунул письмо в щель и молча уставился на Кирюшку.

Это смутило Кирюшку. Он неловко затолкал письмо в щель и тоже остановился, не зная, как же теперь начать разговор.

— Что ты за человек? — совсем не обращая внимания на Кирюшкину палку, хладнокровно спросил Фигуран.— Вор ты или честный человек? По делу приехал или без дела? Умный ты или дурак? Говори смелее и не бойся.

Кирюшка обиделся:

— Разве дураки такие бывают? Это сам ты ночью как полоумный козел скачешь да орешь. Вот они какие бывают. А Степашке твоему дядя Матвей уши нарвет. Он кузнец. Он как грохнет кувалдой по наковальне, только огонь сверкнет. У меня отец тоже кузнецом был и мать — ударница. А у тебя отец кто? Пьяница! Сам я видел, как он пьяный ворочáлся. Я к тебе не лезу, и ты ко мне не лезь.

Фигуран дернул плечом, скривился и с издевкой спросил:

— Какой еще отец? Когда ты его видел? Да у меня и отца-то никогда не было.

— Так не бывает,— твердо возразил Кирюшка.—

Бывает, что каких-нибудь дядей или тетей не бывает. А отец и мать у каждого человека обязательно бывают.

— Нет у меня отца,— упрямо повторил Фигуран и, сплюнув на носок своего рыжего башмака, со злорадством добавил: — И отца нет и матери нет. А есть у меня только один дед, да и тот кулак.

— Значит, и сам ты кулак!—зло отрезал Кирюшка.

— Значит, и сам я кулак! — громко повторил Фигуран и, насвистывая какой-то несуразный, озорной мотив, отошел прочь.

Однако, когда за обедом Кирюшка рассказал о своей встрече, Калюкиха неожиданно вступилась за Фигурана:

— Врет он, какой там кулак! Мальчишке двенадцатый год, отец его пастухом был. Отца нет, мать в больнице лежит. Ну вот и закрутился. Дед этот, правда, раньше в кулаках ходил, а мальчишка горбатый, слабосильный, жрать надо. Вот он возле деда вроде как бы за работника и пристроился — колодки ему строгает, дратву сучит. Только дед он ему не родной.

— Он меня убить хотел,— пожаловался Кирюшка.— «Бейте его, говорит, до самой смерти».

— Что ты, что ты! — ахнула Калюкиха.— Ну и озорник! Да ты ему не верь, парнишка. Он такой выдумщик... Он здоровых мужиков иной раз так на смех поднимет, что дальше некуда. Всюду вертится, крутится. Чуть что заметит, раз-два — составит песню. А ее ребятишки перехватят... Глядишь, и нет человеку прохода... Ах ты негодник! — продолжала волноваться Калюкиха.— Нет, обязательно надо деду сказать. Пусть отдерет хорошенько. Убить... Разве же этакими словами шутят?

Сначала Кирюшка обрадовался. Но вдруг он заво-

рочался, поперхнулся кашей и, запинаясь, отказался есть.

— Не надо деду... Вот еще! — Тут он покраснел еще больше, замотал головой и, отвернув лицо к окошку, сердито добавил: — Не надо деду... Вот еще!.. Не хватало, чтобы за нас кулаки заступаться стали.— Он вытер рукавом показавшиеся от кашля слезы и виновато объяснил: — Что мне дед? Я и сам пионер. Он, Фигуран, горбатый, а у меня мускулы... во!..

Тут к воротам подкатила телега, и обрадованная Калюкиха бросилась к печке, потому что во двор вошел только что вернувшийся из Каштымова Калюкин.

Он был встревожен и неразговорчив.

Наскоро похлебав горячего, он отказался от гречневой каши и побежал разыскивать Мишку Бессонова.

Кирюшка был мастер. Он достал стамеску, ножик и принялся выстругивать водяную мельницу-вертушку. Мельница вышла что надо.

Он замел веником щепки, стружки и через дверку коровника, через вишневый сад, мимо старой бани, сквозь дыру забора выбрался к овражку, по которому протекал уже знакомый ему ручей.

Весело закрутилась и загудела Кирюшкина мельница. А Кирюшка-мельник притащил доску и стал налаживать плотину.

Скоро у него захолодали руки. Он натаскал сухих щепочек, немножко соломы, огляделся, достал спички и вздул костер.

Никогда раньше в городе не приходилось ему вздувать костер, и теперь Кирюшка рад был безмерно.

То он грел руки, то поправлял мельницу, то укреплял плотину, то рыскал, подбирая топливо.

Но вот костер зачадил, затих и затух. Бросившись на колени, Кирюшка изо всех сил принялся дуть на

оставшиеся угольки. Лицо его разгорелось и рот был полон дыма, когда костер затрещал и пламя вспыхнуло снова. Кирюшка поднялся, протирая обкуренные дымом мокрые глаза. Тер он долго, и когда наконец глаза открылись, он увидел, что наверху овражка, рядом с дырой в заборе сада, стоит все тот же Фигуран и смотрит вниз, на Кирюшкину работу.

Фигуран постоял, ничего не сказал и юркнул в дыру калюкинского сада.

— Черт его туда понес! — выругался испуганный Кирюшка.— Уж конечно, ябедничать за костер побежал. То-то теперь Калюкиха ругаться будет. Да и Матвей опять рассердится.

Он затоптал костер, двинул ногой плотину так здорово, что с шумом рванувшаяся вода свалила мельницу и бурливый ручей, покачивая на гребнях пены, унес ее навеки от печального Кирюшки в неведомые реки и моря.

Вернулся домой Кирюшка не скоро — все боялся, как бы не заругали. Вошел он потихоньку и очень обрадовался, что ни самого Калюкина, ни Матвея не было дома.

Но Калюкиха спросила его, не промочил ли он ноги и не хочет ли хлеба с молоком. И это показалось Кирюшке странным, потому что никогда не бывает так, чтобы сначала давали поесть, а ругаться начинали потом, а всегда сначала отругают, а потом уже дают поесть.

«Значит, Фигуран не нажаловался. Молодец Фигуран!» — похвалил Кирюшка, позабыв о том, что только недавно он и сам наябедничал на Фигурана Калюкихе.

Было уже совсем темно. Мужики еще не приходили.

Вдруг черная собака во дворе громко зарычала и зазвенела цепью.

— Это кого еще несет? — с неудовольствием спросила прилегшая отдохнуть Калюкиха.

Собака залаяла еще громче, но с улицы в окошко никто не стучал и хозяев не вызывали.

— Кого еще принесло? — уже с тревогой пробормотала Калюкиха, соскакивая с постели и торопливо распахивая окошко во двор.

Во дворе, заливаясь озлобленным лаем, черная собака яростно рвалась с цепи, но не к улице, не к калитке, а в сторону темного сада.

Калюкиха прикрикнула на собаку и захлопнула окошко.

— Зря брешет. Должно быть, чужой пес в сад забежал. Летом — тогда мальчишки за вишнями лазят. А сейчас кому там надо?

Собака притихла. Калюкиха улеглась. Кирюшка спрятался на свое место, за печку.

Вскоре пришли Матвей и Калюкин.

Калюкин был веселее, чем за обедом.

— Все цело,— рассказывал он,— даже два порожних мешка в прибытке. Я эти мешки от грязи вымыл и высушил. Мешки крепкие, новые. Не иначе, как тоже где-либо своровань.

— Воры-то не на примете? — спросил Матвей.— У меня на заводе папиросный окурок не пропадал. А тут... на-ка, бумажник сперли!

— Вот народ! Вот народишко! — рассердился Калюкин.— У своих прут, у чужих воруют. А не думаю я на наших... Обязательно это кто-либо из городских.

— Из каких городских? — не понял Матвей.— Городских-то у вас на селе, кроме нас, много ли?

— Что ты... Что вы! — смутился и обиделся Калюкин.— Разве я про таких? Я про тех, что когда стали у нас с трудоднями нажимать: кто, мол, не работает,

тому и нет ничего,— так мало ли, думаешь, лодырей в город утекло. А в городе — сам знаешь... Туда он сунется, сюда. Там паек урвет, там спецовку, здесь задаток. А вот нынче, когда стали заводить паспорта, то и спрашивают: «Где работаешь? Сколько работаешь? Ах, и там и тут без году неделю?» Да как турнут их всех обратно, по домам. Москва, говорят, хотя город и богатый, а дармоедов крепко не любит... Разбуди-ка ты меня, Маша, пораньше,— попросил он Калюкиху.— Мне завтра опять в Каштымово. Там хлопот, надо думать, на целую неделю. А дорога плохая. Сегодня у Куракинской рощи два ямщика чуть в ручей не угодили.

— Сулин когда вернется? — спросил Матвей.— Мне без него не с руки. Вы бы его поскорей оттуда...

— Нельзя поскорей. Он человек хитрый, напористый,— быстро раздевшись и шмыгнув под одеяло, ответил Калюкин.— Дня через три, надо думать, вернется.

И Калюкин проворно повернулся к стене, укрылся с головой и почти тотчас же захрапел.

В избу с корзиной вошел дед Пантелей.

— Спит, что ли? — спросил он, кивая бородой на Калюкина.— Ну пускай спит. Корзину я оставлю. Встанет, пусть посмотрит, такая ли. А то наплетешь, ан и задаром.

— Отдохни,— предложил Матвей,— садись, старик. Куда торопишься?

— Мне не время,— присаживаясь на лавку, ответил дед Пантелей.— Мне на караул идти. Ночью я керосин караулю. Паек мне за это, тридцать пять рублей да зимой тулуп с валенками. Посидишь в избушке, выйдешь — хорошо, тихо. Обошел — опять в избушку. Керосин — не хлеб: тут воров бояться нечего. Как

затарахтят колеса, выйдешь к подводчикам: «Эй, ребята!.. Гляди, с куревом потише!» Те, конечно, цигарки в рукав, коней кнутом. А там кури в поле сколько душе мило. Я и сам раньше потихоньку этим делом баловался. Да как-то старуха табак нашла, чуть из хаты не выгнала. Крепко сердитая она в тот год ходила.

Дед Пантелей тихо рассмеялся и поднялся с лавки.

— А в нынешнем году подобрела она, что ли? — спросил улыбнувшийся Матвей.

— Как не подобреть? И теперь год, да, гляди, не тот. На сытой жизни всяк подобреет. Хлеба заработали, свинью завели, козу. Старуха — а восемнадцать трудодней заработала. Жизнь теперь у нас кругом тихая, мирная.

— А замок у амбара отбили!.. Это что же, мирная?

— Что замок,— не задумываясь, ответил дед Пантелей,— так это озорство. Должно быть, парни спьяну покуражились. Кабы теперь голод! А то давай работай — пуза не нарастишь, а сыт, одет будешь... Так спроси, милый человек, про корзины. Я тогда скоренько наплету. Гривен, думаю, по семи положит. Семь на двадцать — это четырнадцать... Да козу продам, да еще как-нибудь — вот тебе и телка. Коза, сколько ее ни корми, все козой останется. А из телки, глядишь, и корова.

— Душевный старик,— сказала Калюкиха, когда дед Пантелей вышел.— Все-то ему хорошо, всему-то радуется. И то сказать,— заваливаясь в постель, добавила она,— работников у них нет: он да старуха. Мы-то еще, может, как-нибудь, а ему, если как бы по-старому, то одна дорога: срубил две клюки, сшил две сумы, да и пошел со старухой по миру... Вот чертова девка Любка! — неожиданно рассердилась Калюкиха.— И где-то ее каждый вечер носит?

— Дело молодое, пусть гуляет,— снимая сапог, объяснил Матвей.

— Замуж, боюсь, не выскочила бы,— помолчав немного, ответила Калюкиха.

— Ну и пусть выходит. Тебе-то что?

— Жалко,— созналась Калюкиха.— Кабы за хорошего человека, это еще туда-сюда. А то ведь сама атаманка да приведет еще, как это говорится, с черного крыльца веселого молодца! Куда я тогда с ними, с такими, денусь?

— Она девка толковая, — успокоил Матвей. И, раздумав ложиться, он опять обулся.

— Это что и говорить,— согласилась довольная Калюкиха.— Девка — огонь... Умница. На скотном дворе у нас — первая ударница.

Спать Матвею не хотелось никак. Он вышел на улицу и пошел наугад. Кое-где еще в окнах блестели огоньки. Где-то очень далеко играла гармошка. Лаяли собаки. А черное небо сверкало неисчислимым множеством удивительно ясных звезд.

Постепенно непонятное и беспокойное чувство глубже и крепче охватывало Матвея. Он растерянно высморкался, но это не помогло. Тогда он закурил, откашлялся, сплюнул, но и это не помогло тоже.

— С чего бы так? — удивился Матвей и, внимательно осматриваясь по сторонам, пошел дальше.

У пригорка, где чернели две корявые березы, он остановился. Гармоника играла тише. Собаки лаяли глуше. И только небо горело звездами все так же ярко.

Только тут Матвей вспомнил, что много лет назад так же вот, при звездах, но и при винтовке, настороженно оглядываясь, шел он в разведку по чужому, незнакомому селу.

«Черт те что! А ведь долго просидел я в городе,—

понял Матвей.— А в городе из-за фонарей звезды плохо видны».

Он зашагал дальше. Беспокойство прошло, но что-то осталось. И через минуту Матвей уже думал о том, что завтра же надо поговорить с председателем колхоза, который, с тех пор как сдохла у него корова, не то ослеп, не то сдурел, а только плохо что-то смотрит он по сторонам.

Когда Кирюшка продрал глаза, то увидел, что на столе лежит картофельная лепешка, коровий студень и печеная репа. Все это очень понравилось Кирюшке.

Поэтому он быстренько оделся, умылся и сел на лавку. Тут в окошко стукнула какая-то баба. Калюкиха отворила фортку. Что-то ей там сказали, и Калюкиха, накинув платок, кликнула Кирюшке, чтобы он подождал Любку, а сама пошла к соседке.

И это Кирюшке понравилось еще больше.

Для начала он решил съесть лепешку, потом репу, а самый вкусный студень оставить напоследок.

Он сидел перед столом, спиной к двери, и уже доканчивал лепешку, как в сенях послышались шаги.

«Любка идет»,— подумал Кирюшка.

Он торопливо проглотил последний кусок и решил, перескочив через репу, приняться сразу же за студень, так как знал, что эта Любка и сама поесть не дура.

Он потянулся к миске, выбирая кусок получше. Выбрал, торопливо поддел ножом и потащил. Но трясущийся кусок, как нарочно, хлюпко шлепнулся на середину стола. Кирюшка виновато улыбнулся и увидел, что никакой Любки нет, а прямо у порога стоит и смотрит на него Фигуран.

И это уж совсем не понравилось Кирюшке.

— Тебе чего? — грозно крикнул испугавшийся

Кирюшка, вообразив, что Фигуран нарочно прятался всю ночь в саду, поджидая, пока он, Кирюшка, останется один.

— Деньги подавай,— спокойно ответил Фигуран.

— Какие деньги? — с дрожью переспросил Кирюшка, решив, что этот проклятый Фигуран уже как-то успел разузнать про ту самую пятерку, которую подарила Кирюшке на дорогу мать.

— Четыре с полтиной за сапоги, вот какие,— невозмутимо продолжал Фигуран.— А то дед пьяный лежит: скажи, говорит, коли тебе не отдадут, то сам приду.

— Нет хозяев,— важно ответил успокоенный Кирюшка и потянулся к упавшему куску студня.

— А коли не ты хозяин, так зачем же орешь? «Чего тебе да чего?» Ладно, я подожду,— добавил Фигуран и сел за стол напротив Кирюшки.

Кирюшка отложил студень и молча принялся за репу. Фигуран тоже замолчал, и занятому едой Кирюшке было заметно, с каким аппетитом посматривал Фигуран на богатый Кирюшкин завтрак.

Вдруг Фигуран облокотился на стол и, глядя куда-то вкось, на вешалку, что ли, равнодушно сказал:

— А здорово ты тогда палкой Степашку свистнул. Уж он выл, выл! Да еще отец ему тычка дал. Вы, говорит, разбойники, все окна мне булыжниками повышибаете.

Кусок студня так и задрожал в Кирюшкиной руке. Недоверчиво, но радостно посмотрел он на Фигурана. Не врет ли? Но, по-видимому, Фигуран не врал.

— Так это... это разве был Степашка? — взволнованно и почти заискивающе спросил Кирюшка у Фигурана, который вдруг показался ему очень хорошим человеком на этом свете.

— А то кто же? — все так же бесстрастно продол-

жал Фигуран, лениво поднимая со стола кусочек студня и рассеянно запихивая его в рот.— Он самый и был. Он в тебя глиной — раз, раз... а ты как свистнул палкой, так прямо ему по шее. Сам приходил, жаловался: «Ох, говорит, и здорово!..» — Фигуран улыбнулся, подобрал еще крошку и насмешливо посоветовал: — А ты его не бойся. Он и сам тебя боится.

— Я и не боюсь,— твердо ответил Кирюшка. И, запнувшись, он предложил: — Если хочешь, ты тоже ешь студень. Мы немножко сами поедим, немножко и Любке оставим.

— И то разве съесть? — согласился Фигуран и жадно хапнул кусок пожирней и побольше.

Но Кирюшке теперь было все равно. Гордый своей неожиданной победой над Степашкой, он подобрел, заулыбался и охотно рассказал Фигурану почти всю свою жизнь.

Рассказывал он горячо, но бестолково. То про отца, то про собаку Жарьку, то про свой огромный завод, то про таинственный темный планетарий, где послушно движутся луна, солнце, кометы и звезды. Потом научил Фигурана, как можно пробраться без билета в кино. Потом рассказал про грозный октябрьский парад, где скакала на конях, гудела на аэропланах и гремела танками могучая Красная Армия. А кстати похвалился и тем, что видел он однажды настоящего, живого Ворошилова. И хотя тут Кирюшка приврал немного, потому что видел он Буденного, однако это уже не так важно, потому что Буденный хотя и не Ворошилов, но все равно... Пусть только попробуют нас тронуть! Он тогда — и Буденный им тоже... Ого-го!

— Студень-то мы весь сожрали,— неожиданно перебил Фигуран.— Вот придет Калюкиха, она теперь задаст.

Раскрасневшийся Кирюшка замолчал. Действительно, ни лепешки, ни репы, ни студня на столе не было. Он смутился, почувствовал, что нечаянно получилось оно как-то не так. Но горевать было уже поздно. Он сдвинул брови, подумал и вполголоса предложил:

— А ты беги пока, Фигуран, будто ты еще не приходил. А я крошки на пол покидаю и сам пойду на двор играть. Она придет, а я скажу: «Не знаю... Должно быть, это ваша кошка сожрала».

— Кошки такой студень не жрут. Собака — та еще сожрет, а кошкам он ни к чему.

— Вкусный ведь,— недоверчиво возразил Кирюшка.— Там и кожа и мясо.

— Там перцу напихано, чесноку да луку. Разве же это кошачье? Ты уж лучше сиди и не ври... А вон и Калюкиха идет.

Но, к счастью, Калюкиха была чем-то расстроена. Она сердито сунула Фигурану четыре с полтиной, схватила ведро и вышла во двор.

Воспользовавшись этим, Кирюшка кое-как накинул пальтишко и вслед за Фигураном выскочил на улицу. Здесь они оба остановились.

Теперь оставалось или идти вместе, или расставаться. Кирюшке хотелось вместе. Фигуран молчал.

Кирюшка сунул в карман руку и нащупал там два куска сахару. Он положил сахар на ладонь и протянул Фигурану, чтобы тот выбрал сам.

Не раздумывая, Фигуран схватил кусок побольше, сунул его за щеку и нахмурился.

— Ты добрый, только ты дурак! — сердито пробормотал он. И не успел еще Кирюшка обидеться, как Фигуран решительно дернул его за рукав: — Пойдем. Я только забегу, деду деньги отдам. А там прихватим

еще кого-нибудь и айда в Чарабаевскую рощу — на льдинах кататься.

Кривыми уличками, через чужие дворы, через разгороженные сады они быстро добежали до того самого домика, возле которого очутился Кирюшка после ночного боя.

— Подожди,— приказал Фигуран.— Я скоренько.

Кирюшка остановился. Теперь он увидел, что изба эта вовсе не такая маленькая, какой показалась ему ночью. Изба была узкая, но длинная, перегороженная на две половины. Окна второй половины были наглухо забиты, а дверь, выходившая к саду, крест-накрест заколочена трухлявыми досками.

Кирюшка постоял, посмотрел на голубей, которые суетливо ворковали у края проломанной крыши. Поймал черную муху, выползшую погреться на солнце. Подразнил прутиком толстого гуся, который важно шел вперевалку, как какой-нибудь генерал или царь, а Фигурана все не было.

«И чего копается?» — нетерпеливо подумал Кирюшка.

Он зашел во двор и заглянул в окошко. И тут он увидел вот что: опять, как и в прошлый раз, лежал на кровати могучий пьяный старик. У изголовья стояла табуретка. На табуретке — стопка, пустая бутылка и огрызок огурца.

Вдруг дверь из сеней отворилась, и очень осторожно вошел Фигуран. Он нес целый огурец и две бутылки: пустую и почти полную. Потихоньку поставил Фигуран на табуретку пустую бутылку, положил рядом огурец, потом отлил немного водки из полной бутылки в пустую, откусил кусок огурца и, заткнув пробкой остаток водки, понес ее обратно.

Ничего не понял из всего этого Кирюшка, но ему

показалось, что самое лучшее будет убраться от окошка подальше.

Вскоре выскочил и Фигуран. Молча, но весело махнул он Кирюшке. Опять через мостики, овражки, сады — и ребята остановились перед воротами, за которыми слышалось какое-то похлопыванье.

— Погоди! — сказал Фигуран и приткнулся глазом к щелке.— Ага!.. Тут он. Ну ладно!..

Лицо Фигурана сразу сделалось серьезным... пожалуй, даже торжественным Он выставил ногу вперед, поднял голову и громко запел:

Степашка, Степашка,
  проклятый человек!..
Степашка, Степашка,
  проклятый человек!

Хлопанье во дворе сразу прекратилось. Фигуран замолчал тоже. Кирюшка двинулся было посмотреть в щелку, но Фигуран потихоньку оттолкнул его за уступ.

Во дворе опять захлопали.

— Степашка, Степашка, проклятый человек!—снова громко и торжественно запел Фигуран.

— Ну, что тебе? — послышался из-за ворот жалобный и негодующий отклик.

Фигуран молчал.

— Ну, что тебе? — завопил из-за ворот тот же голос. И кто-то быстро побежал к калитке.

— Чего дома сидишь? Выдь на минуту,— позвал Фигуран.

За воротами помолчали.

— Выдь, говорю, на минуту. Дело есть.

— Да!.. А ты опять чего-нибудь...

— Чего опять? Чего, чего?.. «Чего-нибудь»! — передразнил Фигуран.— Выдь, говорю. На бугре ребята

дожидаются. Айда в Чарабаевскую рощу — на льдинах кататься.

— Я бы пошел,— высовываясь из калитки, заныл Степашка,— да меня мать перины выбивать заставила.

— А ты залетай в избу да и заори: «Маманька, маманька, я уже все выбил, больше не выбивается». Да что с тобой разговаривать? Не хочешь, и без тебя пойдем.

Но Степашка никуда не стал залетать. Он кинулся во двор, схватил висевшее у крыльца пальтишко, прошмыгнул под окошком, выскочил на улицу и прямо столкнулся с Кирюшкой.

— Стойте! — грозно приказал Фигуран.— Нынче драки не будет. Нынче будет игра.

Кирюшка посмотрел на Степашку, Степашка на Кирюшку, и оба нахмурились.

Но так как Фигуран уже тронулся, то раздумывать было некогда. И оба они, суровые, непреклонные, гордо понеслись рысью в гору.

По пути встретили какого-то длинноносого Саньку, потом толстого Павлушку, потом еще сразу трех, потом еще сразу четырех. И целой ватагой пронеслись в поле.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Очень звонко трепетали в небе первые жаворонки.

Очень ярко сияло весеннее солнце.

И очень смело ринулся отряд ребят туда, где синела Чарабаевская роща, на тенистых прудах которой тихо плавали еще не растопленные солнцем, тяжелые голубые льдины.

Выбравшись к берегу, разделились на четыре флотских экипажа.

— Командовать буду я,— предупредил длинноносый Санька, подтягивая шестом громоздкую и неуклюжую льдину.— У вас — как хотите, а у меня—ледокол «Красин». А ну, матросы, запрыгивай на ледокол.

Матросы запрыгнули, но Фигуран обиделся.

— Почему— ты? Разве ты выдумал? Плевал я на твою команду!

— Я буду командовать,— строго повторил здоровенный Санька.— Уж не ты ли? Подумаешь, какой командир выискался.

Санька согнулся и, закинув голову, опустил руки, передразнивая горбатого Фигурана. Ребята засмеялись.

— Ладно, командуй,— пробормотал Фигуран и, кликнув Кирюшку со Степашкой, повел их вдоль берега.

Вслед за первой отчалила вторая льдина, потом третья, которая прихватила короткое бревно вместо мины. И давно уже вся эскадра ушла на средину пруда, а Фигуран со своим экипажем все еще возился у берега. Они выбрали совсем небольшую льдинку с высоким острым носом и раздобыли рваный рогожный парус.

— Мала очень,— замялся было осторожный Степашка.— У них вон какие махины... а у нас что?

— Стой да помалкивай! — огрызнулся Фигуран.— У них колоды, а у нас крейсер.

— Стой да помалкивай,—поддакнул догадавшийся Кирюшка и кинулся за Фигураном подбирать комья, чурки и палки.— Громить будем? — тихо спросил Кирюшка.— Так им и надо. Не они придумали.

Быстро и дружелюбно глянул Фигуран на взволнованного Кирюшку и молча кивнул головой.

Притащили на берег целую груду всякой всячины. Оттолкнулись от берега, растянули по ветру рогожный

парус, и легкий голубой крейсер быстро помчался догонять не подозревавшую измены эскадру.

— Что так долго? — повелительно окликнул Санька.— Не лезьте вперед, идите в хвосте, самыми последними.

Фигуран молча выпрямился, ловко метнул чурку и угодил Саньке прямо в живот. Санька взвыл, заскакал, но снарядов ни у него, ни у других кораблей не было.

Дважды с трех сторон окружала эскадра восставший крейсер. Но, подгоняемый ветром, легкий, увертливый, он прорывался через кольцо, не переставая беспощадно громить неприятеля.

На третий раз крейсер едва не погиб. Только что бледный, запыхавшийся артиллерист Кирюшка метко бабахнул по капитанскому мостику, как вдруг шест из рук Степашки выскользнул. И крейсер, неловко закружившись, застопорил на месте.

— Мина! — отчаянно заорал Кирюшка.— Берегись, мина!

Но было уже поздно. Пока Степашка перехватывал шест, пока отталкивался, тяжелое, чуть виднеющееся над водой бревно ударило о левый борт. Крейсер накренился, и вся команда полетела на палубу.

— Бей из всех батарей! — закричал Фигуран и, схватив тяжелую палку, грохнул по опасному миноносцу.

Но это получалась уже не игра. Палка треснула Павлушку по затылку и сбила его фуражку в воду. В ответ с миноносца метнулся тяжелый шест и едва не сшиб Кирюшку за борт.

— Упадем! — захныкал Степашка.— Теперь поймают, крепко бить будут.

— Пусть сначала поймают,— буркнул Фигуран.—

Натягивай парус. Стой, Кирюшка, и чуть что — бей остальными комьями.

Крейсер вздрогнул и под озлобленные выкрики преследователей быстро понесся в ту сторону, где виднелось устье неширокого канала.

— Уйдем,— подбадривал Фигуран.— Пойдем по каналу, завернем на круглый пруд, оттуда — к мостику. Когда еще они туда дотяпают!

И чтобы показать, что он нисколько не боится, Фигуран поднял шапку на шест и, гримасничая, подпрыгивая, громко заорал тут же сочиненную песню:

Санька жулик, Санька вор,
Санька курицу упер...
Это было в прошлом годе
На колхозном огороде!..

— Ловко я его? Ишь, как ругается. Так тебе и надо, куриный обжора! — громко заорал Фигуран.— Я еще не про такие твои дела спою.

Однако положение крейсера оказалось совсем неважным. Едва вошли в канал, как на пути появился плавучий лед. Пока лед попадался редко, кое-как еще маневрировали. Но когда завернули вправо, то сразу очутились посреди густого ледяного поля. А тут еще крейсер, уже поврежденный ударом мины, при первом же толчке содрогнулся, и поперек палубы протянулась угрожающая трещина.

— Пробиваемся к берегу! — скомандовал Фигуран.— А ну, нажимай, Степашка.

— Бить будут,— захныкал покрасневший от натуги Степашка.— Говорил — игра, а сам — по башке палкой.

Кирюшка молчал. Все еще не опомнился он от боевой горячки, все еще булькала перед ним вода, хлопал

рогожный парус и обжигали лицо брызги холодной сверкающей воды.

Уже у самой земли льдина треснула пополам, и Степашка, неловко поскользнувшись, провалился по пояс в воду. Кое-как вытащили его на берег.

И было самое время. Уже догадавшись о том, что крейсер попал в беду, с шумом и грохотом вынеслись из-за поворота преследователи.

Слева — вода, справа—кустарник и залитые водой ямы: увильнуть было некуда. Окоченевший, мокрый Степашка в тяжелых, разбухших сапогах бежал медленно и жалобно вопил, чтобы его не бросали.

— Не ори, дурак! Не бросим! — зашипел Фигуран и, обернувшись, увидел, что долговязый Санька уже мчится вдоль берега впереди своей разъяренной команды.— Сюда! — напрягая последние силы, крикнул Фигуран и полез напролом через ямы, через обломки и груды мусора туда, где стояла посреди развалин заколоченная церковь Чарабаевского имения.— Сюда! — раздвигая сухой кустарник, показал Фигуран.

Они остановились перед узким решетчатым окошком почти у самой земли. Фигуран распахнул ржавую решетку и спрыгнул. Вслед за ним — Кирюшка и Степашка. Задвинули изнутри засов и по маленькой лесенке пробрались внутрь холодной, полутемной церкви.

— Пускай поищут,— сказал измученный Фигуран.— Не хнычь, Степашка. Скинь сапоги, выплесни воду.

Кирюшка сел на перевернутый ящик. Высоко, под куполом, пробиваясь сквозь разбитое окошко, блестели острые яркие лучи и озаряли пышную бороду седого и грозного старика. Рядом со стариком были нарисованы маленькие люди без ног и без живота, а только

с головами да с крыльями. И Кирюшка сразу же догадался, что старик — это и есть самый главный поповский бог, а крылатые головы — это его ангелы.

С любопытством рассматривал Кирюшка яркие облупившиеся стены, позолоченные деревянные ворота и великое множество всяческих икон и картин.

На одной картине был изображен закутанный в простыню тощий черноволосый дяденька, который по длинной, как пожарная, лестнице проворно забирался на самое небо. На другой — какой-то генерал, а может быть, и царь, стоял перед святой девицей. И надо думать, что девица эта крепко ругала и царя и его гостей, потому что один гость становился уже на колени, а другой так и обалдел, разинув рот и сжимая в руке жареную гусиную ногу.

Потом он увидел картину, где святого старца запихивали головой в печку. И еще картину, где кого-то стегают плетьми. И еще и еще разные забавные священные картины со святыми, с палачами, с ангелами и с хвостатыми и зубатыми зверьми.

— А где же черт? — заинтересовался Кирюшка.

Однако черт, вероятно, спрятан был где-либо в темном месте, и на глаза Кирюшке он не попадался.

Тогда Кирюшка спросил об этом у Степашки. Но Степашке сейчас было не до черта. Мокрый до пояса, грязный, продрогший, он никак не мог натянуть разбухшие сапоги.

Слышно было, как снаружи взбешенная Санькина команда старательно обыскивает кусты и закоулки вокруг церкви.

— Вот дурак!—рассердился Фигуран.—Мы на берег, а он — хлоп в воду! И что ты за несчастный человек, Степашка! То тебе палкой по шее, то в воду, то прошлой осенью голым местом в крапиву сел... А ты

что рот разинул? — накинулся он на Кирюшку.— Костер разводить надо.

— А спички?

— Есть у меня спички. А щепок на полу сколько хочешь.

— А Санька?

— Плевали мы на Саньку. Что он, решетку вырвет, что ли?

— А сторож?

— Какой сторож?

— Ну, черный такой, бородатый, с дубинкой.

— Какой еще с дубинкой? Тут никакого сторожа нет. Ангелов ему сторожить, что ли?

Наломали трухлявых досок, натащили раскрашенных деревяшек, положили на каменную плиту и подожгли. Тысячами огоньков заискрилось и отразилось пламя на узорчатой позолоте разноцветной люстры, на посеребренных иконостасах, на подсвечниках и на пыльных стеклышках разноцветных лампадок.

— Снимай штаны и залезай на ящик! — скомандовал Фигуран.— Выжми да к огню — разом просохнут. Ну, что ты глаза выпучил?

— Да-а!.. А как же я без штанов? — покосившись на образа, завопил опечаленный Степашка.— Разве же здесь баня?.. Тут церква...

Фигуран плюнул.

— А что тебе церковь? — возмутился Кирюшка.— Бога нет. Святые — обманщики. Попы — жулики. У нас на заводе — в церкви кино, а на колокольне — прожектор.

— Да ведь то кино... а то штаны скидывать,— засомневался Степашка.— Ну я скину, а в чем же? Так, что ли, голый?

— В мое пальто завернешься,— позволил Кирюш-

ка.— А мне и так возле огня тепло... В бога только глупые верят. Да которых попы обманули,— усаживаясь рядом со Степашкой, продолжал Кирюшка.— Ну-ка, скажи, если бы был бог, разве позволил бы он советскую власть? Он грохнул бы молнией, да громом, да ветром затряс бы землю. Так бы все и повалилось. А то ничего не валится.

— А учитель рассказывал, что где-то на Кавказе один раз земля дрогнула и что-то там повалилось.

Кирюшка насупился:

— Так это что? Ну, дом какой-нибудь повалился, заборы. Так на их месте новые еще могут построить. Это просто землетрясение. А советскую власть все равно никогда не стрясет.

— А у нас к одной бабке пришел монах, попросил милостыню, а баба его тронула,— не унимался Степашка.— Вот он обернулся и говорит: «Баба, баба, не будет тебе теперь житья от бога!» И что ты думаешь? Прошло года три или четыре. Она уже совсем и позабыла. Пошла баба на свадьбу. Песни пела, с мужиками плясала. Одного только вина почти целый литр выпила. А ночью схватило у нее живот, да на другой день и померла. Вот он ей как правильно предсказал!

Но тут же Кирюшка совсем рассердился. Он облизал губы и сунул Степашке фигу:

— Вот еще предсказатель!.. Кабы она сразу грохнулась, а то через четыре года... Этак и я тебе сколько хочешь давай предскажу.

— А ну, предскажи,— ухмыльнулся Степашка.

— И предскажу. Все в точку. Ну вот... Вернешься ты сегодня домой, а мать увидит мокрое пальто да взбучку задаст. Не правда, что ли?

— Может, не заметит,— поеживаясь, возразил Степашка.

— Обязательно заметит,— злорадно продолжал Кирюшка.— Ну вот... придет лето—будешь ты по чужим садам да огородам лазить. Хозяева поймают да крапивой, да крапивой хорошенько. Ну, потом вырастешь, а потом обязательно помрешь. Всё, всё в точности предсказываю! — с азартом закончил Кирюшка.— Об чем хочешь давай спорить, что все так и будет. А ты мне «монах да монах»! У нас из города всяких монахов давно повыгнали. Это вот возле таких дураков, как ты, только им и житья осталось.

Взглянув на Фигурана, Кирюшка замолчал. Фигуран насторожился, приложив ладонь к оттопыренному уху, и показал ребятам кулак.

— Что ты? — шепотом спросил, испугавшись, Степашка и поспешно двинулся к костру за своими штанами.

— Кажись, Санька у решетки возится,— тихо ответил Фигуран.— Пусть попробует, все равно снаружи не отпереть.

Фигуран поднялся и на цыпочках, размахивая длинными руками, пошел к лесенке. Он спустился до половины, постоял и вернулся назад.

— Нет никого,— успокоил он.— Должно быть, кто-то торкнулся и ушел.

— Фигуран,— добродушно спросил Кирюшка,— а если твоя мать выздоровеет, ты все равно у деда будешь жить?

— Какой он мне, к черту, дед! — тихо и злобно ответил Фигуран и отошел прочь.

Ходил он долго, выбирая из рухляди чурки и щепки, а когда вернулся, то сел рядом со Степашкой и неожиданно предложил:

— Давай, брат Степашка, споем военную песню. А если он слов не знает, то пусть подхватывает.

— Да... А в церкви-то...— опять заколебался Степашка.

— Ну, балаболка, заладил: в церкви да в церкви...— И, чтобы подзадорить Степашку, Фигуран похвалил: — Ты, брат Кирилл, не смотри, что он с лица такой, как будто бы его чурбаком по макушке стукнули. А голос-то, голос... соловей-птица. Ну, запеваем! Как за синим лесом гром-гроза...— затянул Фигуран и резко подтолкнул Степашку локтем.

— Командир Буденный красным сказал,— даже неожиданно до чего звонко подхватил Степашка и, сощурив подслеповатые глаза, грозно нахмурился:

— Все ли вы на месте?
Скоро бой.
Тру́сы, с коней слезьте!
Храбрые — за мной!

Хорошая это была песня. Всегда от таких песен смелее шагал и прямее смотрел Кирюшка. А однажды, в первомайский праздник, залез он на высокую стену, чтобы расправить красный флаг. И упал. И больно расшибся. И не плакал.

«Что плакать? Люди не от такого и то не плакали».

Под конец Степашка взял так высоко, что зазвеневшее эхо метнулось к самому куполу и вместе с парой испуганных ласточек стремительно умчалось через солнечный пролет разбитого окошка.

— А ты еще наврал мне, что кулак,— пристыдил Фигурана раскрасневшийся Кирюшка.— Это хорошая песня, советская. А кулак хоть сто лет пой, все равно у него такая не споется.

Внезапно Степашка взвизгнул и, выскользнув из-под пальто, кинулся к своим штанам.

— Черти! — отчаянно завопил он.— «Давай пес-

ню... песню»! А на заду углем вон какую дыру прожгло. Теперь уж мать обязательно заметит.

— И что ты за несчастный человек? — опять удивился Фигуран.— И всегда тебе если не в лоб, то по лбу. А ну-ка, надень штаны.

Степашка натянул еще сырые, но уже теплые штаны и повернулся спиной к свету. Действительно, не заметить было трудно. Подштанников на Степке не было, и сквозь дыру очень ясно просвечивало голое тело.

— Гм,— откашлялся Фигуран.— Это действительно...— Он облизал языком губы, приумолк и вдруг придумал: — А мы возьмем да намажем под дырой сажей. Штаны черные, и кожа будет черная. Вот и не заметно. Потом придешь да потихоньку зашьешь. Наскреби-ка, Кирюшка, сажи. Дай я ему сам смажу.

— Да-а! По голому-то! А все ты... «Песню да песню»! А теперь — сажей,— растерянно бормотал Степашка.

— Так оно надежней будет,—успокоил Фигуран.— Ну вот и готово, совсем как у негра. Айда, ребята! Теперь домой можно.

Затоптали костер, и в церкви опять стало темно и холодно.

— Завтра опять соберемся,— предложил Кирюшка,— игру какую-нибудь выдумаем, шайку!

— Завтра мне никак нельзя,— твердо отказался Фигуран.— К завтрему дед проспится, а я еще дратвы да деревянных гвоздей не наготовил.

— И мне нельзя,— добавил Степашка,— завтра в Каштымове ярмарка. Отец с собой взять обещался.

Фигуран остановился. По-видимому, такое Степашкино сообщение отчего-то ему совсем не понравилось.

Он помолчал, потом молодцевато присвистнул:

— Подумаешь, ярмарка! Ну что там интересного,

на ярмарке? Грязища, мужики все на работе, какая там ярмарка — одни семечки! Я лучше завтра скоренько отделаюсь, а потом махнем все втроем к кривому Федору, на рыбалку: он ухой накормит, Кирюшка дома сахару стырит, чаю попьем — интересно...

— Карусель на ярмарке! — возразил заколебавшийся Степашка.

— Нету там никакой карусели, я вчера еще одного каштымовского спрашивал. И карусели нет, и тира нет. Говорю тебе, одни семечки. А не хочешь на рыбалку, так черт с тобой. Мы с Кирюшкой сами сбегаем. Ты только, Кирюшка, стащи побольше сахару, мы там с тобой уху, чаю, а он — пускай за семечками по пузо в грязи шлепает. Сегодня штаны прожег, завтра вовсе сапоги потеряет, а послезавтра пускай ему Санька шею наколотит. Раз он от нашей компании отбивается, значит, и мы за него заступаться не будем.

— Да я не отбиваюсь,— уныло запротестовал Степашка.— Тогда и я тоже на рыбалку.

— Ну, раз тоже, значит, нечего и рассусоливать. Пошли, ребята.

Кирюшка немножко удивился тому, как быстро передумал Фигуран засесть завтра за работу. Однако на рыбалке он никогда еще не был и поэтому остался очень доволен.

Они спустились по лесенке, и Фигуран потянулся к решетке. Он постоял, посмотрел на ржавый засов и что-то пробормотал. Потом он обернулся и недоуменно взглянул на ребят, опять сунулся к решетке, запыхтел, присвистнул и развел руками.

— Ну, что ты? — нетерпеливо крикнул Степашка.— Давай вылазь поскорее.

— Кирюшка,— спросил Фигуран,— я в своем уме или без памяти?

— Н-не знаю... Должно быть, в своем,— не очень уверенно ответил Кирюшка, с удивлением поглядывая на точно обалдевшего Фигурана.

— Когда мы спрыгнули, я засов задвинул?

— Задвинул.

— А ты, Степашка, видал, что я задвинул?

— Да видал же,— уже с дрожью ответил Степашка. И опасливо оглянулся в сторону темного коридорчика, который вел от заколоченного хода прямо за алтарь.

— Ну, так скажите мне, если все видели, что я задвинул, почему же сейчас засов стоит отодвинутый? Кто его трогал: бог ли, черт ли, ангелы?

Не дожидаясь ответа, Степашка распахнул решетку и одним духом вылетел наружу. Поспешно выбрался вслед и встревоженный Кирюшка.

— Бежим скорее! — подскакивая на месте и размахивая кулаками, торопил товарищей Степашка.

Но Фигуран не спешил. Он захлопнул решетку, лег на живот и просунул руку, примеряясь, можно ли внутренний засов отодвинуть снаружи. Оказалось, что нельзя никак. Тогда он поднялся, отряхнул с живота репье, мусор и, подойдя к глупому Степашке, постучал ему пальцем по взмокшему лбу:

— Ты, брат Степашка, не робей. Он верно говорит: и бога нет и черта нет, а чертовщина и от людей случается.

*

К обеду из Каштымова прикатил Калюкин. Он слегка прихрамывал, но под испытующим взглядом Калюкихи молодцевато прошел к столу.

— Это пустяки, мама. Там машина новая. А шофер молодой, глупый, как рванет да чуть не на зубья бороны. Ну, я, конечно, скорей... Ну, она, конечно, меня...

Да что ты, мама, уставилась? У них керосину двадцать тонн не вывезено, а он покрышки прорежет... Любанька! Уважь отцу, истопи баню. Мне завтра с утра опять обратно, а все тело зудит, да и шею я дегтем где-то измазал.

Вошел Матвей. Увидев Калюкина, он улыбнулся:

— Здоро́во, ударник! Ну как, кончили?

— Завтра к вечеру всё кончим. Еще кое-что забрать осталось: фонари, провода, ключи, свечи, магнето... Здоро́во, дедушка Пантелей! Давай заходи! — высовываясь в окно, закричал Калюкин.

Тут он насупился и потянулся свернуть цигарку. Но Калюкиха отодвинула пачку с махоркой и сунула ему ложку.

— Оно, конечно, слов нет, Сулин — человек башковитый. А я с ним не работник,— неожиданно заявил Калюкин.— Характеры у нас разные. Только сегодня каштымовский кладовщик со склада на минуту выскочил, а он мигнул да из ихней кучи связку поршневых колец выхватил, а им из нашей что похуже сунул. Тут вошел кладовщик. Я стою, лицо горит. И ругаться — себя срамить — неохота и совестно. Так я, будто бы у меня живот схватило, повернулся — и за ворота. А потом Сулин моими же словами смеется: «Что взбеленился? Не для себя взяли. Что у них для государства, то и у нас то же». А я ему отвечаю: «Вот именно, что у нас для государства, то и у них то же. А тебе, как и по-старому: только бы свой кусок засеять». Плюнул да и пошел, а рассердился он на меня, видать, крепко.

— Вам хватит,— успокоил дед Пантелей.— Нынче время такое быстрое, богатое. Сегодня нет, а завтра — на́, получай — работай. Трактор у нас первый давно ли прошел? Как загрохотал, моя старуха на

крыльцо выскочила, плюнула, три раза перекрестилась. А теперь их вон сколько. Я это-то сижу, спрашиваю: «Посмотри-ка, Ариша, Васька, что ли, на «фордзоне» поехал?» А она высунулась да и отвечает: «Эх, старый, старый, какой же это «фордзон»? Он на «хетезе» либо на «сетезе» поехал. Видишь, что труба высокая».— Дед Пантелей покачал головой и тихо рассмеялся.

— Сулин у вас раньше председателем был?—спросил Матвей.—Дома у него кто остался? Семья, что ли?

— Никого не осталось. Сын у него на Сахалин уехал. Жена померла. Дом он как раз перед самой коллективизацией продал. Поеду, говорит, Днепрострой строить. А он по кузнечному мастер. Кузница наша раньше костюховской была. А он у него вроде как бы исполу работал. Ссорились. Костюх напьется: «Моя кузница». А Сулин: «Мало что твоя, да я в ней хозяин». Один раз Костюх чуть ему шкворнем башку не просадил. Зато уж потом, когда попал Александр Моисеевич в председатели, так он на Костюха с налогами насел, что Костюх взвыл только. Сразу за сулинского сына дочку свою замуж отдал. А раньше было ни в какую...

Разговор был прерван неожиданным шипеньем и грохотом. С печки слетел деревянный ушат, за ним с жестянкой на хвосте скакнул на спину Матвея ошалелый котенок, а вслед высунулось сконфуженное лицо Кирюшки.

— Все балуешься, дьяволенок! — сбрасывая котенка, крепко выругался Матвей.— Тебя доктор со мной для баловства послал? Тебе сказано, чтобы спокой, а ты — вон что.

Ошалелый от звона жестянки, котенок птицей метнулся на шкаф, не удержался и, зацепив когтями ста-

рые калюкинские штаны, вместе с ними свалился в порожнюю кадку из-под капусты. А покрасневший, как пареный бурак, смущенный и оскорбленный Кирюшка выскочил в сени. Все рассмеялись.

— Вот еще золото! — пробурчал Матвей и позвал Кирюшку.

Кирюшка не откликался.

— Не идет! Как бы реветь не начал,— забеспокоился Матвей.— Кирюшка! Поди сюда. Сейчас вместе в кузню пойдем... — И, как бы оправдываясь, он объяснил: — С ним нельзя строго. Доктор не велел. Да и так жалко мальчишку. Отец у него хороший человек был, свой, рабочий... Пойди сюда, Кирюшка,— уже совсем мягко позвал Матвей.— Вон Калюкин говорит, чтоб я тебя в Каштымово на ярмарку отпустил.

— Врать-то! — после некоторой паузы послышался из-за двери недоверчивый голос.

— Зачем врать? — подтвердил Калюкин.— Я и на самом деле возьму. Утром поедем, к вечеру вернемся. Ярмарка большая. Сегодня видал: карусель налаживают.

Это становилось интересным. Особенно после того, как Фигуран уверял, что никакой карусели не будет.

Кирюшка тихо высунулся из-за двери и, надувшись, не глядя ни на кого, подошел к Матвею.

— Рева! — удерживая его за руку, укоризненно сказал Матвей.— Не в отца пошел. Тот человек был крепкий... камень. Ну, иди.— Отпустив Кирюшку, Матвей повернулся к Калюкину: — Мы с его отцом в германскую в одном полку служили. Так, поверишь ли, окопы, грязь, тоска, голод, холод... Иные совсем обалдели, как скоты. Куда идут? Куда ведут? А он, бывало, хлопнет меня пятерней по плечу — а пятерня здоровая: «Не робей, Матвей! Шагай крепче, а наша правда все

равно наружу выйдет». Смелый был человек. Вот однажды послали нас с ним в соседнюю роту для связи. А погода была темная, грязная... Вдруг окликает нас офицер...

Почувствовав, что кто-то сжимает ему локоть, Матвей обернулся, поперхнулся и почти испуганно замолк.

Побледневший Кирюшка стоял рядом и, широко открыв глаза, с огромной жадностью ловил каждое сказанное слово...

— Да... Гм... Вот идем это мы, значит... Гм!.. А подай-ка мне, друг Калюкин, табачку... закурить... Что-то нынче табак плохой пошел, слабый: куришь, куришь — как солома... О чем это я... Да! Так пускай, Калюкин, он с тобой завтра на ярмарку поедет. Там то да се... Карусель. Беги-ка, Кирюшка, посмотри: кажись, чужая собака во двор забежала... Ду-рак! — выругался Матвей, когда Кирюшка тихо и послушно вышел за дверь.— Нельзя при нем про отца рассказывать. Болеет. Видали, как он глаза-то разинул?.. Хороший у него отец был,— скороговоркой докончил Матвей.— На таких-то людях советская власть строилась.

*

Кирюшка был очень обрадован. Правда, сначала смущал уговор идти завтра на рыбалку. Но он успокоил себя тем, что, во-первых, на рыбалку можно каждый день, а на ярмарку — не каждый. Во-вторых, Степашка и Фигуран бывали, конечно, на ярмарке уже сто раз, а он — еще ни разу.

Ему не терпелось, и он хотел, чтобы ночь пришла поскорее. Тотчас же после обеда он вычистил сапоги. Потом развязал узелок, достал чистую рубаху и раз десять вытаскивал подаренную матерью пятерку.

Калюкиха попросила его купить на ярмарке три иголки, а Любка наказала поискать полметра резиновой тесьмы и взять на почте два конверта.

Гордый оказанным доверием, Кирюшка важно переписал все поручения на листок и деловито сунул его в свой клеенчатый бумажник.

*

Вечером, уже после того как вымылся Калюкин, пришел Матвей и позвал Кирюшку в баню.

После бани, когда Матвей еще одевался, Кирюшка выскочил в сад.

Вечер был тихий, сырой, теплый.

На пригорке мерно поскрипывала старая мельница, и ее распластанные крылья показались Кирюшке лохматыми и такими длинными, будто бы доставали они до самого неба.

«Как в сказке про великанов»,— подумал Кирюшка и покосился на черную гущу кустарника, где что-то хрустнуло, пискнуло и замолкло.

Рядом жалобно свистнула ночная пичужка, и, точно в ответ ей, совсем из другого угла три раза сердито каркнула чем-то потревоженная ворона.

И эта длиннокрылая мельница, и птичий разговор, и черный кустарник, и запах прелых листьев, и наполненная незнакомыми шорохами тишина—все было еще ново, непривычно и даже немного страшновато.

«А что, если бы и на самом деле были черти, ведьмы, разные страшилы? — подумал Кирюшка.— В городе им негде: там светло, трамваи, милиционеры. А здесь темно, тихо».

Он запахнул пальтишко и негромко позвал:

— Дядя Матвей, ты скоро?

Матвей не отвечал.

«А как открылся железный засов... — вспомнил охваченный страхом Кирюшка.— Разве же засовы сами открываются?»

Кирюшка быстро скакнул назад к бане, но тотчас же остановился, потому что под ногами громко треснула сухая ветка.

Вдруг через просвет кустарника он увидел в поле далекие движущиеся огоньки и услышал слабый, но очень знакомый шум.

— Трактора на пашне,— сам не зная почему, обрадовался Кирюшка.— Смотри, какие хорошие! — улыбнувшись, прошептал он.— С фонарями пашут.

И, прислушиваясь к ровному бодрому шуму машин, машин, к которым он привык на заводе с глубокого детства, Кирюшка рассмеялся над своими пустыми и случайными страхами.

— Может быть, это Фигуран нарочно отодвинул, чтобы попугать Степашку. Он, Фигуран, хитрый. Бога нет, черта нет. Степашка трус. А я буду смелый... Как папа... — добавил Кирюшка, вспомнив обрывок из недоконченного Матвеева рассказа.

— Ну! Что кричал? — появляясь из-за кустов, спросил запарившийся и отдувающийся Матвей.

— Так... ничего,— уклонился Кирюшка. Он взял Матвея за руку и, шагая с ним рядом, неожиданно спросил: — А что, дядя Матвей! Ведь скоро у нас всего много будет. И отец мне говорил, что много, много...

— Чего много? — не понял Матвей.

— Ну всего: машин, аэропланов, стратостатов.

— Конечно, все будет. И машины и стратостаты. А главное, чтобы жизнь хорошая была.

— И будет!

— Обязательно будет! — подтвердил Матвей.— Сам видишь, как кругом люди стараются.

И хотя Матвей сказал это так, вообще, но Кирюшка понял его по-своему и обернулся туда, где мерцали далекие огоньки и откуда все ясней и ясней доносился ровный, несмолкающий шум.

Под однотонное ворчанье Калюкихи, которая не переставая поругивала опять запропастившуюся Любку, скоро и тихо заснул раскрасневшийся и усталый Кирюшка.

Поздно уже пришла запыхавшаяся и веселая Любка.

Прежде чем мать успела открыть рот, Любка сама выругала ее и за то, что на ночь не открыла форточку, и за то, что мать развесила в избе стираные калюкинские подштанники.

— Работаем, как люди, а живем, как свиньи,— грубовато упрекнула она.

Сунула руку в карман, выложила перед матерью яблоко, горсть каленых семечек и, захватив с подоконника жестяную коптилку, собралась в баню.

— Керосину долей. Там на донышке. То-то промоталась! Поди-ка, вся баня остыла.

Любка потрясла коптилку: там чуть булькало. Но лезть в чулан за керосином ей не захотелось, она схватила узелок и ушла.

*

Проснулся Кирюшка не сразу. Сначала толстая Калюкиха выскочила в сени. Потом, громко стуча наспех обутыми сапогами, выбежал Матвей, за ним — Калюкин.

Остервенело рванулась спущенная с цепи собака. Босиком заскочила в избу мокроволосая Любка и, накинув Матвеево пальто, умчалась обратно.

— Что же такое! Почему такое! — потирая глаза,

забормотал Кирюшка.— Дядя Матвей! Любка!.. Что же такое?

А случилось вот что.

Еще не успела Любка вымыться, а коптилка уже зачадила и потухла. Кое-как вымывшись, Любка села расчесывать мокрые волосы.

Вскоре наружная дверь скрипнула. В предбаннике чиркнула, но не зажглась спичка, и Любка решила, что это пришла мать и принесла свечку. Только что хотела Любка ее окликнуть, как дверь отворилась и кто-то, тяжело кашлянув, ввалился в мыльную.

Подумав, что это вернулся позабывший что-либо Матвей, Любка окликнула, но в эту же минуту сверкнула и погасла спичка, и при короткой вспышке Любка увидела какого-то совсем чужого человека.

Тогда, не растерявшись, Любка схватила попавшуюся под руку кочергу и со всей силой ударила перед собой.

Послышался крик, и, опрокинув кадку со щелоком, ночной гость выскочил в сад.

А Любка, высадив кочергой окошко, заорала так громко, что ее сразу услышали и Калюкиха и Матвей, а за ними и сам Калюкин.

Когда все вернулись домой и мало-мальски успокоились, то стали гадать, что бы это все могло значить.

— И какого черта носит в потемках,— тяжело дышала и охала Калюкиха.— Недавно собака ночью так и рвалась в саду. Говорила я тебе, Семен, сделать замок к коровнику. А ты... ладно да ладно... Сведут корову, будешь тогда помнить.

— Так разве-то Любка корова? — оправдывался Калюкин.— Разве же в баню за коровами лезут?

Опять прикидывали и так и этак. Наконец порешили, что это схулиганил кто-либо из парней. Благо в

этот день был праздник и кое-где ребята крепко подвыпили.

— И здорово ты ему кочергой съездила? — заинтересовался Кирюшка.

— Уж попомнит! — злорадно ответила Любка.— Не знаю только, по плечу или по голове ему стукнула. А кочерга тяжелая.

Вскоре улеглись и потушили свет. Кирюшка уже спал, когда на постель к нему тихонечко запрыгнул котенок. Кирюшка втащил его под одеяло, положил около шеи и погладил. Котенок ласково замурлыкал. Тут они оба помирились за утреннее и крепко уснули.

*

В Каштымове Калюкин и Кирюшка заехали в «Дом колхозника» и здесь, в столовой, встретили Сулина, который пил чай.

Он был весел. Дал Кирюшке мятный пряник. Спросил про Матвея и предложил, чтобы Кирюшка обратно поехал на его телеге:

— У меня конь быстрый. Приходи часам к трем. Живо докатим.

Тут подошел и затараторил Калюкин. Кирюшка не успел ответить ни да ни нет и решил, что потом будет видно, с кем ехать.

— Значит, к трем часам! — предупредил Калюкин.— А если зачем-нибудь понадоблюсь, то я на базе буду. Вон на горке красный сарай. Там на складе спросишь.

Они ушли, и Кирюшка остался один.

*

Заложив руки в карманы, Кирюшка неторопливо протискивался через ярмарочную толпу. Со столба хрипло и невнятно орало радио. На возах визжали

поросята и гоготали связанные гуси. Взобравшись на сколоченный из фанеры автомобиль, какой-то дяденька громко убеждал покупать билеты Автодора.

Возле карусели уже толпились нетерпеливые ребятишки. Но карусель еще не вертелась, потому что куда-то запропастился музыкант, а без музыки никто не садился.

Сначала Кирюшке было не скучно. Но, прошатавшись с час, он почувствовал, что ему и не очень-то весело.

Он повертелся. Купил в палатке стакан орехов. С трудом осилил целую бутылку клюквенного квасу, остановился и задумался.

Повсюду шныряли ребятишки, они сталкивались, о чем-то советовались, спорили и опять разбегались.

И только Кирюшка стоял один, никому не нужный и не знакомый.

Он подошел к добродушному парнишке, который, сидя возле телеги, караулил мерку картофеля и оранжевого петуха, хотел заговорить и предложить орехов. Но паренек этот, очевидно, заподозрил в Кирюшке жулика и так сердито насупился, что глубоко оскорбленный Кирюшка поспешно отошел прочь.

Тогда, вспомнив о своих поручениях, Кирюшка решил разыскать для Любки полметра тесемки, а Калюкихе иголки.

Но, к великому огорчению, разыскивать не пришлось.

Тесьмы во всех палатках было сколько угодно, иголок — тоже.

«Плохо, когда один — и нет никого. То ли дело с товарищами»,— размышлял Кирюшка.

С досады он выпил через силу еще стакан морсу и лениво побрел покупать марку.

На почте была толкучка. Кирюшка стал в очередь и вдруг увидел Фигурана. Кирюшка до того растерялся, что выронил из рук двугривенный, и монета исчезла где-то среди чужих калош, ботинок, лаптей и сапог.

Фигуран сидел к Кирюшке спиной и, склонившись над столом, что-то писал.

Лукаво улыбнувшись, немножко рассерженный на обманщика, но больше обрадованный, Кирюшка заглянул через плечо и увидел, что Фигуран надписывает почтовый перевод на двадцать пять рублей.

Почуяв за собой постороннего, Фигуран обернулся, сдернул переводной бланк и взглянул на Кирюшку с такой злобой, будто бы Кирюшка был вор, негодяй, жулик, а не товарищ.

— Ты что? Тебе что тут?

— А ты что? — обозлился Кирюшка.— Сам на рыбалку звал, а сам сюда. Карусели, сказал, нет, а карусель есть. Сам ты жулик и врун.

— А ты кто? Ты тоже врун,— рассмеялся Фигуран.— Выходит, что один Степашка — честный человек. Попер, дурак, на рыбалку. Ты думаешь, это я на тебя крикнул,— уже дружелюбней объяснил Фигуран.— Я слышу, кто-то сзади подкрался... Может быть, и правда жулик. Ты зачем пришел? За маркой? Стало быть, в очередь, а я скоренько. Это дед одному человеку в Тулу посылает. А потом побежим на ярмарку... У тебя деньги есть?.. Хорошо! И у меня трешница. То-то будет весело!

Не очень-то поверил про деда Кирюшка, так как успел он разглядеть на бланке, что не в Тулу вовсе, а в Моршанск. Но до этого ему не было дела: хоть в Америку! И обрадованный тем, что ссориться не из-за чего, он проворно затесался в очередь.

Вдвоем оказалось куда веселее.

А тут еще, пробираясь мимо возов овощного ряда, они наткнулись на Степашку.

Этот проклятый врунишка Степашка тоже, вместо того чтобы быть на рыбалке, сидя на возу, посматривал вниз так гордо, как будто бы сидел он не возле кадки с капустой и солеными огурцами, а охранял несметные и невиданные сокровища.

Через минуту, подскакивая и задирая встречных мальчишек, три друга мчались к карусели, откуда уже доносились шумный звон бубна и веселая музыка.

Плохо ли троим мальчуганам в солнечный день вдали от дома, на бойкой ярмарке!

Под гром буденовского марша лихо понеслись они на крутогривых конях.

Горбатый Фигуран, подбоченясь, сидел орлом — ну прямо герой Котовский! С Кирюшки слетела на скаку шапка. А вообразивший себя казаком-джигитом Степашка вертелся в седле, как будто его посадили на горячую плиту.

Потом сбегали в тир.

Дважды убил Кирюшка толстомордого генерала. Крепко расправился Степашка с хищным тигром. И наконец метко бабахнул Фигуран по самому главному буржую — и свесил буржуй гнусную голову на свои набитые золотом мешки.

Потом захотелось есть, и они прошли в столовую. Как заправские гуляки, они заняли с краю отдельный столик, заказали на троих тарелку щей, шесть стаканов чаю и бутылку сладкого шипучего лимонаду.

Сидели долго. Уже несколько раз обертывался Кирюшка: «Не пора ли?» Но часы на глаза не попадались, а тут еще пришли слепые баянисты. И хорошо, что турнул ребятишек официант, чтобы они зря не занимали столик.

Расторговавшийся Степашкин дяденька уже нетерпеливо поджидал запропастившегося племянника. Ярмарка быстро пустела.

— Поедем с нами,— предложил Фигурану Кирюшка.— Калюкин добрый: он и тебя подсадит.

Они побежали в гору, но на базе им сказали, что Калюкин уже уехал.

Кирюшка спросил:

— Сколько времени?

Оказалось, что уже половина четвертого; как же так уже половина четвертого, когда еще совсем недавно было утро?

Помчались к «Дому колхозника», но там узнали, что и Сулин тоже только что уехал.

Кирюшка пал духом. Конечно, Калюкин решил, что Кирюшка поехал с Сулиным. А не дождавшийся Сулин понадеялся, что Кирюшка с Калюкиным.

— Айда! — предложил Фигуран.— Мы догоним.

— Пешком-то?

— Пешком догоним. Они по тракту, а мы возьмем по тропке, прямо через кладбище, через овраг. Нам версты три, а им верст восемь. Как раз поспеем. Еще дожидаться придется.

Через полчаса ребята поднялись на бугор. Дорога в Малаховку пролегала вдоль опушки. Но, насколько хватало глаза, ни позади, ни впереди подвод не было.

— Говорил я тебе, дожидаться придется,— сказал Фигуран и лег на охапку теплой сухой травы.

— А может быть, уже проспали?

— Садись. Никуда не проспали. На автомобилях, что ли?

Фигуран лежал и, чуть улыбаясь, смотрел в небо, как будто бы видел там что-то интересное.

Кирюшка тоже задрал голову, но ничего, кроме голубого, на небе не увидел.

— Ты чего, Фигуран?

— Что — чего? Ничего!

— Ну, ничего,— а все-таки?

Фигуран повернулся на бок и спросил:

— А что, Кирюшка, если бы ты был богатым, что бы ты сделал?

— Я бы не был богатым,— отказался Кирюшка.— На что мне богатство? Я и так работать буду.

— А я вот не могу работать. Какой из горбатого работник? Если бы я был правителем, я бы всех горбатых велел утопить. Какой с них толк: ни землю пахать, ни на аэроплане летать, ни в Красную Армию... Человек должен быть прямой, а не скрюченный... Обязательно всех, всех велел бы в речку покидать! — уже со злобой докончил Фигуран и пристально посмотрел в глаза Кирюшке.

— Тебя бы в сумасшедший дом посадили,— убежденно ответил Кирюшка.— У нас на заводе тоже был один истопник, так он разделся голый, залез в бочонок с мазутом и поёт, поёт. Взяли его тогда и посадили.

— Дурак ты! — и рассердился и рассмеялся Фигуран.— Ему про одно, а он про... бочку.

— Ничего не дурак,— спокойно ответил Кирюшка и еще убежденнее заговорил: — А вот у нас на заводе Шамари — техник, тоже горбатый, а ему пятьсот рублей премии дали, орден да в парке статую с него слепили. Так прямо горбатого и поставили. Как живой... смеется. Он американский станок в слесарном поставил; никто не смог, а он смог. Что же, значит, по-твоему, и его утопить?.. Это пусть лучше буржуи тонут или лодыри, а рабочему человеку зачем? Он горбатый, а у него дочка не горбатая... Валька. У нас есть безрукий

один — буденовец, и все его уважают: и директор и Бутаков. Это у буржуев так: им не жалко. На что им такой, когда у них здоровенные не жравши ходят. Я все читал. У меня в школе за всю зиму ни одного неуда не было, и только раз из класса за дверь выставили. Да и то понапрасну. Он думал, что я Мишке Мешкову на затылок плюнул, но это вовсе не я, а Ванька Хомяков. А я только сидел сзади, подтолкнул и говорю: «Посмотри-ка, Мишка, у тебя на затылке плюнуто».

Все это Кирюшка выпалил с азартом и, сам очень довольный, горделиво глянул на Фигурана.

Оттого ли, что было так солнечно и тихо, что почти торжественно звенели невидимые, будто прозрачные, жаворонки, что пахло на земле первой травой, смолистыми почками, теплой весной, Фигуран вдруг как-то размягчился.

Сбежала прочь постоянно недоверчивая усмешка, и он улыбнулся просто, как все люди.

— Учиться нужно,— сказал Фигуран.— Я сам знаю. Мать у меня — прачка в Моршанске. Хорошо мы жили. Она да я — двое. Потом спину зашибло — давно в больнице лежит, второй год. Теперь пишет: скоро выздоровеет. Уйду я скоро отсюда, Кирюшка,— сознался Фигуран.— Обворую деда и уйду.

— Разве же можно обворовывать? — смутился Кирюшка.— Вот у Калюкина из амбара два мешка стянули... это разве хорошо?

— Сравнил попа с кобылой! — грубо ответил оскорбленный Фигуран.— Белобандит я, что ли: то амбар, а то дед. Все равно он мне ничего за работу не платит.— Фигуран отвернулся.

Внимание их теперь было привлечено вышедшим из лесу одиноким человеком. Человек стоял далеко, и разглядеть его было трудно.

Вдали, на горке, показалась трусившая рысцой подвода. Человек отошел в сторону и сел за кустом на пенек.

— Сулин едет! — воскликнул Кирюшка.— Это его лошадь белая. Побежим навстречу.

— На что? Сам подъедет. Давай ляжем, будто бы нас и нет вовсе.

Подвода приближалась. Вон проехала она через мосток, миновала разбитую березу, поравнялась с кустом и сразу остановилась перед заграждавшим ей дорогу человеком.

Видно было, как Сулин соскочил с телеги и развел руками. О чем-то они долго разговаривали, и, как показалось Кирюшке, Сулин ругался.

На горизонте показалась вторая подвода. Сулин оглянулся, оттолкнул незнакомца и вскочил на телегу.

Человек что-то крикнул, погрозив Сулину кулаком. Сулин опять прыгнул и, схватив коня под уздцы, круто свернул в лес.

Озадаченные ребята переглянулись и, выскочивши из засады, помчались вдогонку.

1934

Конец второй части

БУМБАРАШ

Повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ[1]

БУМБАРАШ солдатом воевал в Галиции и попал в плен. Вскоре война окончилась. Пленных разменяли, и поехал Бумбараш домой, в Россию. На десятые сутки, сидя на крыше товарного вагона, весело подкатил Бумбараш к родному краю.

Не был Бумбараш дома три года и теперь возвращался с подарками. Вез он полпуда сахару, три пачки светлого офицерского табаку и четыре новых полотнища от зеленой солдатской палатки.

---

[1] В оригинале рукописи этого подзаголовка нет. Редакция его ставит, так как далее встречается «часть вторая».

Слез Бумбараш на знакомой станции. Кругом шум, гам, болтаются флаги.

Бродят солдаты. Ведут арестованных матросы. Пыхтит кипятильник. Хрипит из агитбудки облезлый граммофон.

И, стоя на грязном перроне, улыбается какая-то девчонка в кожаной тужурке, с наганом у пояса и с красной повязкой на рукаве.

Мать честная! Гремит революция!

Очутившись на привокзальной площади, похожей теперь на цыганский табор, Бумбараш осмотрелся — нет ли среди всей этой прорвы земляков или знакомых.

Он переходил от костра к костру; заглядывал в шалаши, под груженные всяким барахлом телеги, и наконец за углом кирпичного сарая, возле мусорной ямы, он натолкнулся на старую дуру — нищенку Бабуниху.

Бабуниха сидела на груде битых кирпичей. В руках она держала кусок колбасы, на коленях у нее лежал большой ломоть белого хлеба.

«Эге! — подумал изголодавшийся Бумбараш.— Если здесь нищим подают колбасою, то жизнь у вас, вижу, не совсем плохая».

— Здравствуйте, бабуня,— сказал Бумбараш.— Дай бог на здоровье доброго аппетиту! Что же вы глаза выпучили, или не признаете?

— Семен Бумбараш,— равнодушно ответила старуха.— Говорили — убит, ан живой. Что везешь? Подай, Семен, Христа ради... — И старуха протянула заграбастую руку к его сумке.

— Бог подаст,— отодвигая сумку, ответил Бумбараш.— Нету там ничего, бабуня. Сами знаете... что у солдата? Ремень, бритва, шило да мыло. Вы мне скажите, брат Василий жив ли?.. Здоров? Курнаковы как?.. Иван, Яков?.. Варвара как? Ну, Варька... Гордеева?

— А не подашь, так и бог с тобой,— все так же равнодушно ответила старуха.— Брат твой по тебе давно панихиду отслужил, а Варвара... Варька твоя в монастырь не пошла... Лежа-ал бы! — протяжно и сердито добавила старуха и ткнула Бумбараша пальцем в грудь.— А то нет!.. Поднялся!.. Беспокойный!

— Слушайте, бабуня,— вскидывая сумку, ответил озадаченный Бумбараш,— помнится мне, что дьячок вам однажды поломал уже ребра, когда вы слезали с чужого чердака. Но... бог с вами! Я добрый.

И, плюнув, Бумбараш отошел, будучи все же обеспокоен ее непонятными словами, ибо он уже давно замечал, что эта проклятая Бабуниха вовсе не так глупа, какой прикидывается.

До села, до Михеева, оставалось еще двадцать три версты.

Попутчиков не было. Наоборот, оттуда, с запада, подъезжали к станции всё новые и новые подводы с беженцами.

Говорили, что банда полковника Тургачева и полторы сотни казаков идут напролом через Россошанск, чтобы соединиться с чехами.

Говорили о каком-то бешеном атамане Долгунце, который разбил Семикрутский спиртзавод, ограбил монастырь, взорвал зачем-то плотину, затопил каменоломни, рубит головы направо и налево и выдает себя за внука Степана Разина.

«Хоть за самого черта! — решил Бумбараш.— А сидеть и ждать мне здесь нечего».

Верст пять он прокатил на грузовой машине, которая мчалась в Россошанск забирать позабытые бочонки с бензином.

У опушки, на перекрестке, он выбросил сумку и выскочил сам.

Подпрыгивая на ухабах, отчаянная машина рванула дальше, а Бумбараш остался один перед тем самым веселым лесом, который с детства был им исхожен вдоль и поперек и который сейчас показался ему угрюмым и незнакомым.

Он прислушался. Где-то очень-очень далеко грохали орудия.

«А плевал я на красных, на белых и зеленых!» — решил Бумбараш и, стараясь думать о том, что он скоро будет дома, зашагал по притихшей лесной дороге.

Смеркалось, а Бумбараш прошел всего только полпути. Но он не беспокоился, так как знал, что уже неподалеку должна стоять изба кордонного сторожа.

Навстречу Бумбарашу мчалась подвода. Лошадь шла галопом. Мужик правил. На возу сидели две бабы.

Бумбараш, выскочив из-за кустарника, закричал им, чтобы они остановились. Но тут та баба, что была помоложе — рыжеволосая, без платка,— вскинула ружье-двустволку и не раздумывая выстрелила.

Заряд дроби со свистом пронесся над головой Бумбараша. И Бумбараш с проклятием отскочил за ствол дерева.

«Это не наши! — решил он, когда телега скрылась за поворотом.— Нашей бабе куда!.. Вот проклятый характер! Это, наверно, с Мантуровских каменоломен. Ишь ты, чертовка!.. Стреляет!»

Сумка натерла плечо, он вспотел, устал и проголодался. Он поднял палку и свернул с дороги. Кордонная изба была рядом.

Миновав кустарник, он прошел через огород. Было

тихо, и собака не лаяла. Бумбараш кашлянул и постучал о деревянный сруб колодца. Никто не откликался.

Он подошел к крыльцу. Перед крыльцом валялась разбитая стеклянная лампа, и трава пахла теплым керосином. Дверь была распахнута настежь.

Откуда-то из-за сарая с жалобным визгом вылетел черный лохматый щенок и, кувыркаясь, подпрыгивая, кинулся Бумбарашу под ноги.

— Эк обрадовался! Эк завертелся! Да стой же ты, дурак! Ну, чего пляшешь?

Бумбараш вошел в избу. Изба была пуста. Видно было, что покинули ее совсем недавно и что хозяева собирались наспех.

В углу валялась разорванная перина. По полу были разбросаны листы газет, книги; на столе лежала опрокинутая чернильница. Вся глиняная посуда в беспорядке была свалена в кучу. Печь была еще теплая, и на шестке стояла подернувшаяся салом миска со щами.

Бумбараш постоял, раздумывая, не лучше ли будет убраться отсюда подальше.

Он заглянул в окно. Ночь надвигалась быстро, и небо заложили тучи. Он отодвинул заслонку печки. Там стояла позабытая крынка топленого молока.

Теперь Бумбараш сбросил сумку и скинул шинель.

— Ну, ты, черный! — сказал он, подталкивая собачонку носком рыжего сапога.— Раз хозяев нет, будем хозяйничать сами.

Он вынул из сумки ковригу хлеба, достал крынку молока и поставил на стол миску со щами. Ложка у него была своя — серая, алюминиевая, вылитая из головки шрапнельного снаряда.

— Ну, ты, черный! — пробормотал он, кидая собачонке кусок размоченного в молоке хлеба.— Мы ни к кому не лезем, и к нам пусть никто не лезет тоже.

По крыше застучал дождь. Бумбараш захлопнул окно, запер на задвижку дверь. Лег на рваную перину. Положил сумку под голову. Накрылся шинелью и тотчас же уснул.

Черная собачонка вытащила из-под печки рваный башмак. Потрепала его зубами, поворчала, уронила кочергу, испугалась и притихла, свернувшись у Бумбараша в ногах.

Вероятно, потому, что в избе было тепло и тихо, потому, что не мозолило бока жесткими досками вагонных нар и его не трясло, не дергало, не осыпало пылью и не обжигало искрами паровозных топок, спал Бумбараш очень крепко.

И, когда его наконец разбудил собачий лай и быстрый стук в окошко, он вскочил как ошалелый.

— Что надо? — заорал он таким голосом, как будто был здесь хозяином и его сон потревожил назойливый нищий или непрошеный бродяга.

— Командир здесь? — раздался из-за окна нетерпеливый скрипучий голос.

— Здесь! Как же! — злобно ответил Бумбараш.— Что надо?

— Бумагу возьми! — И чья-то рука протянулась к окошку.

— Какую еще бумагу?

— А черт вас знает, какую еще бумагу! Приказано передать — и все дело!

— Давай, чтоб ты провалился! — ответил Бумбараш и, просунув руку в фортку, получил измятый шершавый пакет.— Давай! Да проваливай!

— «Проваливай»! — передразнил его обиженный голос.

Потом затарахтела телега, и уже издалека Бумбараш услышал:

— Я вот скажу ему, что ты пьяный нарезался, лежишь и дрыхнешь. Я все расскажу!

Бумбараш повертел пакет. Но ни свечки, ни лампы в избе не было.

— Носит вас по ночам! Не дадут человеку и выспаться! — проворчал Бумбараш и цыкнул на собачонку, чтобы не гавкала.

Он зевнул, потянулся, по солдатской привычке сунул пакет за обшлаг рукава шинели и снова завалился спать. Долго ворочался он, но теперь ему не спалось.

В окошке уже брезжил рассвет, а вставать Бумбарашу не хотелось.

Он потянулся за махоркой, закурил, услышал, как под крышей застрекотала сорока. И вдруг, как-то разом, очнулся. Он вспомнил, что до родного села, до Михеева, осталось всего-навсего только десять коротких верст.

Он вскочил, сполоснул голову возле дождевой кадки и снял со стены осколок зеркала.

Лицо свое ему не понравилось. Нос был обветренный, красный, щеки шершавые и заросшие бурой щетиной. Кроме того, под левым глазом еще не разошелся синяк. Это кованым каблуком ему подсадил в темноте отпускной артиллерист, пробиравшийся через головы спящих к двери вагона.

— Морда такая, что волков пугать,— сказал Бумбараш.— А уезжал... провожали... Эх, не то было...

Он утешал себя тем, что приедет домой, выкупается, побреется и наденет синие диагоналевые пиджак и брюки — те, что купил он, когда сватался к Вареньке, как раз перед войной.

По привычке Бумбараш пошарил глазами, не осталось ли в покинутой избе чего-нибудь такого, что могло

бы ему пригодиться. Забрал для раскурки лист газетной бумаги, выдернул из кочерги палку и вышел на дорогу.

«Изба,— думал он,— раз. Жениться — два. Лошадь с братом поделить — три. А земля будет. Земли нынче много. Революция».

Занятый своими мыслями, он быстро отсчитывал версты. Меньше чем через два часа он вышел из лесу и остановился перед маленькой плотиной.

На кудрявых холмах, в дымке утреннего тумана, раскинулось село Михеево.

— Будьте здоровы! — приподымая серую папаху, поклонился Бумбараш.— Провожали — плакали. Не виделись долго. Чем-то теперь встретите?

С любопытством осматривал Бумбараш знакомые улицы.

Мост через ручей провалился. Против трактира — новый колодец. У Полуваловых перед избой раскинулся большой палисадник, а сарай и заборы новые... На месте Фенькиной избы осталась одна закопченная труба — значит, погорела.

Акация под церковной оградой, где часто сидел он когда-то с Варенькой, сплошной стеной раздалась вширь.

Бумбараш завернул за угол и остановился. Что такое? Вот он, пожарный сарай. Вот она, изба Курнаковых. Вот он и братнин дом со старой липой под окнами. Однако справа, рядом с братниным домом, ничего не было.

Перед самой войной Бумбараш затеял раздел и начал строиться. Он поставил пятистенный сруб и подвел его уже под крышу. Уходя в солдаты, Бумбараш наказал брату, чтобы тот забил окна, двери, сохранил гвозди, кирпич, стекло и присматривал, чтобы тес не растащили.

А сейчас не только тесу, но и самого сруба на месте не было. Да что там сруба — даже того места! Как провалилось! Все кругом было засажено картошкой.

Бумбараша [покоробило], и, не зная, что делать, он прибавил шагу.

Он распахнул дверь в избу и столкнулся с женой брата — Серафимой. Серафима дико взвизгнула, уронила ведра и отскочила к окну.

— Семен! — пробормотала она.— Господи помилуй! Семен! — И она крепко вцепилась рукой в скалку для теста, точно собираясь Бумбараша оглушить.

Бумбараш попятился к порогу и наткнулся на подоспевшего брата Василия.

— Что это? Постой! Куда прешь? — закричал Василий и схватил Бумбараша за плечи.

Бумбараш рванулся и отшвырнул Василия в угол.

— Чего кидаешься? — сердито спросил он.— Протри глаза тряпкой. Здравствуйте!

— Семен! Вон оно что! — пробормотал, откашливаясь, Василий.— А я, брат, тебя не того... Серафима! — заорал он на оцепеневшую бабу.— Уйми ребят... Что же ты стоишь, как колода! Не видишь, что брат Семен приехал!

— Так тебя разве не убили? — сморщив веснушчатое лицо, плаксивым голосом спросила Серафима и подошла к Бумбарашу обниматься.

— На полвершка промахнулись! — огрызнулся Бумбараш.— Одна орет, другой — за шиворот. Ты бы еще с топором выскочил!

— Нет, ты... не подумай! — сдерживая кашель и терпеливо отыскивая что-то за зеркалом, оправдывался Василий.— Серафима, куда ты письмо задевала? Говорил я тебе — спрячь. Голову оторву, если пропало.

— В комоде оно. От ребят схоронила. А то недав-

но Мишка квитанцию на лампе сжег... У-у, проклятый! — выругалась она и треснула притихшего мальчишку по затылку.

— Нет, ты не подумай,— торопился Василий.— Тут не то что я... а кто хочешь!.. Мне староста... Как раз под Гаврила прикатил — сам письмо принес. Смотрю — печать казенная. «Что же,— спрашиваю я,— за письмо?» — «А то, что брат твой Семен, царство ему небесное, значит... на поле битвы...»

— Как так на поле битвы! — возмутился Бумбараш.— Быть того не может...

— А вот и может! — протягивая Бумбарашу листок, сердито сказала Серафима.— Да ты полегче хватай! Бумага тонкая — гляди, изорвешь.

И точно: канцелярия 7-й роты 120-го Белгородского полка сообщала о том, что рядовой Семен Бумбараш в ночь на восемнадцатое, мол, убит и похоронен в братской могиле.

— Быть этого не может! — упрямо повторял Бумбараш.— Я — живой.

— Сами видим, что живой,— забирая письмо, всплакнула Серафима.— У меня, как я глянула, в глазах помутилось.

— Избу мою продали? — не глядя на брата, спросил Бумбараш.— Поспешили?

Василий кашлянул и молча развел руками.

— Чего же поспешили? — вскинулась Серафима.— Раз убит, то жди не жди — все равно мертвый. Да и за что продали! Нынче деньги какие? Солома. Гавриле Полувалову и продали. Баню новую он ставил... сарай... Варька-то Гордеева за него замуж вышла. Поплакала, поплакала да и вышла.

Бумбараш быстро отвернулся к окошку и полез в карман за табаком.

— О чем плакала? — помолчав немного, хрипло спросил он сквозь зубы.

— Известно о чем! О тебе плакала... А когда панихиду справляли, то вовсе ревмя ревела.

— Так вы и панихиду по мне отмахали? Весело!

— А то как же,— обидчиво ответила Серафима.— Что мы — хуже людей, что ли? Порядок знаем.

— Вот он где у меня сидит, этот порядок! — показывая себе на шею, вздохнул Бумбараш. И, глянув на свои заплатанные штаны цвета навозной жижи, он спросил: — Костюм мой... пиджак синий... брюки — надо думать, тоже продали.

— Зачем продали,— нехотя ответила Серафима.— Я его к пасхе Василию обкоротила. Да и то сказать... материал — дрянь. Одно слово, что диагональ, а раз постирала—он и вылинял. Говорила я тебе тогда: купи серый костюм, а ты—синий да синий... Вот тебе и синий!

Бумбараш достал пару белья, кусок мыла. Ребятишки с любопытством поглядывали на его сумку.

Он дал им по куску сахару, и они тотчас же молча один за другим повылетали за дверь.

Бумбараш вышел во двор и мимоходом заглянул в сарай. Там вместо знакомого Бурого стояла понурая, вислоухая кобылка.

«А где Бурый?» — хотел было спросить он, но раздумал, махнул рукой и прямо через ограду пошел на спуск к речке.

Когда Бумбараш вернулся, то уже пыхтел самовар, шипела на сковородке жирная яичница, в голубой миске подрагивал коровий студень — и стояла большая пузатая бутылка с самогоном.

Изба была прибрана. Серафима приоделась.

Умытые ребятишки весело болтали ногами, усевшись на кровати. И только тот самый Мишка, который сжег квитанцию, как завороженный стоял в углу и не спускал глаз с подвешенной на гвоздь Бумбарашевой сумки.

Вошел причесанный и подпоясанный Василий. Он держал нож и кусок посоленного свиного сала.

Как-никак, а брата нужно было встретить не хуже, чем у людей. И Серафима порядок знала.

В окошки уже заглядывали любопытные. В избу собирались соседи. А так как делить им с Бумбарашем было нечего, то все ему были рады. Да к тому же каждому было интересно, как же братья теперь будут рассчитываться.

— А я смотрю, кто это прет? Да прямо в сени, да прямо в избу,— торопливо рассказывала Серафима.— «Господи, думаю, что за напасть!» Мы и панихиду отслужили, и поминки справили... Мишка недавно нашел где-то за комодом фотографию и спрашивает: «Маменька, кто это?» — «А это, говорю, твой покойный дядя Семен. Ты же, паршивец, весь портрет измуслякал и карандашом исчиркал!»

— Будет тебе крутиться! — сказал жене Василий и взялся за бутылку.— Как, значит, вернулся брат Семен в здравом благополучии, то за это и выпьем. А тому писарю, что бумагу писал, башку расколотить мало. Замутил, замутил... бумаге цена копейка, а теперь сами видите — вон я! Разделывайся как хочешь!

— Бумага казенная,— с беспокойством вставила Серафима.— На бумагу тоже зря валить нечего.

Самогон обжег Бумбарашу горло. Не пил он давно, и хмель быстро ударил ему в голову.

Он отвалил на блюдечко две полные пригоршни сахару и распечатал пачку светлого табаку.

Бабы охнули и зазвенели стаканами. Мужики крякнули и полезли в карманы за бумагой.

В избе стало шумно и дымно.

А тут еще распахнулась дверь, вошел поп с дьячком и прямо с порога рявкнул благодарственный молебен о благополучном Бумбараша возвращении.

— Варька Гордеева мимо окон в лавку пробежала...— раздвигая табуретки и освобождая священнику место, вполголоса сообщила Серафима.— Сама бежит, а глазами на окна зырк... зырк...

— А мне что? — не поворачиваясь, спросил Бумбараш и продолжал слушать рассказ деда Николая — отца Серафимы, который ездил на базар в Семикрутово и видел, как атаман Долгунец разгонял мужской монастырь.

— ...Выстроил, значит, Долгунец монахов в линию и командует: «По порядку номеров рассчитайся!» Они, конечно, монахи, к расчету непривычны, потому что не солдаты... а дело божье. К тому же оробели, стоят и не считаются... «Ах, вон что! Арихметику не знаете? Так я вас сейчас выучу! Васька, тащи сюда ведерко с дегтем!» На что ему этот деготь нужен был — не знаю. Однако как только монахи услыхали, ну, думают, уж конечно, не для чего-либо хорошего. Догадались, что с них надо, и стали выкликаться.

В аккурат сто двадцать человек вышло. Это окромя старых и убогих. Тех он еще раньше взашей гнать велел. «Ну, говорит, Васька, вот тебе славное воинство. Дай ты им по берданке. Да чтобы за три дня они у тебя и штыком, и курком, и бомбою упражнялись. А на четвертый день ударим в бой!»

Те, конечно, как услыхали такое, сразу и псалом царю Давиду затянули — и в ноги. Только двое вышло. Один россошанский — булочника Федотова сын. Мор-

да — как тыква, сапогом волка зашибить может. Он еще, помнится, до монашества квашню с тестом пуда на три мировому судье на голову надел... А другой — тощий такой, лицо господское, видать — не из наших.

Долгунец велит: «А подайте им коней!» Гаврилка как сел, так и конь под ним аж придыхнул. А другой подобрал рясу да как вскочит в седло, чуть только стремян коснулся.

Тогда Долгунец и говорит: «Васька, таких нам надо! Выдай им снаряжение, а рясы пусть не снимают... А вы, божьи молители,— это он на остальных,— поднимайтесь да скачите отсюда куда глаза глядят. Кого на дороге встречу — трогать не буду. А если кого другой раз в монастыре застану — на колокольню загоню и велю прыгать... Васька, вынь часы, сядь у пулемета. И как пройдет три минуты пять секунд — дуй вовсю по тем, кто не ускачет».

А Васька — скаженный такой, проворный, как сатана,— часы вынул да шасть к пулемету.

Так что было-то! Как рванули табуном монахи. До часовни Николы Спаса одним духом домчали и там за угол да врассыпную...

Дед Николай кончил свой рассказ и замолчал. Рассказ Бумбарашу понравился. Монахов Бумбараш и сам недолюбливал. Однако он не мог понять, что же этому Долгунцу надо и за кого он воюет.

— Натуральный разбойник! — объяснил Бумбарашу священник.— Бога нет, совести нет. Белых ему не надо, на красных он в обиде. Разбойник, и повадки все разбойничьи. Заскочил в усадьбу к семикрутовскому управляющему. Обобрал всё, а самого-то с женою, с Дарьей Михайловной, в одном исподнем оставил и говорит: «Изгоняю вас, как господь Адама и Еву из рая. Идите и добывайте в поте лица хлеб свой насущный...

Васька, стань у врат, как архангел, и проводи с честью». Васька, конечно,— тьфу, мерзость! — шинель крылами растопырил и машет, и машет, сам поет матерное. В одной руке у него пистолет, в другой — сабля. Ну те, конечно,— что будешь делать? — так в исподнем и пошли.

— У Адама и Евы хоть вид был! — вставил охмелевший дед Николай.— А это же люди в теле. Срамота!

И этот рассказ Бумбарашу понравился, однако он опять-таки не понял, куда этот Долгунец гнет и что ему надо.

Мимо окон рысцой проскакали пятеро всадников. Одёжа, валенки, сабель нет, а за плечами винтовки.

— Это красавинские... — объяснил Бумбарашу священник.— Самоохрана называется. Молодцы парни! И у нас тоже есть. Гаврила Полувалов за главного. К нему, должно, и поехали.

— Руки и ноги им поотрывать, гадам! — неожиданно выкрикнул охмелевший дед Николай.— Ишь что сукины дети затеяли...

— Молчал бы, старый пес!.. — огрызнулся кто-то.

— А что молчать? — поддержал деда щуплый, кривой на один глаз дьячок.— Да и вы тоже, батюшка: говорите, говорите, а к чему это — неизвестно. Наше дело — разводи кадило и звони к обедне. Помилуй, мол, нас, господь. А вы вон что!

Надвигалась ссора. В избе переглянулись. Василий поспешно взялся за бутылку. Звякнули стаканы. Кругом зачихали, закашляли. Разговор оборвался.

— Яшка Курнаков идет,— пробормотала Серафима.— Принесло черта...

Быстро в избу вошел высокий парень в заплатанной голубой рубашке. На нем были потертые галифе, заправленные в сапоги. Смуглое, как у цыгана, лицо его

было бритое. Кепка сдвинута на затылок. Левая рука завязана тряпицей.

— Семка! — заговорил он и крепко обнял Бумбараша.— Ах ты, черт бессмертный! А я сижу наверху, крышу перебираю... Варька бежит: «Семен, говорит, вернулся». Я ей: «Что ты, дура!..» Она — креститься! А дрань гнилая как подо мной хряснет, так я на чердак провалился. Мать из избы выскочила... «Что ты, кричит, делаешь! Потолок проломаешь...» Я схватил тряпку, замотал руку да сюда...

— Эк тебя задергало! — сердито сказала Серафима.— Батюшке локтем в ухо заехал. Да не тряси столто!. Еще самовар опрокинешь...

Священник, и без этого обиженный грубыми словами кривого дьячка, поднялся, перекрестился, и за ним один по одному поднялись и остальные.

Когда изба опустела, Яшка Курнаков схватил Бумбараша за руку и потащил во двор. Мимо огорода прошли они к обрыву над рекой. Там, в копне на лужайке, где еще мальчишками прятались, поедая ворованный горох, остановились они и сели.

Бумбараш рассказывал про свои беды, а Яшка его утешал:

— Придет пора — будет жена, будет изба! Дворец построим с балконом, с фонтанами! А Варьке голову ты не путай — раз отрублено, значит, отрезано. За тебя она теперь не пойдет. А чуть что Гаврилка узнает, он ее живо скрутит. Он теперь в силе. Видал, верховые к нему поскакали?

— Охрана?

— Банду собирают. Я всё вижу. Это только одна комедия, что охрана. На прошлой неделе под мостом в

овраге упродкомиссара нашли: лежит — пуля в спину. Недавно у мельницы Ваську Куликова, матроса, из воды вытащили мертвого. В меня и то ночью через окно кто-то из винтовки как саданет! Пуля мимо башки жакнула! Посуду на полке — вдрызг, а через стену — навылет. Скоро хлебную разверстку сдавать. Ну вот и ворочáются.

— А красные что? Они где заняты?

— А у красных своя беда. На Дону — Корнилов. Под Казанью — чехи.

Яшка зажмурился. Точно подыскивая трудные слова, он облизал губы, пощелкал пальцем и вдруг напрямик сказал:

— Знаешь, Семен! Давай, друг, двинем с тобой в Красную Армию.

— Еще что! — с недоумением взглянул на Яшку озадаченный Бумбараш.— Да ты, парень, в уме ли?

— А чего дожидаться? — быстро заговорил Яшка.— Ну ладно, не сейчас. Ты обожди дней пяток... неделю. А потом возьмем да и двинем. Нас тут еще трое-четверо наберется. Я уже все надумал. У Шуры берданка есть. У меня бомба спрятана — тут на станции братишка у одного солдата на бутылку молока выменял. Ему рыбу глушить, а я забрал... Ночью подберемся, охрану разоружим, да и гайда с винтовками.

От таких сумасшедших слов у Бумбараша даже хмель из головы вылетел. Он поглядел на Яшку — не смеется ли? Но Яшка теперь не смеялся. Смуглое лицо его горело и нахмуренный лоб был влажен.

— Так... так... — растерянно пробормотал Бумбараш.— Это, значит, из квашни да в печь, из горшка да в миску. Жарили меня, парили, а теперь — кушайте на здоровье! Да за каким чертом мне все это сдалось?

— Как — за чертом? Чехи прут! Белые лезут!

Значит, сидеть и дожидаться? — И Яшка недоуменно дернул плечами.

— Мне ничего этого не надо,— упрямо ответил Бумбараш.— Я жить хочу...

— Он жить хочет! — хлопнув руками о свои колени, воскликнул Яшка.— Видели умника! Он жить хочет! Ему жена, изба, курятник, поросятник! А нам, видите ли, помирать охота. Прямо хоть сейчас копай могилы — сами с песнями прыгать будем... Жить всем охота. Гаврилке Полувалову тоже! Да еще как жить! Чтобы нам вершки, а ему корешки. А ты давай, чтобы жить было всем весело!

— Не будет этого никогда,— хмуро ответил Бумбараш.— Как это — чтобы всем? Не было этого и не будет.

— Да будет, будет! — крикнул Яшка и рассмеялся.— Я тебе говорю — дворец построим, с фонтанами. На балконе чай с лимоном пить будешь. Жену тебе сосватаем... Красавицу! Надоест по-русски—по-немецки с ней говорить будете. Ты, поди, в плену наловчился. Подойдешь и скажешь... как это там по-ихнему? «Дай-ка я тебя, Машенька, поцелую»... Как — не будет? Погоди, дай срок, все будет.

Яшка умолк. Цыганское лицо его вдруг покривилось, как будто бы в рот ему попало что-то горькое. Он тронул Бумбараша за рукав и сказал:

— Позавчера на кордоне сторожа Андрея Алексеевича убить хотели. Не успели. В окно выпрыгнул. Ты мимо сторожки проходил, не заглянул ли?

— Заглянул,— ответил Бумбараш.— Изба брошена. Пусто!

Он хотел было рассказать о ночном случае, но запнулся и почему-то не сказал.

— Значит, скрылся...— задумчиво проговорил

Яшка.— А оставаться ему там нельзя было. Он партийный...

Яшка хотел что-то добавить, но тоже запнулся и смолчал. Разговор после этого не вязался.

— Ты подумай все-таки! — посоветовал Яшка.— Сам увидишь: как ни вихлять, а выбирать надо. А к Варьке смотри не ходи, как друг советую. Да! — Яшка виновато засмеялся.— Ты смотри, конечно, не того... помалкивай...

— Мое дело — сторона,— ответил огорченный Бумбараш.— Я разве против? Я только говорю — сторона, мол, мое дело.

— «Сторона ль моя, сторонушка! Эх, широ-окая, раздольная...» — укоризненно покачивая головой, пропел Яшка.— Ну вставай, пролетарий! — опять рассмеявшись, скомандовал он и одним толчком вскочил с травы на ноги.

Однако Бумбараш Яшкиного совета не послушался и в тот же вечер попер к Вареньке. К вечеру, чтобы отряхнуться от невеселых мыслей, он допил оставшуюся полубутылку самогона. После этого он сразу повеселел, подобрел, роздал ребятишкам еще по куску сахару, которые, впрочем, Серафима тотчас же у всех поотнимала, и подумал, что вовсе ничего плохого в том, что он зайдет к Вареньке, не будет. Он даже может зайти и не к ней, а к Гаврилке Полувалову. Дружбы у них меж собой, правда, не было, однако же были они почти соседи да и в солдаты призывались вместе. Только Бумбараш скоро попал в маршевую, а Гаврилке повезло, и он зацепился младшим писарем при воинском начальнике.

Бумбараш побрился, оцарапал щеку, потер палец о печку, замазал мелом синяк под глазом и, почистив веником сапоги, вышел на улицу.

У ворот полуваловского дома хрустели овсом оседланные кони. Бумбараш заколебался: не подождать ли, пока эта кавалерия уедет восвояси? Но, услыхав через дверь знакомый Варенькин голос, он привычным жестом провел рукой по ремню, одернул гимнастерку и вошел на крыльцо. В избе за столом сидели шестеро. В углу под образами стояли винтовки, на стене висела ободранная полицейская шашка — должно быть, Гаврилкина. «Эк его разнесло! — подумал Бумбараш.— А усы-то отпустил, как у казака».

Увидав Бумбараша, Варенька, которая раздувала Гаврилкиным сапогом ведерный самовар, не сдержавшись, вскрикнула и быстро закрыла глаза ладонью, притворившись, что искра попала ей в лицо.

Гаврила Полувалов посмотрел на нее искоса. Обмануть его было трудно. Однако он не моргнул и глазом.

— Заходи, коли вошел! — предложил он.— Что же стоишь? Садись. Пей чай — вино выпили.

Варенька вытерла сапог тряпкой, подала мужу. С Бумбарашем поздоровалась, но в лицо ему не посмотрела.

«Похудела! Похорошела! Эх, золото!» — не чувствуя к Вареньке никакой злобы, подумал Бумбараш.

Но молчать и глядеть на нее было неудобно. И он нехотя стал отвечать на вопросы, где был, как жил, что видел и как вернулся.

— Лучше было тебе и вовсе не ворочаться,— сказал Полувалов.— Такой вокруг развал, разгон, что и глядеть тошно.— И, пытливо уставившись на Бумбараша, он спросил: — С Яшкой Курнаковым видался? Он, собачья душа, поди-ка, тебе все уже рассказал?

— Что Яшка! — уклончиво ответил Бумбараш.— Я и сам всё вижу.

— А что ты видишь? — насторожившись, спросил

Полувалов.— Варвара, глянь-ка там за шкафом, не осталось ли что в бутылке? Дай-ка, мы с ним за встречу выпьем.

Пить Бумбараш уже не хотел, но, чтобы задержаться в избе подольше, он выпил.

Красавинские охранники, не разглядев еще, что Бумбараш за человек и как при нем держаться, сидели молча.

— Так что же ты видишь? — продолжал Полувалов.— Говори, послушаем. Мы-то тут ходим, тычем носом, как слепые. А тебе со стороны, может, и виднее...

— Что Яшка! — опять уклонился от вопроса осторожный Бумбараш.— У Яшки — свое, а у тебя — свое.

— Что же это у меня за «свое»? — враждебно спросил Полувалов, отыскав в словах Бумбараша вовсе не тот смысл, что Бумбараш вкладывал.— Что мне свое. Своего мне и так хватит. Я за всех вас, подлецы, стараюсь... У-у, погоди! — скрипнув зубами, пробормотал он и смачно сплюнул, вероятно опять вспомнив ненавистного Яшку.

«Нет, ты не слепой тычешься! — глянув на перекосившееся Гаврилкино лицо и вспомнив рассказ Яшки о пуле, пробившей окошко, подумал Бумбараш.— Таким слепцам на пустой дороге не попадайся!»

— Гаврила Петрович! — закричал снаружи бабий голос.— Беги-ка скорей в волсовет, там какая-то бумага пришла. Тебя ищут.

— Пропасти на них нет! Только Гаврила Петрович да Гаврила Петрович! А чуть что — все в кусты! А в ответе опять один Гаврила Петрович... Идем! — поднимаясь с лавки, сказал он Бумбарашу.— Теперь не дождешься... я долго...— И, пропустив Бумбараша в сени, он, обернувшись к охранникам, сказал вполголоса: — А вы подождите. Что там за бумага? Я — скоро.

———

Только что Полувалов скрылся за углом, как Бумбараш быстро шагнул через калитку во двор, а оттуда — через коровник в сад, что раскинулся над оврагом.

Ждать ему пришлось недолго. Варенька стояла рядом и с испугом глядела ему в лицо.

— Ты что, Семен? — вздрагивающим шепотом спросила она.— Ты уходи.

— Сейчас уйду,— сжимая ее похолодевшую руку, ответил Бумбараш.— Как живешь, Варенька?

— Как видишь! Так тебя не убили...

— Бог миловал. Да, смотрю, напрасно... Горько мне, Варенька! Что же ты поторопилась?

— Я не торопилась. А что было делать? Изба сгорела. Мать на пожаре бревном зашибло... Тебя убили... Господи, да кто же это такое придумал, что тебя убили!.. Уходи, Семен! В избе гости, мне идти надо...

— Сейчас уйду. Ты его любишь, Варенька?

— Не знаю. Страшный он. Беда будет...—бессвязно ответила Варенька.— Беги, Семен, он сейчас вернется!

— Он не вернется. Он сказал, что долго.

— Нет, скоро! Я сама слышала! Он хитрый... Господи! — с мукой в голосе повторила Варенька.— Да кто же это такое придумал, что тебя убили!

Теплая слеза упала в темноте Бумбарашу на ладонь. Бумбараш покачнулся и почувствовал, что голова его быстро пьянеет. Луна слепила ему глаза, и мимо ушей свистел горячий ветер.

— Варенька! — сказал он, плохо соображая, что говорит.— Ты брось его... Уйдем вместе.

— Полоумный! — отшатнулась Варенька.— Что ты мелешь? Как — уйдем? Куда?.. Под пулю...

«И точно, куда уйдем? — подумал Бумбараш.— Уходить некуда...»

Варенька вырвалась и насторожилась.

— Беги, Семен! Кто-то идет! Сюда не приходи, не надо!

Она отпрыгнула и скрылась за калиткой. Слышно было, как в коровнике звякнули ведра, и Варенька поспешно взбежала на крыльцо.

Бумбараш стоял, опустив голову и ничего не соображая.

На крыльце опять послышались шаги. Если бы Бумбараш не был пьян, если бы он не был ослеплен луною и оглушен свистом ветра, то по тяжелому топоту он сразу бы угадал, что это идет не Варенька — и не один, а двое.

Он шагнул к калитке и нарвался на Гаврилку Полувалова и старшого из красавинской охраны, которые, чтобы их разговора никто не слышал, шли в сад.

— Стой! — крикнул Гаврилка и схватил Бумбараша за рукав.

Бумбараш двинул Гаврилку коленом в живот, отскочил в кусты и тотчас же почувствовал тяжелый удар по голове — должно быть, железным кастетом.

Он зашатался... выровнялся, шагнул к оврагу... Опять зашатался... хватаясь за ветви, выпрямился. Оступился затем и, цепляясь за колючки, покатился под откос в овраг.

Очнулся он не сразу. Голова ныла. Лоб был мокрый — очевидно, в крови. Где-то рядом журчал ручей, но луна скрылась, и пробраться через колючки к воде он не сумел. Кое-как выбрался он наверх и задами пошел к дому.

Через огород он вышел к себе во двор. Дома еще не спали. Он толкнулся — дверь была заперта. Он подошел к окошку: в избе сидели Василий, Серафима и

ее отец — старик Николай. Говорили, очевидно, о нем — Бумбараше,— об избе, о костюме, о лошади...

— Добрые люди! — говорила Серафима.— Да разве-то мы виноваты? У нас бумага.

— Печку растопить этой бумагой! А он скажет: «Вынь деньги да положи!» А где их возьмешь, деньги? Продали, прожили...

— Господи, вот принесла нелегкая! Ему что — он один. Куда хочешь пошел да нанялся. Хоть бы ты чего-нибудь, папанюшка, сказал, а то сидит бороду чешет! Вино для людей поставили — он, старый сыч, навалился и навалился!

Бумбараш постучал в окно. Разговор оборвался. Выскочила Серафима.

— Дай-ка мне воды умыться,— выходя на свет, попросил Бумбараш.

— Ты заходи в избу, там умоешься.

— Дай, говорю, сюда! И захвати полотенце,— настойчиво повторил Бумбараш.

— Давай полью! — сердито сказала Серафима, вынося полотенце и ковшик.— Да куда ты прячешься? Подайся к свету... Батюшки! — тихо вскрикнула она, рассмотрев на лбу Бумбараша струйку запекшейся крови.— Семен, это кто тебя? — И, вдруг догадавшись, она спросила: — Ты у нее был? Гаврилка?..

— Серафима,— сказал Бумбараш,— я под окном все слышал... Вы с братом будете хороши, и я буду хорош... буду. Смотрите, чтоб никому ни слова!.. Кинь мне что-нибудь на сеновале. Я там лягу.

— Да зайди хоть в избу!

— Не надо,— заматывая голову полотенцем, отказался Бумбараш.— А отцу скажи — захмелел, мол, Семен и на сеновал спать пошел. А больше смотри ничего...

На следующий день Бумбараш с сеновала не слезал. Если бы Гаврилка Полувалов увидел его с разбитой головой, то сразу бы догадался, кто это был вчера в саду, и тогда Вареньке пришлось бы плохо.

Бумбараш решил отлежаться, а наутро чуть свет уйти в Россошанск и там переждать с недельку у дяди, который был жестянщиком.

Несколько раз с новостями прибегала на сеновал Серафима.

— Полувалов к окошку подходил,— сообщала она.— Тебя спрашивал. «Он, говорю, на хутор к крестной пошел».— «Домой вечор от меня он не пьяный воротился?» — «Да нет, говорю, как будто бы в себе. Поиграл на Васькиной балалайке да и спать лег». А на селе, Семен, что-то неспокойно. Охранники шмыгают туда-сюда. Люди болтают, будто приказ вышел— охраны больше не нужно и винтовки сдать на станцию. А Гаврилка бумагу эту будто скрывает. Кто их знает? Может быть, и враки, разве теперь разберешь...

После обеда Серафима появилась опять:

— Варьку у колодца встретила. Вдвоем мы были. Больше никого. Вытянула она ведро да будто невзначай опрокинула. «Набирай, говорит, я передохну». А сама стоит и смотрит и, видать, мучается, а спросить боится... Я ей говорю: «Ты, Варвара, от меня не прячься... Семен дома. На сеновале лежит». У ней, видно, дух захватило. «А что так?» — «Да голова у него малость побита и на лбу ссадина. Тебя выдать боится».— «Серафима! — шепчет она, а сама чуть не в слезы.— Христом богом тебя молю: скажи ты ему, чтобы схоронился он отсюда подальше. Вижу я, что к худому идет дело». Тут она замолчала, ведро из колодца тянет. Рука, вижу, дрожит, а сама бормочет: «Пусть Семен Яшке Курнакову скажет: беги, мол, и ты, а то

беда будет...» А что за беда, я так и недослышала. Схватила Варька ведра да домой, чуть не бегом.

К вечеру Серафима еще рассказывала:

— Яшка Курнаков приходил. Тебя ищет. Я ему говорю: «Дома нету, кажись, в рощу, на пасеку к крестному, пошел. Не знаю — вернется, не знаю — там заночует... Яшка,— говорю ему,— ты берегись. Люди думают, как бы тебе от Гаврилки плохо не было». Как плюнет он на землю, сам озирается, а руку из кармана не вынимает. «Ой, думаю, в кармане у тебя не семечки...»

— Яшке сказаться надо было,— подосадовал Бумбараш.— Если еще придет, ты его сюда пошли.

— А кто тебя знает! Говорил — молчи, я всех и отваживаю. Оставь ты, Семен, не путайся с ними!.. Я вот ему, паршивцу, я вот ему, негоднику! — зашипела вдруг Серафима, увидав через щель крыши, что пузатый Мишка поймал серого утенка и ловчится сунуть его в мыльное корыто.— И этот тебя тоже весь день ищет,— тихонько рассмеялась Серафима.— «Где дядька? Дядька, говорит, богатый, с сахаром». Ты будешь уходить, Семен, оставь сахару сколько ни то. Сладкого-то у них давно и в помине нету.

— Ладно, ладно! — поморщился Бумбараш.— Вы только глядите помалкивайте...

— Господи, что мы — чужие, что ли? Я, кажется, и так молчу.

Перед тем как лечь спать, он захотел пить, да нечаянно опрокинул чашку с квасом на сено. Спуститься вниз он не решился. В углу крыши зияла широкая дыра, над которой раскинулась ветка густой яблони. Бумбараш встал, сорвал на ощупь яблоко, сунул его в рот и раздвинул влажные листья. Перед ним раскинулось звездное небо, и среди бесчисленного множе-

ства звезд он теперь сразу нашел те три звезды, из-за которых он попал в плен, болел тифом, цингою, потерял избу, костюм, Вареньку...

Это случилось при отступлении от Ломбежа.

Бумбараш заскочил в хату батальонного штаба, чтобы спросить у вестовых, куда, к черту, провалилась восьмая рота. Бородатый офицер, кажется прапорщик, сидя на корточках, кидал в печку остатки бумаг, а чтобы быстрей горело, ворочал их почерневшим клинком шашки. Он всучил оторопевшему Бумбарашу перевязанный телефонным проводом сверток, вывел на крыльцо и острием шашки показал на горизонт.

— Подними морду и смотри левее,— приказал он.— Иди до околицы, там свернешь вон на эти три звезды: две рядом, одна ниже. Дальше иди прямо, пока не наткнешься на саперный взвод у переправы. Там найдешь адъютанта третьего батальона. Передашь сверточек, возьмешь расписку. Отдашь ее командиру своей роты.

Бумбараш повторил приказ и, проклиная свою несчастную долю, которая подтолкнула его заскочить в хату, пошел полем, время от времени задирая голову к небу [чтобы не потерять из виду тех трех звезд].

Он был голоден, потому что шрапнельный снаряд разбил ротную кухню как раз в ту минуту, когда кашевар отвинчивал крышку котла с горячими щами.

Но всего только час тому назад ему посчастливилось стянуть из чужой каптерской повозки банку с консервами. Банка была без этикетки, и вместе с голодом его одолевало любопытство — рыбные это консервы или мясные? Выбравшись в поле, он опустился на траву, достал кусок кукурузного хлеба, снял штык и пробил в жестяной крышке дырку. Чтобы не потерять ни капли, он быстро опрокинул банку ко рту.

Липкая, едкая, пахнувшая бензином краска залила ему губы, ударила в нос и обожгла язык. Отплевываясь и чертыхаясь, он вскочил и понесся отыскивать воду.

Долго полоскал он рот, скреб язык ногтем, вытирал рукавом губы и жевал траву.

Наконец, убедившись, что дочиста все равно не отмоешь, еще более голодный и усталый, чем раньше, он зашагал по полю. Надо было торопиться.

Он поднял голову, разыскивая свои путеводные звезды, однако там, куда он смотрел, их не было.

Он вертел голову направо-налево. Ему попадались созвездия, раскинувшиеся и крючками, и хвостами, и ковшами, и крестом, и дыркою... Но тех трех звезд — две рядом, одна пониже — он не мог разыскать никак тогда. Он пошел назад и через час нарвался в упор на головную заставу австрийской колонны.

Бумбараш съел яблоко и взялся поправлять свое измятое логово.

Глухой взрыв ударил по ночной тишине.

Бумбараш вскочил на ноги.

«Бомба! — сразу же догадался он.— Для снаряда слабо, для винтовки крепко. Кто бросает?..»

Почти следом раздались три-четыре выстрела. Потом стихло. Потом уже не переставая, то приближаясь, то удаляясь, редкие выстрелы защелкали с разных сторон.

«Чтоб вам и на том свете не было покою!—обозлился Бумбараш.— И когда это все кончится!»

Он кинулся на сено, укрылся шинелью и решил назло спать, хотя бы на улицах дрались в штыковую.

— Хватит! — бормотал он.— Я к вам не лезу. Отвоевался...

Однако для спанья время он выбрал плохое. Кто-то

забежал во двор и тихонько постучал в форточку. Вскоре на сеновал взобралась запыхавшаяся Серафима.

— Семен! — позвала она.— Вставай, Семен! Скорее!

— Что надо? — огрызнулся Бумбараш.— Убирайтесь вы к черту! Я спать хочу!

— Вставай, очумелая башка! — ахнула Серафима.— Слезай! Бери сумку. Внизу Варька.

Одним махом Бумбараш слетел на кучу навоза, и тотчас же из темноты к нему подскочила Варенька.

— Беги! — зашептала она.— Тебя ищут! Яшка Курнаков бросил бомбу. Забрали три винтовки... Шурку Плоскина убили... Гаврилка думает, что ты с ними заодно. Найдут — убьют!

— Погоди!—вскидывая сумку за плечи, пробормотал разгневанный Бумбараш.— Я еще вернусь! Я ему... убью! Дай только разобраться...

Выстрелы раздавались все ближе и ближе. Но стреляли, очевидно, наугад, без толку.

— Ну, бог с тобой, уходи, уходи! — заторопила Серафима.— Мимо воробьевской бани спустись, прямо через речку, вброд — там мелко.

— Через мельницу не ходи,— прошептала Варенька,— там наши... банда. Пусти, Семен, теперь уже нечего!

Она вырвалась и убежала.

В избе захныкали потревоженные ребятишки.

Бумбараш выломал из плетня жердь и, не сказав ни слова, зашагал через огородные грядки к спуску на речку.

Серафима перекрестилась и юркнула в избу.

Через минуту в окошко застучали. Серафима молчала. Тогда забарабанили громче и загрохали прикладом в калитку.

Серафима с яростью распахнула окно и плюнула прямо кому-то в лицо.

— Ах ты, бесстыжая рожа! — взвизгнула она на всю улицу.— Ты, Пашка, чего безобразишь? С постели соскочить не дают! Мужик больной, детей до смерти перепугали! Ты бы еще оглоблей в стену!.. Ну, чего надо? Нету, говорю, Семена! Так вам с утра еще и было сказано. Идите ищите! Нам он и самим как прошлогодний снег на голову... Да что ты мне своим ружьем в грудь тычешь? Так я твоей пули и испугалась!

Проснулся Бумбараш под стогом сена верстах в десяти от Михеева и в тридцати — от Россошанска.

Утро было теплое, солнечное. На речке гоготали гуси. Под горою, на лугу, ворочалось коровье стадо.

По дороге тарахтели телеги, и с котомками за плечами шли мирные путники.

И чудно было даже вспомнить и подумать, что по всей этой широкой, спокойной земле, куда ни глянь, куда ни кинь, упрямо разгоралась тяжелая война.

Бумбараш подошел к ручью, умылся, напился, а позавтракать решил в деревне Катремушках, до которой осталось уже недалеко.

И странное дело... Шагая по мягкой проселочной дороге, пропуская обгонявшие его подводы, здороваясь с встречными незнакомыми пешеходами, под лучами еще не жаркого солнца, под свист, треньканье и бренчанье лесных пичужек, впервые ощутил Бумбараш совсем неведомое ему чувство — безразличного покоя.

Впервые за долгие годы он ничего не ждал и сам знал точно, что и его нигде не ждут тоже. Впервые он никуда не рвался, не торопился: ни с винтовкой в атаку, ни с лопатой в окопы, ни с котелком на кухню, ни с

рапортом к взводному, ни с перевязкой в лазарет, ни с поезда на подводу, ни с подводы на поезд. Все, на что он так надеялся и чего хотел,— не случилось. А что должно было случиться вперед — этого он не знал. Потому что не был он ни ясновидцем, ни пророком. Потому что из плена вернулся он недавно и то, что вокруг него происходило, понимал еще плохо.

Вот почему, подбитый, небритый, одинокий, Бумбараш шагал ровно, глядел если не весело, то спокойно и даже насвистывал, скривив губы, австрийскую песенку о прекрасной герцогине, которая полюбила простого солдата.

На перекрестке, там, где дорога расходилась влево — на Семикрутово, прямо — на Россошанск, вправо — к станции,— не доходя с версту до деревни Катремушек, стояла на холме прямая, как мачта, спаленная молнией береза.

Береза была тонкая, гладкая, почти без сучьев, и было совсем непонятно, как и зачем у самой обломанной вершины ее кто-то сидел.

— Эк куда тебя занесло! — останавливаясь возле дерева и задирая голову, подивился Бумбараш.— Глядите, какой ворон-птица!..

То ли ветер качнул в это время надломленную вершину, то ли «ворон-птица» не так повернулся, только он по-человечески вскрикнул, и неподалеку от Бумбараша упал на траву железный молоток.

«Плохо твое дело! — подумал Бумбараш.— Эк тебя занесло! Теперь возьми-ка, спускайся...»

— Дядька, здравствуй! — раздался сверху пронзительный голос.— Дядька, подай мне молоток!

— Дура! — рассмеялся Бумбараш.— Что я тебе, обезьяна?

— Я бечевку спущу, а ты привяжи...

— Если бечевку, тогда дело другое,— согласился Бумбараш и, скинув сумку, стал дожидаться.

Прошло несколько минут, прежде чем бечевка с сучком на конце опустилась и остановилась сажени на две до протянутой руки.

— Не хватает! — крикнул Бумбараш.— Спускай ниже.

— Сейчас, погоди. Надвяжу пояс.

Сучок опустился еще немного, но и этого было мало.

— Не хватает! — опять закричал Бумбараш.— Спускай ниже, а то уйду...

— Сейчас! — донесся встревоженный голос.

Видно было, как мальчуган, осторожно перехватываясь за корешки сучьев, снял рубашку и надвязал пояс к рукаву.

— Все равно не хватает. Давай, что еще есть!

— Что же мне — и штаны скидывать, что ли? — послышался сердитый ответ.

— Да ты давай сам подлезь маленько.

— Еще не было нужды!

Однако и на самом деле обидно было не достать конец веревочки, до которой оставалось не больше чем два аршина.

Бумбараш скинул шинель и, вспомнив солдатскую гимнастику, полез вверх.

Сунув молоток в петлю, обдирая гимнастерку и руки, он соскочил на землю.

— Дядька, спасибо! — поблагодарили его сверху.— Куда уходишь? До свиданья!..

Но Бумбараш не уходил еще никуда. Просто опасаясь, как бы сорвавшийся молоток не брякнулся ему на голову, он отошел к опушке и сел на пенек, собираясь посмотреть, чем же теперь все это дело кончится.

Видно было, как мальчишка прижимает телом вдоль ствола какой-то темный жгут и как, раскачиваясь на ветру, он ловко орудует молотком.

Вот он забил последний гвоздь, торжествующе вскрикнув, опустил жгут, и большое полотнище красного флага с треском взметнулось по ветру.

Зачем на перекрестке лесных дорог должен был торчать флаг — этого Бумбараш не понял никак. Так же как не поняла, по-видимому, проезжавшая на возу баба, которая, всплеснув руками, поспешно ударила вожжой по коняшке, очевидно рассудив, что раз тут затевается что-то непонятное, то лучше убраться от греха подальше.

Не дожидаясь, пока мальчишка слезет, Бумбараш тоже двинулся дальше и скоро очутился в деревне Катремушках, которая, как он увидел, была занята отрядом красноармейцев.

Красным Бумбараш ничего плохого не сделал, и потому он смело зашел в дом, где жила знакомая старуха.

Но старуха эта, оказывается, давно померла, и дома была только рябая баба — жена ее сына, которая занималась сейчас стиркой. Бумбараша она не знала.

Он спросил у нее, можно ли остановиться и отдохнуть.

— Чай, хлеб, баба, твой,— сказал Бумбараш,— сахар мой, а пить будем вместе.

Услыхав про сахар, баба вытерла о фартук мыльные руки и в нерешительности остановилась.

— Уж не знаю как,— замялась она.— В горнице у меня какой-то начальник стоит. Да и углей нет. Разве что лучиной?

— Эка беда — начальник! — возразил Бумбараш.— Что мне горница, я попью и на кухне. А лучину наколоть долго ли? Это я и сам могу.

— Уж не знаю как,— оглядывая с ног до головы грязного Бумбараша, все еще колебалась баба.— Да ты, поди, и про сахар не врешь ли?

— Я вру? — доставая из сумки пригоршню сахару и потряхивая ею на ладони, возмутился Бумбараш.— Моя королева, внакладку пить будем!

Рябая баба рассмеялась и пошла за самоваром.

Вскоре нашлись и теплая вареная картошка, и хлеб, и молоко... Бумбараш позавтракал, напился чаю и почувствовал, что его клонит ко сну.

В самом деле, всю ночь, мокрый и грязный, он был на ногах, заснул у стога сена только под утро и спал мало.

Торопиться было некуда.

«Дай-ка я посплю,— решил он.— А пока посплю, пусть баба выстирает гимнастерку и брюки. Хоть к дядьке приду человек человеком. Да пускай заодно и воротник у шинели иглой прихватит, а то болтается, как у [богатого]».

Он пообещал бабе десять кусков сахару, и она показала ему во дворе плетеную клетушку с сеном.

— Тут и спи,— сказала она.— А в чем ты спать будешь? Нагишом, что ли?

— Давай поищи что-нибудь из старья мужниного. Спать — не на свадьбу.

Баба покачала головой. Долго рылась она в чулане. Наконец достала такую рванину, что, разглядывая ее на свет, и сама остановилась в раздумье.

— Уж не знаю, чего тебе. Разве вот это?

— Не нашла лучше! Пожадничала... — пробурчал Бумбараш, напяливая на себя штаны и пиджак, до того изодранные, излохмаченные, что годились бы разве только на огородное пугало.

— Экий ты стал красавец! — забирая одежду, рассмеялась баба.— Ложись скорей, а то вон начальник идет. Глянет да испугается.

Спал Бумбараш долго. Когда он проснулся, то во дворе рябой бабы уже не было. Рядом с клетушкой, у скамьи под яблоней, разговаривали двое — командир и мальчишка.

— Дурак ты был, дураком и остался,— со сдержанной досадой говорил командир.— Ну и зачем тебя понесло на дерево и зачем ты приколотил флаг? Вот прикажу сейчас красноармейцам, чтобы достали и сняли.

— Разве же кто долезет? — усмехнулся мальчишка.— Да им в жизнь никому не долезть! Там наверху сучья хрупкие. Как брякнется, так и не встанет.

— Это уже не твоя забота. Раз я прикажу, значит, достанут... Ну что ты тут вертишься? Добро бы, какой сирота был. Иди домой! Ты думаешь, у нас всё гулянки? Вот пойдут бои, на что ты нам тогда сдался?

— Вот еще! Дали бы мне винтовку, и я бы с вами. Я смелый! Спросите у Пашки из третьего взвода. Он говорит: «Дай-ка я над твоей головой раза три из винтовки бахну—сразу штаны станут мокрые». А я говорю: «Хоть все пять, пожалуй!» Стал я у стенки. Он раз — бабах! Два, три! А я стоял и даже не моргнул глазом.

— Я вот ему покажу, сукину сыну! — рассердился командир.— Я ему дам штук пять не в очередь! Тоже, балда, нашел дело!

— Наврал я про Пашку,— помолчав немного, ответил мальчуган.— Это я вас хотел раззадорить. Думаю: может, разойдется. «Ах, скажет, была не была, давай приму».

— Куда приму?

— Известно куда. К вам в отряд.

— Опять на колу мочала, начинай сначала. Меня твоя мать о чем просила? «Гоните, говорит, его прочь, пусть лучше делом займется, а не шатаньем, как безродный».

— Так ведь она же глупая, товарищ командир! Разве же ее переслушаешь?

— Это ты на родную мать-то... глупая? Хорош гусь! Пошел с моих глаз долой! Слушать тебя и то противно.

— Конечно, глупая,— упрямо повторил мальчуган.— Недавно зашел к нам на квартиру какой-то комиссар, что ли, а с ним девка с бумагами. «Сколько,— спрашивает он,— детей? Да кто был муж? Да сколько денег получаешь?» А она стоит и трясется. Я ей говорю: «Мама, ты чего трясешься? Это же советский». Все равно трясется. А чего бояться! Вот вы, например, начальник, однако же я стою и не боюсь.

— Послушай, ты,— помолчав немного, спросил командир,— как тебя зовут?

— Иртыш,— подсказал мальчик.

— Постой, почему же это Иртыш? Тебя как будто бы Иваном звали... Ванькой...

— То поп назвал,— усмехнулся мальчишка.— А теперь не надо. Ванька! И названье-то какое-то сопленосое. Иртыш лучше!

— Ну ладно, пусть Иртыш. Так вот что, Иртыш— смелая голова, в отряд я тебя все равно не возьму. А вот, если хочешь сослужить нам службу, я тебе дам пакет. Беги ты назад в Россошанск и передай его там военному комиссару.

— Да вы, поди, там напишете какую-нибудь ерунду, так только, чтобы от меня отделаться,— усомнился Иртыш.— А я и помчусь как дурак, язык высунувши.

— Вот провалиться мне на этом месте, что не ерунду,— побожился командир.— Так, значит, сделаешь?

— Ладно,— согласился Иртыш.— Только, если обманете, я вас все равно найду. Стыдить буду.

Когда они ушли, заспанный Бумбараш вылез из

своей берлоги. Надо думать, что вид его был очень страшен, потому что, увидев его, бежавшие по двору ребятишки с воем бросились врассыпную.

— Отоспался? — высовываясь из окна, спросила его рябая баба.— Заходи в избу, щей налью. Мы уже отобедали.

Бумбараш сел за стол и вытащил свою ложку.

— Ушел командир? — спросил он, прислушиваясь к тиканью часов в горнице.— Командир, я смотрю, у вас добрый.

— Добрый,— согласилась баба. И, зевнув, она добавила: — На кого как. Вчера вечером у нас тут под оврагом шпиёна одного расстреляли. Хлюпкий такой шпиён, а в мешке три бомбы...

На кухню вошел красноармеец, но, судя по нагану у пояса, тоже какой-нибудь старшой.

— Командир здесь?

— Нету. Сказал, что скоро придет.

Красноармеец сел на лавку и внимательно посмотрел на хлебавшего щи Бумбараша.

— Это что же, здешний? — не вытерпев, наконец спросил он.

— Нет. Прохожий,— ответила баба.

— А...

Опять посидели молча.

— А это чья? — спросил красноармеец, показывая на висевшую в углу шинель.

— Моя шинель,— ответил Бумбараш.— А что надо?

— Ничего. Так спрашиваю.

Баба выдернула из стены иголку и сняла шинель, собираясь зашить порванный воротник.

— Экая у тебя шинель!—укоризненно сказала она, выворачивая грязные карманы и обшлага.— Такую

шинель только на пороге постлать на подтирку... Это что у тебя за рукавом, бумага? Нужная?

Бумбараша передернуло. Это был тот самый пакет, который бог знает зачем взял он от мужика ночью в кордонной избушке. А кому был этот пакет и что еще в нем было — этого он так и не знал.

— Нет,— грубо ответил он.— Брось на растопку.

Красноармеец поднял с шестка пакет и распечатал.

Лицо его сразу же покрылось пóтом, он читал про себя по складам, не переставая наблюдать за движениями Бумбараша и не спуская руки с расстегнутой кобуры нагана.

— Поднимайся! — сказал он таким хриплым голосом, как будто бы его душили за горло.

Баба взвизгнула и уронила шинель. Бумбараш хотел было объяснить, кто он и откуда, но красноармеец глядел на него глазами, горевшими такой дикой ненавистью, что Бумбараш смолчал и решил, что лучше будет держать ответ перед самим командиром.

Он взял сумку и, в чем был, так и пошел впереди конвоира, вынувшего свой наган, возбуждая всеобщий страх и любопытство.

У крыльца штаба была привязана верховая лошадь. На ступеньках, облокотившись о винтовку, сидел молодой красноармеец.

— Проходи!—скомандовал конвоир Бумбарашу.— Встань, Совков, дай дорогу!

— К командиру нельзя! — не поднимаясь, ответил красноармеец.— Командир заперся с каким-то партийным. Видишь, лошадь...

— Сам ты лошадь! Видишь, дело важное!

— Ну иди, коли важное. Он тебе шею намылит.

Конвоир замялся.

— Совков,— сказал он,— покарауль-ка этого человека. А я зайду сам, доложу. Да смотри, чтобы не убег.

— Пуля догонит,— самоуверенно ответил Совков.— Давай проходи. Да погляди на часы — много ли время.

Не поворачивая головы, Бумбараш зорко осматривался. Ворота во двор штаба были приоткрыты. Забора на той стороне не было, недалеко за баней начинался кустарник, потом овражек, потом опять кустарники — до самого леса.

«А кто его знает, как еще рассудит командир? — с тревогой подумал Бумбараш, вспоминая рассказ хозяйки о расстрелянном шпионе.— Да пойди-ка докажи ему, что пакет не твой. Доказать трудно... А пуля не догонит,— решил он, приглядываясь к лицу красноармейца.— Не та у тебя, парень, ухватка!»

Он наклонил голову, поднес ладонь к глазам, как будто бы протирал веки, и, вдруг выпрямившись, ударил красноармейца ногой в живот.

Научили Бумбараша австрийские пули и прыгать зайцем, и падать камнем, и катиться под гору колобком, и втискивать голову меж кочек, и ползти ящерицей. И оказался он под стеклом командирского бинокля уже возле самой опушки. Видно было, как он остановился, поправил сумку и, пошатываясь, ушел в лес.

Опасаясь погони, он не пошел по Россошанской дороге и долго плутал по лесу, пока не вышел на ту, что вела в Семикрутово.

Уже совсем стемнело. Через дыры его лохмотьев проникал сырой ветер. На траву пала роса. Нужно было думать о ночлеге, о костре, а тут еще, как нарочно,

оказалось, что оставил он не только шинель, но и в кармане ее — спички.

Он шел, зорко оглядываясь по сторонам — не попадется ли хотя бы стожок сена, и вот заметил далеко, в стороне от дороги, мигающий огонек костра.

«Раз костер — значит, и люди»,— раздумывал Бумбараш.

Однако, вспомнив, что за все последнее время, начиная от лесной сторожки, каждая встреча приносила не одну, так другую беду, он решил подобраться незаметно, чтобы узнать сначала, что там у костра за люди и чего от них можно ожидать плохого.

Добравшись до мелкой дубовой поросли, он опустился на четвереньки и вскоре подполз вплотную к костру, возле которого — как он разглядел теперь — сидели два монаха.

«Семикрутовские! — решил Бумбараш.— От Долгунца бегают».

И он затих, прислушиваясь к их неторопливому разговору.

— Ты еще этого не помнишь,— говорил черный монах рыжему.— Был у нас некогда пекарь — брат Симон. Человек, надо сказать, характера тихого, к работе исправный, но пил.

— Помню я,— отозвался рыжебородый.— Он из просфирной два куля муки стянул да осколок медного колокола цыганам продал.

— Эх, куда хватил! То был Симон-послушник, вор, бродяга! Его после, говорят, в казанской тюрьме за разбой повесили... А этот Симон был уже в летах, характера тихого, но, говорю, пил. Бывало, игумен, тогда еще отец Макарий, ему скажет: «Симон, Симон! Почто пьешь? Терплю, терплю, а выгоню». А брат Симон кроткий был. Как сейчас вот помню: стоит он пьянень-

кий, руки на животе вот так сложит, а в глазах мерцание... этакое сияние. «Просто, говорит, отец игумен, к подвигу готовлюсь». А отец Макарий характера был крутого. «Если, говорит, сукин сын, все у меня к подвигу через пьянство будут готовиться, а не через пост и молитву, то мне возле трапезной кабак открывать придется».

Рыжебородый монах ухмыльнулся, подвинул свои короткие ноги в лаптях к огню и покачал плешивой, круглой, как тыква, головой.

— А ты не осуждай! — строго оборвал его рассказчик.— Ты раньше послушай, что дальше было. Вот стоим мы единожды у малой вечерни с каноном. Служба уже за середку перевалила. Уже за часослова «Буди, господи, милость твоя, яко же на тя уповаем» проскочила. Вдруг заходит брат Симон, видать — выпивши, и становится тихо у правого клироса. А надо сказать, что крепко-накрепко было игуменом наказано, что если брат Симон не в себе — не допускать в храм спервоначалу увещеванием, а ежели не поможет, то гнать прямо под зад коленкой.

И как он смело через дверь прошел — уму непостижимо. А от клироса гнать его уже неудобно. И вот стою и думаю: ну, господи, только бы еще не облевал! А служба идет своим чередом. Только возгласили ирмос: «Ты же, Христос, господь, ты же и сила моя», как наверху треснет, как крякнет! Стекла, как дождь, на голову посыпались. А у нас снаружи на лесах каменщики работали. Возьми леса да и рухни! Одно бревно, что под купол подведено, как грохнуло через окно и повисло ни туда ни сюда. Висит, качается... Как раз над правым пределом. А сорвется — все сокрушит вдрызг. Мы, конечно, кто куда, в стороны. Смалодушествовали...

Вдруг видим, брат Симон — к алтарю, да по цар-

ским вратам, с навеса на карниз, да от того места, где нынче расписан сожской великомученицы Дарьи лик,— и пошел, и пошел... Карниз узкий — только разве кошке пробраться, а он лицом к стене оборотился, руки расставил — в движениях легкость такая, как бы воспарение. Сам поет: «Тебе, бога, славим». И пошел, и пошел... Господи! Смотрим — чудо в яви: добрался он до окна, чуть бревно подтолкнул, оно и вывалилось наружу. Постоял он, обернулся, видим — качается. Вдруг как взревет он не своим голосом да как брякнется оттуда на пол! Тут он и богу душу отдал.

Так потом сколько верою укрепились — к тому карнизу лазили! Один купец попытался: «Дай, говорит, я ступлю». Ступил раз-два да на попятную. «Нет, говорит, бог меня за плечи не держит... Аз есмь человек, а не обезьяна, а в цирке я не обучался». Дал на свечи красненькую и пошел восвояси.

Рыжебородый опять покачал головой и усмехнулся.

— Чего же ты ухмыляешься? — сердито спросил черный.

— Да так... сияние... воспарение... Вот, думаю, заставил бы Долгунец всех и впрямь с колокольни прыгать — поглядел бы я тогда, какое оно бывает, воспарение... Господи, помилуй! Кто там?

Тут оба монаха враз обернулись, потому что из-за кустов вылез лохматый, рваный, похожий на черта Бумбараш.

— Мир вам! — подвигаясь к костру, поздоровался Бумбараш.

— И тебе тоже,— ответил рыжебородый.—Говори, чего надо? Если ничего, то проваливай дальше.

— Земля широка,— подхватил другой.— Места много... А мы тебя к себе не звали.

На коленях у рыжебородого лежит тяжелый посох,

а рука черного очутилась возле горящей с одного конца головешки.

— Мне ничего не надо,— злобно ответил Бумбараш.— Глядим мы с товарищами — горит огонь. Говорят мне товарищи: «Поди узнай, что там за люди и что им здесь на нашей земле надо».

Монахи в замешательстве переглянулись.

— Садись,— поспешно освобождая место у костра, предложил чернобородый.— А кто же твои товарищи и на чью землю мы попали?

Бумбараш усмехнулся. Он развязал сумку, достал оттуда позолоченную пачку табаку — такого, какого давно в этих краях и в глаза не видали. Свернул цигарку и только тогда неторопливо ответил:

— А земля эта вся на пять дорог — Россошанскую, Семикрутовскую, Михеевскую, на Катремушки и до Мантуровских хуторов — дана во владение нашему разбойничьему атаману, храброму Ивану Иванюку.

Монахи еще в большем замешательстве переглянулись. Рыжебородый опрокинул вскипевший чайник, а черный быстро глянул на свою котомку, тоже собираясь тотчас же вскочить и задать тягу.

И только похожий на черта Бумбараш важно сидел, поджав ноги, выпуская из носа и рта клубы пахучего дыма, и был теперь очень доволен.

— Ты скажи им,—медленно подбирая слова, заговорил чернобородый,—что мы с братом Панфилием двое странствующие. Добра у нас никакого нет—вот две котомки да это... монашья ряса — от брата нашего Филимона, который скончался вчера, свалившись в каменоломную яму, и был сегодня погребен. А через это задержались мы и не дошли, где бы постучаться на ночлег. И скажи, что тут нам пробыть бы только до рассвета. А чуть свет пойдут, мол, они с божьей помощью дальше.

— Ладно,— вытягивая из костра печеную картошку, согласился Бумбараш.— Так и скажу.

Но пока он, обжигая пальцы, счищал обуглившуюся кожуру, рыжебородый, который все время сидел и вертел головой, вдруг подмигнул черному и незаметно помахал толстым пальцем над своей плешивой головой. Очевидно, им овладело подозрение. И хотя курил Бумбараш табак из золоченой пачки, но был он для разбойника слишком уж худо одет, оружия при нем не было. Кроме того, для разбойника с пяти дорог очень уж он с большой жадностью поедал картошку за картошкой.

— А где же твои товарищи? — осторожно спросил рыжебородый.

И Бумбараш увидел, что толстый посох опять очутился у рыжего на коленях, а рука черного снова оказалась возле обуглившейся головешки.

— Да,— подхватил черный,— а где же твои товарищи? Ночь темная, прохладная, а ни костра, ни шуму...

— Вот там,— неопределенно махнул рукой Бумбараш и уже поднял сумку, собираясь вскочить и дать ходу.

Но на этот раз счастье неожиданно улыбнулось Бумбарашу. Далеко, в той стороне, куда показал он рукой, мелькнул вдруг огонек — один, другой... Шел ли это запоздалый пешеход и чиркал спичкой, закуривая на ветру цигарку или трубку, ехала ли телега, шел ли отряд, но только огонек в самом деле блеснул два раза яркой сигнальной искрой, блеснул два раза [и] потух.

И снова монахи в страхе глянули один на другого.

— Вот что, святые отцы,—грубо сказал тогда Бумбараш, забирая лежавший рядом с ним широкий подрясник покойного отца [Панфилия],— я ваши ухватки все вижу! Но уже сказано в священном писании: как аукнется, так и откликнется.

Он заложил два пальца в рот и пронзительно свистнул. Озорное эхо откликнулось ему со всех концов леса, и не успели еще монахи опомниться, как он скрылся в кустах.

Но этого ему было мало. Отойдя не очень далеко, он загоготал протяжно и глухо, потом засвистел уже на другой лад... потом, перебравшись далеко в сторону, приложил руки ко рту и загудел, подражая сигналу военной трубы, затем поднял чурбак и принялся колотить им о ствол дуплистой сосны.

Наконец он утомился. Переждал немного и крадучись вернулся к костру. Монахов возле него не было и в помине. Он набросал около костра травы, положил в изголовье сумку, укрылся просторным подрясником и, утомленный странными событиями минувшего дня, крепко уснул.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

С пакетом за пазухой, с ременной нагайкой, которую он нашел близ дороги, Иртыш — смелая голова весело держал путь на Россошанск.

В кармане его широких штанов бренчали три винтовочных патрона, предохранительное кольцо от бомбы и пустая обойма от большого браунинга. Но самого оружия у Иртыша — увы! — не было.

Даже по ночам снились ему боевые трехлинейки, вороненые японские «арисака», широкоствольные, как пушки, итальянские «гра», неуклюжие, но дальнобойные американские «винчестеры», бесшумно скользящие затвором австрийские [карабины] и даже скромные однозарядные берданы. Все они стояли перед ним грозным, но покорным ему строем, нетерпеливо ожидая, на какой из них он остановит свой выбор.

Но, минуя все остальные, он уверенно подходил к русской драгунке. Она не так тяжела, как винтовки пехоты, но и не так слаба, как кавалерийский карабин. Раз, два!.. К бою... готовься!

Иртыш перескочил канаву и напрямик через картофельное поле вышел в деревеньку, от которой до Россошанска оставалось еще верст пятнадцать. Здесь надо было ночевать.

Он постучался в первую попавшуюся избу. Ему отворила красивая черноволосая, чуть постарше его, девчонка с опухшими от слез глазами.

— Хозяева дома? — спросил Иртыш таким тоном, как будто у него было очень важное дело.

— Я хозяйка,— сердито ответила девчонка.— Куда же ты лезешь?

— Здравствуй, коли ты хозяйка! Переночевать можно?

— Кого бог принес? — раздался дребезжащий голос, и дряхлая, подслеповатая старушонка высунула с печки голову.

— Да вот какой-то тут... переночевать просится.

— Заходи, батюшка! Заходи, милостивый! — жалобным голосом взвыла старуха.— Валька, подай прохожему табуретку. Ох, и беда у нас, батюшка!.. Садись, дорогой, разве места жалко...

— Дак он же еще мальчишка! — огрызнулась на старушку обиженная Валька.— Ты глаза сначала протри, а то... батюшка да батюшка! Вон табуретка — сам сядет!

Но старуха была, очевидно, не только подслеповата, но и глуховата, потому что она не обратила никакого внимания на Валькину поправку и продолжала рассказывать про свое горе.

А горе было такое. Ее сын—Валькин отец—поехал

еще позавчера в Россошанск на базар купить соли и мыла и по сю пору домой не вернулся. На базаре односельчане его видели. Видели и в чайной уже незадолго до вечера. Однако куда он потом провалился — этого никто не знал. А время было кругом неспокойное. Дороги опасные. Вот почему бабка на печи охала, а у Вальки были заплаканны глаза.

— Вернется! — громко успокоил Иртыш.— Он, должно быть, поехал в Мантурово, покупать телку. Или в Котухово, сменить у телеги колеса. Ведь телега-то, поди, у вас старая?

— Старая, батюшка! Это верно, что старая! — радостно завопила обнадеженная бабка и от волнения даже свесила ноги с печки.— Достань, Валька, из печки горшок... миску поставь, ужинать будем.

Валька передернула плечами, бросила на Иртыша удивленный, но уже не сердитый взгляд и, забирая кочергу, недоверчиво спросила:

— Что же это он колеса менять бы вздумал? Он когда уезжал, про колеса ничего не говорил.

— А это уж характер у него такой,— важно объяснил Иртыш.—Станет он обо всем с вами разговаривать!

— Не станет, батюшка,— слезая с печи, охотно согласилась старуха.— Это верно, что характер у него такой крутой, натурный. Валька, слазь в подпол, достань крынку молока. Ах ты боже мой! Вот послал господь утешителя!

Утешитель Иртыш самодовольно улыбнулся. Он помог Вальке открыть тяжелую крышку подпола, наточил тупой нож о печку и вежливо попросил Вальку, чтобы она подала ему воды умыться.

Валька улыбнулась и подала.

После ужина они были уже почти друзьями.

Бабка опять залезла на печку. Валька насухо

вытерла стол и сняла со стены жестяную лампу. Иртыш взял с подоконника Валькину тетрадь и огрызок карандаша.

— Хочешь, я тебя нарисую? — предложил он.— Ты сиди смирно, а я раз-раз — и портрет будет.

— Бумагу-то портить? — недоверчиво ответила Валька. А сама быстро поправила волосы и вытерла рукавом губы.— Ну, рисуй, если хочешь!

— Зачем же портить? — самоуверенно возразил Иртыш. И, окинув прищуренным глазом девчонку, он зачертил карандашом по бумаге.—Так... Ты сиди, не ворочайся!.. Вот и нос готов... сюда бровь... Вот один глаз, вот другой... Глаза-то у тебя опухли, заплаканные...

— А ты не опухлые рисуй! — забеспокоилась Валька.— Ты рисуй, чтобы было красиво.

— Я и так, чтобы красиво... Ты кончик языка убери. А то так с языком и нарисую! Ну вот волосы — раз... раз, и готово! Смотри, пожалуйста, разве не похожа?— И он протянул ей портрет красавицы с тонкими губами, с длинными ресницами и гибкими бровями.

— Похоже,— прошептала Валька.— Эх, как ты здорово! Только вот нос... Он как-то немного кривой... Разве же у меня кривой? Ты посмотри поближе... Подвинь лампу.

— Что нос? Нос — дело пустяковое. Дай-ка резинку... Нос я тебе какой хочешь нарисую. Хочешь — прямой, хочешь — как у цыгана с горбинкой... Вот такой правильней!

— Такой лучше,— согласилась Валька.— Ой, да ты же мне и сережки в ушах нарисовал!

— Золотые,— важно подтвердил Иртыш.— Постой, я в них сейчас бриллиантик вставлю! Один бриллиант — раз... другой — два... Эх, ты! Засверкали! Ты в городе бываешь, Валька?

— Бываю,— не отрываясь от портрета, тихо ответила Валька.— С отцом на базаре.

— Тогда найду!.. А вон и ворота скрипят. Беги, встречай батьку!

— Ты колдун, что ли? Ох! А ведь правда, кто-то подъехал.

В избу вошел отец. Он был зол.

Вчера в лесу его встретили четверо из долгунцовской банды, вскочили на телегу и заставили свернуть на Семикрутово...

Против двухсот пехотинцев, полусотни казаков и двух орудий у города Россошанска было только восемьдесят два человека и три пулемета.

Однако отбивался Россошанск пока не унывая. Стоял он на крутых зеленых холмах. С трех сторон его охватывали поросшие камышом речки Синявка и Ульва. А с четвертой — от поля — на самой окраине торчала каменная тюрьма с четырьмя облупленными башенками.

День и ночь тут дежурила сторожевая застава. Пули за каменными бойницами были ей не страшны, а тургаческие орудия по тюрьме не били, потому что сидели в ней заложниками жена Тургачева и ее сын Степка.

Было еще совсем рано, когда Иртыш подбежал к ограде и застучал в окованные рваным железом ворота.

— Что гремишь? — спросил его через окошечко надзиратель.— Кого надо?

— Трубников Павел в карауле? Отворите, Семен Петрович. Беда как повидать надо!

— Эх, какой ты, молодец, быстрый! А пропуск? Это тебе, милый, тюрьма, а не церква.

— Так мне же нужно по самому спешному и важному! Вы там откиньте слева крючок, а засов ногою

отпихните. Я быстренько. Мне только к Пашке Трубникову... к брату...

— К брату?—высовывая бородатое лицо, удивился надзиратель.— А я тебя, молодец, спросонок и не признал. Так это, говорят, ваша компания у меня в саду две яблони-скороспелки наголо подчистила?

— Бог с вами, Семен Петрович!—хлопнув рукой об руку, возмутился Иртыш.—С какой компанией? Какие яблоки? Ах, вот что! Это вы, наверное, приходили недавно в сад. Где яблоки? Нет яблок. А все очень просто! Когда в прошлую пятницу стреляли белые из орудий, он — снаряд — как рванет... В воздухе гром, сотрясение!.. У Каблуковых все стекла полопались, трубу набок свернуло. Где же тут яблоку удержаться? Яблоки у вас сочные, спелые, их как тряхнет — они, поди, и посыпались...

— То-то, посыпались! А куда же они с земли пропали? Сгорели?

— Зачем сгорели? Иные червь сточил, иные ёж закопал. А там, глядишь, малые ребятишки растащили. «Дай, думают, подберем, все равно на земле сопреет». А чтобы мы... чтобы я?.. Господи, добро бы хоть яблоко какое — анисовка или ранет, а то... фють, скороспелка!

— Мне яблок не жалко,— отпирая тяжелую калитку, пробурчал старик.— А я в нонешное время жуликов не уважаю. Люди за добрую жизнь головы наземь ложут, а вы вот что, шалопутники!.. Ты лесом бежал, белых не встретил?

— У Донцова лога трех казаков видел,— проскальзывая за ограду и не глядя на старика, скороговоркой ответил Иртыш.— Ничего, Семен Петрович... мы отобьемся!

— Вы-то отобьетесь! — закидывая тяжелый крюк,

передразнил Иртыша старик.—Ваше дело ясное... Направо иди, мимо караулки. Там возле бани, где солома, спит Пашка.

В проходе меж двумя заплесневелыми корпусами дымила походная кухня. Тут же, среди двора, валялись изрубленные на растопку золоченые рамы от царских портретов, мотки колючей проволоки и пустые цинки из-под патронов. На заднем дворике сушились возле церковной решетки холщовые мешки и поповская ряса.

В стороне, возле уборной, разметав железные крылья, лежал кверху лапами двуглавый орел.

Кто-то из окошка, должно быть нарочно, выкинул Иртышу на голову горсть шелухи от вареной картошки. Иртыш погрозил кулаком и повернул к бане.

Раскидавшись на соломенных снопах, ночная смена еще спала. Иртыш разыскал брата и бесцеремонно дернул его за полу шинели.

Брат лягнул Иртыша сапогом и выругался.

— Давай потише,— посоветовал отскочивший Иртыш.— Ты человек, а не лошадь!

— Откуда? — уставив на Иртыша сонные глаза, строго спросил брат.— Дома был? Где тебя трое суток носило?

— Всё дела,— вздохнул Иртыш.— Был в Катремушках. Ты начальнику скажи — совсем близко, у Донцова лога, трех я казаков видел.

— Эка невидаль! Трех! Кабы триста...

— Трехсот не видал, а ты скажи все-таки... Дома что? Мать, поди, ругается?

— Бить будет! Вчера перед иконой божилась. «Возьму, сказала, рогаль и буду паршивца колотить по чем попало!»

— Ой ли? — поежился Иртыш.— Это при советской-то?

— Вот она тебе покажет «при советской»! Ты зачем у Каблуковых на парадном зайца нарисовал? Всё шарлатанишь?

Иртыш рассмеялся:

— А что же он, Каблуков, как на митинге: «Мы да мы!»—а когда в пятницу стрельба началась, смотрю— скачет он через плетень да через огород, через грядки, метнулся в сарай, из сарая — в погреб. Ну чисто заяц! А еще винтовку получил! Лучше бы мне дали...

— Про то и без тебя разберут, а тебе нет дела.

— Есть,— ответил Иртыш.

— А я говорю — нет!

— Есть,— упрямо повторил Иртыш.— А ты побежишь, я и тебя нарисую.

— И кто тебя, такого дурака, сюда пропустил? — рассердился брат.—В другой раз накажу, чтобы гнали в шею. Постой! Матери скажи, пусть табаку пришлет. За шкафом, на полке. Да вот котелок захвати. Скажи, чтобы еды не носила. Вчера мужики воз картошки да барана прислали, пока хватит.

Иртыш забрал котелок и пошел. По пути он толкнул ногой железного орла, заглянул в пустую бочку, поднял пустую обойму, и вдруг из того же самого окна, откуда на голову ему свалилась картофельная шкурка, с треском вылетела консервная жестянка и ударила по ноге, забрызгав какою-то жидкой дрянью. Сквозь решетку Иртыш увидел вытиравшего о тряпку руки рыжего горбоносого мальчишку лет пятнадцати.

— Барчук! Тургачев Степка!—злобно крикнул Иртыш, хватая с земли обломок кирпича.— Где твое ружье? Где собака? Сидишь, филин!

Камень ударился о решетку и рассыпался.

— Стой! Проходи мимо!—закричал Иртышу, выбегая из-под навеса, часовой.— Не тронь камень, а то

двину прикладом... Уйди прочь от решетки, белая гвардия! — погрозил он кулаком на окошко.— Ты смотри, дождешься!

Из глубины камеры выскочила такая же рыжая горбоносая женщина и рванула мальчишку за руку.

— Врет, он не выстрелит,— отдергивая руку, огрызнулся мальчишка.— Нет ему стрелять приказа!

Он плюнул через решетку, показал Иртышу фигу и нехотя отошел.

— Ишь, белая порода! Ломается! — выругался часовой.— То-то, что нет приказа. А то бы ты у меня сунулся!.. Беги, малый,— сердито сказал он Иртышу.— Видел господ? Мы вчера всухомятку кашу ели. А он, пес, фунт мяса да полдесятка яиц слопал. Не хватает только пирожного да какава!

— За что почет? — спросил Иртыш.— Жрали бы хлеба.

— Боится комиссар — не сдохли бы с горя. Разобьет тогда Тургачев тюрьму пушками. Она, тюрьма, только с виду грозна. А копнуть—одна труха. В церкви на стене написано—еще при Пугачеве строили. Сорви-ка лопух да штанину сзади вытри. Эк он тебя, пес, дрянью избрызгал.

— Я его все равно убью! — пообещался Иртыш.— Мне бы только винтовку достать. У вас тут нет лишней?

Часовой усмехнулся:

— Лишних винтовок на всем свете нет. Все при деле. Беги, герой! Вон разводящий идет, смена караула будет.

Отбежав на бугорок в сторону, Иртыш видел, как сменялись часовые. Старый сказал что-то новому и опять показал на Иртыша, потом на окошко.

Новый злобно выругался и вскинул винтовку к плечу. Разводящий погрозил новому пальцем и кивнул на

караулку — должно быть, обещал пожаловаться начальнику. Новый скривил рот, вероятно показывая, что начальника он не испугался. Однако, когда разводящий поднес к губам свисток, новый сердито ударил прикладом о землю, скинул шинель, повесил ее на гвоздь под деревянный навес, молча стал на пост.

Старого часового Иртыш не знал. Новый, Мотька Звонарев, истопник и кухонный мужик тургачевской усадьбы, был Иртышу немного знаком. Когда Мотька хоронил дочку Сашку, которая утонула в пруду, испугавшись тургачевских собак, Иртыш был на похоронах и даже нес перед гробом крест.

С пригорка Иртышу был виден подкравшийся к решетке Степка Тургачев. Иртыш постоял, любопытствуя — высунется теперь Степка из окна или нет. Степка постоял, посмотрел, но когда Мотька поднял голову, то он быстро отошел прочь.

Иртыша выпустили за ворота. Он решил выйти на свою улицу и напрямик через луг и огороды быстро шагал по мокрой, росистой траве.

«Давно ли?» — думал он. Нет, совсем еще недавно, всего только прошлым летом, его поймали в тургачевском парке, где он ловил в пруду на удочку карасей. По чистым песчаным дорожкам, меж высоких пахучих цветов, его провели на площадку, и там перед стеклянной террасой, сидя в плетеной качалке, вот эта самая важная горбоносая женщина кормила из рук булкой пушистого козленка. Она объяснила Иртышу, что он потерял веру в бога, честь и совесть и что, конечно, уже недалеко то время, когда он попадет в тюрьму...

Иртыш обернулся и посмотрел на грозные тюремные башенки.

— А как повернулось дело? — засмеялся он вдруг.— Трах-та-бабах! Революция!

Иртыш свистнул и уже без песни помчался через грядки.

Ему стало весело. Он глотал пахнувший росой и яблоками воздух и думал: «Вот столб, хлеб, дом, рожь, больница, базар — слова всё знакомые, а то вдруг — революция! Бейте, барабаны!» Он поднял щепку и громко забарабанил в закопченное днище солдатского котелка:

Бейте, барабаны,
Трам-та-та-та!
Смотри, не сдавайся
Никому никогда!

Получалось складно.

Бейте, барабаны,
Военный поход!
В тысяча девятьсот
Восемнадцатый год!

Одинокая пуля жалобно прозвенела высоко над его головой. Иртыш съежился и скатился в канаву.

Высунувшись, он увидел, что это стреляют свои. С тюремной башенки часовой-наблюдатель показывал рукой, чтобы Иртыш не бродил полем, а шел по дороге.

Иртыш запрыгал и замахал шапкой, объясняя, что ему нужно пройти огородами. Часовой посмотрел — увидел, что мальчишка, и махнул рукой. Иртыш свистнул и уже без песни помчался через грядки.

Высоко над землею сияло солнце. Звенели над пустыми полями жаворонки.

Прятались в логах злобные казаки. Приготовились к удару тургачевские пушки. И все на свете веселому Иртышу было ясно и понятно.

Это был июль 1918 года. Сады, заборы, загородки для выпаса скота были оплетены ржавой колючей проволокой. Лучину на растопку утюгов, самоваров щепали военными тесаками. Крупу, пшено, махорку скупо отмеряли на базарах походным котелком. А гремучие

капсюли, головки от снарядов, латунные гильзы, обоймы, шомпола, а то и целую бомбу—на страх матерям—упрямо тащили ребятишки домой, возвращаясь с походов по грибы, по ягоду, по орехи. Спасаясь от собаки и разорвав штанину о проволоку, Иртыш выбрался через чужой огород на улицу и на стене каменной часовенки увидел рыжее, еще сырое от клейстера объявление, возле которого стояло несколько человек. Это был, кажется, уже четвертый по счету приказ ревкома населению — сдать под страхом расстрела в 24 часа все боевое, ручное и охотничье огнестрельное оружие.

Иртыш, не задерживаясь, пробежал мимо. Он уже знал заранее, что все равно никто ничего не сдаст.

Было еще рано, но осажденный город давно проснулся. Неуклюже ворочая метлами, под присмотром конвоира буржуи подметали мостовую. Неподалеку от пожарной каланчи, наполовину разбитой снарядами, городская рабочая дружина — человек двадцать пять — обучалась военному делу. По команде они вскидывали винтовки «на плечо», «на руку», «наизготовку», падали на булыжники и, распугивая прохожих, с криком «ура» скакали от забора к забору.

Мимо разрушенных и погоревших домов, сданных и брошенных купцами лавок Иртыш подошел к розовому двухэтажному дому купца Пенькова, где стоял теперь военный комиссар. У крыльца уже толкались люди; из окна, выбитого вместе с рамой, торчал пулемет. Пулеметчик, сидя на широком каменном подоконнике, грыз семечки и бросал шелуху в бочку, заменявшую урну.

Возле каменного льва, в разинутую пасть которого был засунут запасный патронташ, стоял знакомый часовой. Он пропустил Иртыша, когда узнал, что ему надо.

Иртыш прошел по гулким коридорам и наконец очутился в комнате, где уже несколько человек ожидали

комиссара. Какой-то бойкий военный молодец, а вероятнее всего-навсего вестовой, потянулся к Иртышу за пакетом.

— Нет! — отказался Иртыш.— Отдам только самолично.

— «Только самолично»! — передразнил его молодец.— Да что же ты, дурак, прячешь за спину? Дай хоть подержать в руках.

— Вот умный! Возьми да подержись,— указывая на дверную медную ручку, ответил Иртыш.— А это тебе не держалка!

Зашуршала и приоткрылась тяжелая резная дверь — кто-то выходил и у порога задержался.

По голосу Иртыш узнал комиссара — товарища Гринвальда. Другой голос, хрипловатый и резкий, тоже был знаком, но чей — Иртыш не вспомнил.

— Как наставлял наш дорогой учитель Карл Маркс,— говорил кто-то,— то знайте, товарищ комиссар, что я готов всегда за его идеи...

— Карл Маркс — это дело особое, а бомбы зря бросать нечего,— говорил комиссар.— То разоружили бы мы Гаврилу Полувалова вчистую, а теперь подхватил он свою опричнину да марш в банду. Иди, Бабушкин, зачисляю тебя командиром взвода караульной роты. Постой! Я что-то позабыл: семья у Гаврилы большая?

— Сам да жена. Жена у него, надо думать, товарищ комиссар, его злобному делу не сочувствует.

— Это мы разберем — сочувствует или не сочувствует.

Дверь отворилась, вышел комиссар Гринвальд, а за ним — коренастый, большеголовый человек в старенькой шинели, с винтовкой, у которой вместо ружейного ремня позвякивал огрызок собачьей цепи.

Иртыш сразу узнал михеевского мужика Капитона

Бабушкина, которого в прошлом году за грубые слова драгуны сбросили вниз головой с моста в Ульву.

— Посадить дуру, конечно, следовает,—согласился Капитон Бабушкин.—Как завещал наш дорогой вождь Карл Маркс, трудящийся—он и есть труженик, а капитал—это явление совсем обратное. И раз родилась она бедного происхождения, то должна, значит, держаться своего класса. Я эти его книги три месяца назад читал. Цифры и таблицы пропускал, не скрою, но смысл дела понял.

Капитон вышел. Комиссар оглянулся.

— Эти двое не к вам,— объяснил вестовой.— В канцелярии сидят по вывозу, а к вам коммерсант с жалобой да вон — мальчишка...

— Что за коммерсант? А-а...— нахмурился комиссар, увидев бородатого старика, который, опершись на палку, стоял не шелохнувшись.— Садись, купец Ляпунов. Я тебя слушаю.

— Ничего, я постою,— не двигаясь, ответил старик.— Совесть, говорю я, в нашем городе давно уже не ночевала. Контрибуцию мы вам дали, лошадей дали, хлеба двести пудов для пекарни дали. Дом мой один под приют забрали — хотя и беззаконно, ну, думаю, ладно, приют дело божье. А сегодня, смотрю, в другом доме [на окнах] рамы высаживают, в стенах ломом бьют дыры, антоновские яблони да две липы вырубили. Говорят, якобы для кругозора обороны. «Что же,—кричу им,— или вы слепые? Вон гора рядом. Бери заступы, рой окопы, как честные солдаты, строй фортификацию. А почто же в стенах бить дыры?» Мы с вами по-хорошему. В других городах народ за ружье хватается, бунт вскипает. [Мы же] сидим мирно, и как оно будет, того и дожидаемся. Вы же разор чините, злобу. Заложников десять человек взяли. У людей от такой невидали со

страха язык отнялся. Семьи сирые плачут. Вдова Петра Тиунова на чердаке удавилась. Это ли есть правое дело?

— Врет он, Яков Семенович! — ляпнул из своего угла Иртыш.— Вдову Тиунова они сами удавили. Она была... как бы сказать... блаженная, ей петлю подсунули. Теперь по всем базарам звонят!

Старик Ляпунов опешил и замахнулся на Иртыша палкой.

Иртыш отпрыгнул.

Комиссар вырвал и бросил палку.

— Ты кто? — строго спросил комиссар у Иртыша.

— Иртыш Трубников. Гонец с пакетом от командира Лужникова.

— Сиди, гонец, пока не спросим... Вот что, папаша,— обратился комиссар к Ляпунову,— тебя слушали, не били. Теперь ты послушай. Хлеба дали, контрибуцию дали — подумаешь, благодетели! Вранье! Ничего вы нам не давали. Хлеб мы у вас взяли, контрибуцию взяли, лошадей взяли. Где нам рыть окопы, где быть бойницам — тут вы нам советчики плохие. Заложников посадили, надо будет — еще посадим. Сорок винтовок офицер Тиунов из ружейных мастерских ограбил. Сам убит, а куда винтовки сгинули—неизвестно! Отчего вдова Тиунова на другой день на чердаке оказалась — неизвестно. Однако догадаться можно. А кто ночью через Ульву лодки все угнал? А кто спустил воду у мельницы, чтобы брода дать белым?.. Я? Он? Может быть, ты?.. Нет!.. Николай-угодник!.. Иди, сам запомни и другим расскажи. Да, забыл! Там тебе я утром сегодня повестку послал. Сотню пар старых сапог починить надо. Достаньте кожи, набойки, щетины, дратвы.

— Где? Откуда?

— Где? Поищите-ка сначала у себя сами. А если уж не найдете, то я своих пошлю к вам поискать на подмогу.

— Бог! — поднимая палку с полу и останавливаясь у порога, хрипло и скорбно пригрозил Ляпунов.— Он все видит! Он нас рассудит!

— Хорошо,— ответил комиссар,— я согласен. Пусть судит. Буду отвечать. Буду кипеть в смоле и лизать сковородки. Но кожу смотрите не подсуньте мне гнилую! Заверну обратно.

Старик вышел.

Комиссар плюнул, взял у Иртыша пакет и сердито повернулся к дверям своего кабинета.

— Что же ты стоишь? Иди! — сказал он и вдруг грубовато добавил: — Иди за мной в кабинет.

Иртыш вошел и сел на краешек ободранного мягкого стула. Комиссар прочел донесение.

— Хорошо,— сказал он Иртышу.— Спасибо! Что по дороге видел?

— Трех казаков видел у Донцова лога. Два — на серых, один — на вороном. Возле Булатовки два телеграфных столба спилены... Да, забыл: из Катремушек шпион убежал. По нем из винтовок — трах-ба-бах, а он, как волк, закрутился, да в лес, да ходу... Дали бы и мне, товарищ комиссар, винтовку, я бы с вами!

— Нет у нас лишних винтовок, мальчик. Самим нехватка. Дело теперь серьезное.

— Ну, в отряд запишите. Я пока так... А там как-нибудь раздобуду.

— Так нельзя! Хочешь, я тебя при комиссариате рассыльным оставлю? Ты, я вижу, парень проворный.

— Нет! — отказался Иртыш.— Пустое это дело.

— Ну, не хочешь — как хочешь. Ты где учился?

— В ремесленном училище на столяра. Никчемная это затея — комоды делать, разные там барыням этажерки...— Иртыш помолчал.— Я рисовать умею. Хотите, я с вас портрет нарисую, вам хорошую вывеску

нарисую? А то у вас какая-то плохая, и слово «комиссар» через одно «с» написано. Я знаю — это вам маляр Васька Сорокин рисовал. Он только старое писать и умеет: «Трактир», «Лабаз», «Пивная с подачей», «Чайная». А новых-то слов он совсем и не знает. Я вам хорошую напишу! И звезду нарисую. Как огонь будет!

— Хорошо,— согласился комиссар.— Попробуй... У тебя отец есть?

— Отца нет, он от вина помер. А мать—прачка, раньше на купцов стирала, теперь у вас, при комиссариате. Вот и вам недавно галифе гладила. Смотрю я, а у вас на подтяжках ни одной пуговицы. Я от своих штанов отпороть велел ей и вам пришить. Мне вас жалко было...

— Постой... почему же это жалко?—смутился и покраснел комиссар.—Ты, парень, что-то не то городишь.

— Так. Я видел... когда при Керенском вам драгуны зубы вышибли, другие орут, воют, а вы стоите да только губы языком лижете. Я из-за забора в драгуна камнем свистнул да жду.

— Хорошо, мальчик, иди! Зубы я себе новые вставил. Иногда было и хуже. Сделаешь вывеску — мне самому покажешь. Тебя как зовут? Иртыш?

— Иртыш!

— Ну, до свиданья, Иртыш! Бей, не робей, честь— дело верное!

— Я и так не робею,— ответил Иртыш.— Кто робеет, тот лезет за печку, а я винтовку спрашиваю.

1937

ФЕЛЬЕТОНЫ И ОЧЕРКИ

КАМА

Ты хочешь спать после долгого летнего дня, после сутолоки, гулкого эха пароходных сирен, утомившаяся от тяжелого хода груженых барж, крика и гомона купающихся комсомольцев и несмолкающего плеска весел подлуночных лодчонок, на которых две тени — два пятна и у которых плеск воды смешивается с звонким смехом, а смех с шепотом о том, что старо, как мир и как ты сама. Ты устала, старая, седая Кама. Уснули уже пропахшие солнечной смолой пристани, успокоились бунтующие высокими травами берега. Насупив поседевшие брови, застыл скованный снежными туманами лес. Ушли по домам матросы, и потушены пароходные огни.

Рабочий день окончен.

Товарищ! Не поворачивайся назад. Забудь на минуту, что за тобой город, у которого антенны перекликаются с Москвой, забудь про то, что в стороне трубы Мотовилихинских заводов стволами зенитных орудий направлены к небу... Подойди вплотную к Каме, по которой мертвые льдины плывут и сталкиваются, сталкиваются и хрустят и опять плывут дальше. Посмотри на

серый простор убаюканной снегами реки, на другой берег, где Закамский поселок деревянными избушками приткнулся к лесной орде, спускающейся к берегам, где туманы прячут лесные горизонты, а дымок избяных печей смешался с инеем смолистых сосен. И на тебя пахнёт курным запахом древней, затерявшейся в медвежьих просторах Руси...

Чу... далеко... далеко... над сонными плесками — волчий вой... протяжный, долгий. Тот самый, от которого овцы в соломенных клетях жмутся пугливо, а цепные собаки выставляют головы из деревянных конур, скалят зубы и ворчат сердито...

Нет! — зачем говорить неправду. Это вовсе и не волк, это ревет гудок паровоза... пробегающего по берегу из Мотовилихи на Пермь II-ю.

Правда, рев похож, но все же это уже не совсем то.

А на высоком левом берегу — город, внизу — склады, пристани. И дикая Кама не любит левый берег, потому что он командует над рекой, потому что после первых весенних льдин он навязывает ей свою волю окриками грузчиков, гнущихся под тяжелыми мешками, сигналами красных флажков, летающих над райкомводом, и тяжестью тысячестволовых плотов, пускающихся по реке книзу.

А Кама не любит терять волю стальных волн и злится бессильно, побеждаемая беспощадным обстрелом сухих телеграмм:

«Пермь... Камплесотрест... Промкомбинат... Сельхоззаводу присылайте... получайте».

Но теперь до весны... до пьяно-ласкового солнца, до журавлиных клекотов, которые высоко, высоко,— а аэроплан выше,— Кама спит.

Газета «Звезда» (Пермь),
22 ноября 1925 года

СКАЗКА О БЕДНОМ СТАРИКЕ И ГОРДОМ БУХГАЛТЕРЕ

Жил да был в деревеньке Ягвинской, Ильинского района, бедный мужик Егор Макрушин. И такая у этого мужика мытарная жизнь была, что как ни бился, как ни крутился, а не было ему от судьбы удачи,—хотя ковырялся он в земле с утра до ночи, и старуха по дому работала, и даже бесхвостая Шавка огурцы в огороде стерегла от разбойных мальчишек, у которых своих огурцов сколько хочешь, а нет — подай им стариковы.

И вот однажды доняла старика горькая бедность, собрала ему старуха котомку, и пошел старик искать счастья-работы. Вернулся старик через несколько месяцев, не принес с собой ни денег, ни подарка, но зато принес старик хорошее слово для бабки.

— Был,— говорит,— я в славном городе Чермозе, работал у богатого хозяина Камметалла, заработал денег столько, что хоть на целую корову не хватит, но на телушку вполне, да еще на поросенка в придачу. А только за деньгами велели приходить опосля, когда БАЛАНС ВЫВЕДУТ.

Пошел старик в сельсовет и спрашивает, что это за штука «балан» и долго ли его выводить надо? Почесал председатель голову и говорит:

— Точно сказать не могу, но, по всей видимости, долго, потому что это хитрая штука и ее в канцелярии ученые люди выводят.

Ждал-пождал старик; напекла ему бабка лепешек, положила в мешок три луковицы, и пошел старик за шестьдесят верст, в город Чермоз, к хозяину Камметаллу заработок получать.

Сидит в Камметалле человек гордой наружности, а

вокруг него столько бумаги, что целой деревней в год не перекрутить. Посмотрел он на старика и говорит:

— Иди, добрый человек, обратно. Зайдешь недели через три. А сейчас нам КРЕДИТЫ НЕ ОТПУЩЕНЫ.

Запечалился старик, обул покрепче ноги и поплелся обратно. Вернулся домой и зашел в сельсовет.

— Что,— говорит,— такое означает «кредиты не отпущены»?

Почесал ухо председатель и отвечает:

— А точно сказать не могу, но, вероятно, уж что-нибудь да означает.

Подождал три недели старик и опять попер в город пешедралом. Пришел в Камметалл и видит: сидит там прежний человек в чине бухгалтера, а вокруг него треск от счетов стоит, и так ловко люди счет ведут, что в один миг всю деревню обсчитать могут.

И говорит гордый бухгалтер старику таким же тоном:

— Иди, старик, обратно и приходи недельки через три, у нас сейчас РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПРОВОДИТСЯ.

Запечалился старик еще пуще прежнего и попер обратно. А старуха на него закричала и ногами затопала.

— Если,— говорит,— в следующий раз не принесешь, я тебя из избы выгоню! Одних только лепешек сколько задаром я на тебя израсходовала, да лаптей десять пар лишних стоптал.

Пошел старик в четвертый раз и видит: сидит прежний человек, а вокруг него народу столько, что повернуться некуда, и у каждого в руках папки с бумагами. Замахал на старика руками бухгалтер.

— Уходи,— говорит,— отсюда обратно. Приходи сюда недельки через три. Иль не видишь, что у нас РЕВИЗИЯ ИДЕТ?

Взвыл тогда старик печальным голосом:

— Помилосердствуйте, господин начальник! Не пустит меня старуха в дом без денег. Третий месяц хожу. Лепешек старухиных без счету израсходовал, все лапти в износ пошли, почитай ПЯТЬСОТ ВЕРСТ за своими деньгами проходил. Имейте же жалость к моему положению.

Замахали тут руками контролеры-ревизоры за эдакие дерзостные слова, зазвенели звонки, забегали курьеры. Испугался старик шума-грома, схватил сумку и подался в дверь поспешно.

Сел тогда гордый бухгалтер на свое место, помешал ложечкой чай в стакане, затянулся папиросой и угостил покурить всех контролеров-ревизоров. И опять защелкали счеты и пошел над бумагами сладкий дым.

Газета «Звезда» (Пермь),
21 ноября 1926 года

СЛУЧАЙ МАССОВОГО ГИПНОЗА

Некий молодой человек, 1906 года рождения, после долгого размышления о смысле жизни записал в свой дневник следующее, на первый взгляд странное замечание: «С настоящего момента я даю себе слово всегда следовать указаниям Высшего Разума и законам магнетизма».

Или эта фраза действительно пропитана глубоким философским смыслом, или просто на свете дураков много, но благие результаты твердого и неуклонного пользования «законами магнетизма» начали сказываться тотчас же с необыкновенной ясностью.

Вооружившись нетерпением, молодой человек начинает действовать. Первое его выступление относится к ноябрю 1925 года, когда он, явившись в кабинет ди-

ректора Надеждинского завода, назвал себя инженером-электромехаником первого разряда, окончившим Кунгурский техникум.

Директор завода посмотрел на юношу, на его безусое двадцатилетнее лицо, хотел было попросить предъявить соответствующие документы и дипломы, но глаза юноши глядели столь честно и открыто, что директор, мысленно обругав себя за бюрократические замашки, написал записку о том, чтобы инженера Черноусова зачислили в штат завода.

Однако через самое непродолжительное время кой у кого начинают возникать подозрения относительно действительности наличия звания инженера у Черноусова, и последний, обидевшись на сослуживцев, переводится в распределительное бюро механики того же завода, но здесь, заполняя анкету, он пишет уже, что окончил Томский технологический институт.

И только в марте месяце, когда уже для всех с достаточной ясностью видно, что инженер вовсе не инженер, а мошенник, авантюрист, то спохватившаяся администрация намекает на то, что недурно бы «проверить документы» и диплом Черноусова. Но, конечно, у инженера Черноусова документов никаких нет, и, вторично обидевшись на недоверие администрации, он уезжает дальше проявлять свои магнетические способности над крепкими головами советских хозяйственников.

В апреле мы уже застаем его в качестве инженера Туринского завода с солидным окладом и переправленной анкетой, в которой значится, что ему лет не двадцать, а двадцать шесть и окончил он Омский техникум.

Так же как и раньше, документов у него никто не спрашивал, и поверили человеку на слово. Через некоторое время результаты его работы были таковы, что он решил срочно покинуть завод.

В чем дело, покинуть так покинуть, деньги получены! А завод?

Мало ли у нас в СССР хороших заводов и плохих завов.

Едет инженер в Баранчи, в один момент поступает на завод «Вольта», а в следующий расписывается в получении 150 рублей подъемных и сейчас же, сразу же, не задерживаясь,—дальше. Затем мы застаем инженера уже в Свердловске, мимоходом заходящим в «Торгмет» и получающим подъемных 160 рублей. На следующий день мы его видим уже в управлении Пермской железной дороги, где, отрекомендовав себя инженером службы связи, он тотчас же и без всякой волокиты получает назначение в Пермь помощником начальника участка связи.

Однако в Перми дело обернулось несколько сложней. Инженеру предложили представить «схему включения реостата с электрическим двигателем трехфазного тока». Казалось бы, положение действительно безвыходное, но Черноусов верит в силу магнетизма и под непосредственным руководством «Высшего Разума» составляет какую-то бессмысленную ерунду и отсылает ее в Свердловск. Свердловские спецы, рассмотрев чертежи, ахнули и развели руками. Но Черноусова с работы не сняли и даже, несмотря на очевидную безграмотность составителя проекта, документов никаких не потребовали, а, наоборот, дали ему ответственную командировку в Кунгур по выяснению причин взрыва воздушного баллона.

Но Черноусов, верный своей тактике и почувствовавший на себе пристальные и подозрительные взгляды, предпочитает из командировки не возвращаться вовсе.

За несколько месяцев мы видим его то предлагающим свои услуги в Чусовском заводе, то в Челябин-

ске—заводу сельскохозяйственных машин, то в Емшановском, затем застаем его в должности инженера, заведующего наружной электрической сетью города Челябинска, и наконец 8 декабря он приезжает в Пермь, а уже 9-го назначается инженером по производству электрических работ Мотовилихинского завода, но... на этом кончается его карьера. 10 декабря железнодорожное ГПУ арестовывает этого талантливого и неуловимого самозванца.

Будет суд, будет приговор, все это так. Но нас интересует не это, нас интересует магнетизм. Действительно ли это такая непреодолимая сила, что ни один из хозяйственников не мог додуматься до мысли, сколько вреда и сколько ущерба может принести один авантюрист при благосклонном попустительстве и халатности десятка намагнетизированных директоров.

Газета «Звезда» (Пермь),
18 января 1927 года

3000 ВОЛЬТ

Как-то раз редактор одной из провинциальных газет призвал меня к себе и начал отчитывать следующими словами:

— Что это вы, дорогой товарищ, все больше сенсационными разоблачениями занимаетесь, пишете все в отрицательном смысле, совершенно игнорируя светлые стороны текущего момента. Все это говорит о том, что вы еще недостаточно прониклись духом пролетарского миросозерцания, а поэтому поезжайте сейчас же на собрание месткома кулечной фабрики и на заседания фабзавкома и РКК. Это вдохнет в вас бодрость, и вы, как прозревший слепой, увидите светлые стороны, как они есть, в натуральном виде.

Но вышло так, что на кулечной фабрике решили вопрос о необходимости поставить вентилятор и выдать два года обещанную прозодежду, а на фабзавкоме горячо спорили о неправильном снижении расценок и необходимости поднятия производительности труда.

С обоими положениями я был вполне согласен, вставил даже одну реплику во время прений, но ушел подавленным, разочарованным, чувствуя, что напрасно истратил семь гривен на извозчика, ибо ничего особенного на этих собраниях я не увидел.

— Очень печально,— покачав головой, сказал мне редактор.— Тогда поезжайте сейчас же на спичечную фабрику наблюдать поднятие производительности труда, а потом на съезд уполномоченных, чтобы увидеть собственнолично «столбовую дорогу к социализму» — то есть кооперацию.

Там случилось со мной то же самое.

Это было давно, и тогда на почве высказанных мною пессимистических взглядов у меня с редактором вышли серьезные разногласия.

Вчера в 3 с половиной часа дня техник Силанов подошел к доске генераторного пульта, спокойно повернул рычажок, и 3000 вольт, бесшумно ударив провода, полились непрерывным горячим потоком на заводы Свердловска. Не было сказано по этому поводу ни одной торжественной фразы, ни обширного доклада о международном положении и кознях английских соглашателей, не было ни одного лишнего человека, кроме 8 очередных рабочих, незаметно распылившихся по разным концам огромного, сверкающего огнями здания.

Была деловая напряженность, простая и четкая, как ток, проходящий через мраморную доску пульта.

И эта глубокая простота еще ярче и еще резче вы-

ступает после того, когда узнаешь, сколько труда было затрачено, для того чтобы на краю болота, среди хмурого леса построить новую электростанцию. Первые кирпичи подвозились на лодках, первые бревна срубленных деревьев подтаскивались вручную. Первые сроки, к которым должна была быть пущена станция, назначались почти наугад.

Прошлому горсовету рабочими был дан наказ — пустить станцию. Горсовет делал все, что мог, и, несмотря на целый ряд затруднений, добился все-таки, что в последний день, в тот день, когда его полномочия истекали и начинались новые перевыборы — новые наказы, с электростанции брызнул в город первый ток.

И все-таки, несмотря на то, что даже лошадь, в последнюю секунду взявшая приз у финиша, всегда вызывает бурю аплодисментов,— здесь аплодисментов не было, и не были они нужны ни инженеру, ни старику механику, впившемуся глазами в измерительные приборы, ни огромной турбине, бешенством 3000 оборотов в минуту посылающей ток в провода.

Люди (их всего-то восемь человек) растаяли. Люди уступили первенство машинам, и еще ярче и еще подчеркнутей становится видной эта простая, почти суровая скромность тех, которые влили сегодня в проволочные жилы города живительную электрическую кровь.

Уходил я с электростанции с неохотой, хотелось остаться дольше, но не было времени. И я подумал, кто прав, кто виноват — дело темное, но только здесь гул машин, запертых рукой человека в полупустом замке, молчаливый поворот рычага рабочей рукой заставил меня почувствовать дух эпохи гораздо сильнее, нежели на торжественных собраниях, в которых я не мог уловить того, чего от меня требовали.

Газета «Уральский рабочий» (Свердловск),
11 февраля 1927 года

ПЕРЕСЕКРЕТНИЧАЛИ

Конечно, осторожность никогда не мешает. Знаете, всякие там подозрительные личности с иностранным акцентом. Распустишь язык — глядишь, на хозяйственный шпионаж нарвался!

Однако до крайности секретничать нельзя, а то смешно получается и нелепо, как, например, было на Моршанской ф-ке, Тамбовского уезда.

Приходит однажды зав. отделом экономики труда фабрики т. Розенкранц к зам. директора. В руках бумажку держит, и видно сразу по походке, что окончательно волнуется человек.

— Вот,— говорит он таинственным голосом,— запрашивают с нас сведения...

— Сведения? — нахмурился зам. директора.— Какие еще такие сведения? У нас никаких сведений нет! Наверно, всякие темные личности хотят к секретам производства подъехать!..

— Да не темные,—уныло поправил его зав. ОЭТ,— и не личности, а соседний Рязанский губотдел текстильщиков просит... Ну, как бы в виде товарищеского одолжения...

— Губотдел?.. Гм! Конечно, губотдел не личность, а все-таки, знаете, осторожность соблюдать надо. Мы, скажем, сообщим в губотдел, а в губотделе, может, машинистка в иностранного агента влюбится, а тот агент через тую любовь сведения выкрадет. Мало ли подходящих случаев в кино показывают? А отвечать кто будет? Мы будем!

— Да ведь обидится губотдел, хоть он и чужой губернии, ежели отмолчаться на ихнюю просьбу.

— А вы знаете что? — догадался директор.— Вы поделикатнее как-нибудь. Отпишите в том смысле, что

мы бы, конечно, с удовольствием для ихнего удовольствия, но, опасаясь вызвать неудовольствие вышестоящих органов, просим вас адресоваться прямо в гострест грубых сукон, а ежели он уже разрешит, то тогда мы к вашим услугам. А дальше — с товарищеским приветом и т. д.

Бумажку такого содержания как раз и получил в ответ Рязанский губотдел текстильщиков.

Может быть, теперь читатель захочет узнать: что ж это были за «секретные сведения», к которым подбирался хитрый Рязанский губотдел?

В том-то и дело, что секретов никаких он не выспрашивал и всего-то навсего просил сообщить ему для сравнения «ШТАТ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА И СЛУЖАЩИХ КОНТОРЫ».

И больше ничего!

Газета «Голос текстилей» (Москва),
12 сентября 1928 года

ТАБЕЛЬ О РАНГАХ

Раньше было проще. Упомянутый табель ясно указывал чиновнику его место в запутанной Канцелярии Российской империи. Каждый сверчок знал свой шесток. И с этого исторического шестка он или «покорнейше» свиристел, обращаясь к особам, восседавшим выше него, или громоподобно рыкал на тех, кои волею судеб занимали нижние ступени иерархической лестницы.

Ставший теперь нарицательным именем, достопримечательный титулярный советник, имея необходимость обратиться к высокой особе, начинал приблизительно так:

«Ваше Высокопревосходительство! Имею честь покорнейше просить соизволить обратить благосклонное внимание» и т. д.

Если письмо писалось не к превосходительству, а просто к благородию, то можно было с успехом, не нарушая правил чинопочитания, пропустить из упомянутого обращения слова «покорнейше», «соизволить», а также можно было похерить и «честь». Благородие не велика шишка, обойдется и без «чести».

Если же обращение адресовалось к лицу маленькому, незначительному, то соответственно этому менялся и тон письма. Например:

«Городовому Гапкину.

Их высокоблагородие приказали предупредить, если от тебя будет и впредь разить водкой и луком, а от сапог твоих колесным дегтем, то он турнет тебя, мерзавца, всыпав предварительно суток двадцать ареста».

Коротко и ясно. И на сем понятном языке хорошо и спокойно пересвистывались титулованные насекомые со своих насиженных шестков.

Табель о рангах ныне уничтожен, но сами чиновники живучи и, следовательно, чиновничьи традиции — тоже. Правда, хитрый чиновник не растерялся и составил, так сказать, неписаный табель.

Скажем, председатель губисполкома — это вроде губернатора. Военный комиссар — воинский начальник. Председатель горсовета — глава городской управы. Завгубсоцстрахом — попечитель богоугодных заведений. Завженотделом... гм... это, конечно, труднее. Ну, скажем, дама-патронесса — председательница общества призрения одиноких женщин и т. д.

И, руководствуясь указанной классификацией, советские чиновники свято блюдут иерархические обычаи.

Подумать только, сколько голов задумывается над тем, как составить бумажку: «прошу» или «предлагаю», «приказал» или «распорядился», «к выполнению» или «к руководству».

И часто, отыскивая форму наиболее подходящего обращения, эти чиновники забывают о сути и смысле бумаги, соблюдая лишь, чтобы сама формула строго соответствовала достоинству переписывающихся учреждений или лиц.

Что получается, когда кто-либо, не искушенный в тонкостях чинопочитания, допустит промах, с достаточной ясностью показывает следующий факт.

Обыкновенный и не слишком ученый рабочий, председатель месткома транспортников № 9, составил корявую, но дельную бумажку и направил ее начальнику разъезда Шелекса. Он указывал, что почта и газеты, адресованные в местком, выдаются начальником кому попало и поэтому часто пропадают. Причем предместкома неосторожно «предложил» начальнику выдавать корреспонденцию только лицам, снабженным соответствующими удостоверениями.

Гнев и ужас охватили изумленного начальника. Нарушены все правила субординации. Попраны устои неписаного табеля о рангах. Подан пагубный пример для общественной нравственности. Открыто пахнет духом анархии и безначалия—ему, титулярному начальнику разъезда, «предлагают»! Имеет ли право местком предлагать, в то время, когда в силу своего незнатного происхождения он может только «покорнейше просить».

И рьяный начальник, не входя в деловое обсуждение вопроса, дает достойный ответ забывшимся месткомовцам. Вот дословно его резолюция, торопливо написанная ядовитым жалом оскорбленного пера:

«Предлагать вы можете:

1. только своей жене.

2. своим подчиненным, если у вас таковые имеются...»

Засим следует точка и подпись с росчерком. За подписью же следует наше недоумение: почему начальник оказался столь мягким, что ограничился только отповедью? Надо было привлечь местком к суду за оскорбление, надо было раз навсегда отбить охоту у неискушенных людей обходить законы канцелярских традиций. Надо было, чтоб «действительные тайные» и «действительные явные» бюрократы воспрянули духом и почувствовали, что их корпоративная честь находится не только под охраной неписаных, но и писаных законов. В конце концов, можно внести соответствующие дополнения в уголовный кодекс.

Чтобы каждый рожденный «просить» не имел права «предлагать». Чтобы беспартийный, например, не смел хитро подписаться в конце письма с «коммунистическим приветом».

Надо разделить приветы на категории: 1) простые, 2) гражданские, 3) товарищеские, 4) коммунистические. Разбить просьбы на: 1) простые, 2) почтительные, 3) покорнейшие.

И надо строго регламентировать, кто и каким обращением имеет право пользоваться. Тогда не будет недоразумений и головоломок.

Если неудобно будет провести это в законодательном порядке под видом положения «о советском чинопочитании», то можно попробовать протащить под маркой рационализации и стандартизации канцелярских взаимоотношений.

Газета «Волна» (Архангельск),
3 января 1929 года

СОРОК ВОПРОСОВ

Выдумали какую-то «Викторину». Очень несуразная, по-моему, игра. Задают человеку вопрос: кто такой Буцефал?

«— Извиняюсь,— отвечает тот,— не могу припомнить, что это за личность. Возможно, что какой-нибудь контрреволюционный генерал по подавлению колониальных восстаний, а возможно, что есть этот тов. Буцефал самоотверженный революционер, томящийся в тюрьмах мирового фашизма.

— Нет,— возражают хитроумные люди.— Во-первых, Буцефал — это не современный политический деятель, ибо сдох он невообразимое количество веков тому назад. Во-вторых, это не личность, а исторический скот, то есть конь древнего царя Александра Македонского».

Будьте живы, здоровы! С какой же это стати должен человек загромождать свою голову именами исторических жеребцов или напрягать память, припоминая кличку любимой кошки младшей дочери первого фараона третьей династии? Абсолютно несуразная и никчемная, по-моему, игра. Если вы хотите по-настоящему тренировать мозги, укреплять память и доказывать гибкость своего ума, то не играйте в «Викторину», занесенную с гнилого Запада, а играйте только в здоровую пролетарскую «Докладину».

Сия новая и поучительная «Докладина» изобретена архангельским губернским Союзом деревообделочников и выгодно отличается тем, что затрагивает вопросы исключительно современные и злободневные. Начинается эта игра примерно так: вывешивается на стену извещение —

«ПОВЕСТКА ДНЯ

ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА ДЕРЕВООБДЕЛОЧНИКОВ

на 26 января 1929 г.»

На повестке дня стоит 40 вопросов (сорок). Если на каждый вопрос затратить только по 10 минут, то пришлось бы просидеть на заседании без перерыва около 7 часов. Поэтому между докладчиками начинаются состязания на быстроту изложения сути затрагиваемого вопроса. Скорость получается подчас изумительная, например: приступая к докладу о пятилетнем плане промышленности, оратор закуривает папиросу, пепел стряхивает уже во время развернувшихся прений и отбрасывает в урну окурок как раз в тот момент, когда садится на стул, закончив заключительное слово.

Из сорока вопросов, значащихся на повестке, по крайней мере пятнадцать таких, которые в обычных условиях ставятся только по одному на заседание. Перечисляем только некоторые из них.

1. Доклад о мероприятиях по снижению себестоимости.

2. Пятилетний план промышленности.

3. Как провести смотр красной казармы.

4. Доклады завкомов о ходе ликвидации неграмотности.

5. Рассмотрение смет клубов.

6. О срыве лесозаводами производственной программы.

7. Обсуждение нового колдоговора и т. д.

Припомнить, кто был такой Буцефал или в котором году прорезался первый зуб у теперешнего председателя Совнаркома,— это все-таки не такая мудреная штука. Есть на это энциклопедические словари и биографические справочники. А вот в течение пяти минут послушать доклад, выяснить причины и наметить практические меры к устранению недовыполнения производственной программы — это куда сложнее. Так

же как сложнее проработать колдоговор в срок, необходимый только для того, чтобы выпить стакан чаю, или, чихнув от табачного дыма, успеть начать и закончить доклад о «задачах Союза в деле обороны страны», раньше чем сосед спохватится сказать «будьте здоровы».

Мы горячо приветствуем игру, изобретенную президиумом Союза деревообделочников. И мы надеемся, что, натренировавшись, деревообделочники покажут нам еще большие достижения, то есть еще увеличат в недалеком будущем число вопросов и еще укоротят сроки выступлений для докладчиков. Тогда будет совсем превосходно.

Поднимется с места председатель и объявит:

— Заседание считаю открытым. Докладчики имеют по 3 минуты. Выступления в прениях 30 секунд и заключительное слово 1 минута. Вопрос 1-й — доклад тов. Иванова: «Проблема мировой революции и задачи нашего Союза». Так как на повестке дня стоит еще 99 не менее важных вопросов, попрошу ораторов строго придерживаться установленного регламента.

Газета «Волна» (Архангельск),
5 февраля 1929 года

РЫБАКИ

Подмерзший песчаный берег был тверд и ровен, как асфальтовая мостовая. Море было спокойно, когда мы поехали осматривать сегодняшний улов. Нас было трое: четырнадцатилетний паренек-рыбак, его мать, крепкая сухощавая старуха в высоких сапогах из тюленьей кожи, и я. Мы плыли вдоль берега, когда из какой-то рыбацкой избушки вышел человек и что-то закричал нам вдогонку. Я не расслышал, но старуха по-

няла его. Она сердито рванула веслами и крикнула на берег:

— Будет тебе! Что, на мне креста нету? Сказала— сделаю. Как раз после Михайлова дня кончу. Сколько раз тебе говорила, что после Михайлова!

Человек на берегу махнул рукой и отошел.

— Что он спрашивал? — заинтересовался я.

— Работу спрашивал,— ответила она.— Сети наказывал скорей плести. Лодка-то эта его. У него их шесть штук, а у меня своей нету. Вот, значит, он дал одну лодку мне, другую еще кому-нибудь, а мы должны на него сети плести.

— А зачем ему столько сетей? Ведь у вас угодья идут по жеребьевке. Ему больше других не дадим.

— А на что ему больше,— ответила старуха,— ему больше и не надо. Он отдаст сети в пай одному, другому да третьему. Сам на своем угодье промышляет, а с чужих ему тоже доля идет.

— Артелей у вас нет?

— Нет. Какие тут артели? Вот в Кузомени, говорят, есть артель, да и из той что-то бегут. У нас если артель созвать, то нам вовсе беда будет.

Это неожиданное заключение удивило меня, и я спросил:

— Кому будет беда и от кого?

— А в том беда, что народ у нас, который победнее, ну хоть вроде меня, темный и малограмотный. Если, скажем, мы по две — по три семьи работаем, то тут все дела как на песке видны. А в большой артели они тебе так голову запутают, что и концов не найдешь.

— Кто — они?

— А они, верховоды-то наши. Ну, промышленники, которые покрупнее.

Возле поселка Тетрино, возле Чаваньги и Кузомени вдоль по берегу крепко засело кулачье.

Угодья распределяются жеребьевкой, но выходит как-то так, что все лучшие места бывают захвачены зажиточными рыбаками.

Цена за рыболовные участки разная, в зависимости от места. Если даже по жеребьевке бедняку достанется хороший участок, то у него может не хватить денег внести свой пай, а кулак всегда вносит без задержки или в крайнем случае одолжает денег тому же бедняку, входит в пай, и получается так, что он становится фактически владельцем участка.

Как-то я разговаривал с председателем сельсовета и спросил его: не думает ли он поставить вопрос об организации рыбацкой артели.

— Нет, не думаю,— откровенно сознался он.— У нас с артелью вряд ли что выйдет, у нас народ-то такой несогласный.

— Как так — несогласный?

— А оттого несогласный, что разный у нас народ. У одного — побольше, у другого — поменьше. Ежели, скажем, у нашего Василия четыре лодки да несколько тоней, а у Егора одна, да и то худая, какая же тут может быть артель?

— Так ведь ваш Василий кулак. Не про него и речь идет. А отчего бы бедноте не сорганизоваться?

Председатель усмехнулся:

— Пожалуй, сорганизовывайся. А толку-то что? Снастей нет, лодок нет, бахил нет. Ну что же, сорганизуются да и будут с песнями по берегу ходить, а в воду-то лезть не с чем.

— А кооперация не кредитует?

— Раньше кредитовала, а нынче нет. Кулака нынче

кредитовать не велено, а бедноте кредит не под силу. Не на что ее кредитовать, когда она и так вся на чужом работает.

В Тетрине и в Чаваньге все кулачество кооперировано.

Пай для всех одинаков. Одинаков и для бедняка и для кулака. Есть хозяйства, которые за весь сезон улавливают семги рублей на 100—150. А есть и такие, улов которых оценивается в 400—500 рублей; это только со своего участка, не считая побочных доходов, как, например, сдача лодок, снастей внаем или продажа оленей.

Когда я спросил, почему промысловая кооперация смешивает в одну кучу бедняка и кулака, то мне так прямо и ответили:

— Кулак платит такие же советские деньги. Это дело сельсовета, а не кооперации — ликвидировать кулаков. Кооперация не может вмешиваться не в свои дела. Вот если бы мы делали какое-нибудь преимущество кулаку, тогда другое дело. А у нас преимущества ему нет никакого. У нас на этот счет строго.

Мне случилось заночевать в рыбацкой избушке. Избушка была старая, низенькая и закопченная. Возле нее стоял черный покосившийся крест, поставленный еще стариками на «рыбацкую удачу». Алексей Иваныч, хозяин избушки, за кружкой припахивающего дымом чая рассказывал мне так:

— Это все враки, что артель сорганизовать нельзя. Артель сделать можно. Рыбацкое дело такое, что артелью работать многим удобнее, потому что и снасти дороги и с малым народом трудно управиться. Артель сделать можно, да вся беда в том, что сочувствия к

этому делу у некоторых начальников нет. Возьми ты такое дело. Захотело нас четыре семейства положить начало артели. Было это в прошлом году, тогда еще РИКов не было, а волости были. Послали мы человека в волость, чтобы дали нам совет, как кредит получить, как устав сделать. Пришел наш человек в ВИК, а ему там и говорят: «Насчет кредита — это вы напрасно. С кредитом и всякий дурной организоваться сумеет. А насчет устава — это можно, только у нас его под рукой нету. Валялся где-то один, да его какие-то черти наполовину скурили. Вы погодите немного, пока мы из губернии еще несколько экземпляров получим, тогда мы вам пришлем». Так и не прислали. Ну, да мы видим, что сочувствия к нам большого нету, что насчет кредита тоже податься некуда, так и бросили это дело. Однако в этот год снова начинать будем. Главное, к нам человек один хороший пришел и из солдат — демобилизованный. Этот не то, что мы, этот грамотный и упорный человек. Он-то достанет. От него уж не отвертишься. С ним можно дело сделать.

Мы допили чай. Был уж поздний вечер. Ветер крепчал, и хозяин пошел вытаскивать на берег лодку.

Газета «Правда Севера» (Архангельск), 30 ноября 1929 года

ШУМИТ МУДЬЮГА

В лесу, недалеко от устья извилистой речки Мудьюги, сошлись кучкой деревни: Кушкушара, Горки, Наволок, Верховье, Патракеево и Кадь.

При въезде в любую из этих деревень, объединяемых Патракеевским сельсоветом, первое, что удивит глаз чужого человека, это множество больших, краси-

вых домов. Они не похожи ни на городские домики рабочих окраин, ни на просторные, тяжелые избы северных деревень. Крытые железом, окрашенные в голубой или серый цвет, разделенные на несколько комнат, заставленных буфетами, шкафами, диванами и этажерками, они напоминают купеческие особняки бывшего уездного города.

Все это дома́ судовладельцев. Тех самых, которые имели на Мудьюге в прежние времена до 150 парусных судов и ходили за грузом рыбы в Мурманск и Норвегию.

———

Они были хозяевами моря, ибо это они устанавливали на рыбу продажные цены. Они были хозяевами Мудьюги-реки и Зимнего берега, ибо это они на своих судах содержали матросами почти всю остальную рабочую силу окрестных деревень.

Старые ветры дуют с моря. Старые хозяева гнут к старому. Но по-новому нынче хочет жить рыбацкая промысловая Мудьюга.

Возле колодцев, возле прорубей, где собираются бабы, у сельсовета, в школе, в больнице, на собраниях, в бедняцких избушках и кулацких доминах — повсюду услышит новый человек живое слово:

— Колхоз... насчет колхоза. Скоро ли колхоз?

— Провалиться бы этому колхозу!

— Федор записался уже в колхоз.

— Семен тоже записался.

— Никчемная, по-моему, эта затея.

— Слыхали, а кулак Курконосов сам пришел проситься в колхоз. «Я, говорит, и сам стою за этакое дело».

— Слыхали, а беднячка Копытова записалась, да назад. Засмеяли, говорит, соседи.

— А кто у ней соседи? Известно кто!

— Жили и без колхоза.

— Ты, Иван Петрович, жил, ты кулак, тебе что было не жить?

— Ну, ну, потише. Я тебе не кулак, а середняк.

— Знаем мы вас, таких середняков. За таких середняков сельсовету в шею надо бы.

Шумит и волнуется рыбацкая Мудьюга и митингует Кушкушара, собирают сходку Горки, обсуждает план колхоза Наволок. И Верховье, и Патракеево, и Кадь обсуждают тоже.

Нелегко строить колхоз там, где на 400 дворов приходится 36 одних явных кулаков-лишенцев. 36 крупных морских акул, уже затонувших, но еще не обломавших свои цепкие, хищные зубы. Из 400 дворов эти 36 заплатили 60 процентов всего сельхозналога. Около них группируются кучки хищников помельче. Многие из них пока еще в защитной краске середняка. Многие хищники исподтишка и потихоньку.

— Зачем нам колхоз,— говорят они.— Ведь у нас есть рыбацко-промысловое кооперативное товарищество. Вот где надо объединяться и незачем затевать новое дело.

— Разве не кооперация столбовая дорога к социализму? Надо объединяться вокруг кооперации, а не заниматься выдумкой колхозов.

— Вот,— сказал мне председатель промысловой артели.— Вот вам все личные учетные карточки Рыбаксоюза. Их тут почти полторы сотни. В этой пачке

отдельно бедняки, в этой — середняки, а вот здесь кулаки. Кулаков у нас было 5 штук, а теперь нет — вычистили.

Я отложил пятерых кулаков в сторону и взял две оставшиеся пачки и сразу же по весу определил, что бедняки как-то подозрительно легковаты, а середняки крепко потянули книзу.

Бедняков — 37, середняков — 98, кулаков нет, батраков нет тоже.

Было интересно рассматривать карточки и по сумме налога, по обороту от промыслов, по оценке рыболовного инвентаря создавать себе представление о характере незнакомого мне хозяйства бедняка Ивана Ведорова или середняка Петра Иванова.

Однако вскоре простая любознательность перешла в удивление, ибо цифры ясно и несомненно показывали, что никакой кооперативной артели нет, а есть группа лиц, объединенных только одним сбытом, группа, в которой каждый член промышляет на свой страх и риск.

По карточкам я нашел членов артели, орудия, промысла которых оцениваются в 2 тысячи рублей с копейками.

Еще больше того: я увидел, что есть члены кооператива, у которых орудий лова больше, чем тех, которыми они обслуживают кооперацию. И что допускаются такие случаи, когда член артели одними неводами ловит рыбу как член кооператива, а другими, запасными, как вольный и частный хозяйчик.

За укрепление этой-то промысловой артели и хлопочут многие «середняки». Эту-то самую артель и пытаются они противопоставить вновь организующемуся колхозу.

Но удар по артели последовал от низов. Из 37 бедняков 15 сразу же отказались от артели и пошли записываться во вновь организуемый колхоз, где действительно обобществлены все средства производства, и колхоз сможет поставить их в условия равноправных членов, а не будет держать их на положении пасынков, о которых вспоминают только в момент необходимости представить сведения о благополучном классовом составе артели.

Немало явных и тайных врагов у колхоза, особенно с тех пор, как объявил Окрисполком Приморский район районом сплошной коллективизации.

В упор заглянула гибель на хозяйство кулака. Вздыбился и сбросил маску благодушия и лояльности обороняющийся кулак. Прежде чем выступать самому, он завербовал себе помощников, которых давно бы пора перевести в кулацкую категорию.

Эти мощные середняки пытались угробить идею создания колхоза.

Например, крупный середняк и бывший член партии Копытов выступил с речью, в которой он, в общем, приветствовал почин организации колхоза, но он предлагал внести одну поправку, что для начала колхоз должен организоваться только из середняцких хозяйств, ибо это будет экономически выгоднее, ибо мощному объединению будет больше доверия и больше кредитов. А когда колхоз развернется, то тогда можно будет втягивать (?) и бедноту.

Тогда же некто Гроздников выступил с заявлением о том, что Ленин учил строить социализм в деревне постепенно, а не рывками и что нехорошо и стыдно нарушать заветы дорогого вождя.

Но одним из самых тонких и хитрых ходов, которые были предприняты против организации колхоза частью зажиточных рыбаков (особенно из артели, которая с уходом бедняцкой прослойки оголяла свою классовую сущность), было неоднократно вносимое предложение о том, что товарищества по общественным промыслам с обобществленными средствами производства, скотом и инвентарем создавать не надо. Если создавать, так создавать сразу коммуну с полным обобществлением. Смысл этого хода следующий:

Во-первых, инициаторы нашли удобный «революционный» предлог, которым оправдывалось бы их нежелание идти в колхоз.

Во-вторых, требуя немедленного обобществления всего имущества, они пытались отпугнуть ту часть середнячества, которая собиралась идти пока в колхоз, а не в коммуну.

Этот маневр был вовремя разгадан, и враждебные колхозу «друзья» коммуны были разоблачаемы на каждом собрании силами местных и приезжих коммунистов и комсомольцев.

Топор революции рубит корни, соками от которых питалось кулацкое хозяйство. Если при промысловой артели часть бедначества еще эксплуатировалась и на промыслах и на вязке снастей, то с организацией колхозов этому наступает конец.

Плохо только то, что на Мудьюге местные партийцы и сельсовет, с головой ушедшие в работу по организации коммуны, забыли на некоторое время про кулака, надеясь на то, что с организацией колхоза кулачество, не имеющее возможности получить рабочую силу, отомрет само собой. Плохо, что не принимается мер

против того, что кулак заблаговременно разбазарит имущество и распродаст скот.

С некоторым удивлением (и только) в сельсовете мне сказали:

— Вот ведь удивительное дело! Раньше, бывало, наша местная кооперация никак не могла закупить для лесозаготовок достаточного количества скота. Покупала от случая к случаю. А теперь за день штуки по две, по три скота приводят, и это только сюда, а, вероятно, ведут еще и на сторону.

Но кулачество занимается не только тем, что готовится к самоликвидации. Еще недавно там же, на Мудьюге, 12 кулаков были осуждены на разные сроки за антисоветскую агитацию против лесозаготовок. Еще недавно была избита секретарь сельсовета Титова.

И совсем уже недавно были перерезаны все гужи у обоза колхозников на лесозаготовках.

В просторных, пустых комнатах было тихо и прохладно. Сидя на диване, бывший судовладелец Шунин говорил мне так:

— Колхоз так колхоз... Ну и пускай колхоз. Захотели люди сообща работать, и пусть их себе работают. Но меня-то зачем трогать? Я колхоза не трогаю, и он меня не должен трогать. А впрочем, это в истории не в первый раз. Были когда-то и христианские общины— то есть коммуны; мало ли чего в истории не было. Были и ушли... И ушли,— повторил он, выпрямляясь и чуть повышая голос,—и ушли потому, что человек не рыба, не треска, не селедка, чтобы ему стадом ходить. У человека своя голова и свой ум, так что каждый, ежели он честно и по-трудовому работает, никому не мешая и не задевая, должен иметь право жить сам по себе.

И, как бы спохватившись, сразу он засутулился, глаза его потухли, и он забарабанил пальцем по блестящему бронзовому подсвечнику.

Была лунная морозная ночь, когда я вышел от Шунина.

— Здоро́во! — сказал мне, догоняя, незнакомый человек.— Я вас сегодня на собрании в сельсовете видел,— пояснил он.— Что, к чему ходили? Тоже жи́ла был! — добавил он, указывая пальцем на большой голубой дом.— Я с малолетства с ним на судах ходил. С девяти годов... Ну, кашу там варил, посуду мыл, палубу... Ве-селая была жизнь! Весной со льдом уйдешь, осенью ко льду вернешься. Получай хозяйскую благодарность — горсть конфет да трешницу денег. Ве-селая была жизнь! — усмехнувшись, еще раз повторил он и завернул в проулок, где мелькал огонек, в избу, в которой затянулось до полночи бедняцкое собрание.

Газета «Правда Севера» (Архангельск),
8 февраля 1930 года

300 РОБИНЗОНОВ

— Итак, товарищи, вперед к победам! Вы смело поплывете по бурным волнам Японского моря и достигнете пустынных берегов острова Римского-Корсакова. 32 тысячи центнеров иваси — вот ваша задача. Что же касается, якобы вам выдали мало продуктов, то это довольно-таки странно. Спецовку вам выдадут. Продуктов же для вас вполне хватит на четверо суток. А за эти четверо суток быстроходные корабли Рыбтреста своевременно доставят вам в изобилии все положенные по колдоговору и продукты и припасы...

Так закончил свою напутственную речь представитель Дальгосрыбтреста, и 300 колхозников-рыболовов, погрузившись на судно, смело отплыли к этому малоизвестному острову.

Высадившись на остров, рыбаки развели костры, разбили палатки, и пароход отчалил к родным берегам, напутствуемый прощальными приветствиями и бодрыми выкриками насчет того, что: смотрите, холера вас возьми, не забудьте поскорее прислать продукты!

* * *

Однако прошло и два, и три, и четыре дня, а о быстроходных кораблях с продуктами ни слуху ни духу.

Тогда на острове поднялась тревога, тем паче что у оставшихся не было даже лодки, для того чтобы переправиться на берег и донести весть о бедственном положении островитян.

И покинутые робинзоны разбрелись по острову в поисках пищи. Одни занимались ловлей морской капусты, другие надеялись поймать одну, другую преждевременно появившуюся ивасину, третьи точили зубы на Дальгосрыбтрест и питались только мечтами о мести этому виновнику всех злоключений и бед.

Впрочем, были и такие, которые, пробравшись в глубь острова, обнаружили там маленький звероводческий питомник, подвластный Зверокомбинату, и сделали попытку вступить в сношения с вождями и правителями этого немногочисленного племени.

Но хитрые звероводы, напуганные перспективой в течение двух-трех часов быть разоренными и объеденными тремястами незваных пришельцев, поспешили воздвигнуть прочные укрепления из документов и грамот, в коих определенно говорилось о недопустимости

вмешательства во внутренние дела и о неприкосновенности скудного запаса этого племени.

А дело было все в том, что в это время в канцелярских водах Дальгосрыбтреста свирепствовал бюрократический тайфун. Он гремел раскатами телефонных звонков, треском пишущих машинок и вздымал расходившиеся волны приказов, отношений и распоряжений.

И в мрачном хаосе разбушевавшейся черной (чернильной) стихии было никак не возможно понять, кто и куда должен плыть и кому нужно доставлять продукты.

Между тем на 7-й или 8-й день отчаявшиеся островитяне, вспомнив обычаи своей родины, решили созвать общеостровное собрание.

На этом собрании, давшем стопроцентную явку, после выбора президиума секретарь, усевшись на сыпучий песок и примостив протокол на древний, источенный водами и ветрами камень, записал о том, что: заслушав доклад, общее собрание постановило считать свое положение явно неудовлетворительным.

Но собрание решительно отвергло тенденцию некоторых товарищей найти выход путем объявления ультиматума обитателям зверопитомника.

Тем более, что прибывший представитель от звероводов пришел с доброй вестью. Он сообщил, что маленькая радиостанция заработала.

Тут же составили радиограмму, причем большинством голосов отвергнули те поправки по адресу Дальгосрыбтреста, кои были слишком тяжелы для эфира и нарушали требования общепринятой морали и цензуры.

Эта радиограмма была перехвачена большинством береговых радиостанций материка и как аварийная

срочно доставлена Дальгосрыбтресту. В Дальгосрыбтресте удивились. Какие продукты и что за люди?

Но, порывшись в архивах документов, признали, что действительно эти 300 человек значатся под именем рыболовной базы на острове таком-то, за номером таким-то.

Тогда, установив долготу и широту этого острова, который, к величайшему изумлению Дальгосрыбтреста, оказался совсем под боком, после долгих и тщательных препирательств на тему о том, кто виноват в этом деле, Дальгосрыбтрест снарядил экспедицию с продуктами, каковая и прибыла наконец к этим изголодавшимся, измотанным и справедливо обозленным людям.

Газета «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск), 28 апреля 1932 года

БРИГАДИР ТОВАРИЩ ВОЛКОВ

1

Вскинув на плечо увесистый молот, выпятив колесом похожую на паровой котел грудь, шагает по дороге здоровый дядя.

Куда он, собственно, шагает, это никому, в том числе и художнику, не известно.

Если он идет на завод, то непонятно, почему, вместо того чтобы получить молот в инструментальной, человек тащит его из дому. Если же он идет с работы домой, то непонятно, как пропустили его через проходную будку, так как всем известно, что уносить казенные инструменты строго воспрещается.

Под этой картиной подпись, из которой мы узнаем, что это ударник.

Но тот человек, о котором эти строки, не был похож

ни на одного из таких шагающих в неизвестном направлении железобетонных манекенов.

Голова его неожиданно высунулась откуда-то снизу, из пролета меж досок и балок, опутавших постройку электростанции.

Он поднялся на локтях и, уверенно ступая по зыбкой узенькой пастике, подошел к арматурщикам.

— Слушайте,— добродушно сказал он скороговоркой,— вы что-то слишком долго копаетесь. Слушайте, вам пора бы уже кончать...

Бригадир заглянул внутрь квадратной колонки, из которой торчали рыжие холодные прутья изогнутого железа, и посмотрел в записную книжку.

— Волков,— окликнули его снизу,— железо вышло. Где теперь работать?..

— Ты с кем работал? С Кобыкиным? Ну, иди помогать Ушакову, а Кобыкину скажи — пусть он идет на установку подушек.

— Сейчас отметишь? — спросил все тот же голос.

— Ладно... иди! Иди! Спущусь вниз, тогда и отмечу. Опять нет железа,— нахмурился бригадир.— Надо узнать, на какую работу будут перекидывать.

— Землю копать или бочки ворочать?..

— Ну, и что же, опять копать и опять ворочать,— ответил бригадир.

И так же быстро, как и появился, ступая с уступа на уступ, он соскочил вниз и исчез среди бетонщиков, арматурщиков и землекопов, сновавших внизу постройки.

Внизу он натолкнулся на табельщика.

— Все на работе? — спросил табельщик, доставая замусоленный, разграфленный на квадраты листок.

— Нет, не все. Пятаков не вышел. Кто его знает!

Говорит, что болен, но я что-то сомневаюсь. В прошлый раз обманул и напился. Ты все-таки ему прогул не ставь, я попозже узнаю, а завтра скажу.

— Смотри скажи! — крикнул вдогонку табельщик.

— Нет, думаешь, покрывать буду,— откликнулся бригадир.— Так-таки ничего и не скажу...

Под навесом, где несколько человек гнули вручную железо, бригадир задержался.

— Опять нет? — спросили у него сразу несколько голосов.

— Есть, да не то. Надо 25, а есть 20. Ну-ка, вот вы, двое, идите на постройку. А Щербаков где?

— Щербаков к тебе пошел.

— Давно?

— Нет, только сейчас пошел.

— Что же это я с ним не встретился?

Двое — те, которых он посылает на постройку, протягивают листки бумаги. Бригадир отмечает: такой-то на работу туда-то.

— Готово,— говорит он, возвращая листки, и спрашивает: — Пятакова видели?.. Ну, и что же... не пьян?

— Говорит, что живот болит.

— Вот беда какая. То с похмелья, то живот. И что за напасть на этого человека!

2

Ему 23 года. В его бригаде 4 звена — 20 человек. Он — бригадир арматурщиков. Когда не присылают железа, он сердится. Но и тогда, когда сердится, он не сидит без дела, а умеет разыскать и использовать старое, из завали.

Когда же нет ничего старого, он сам идет на При-

стань-Ветку и, к величайшему удивлению безнадежно охающих нытиков, умеет иногда найти необходимое железо.

Когда ничего нет ни в завали, ни на ветке, его бригада перебрасывается на расчистку, на прокладку железной дороги, на разборку цементных бочек — она идет на любую работу.

Так же как в бою — где каждый сапер, каждый обозник гордится не тогда, когда закончена наводка моста, когда подвезены боевые припасы, а тогда, когда в результате всех этих усилий выигран весь бой,— так и здесь не холодные каркасы, не все эти хитроумные, но мертвые сетки, железные колонки, плетеные подушки, а первое гудение машины, первый рывок электрического тока — вот она, конечная цель всей ударной работы на ХЭС.

Нагибая голову, бригадир пробирается меж покрытых опалубкой колонок, тех, на которые должен лечь фундамент для четырех котлов. По пути он поднимает короткую тяжелую железину, ударяет ею о доски опалубки и слышит звук, глухой, как от падения чурбана на сырой песок.

И вдруг бригадир настораживается. Доска звучит гулко, как крышка пустого ящика.

— Опять,— говорит бригадир, и губы его сжимаются.

Пусть арматурщики работали хорошо, пусть колонки крепко связаны из 19-миллиметрового железа, пусть затянуты они сетью надежной проволоки, но бетонщики плохо сделали свою работу.

Он слышит по звуку, что под опалубкой спрятаны большие раковины, большие и настоящие пустоты. Так и есть — не утрамбовали. Снимут опалубку, а бетон повиснет на прутьях — вот тебе и фундамент.

Отброшенная железина лязгает о камни. Бригадир по уступам и по перекладинам лезет наверх.

— На бюро ячейки... — бормочет он, вытаскивая записную книжку.— Раз ставил и еще раз поставлю.

Наверху из-за Амура ревет ветер. Он свистит сквозь переплеты постройки и ворочает у берегов тяжелые изломанные льдины.

— Лед пройдет — рыбу ловить будем,— говорит бригадир.— Снасти купили в складчину. Наши ребята беда какие рыболовы.

Снизу кто-то кричит:

— Теперь куда?

— Сейчас найдем,— отвечает бригадир.— Иди пока сюда. Пусть они наращивают, ты подавать будешь. А я на минутку в контору, ругаться пойду.

3

А как не ругаться? Это только в стихах получается так, что раз ударник, то он обязательно «бьет молотом» да шагает «железным шагом», а такие вопросы, как, например, обед в столовой, барак, правильный учет и своевременная выдача зарплаты,— это его, ударника, будто бы совершенно не интересует и не задевает.

— Черт его знает! — говорит бригадир.— Вот уже конец месяца, а контора никак не подсчитает, сколько же мы заработали. Ребята очень недовольны. Ну, просто ругаются. И они ругаются, и я ругаюсь. А знаешь что? Было раньше человек 10 арматурщиков. Срывали они по 30 целковых в сутки. Не дадите 30 — не будем работать. Что же делать? Приходилось давать. Но как встала наша бригада, так их словно ветром сдуло. Четырех из них мы к себе в бригаду взяли. Думали, пере-

работаем. Двое еще так-сяк, поддаются, а двое никак. Например, Пятаков. Ему и говорили, ему и выговор давали,— ничего не помогает... И что это у него вдруг живот заболел?

— Взял бы да и отослал из бригады.

— Чудак человек,— усмехается бригадир.— Значит, нельзя было. Ребята всё молодые, некоторые 10 миллиметров от 20 отличить не могли, а он все-таки квалифицированный. Ну, а теперь подучились. Есть уже такие, что в чертежах мало-помалу разбираются. Теперь и не жалко. Скатертью дорога.

4

— Так что же,— говорит Волков, входя в контору.— Мы кончили. Давайте какую-нибудь работу.

— Работу,— не отрываясь от стола, говорит техник.— Работы мало ли.

— Куда пойдем? Можно, по-моему, землю на третьем котле выбирать.

— Что землю! — уныло отвечает техник.— Ее сегодня выберешь, а завтра опять натащат.

— Чудно, право! Сегодня выберешь — завтра легче будет.

Часы тикают, в комнате тихо. Время показывает 10 минут пятого.

— Ну что же, идти на третий? — переспрашивает бригадир.

— На третий?.. Почему на третий! Нет у меня для вас сегодня никакой работы,— равнодушно и неожиданно доканчивает техник.— Завтра что-нибудь придумаем.

— Когда завтра? Опять, как в прошлый раз. А что я с утра буду делать?

— Придумаем,— отвечает техник.— Подумаем и придумаем.— Он поворачивает голову на часы и добавляет: — Да сейчас и времени много. До конца меньше часа. Скоро шабашить. Какая еще тебе работа.

— Двадцать человек! — неожиданно зло и холодно говорит бригадир.— Двадцать человек за пятьдесят минут...

Ему не нужно доканчивать. Если к нему присмотреться, то он вовсе не такой уже маленький. Если к его словам прислушаться, то он вовсе не такой улыбающийся и мягкий.

Не такой уже маленький, не такой уже добрый и не такой уже тихий — этот бригадир, который упорно плетет железные каркасы для растущих новостроек.

Ему не нужно доканчивать, и технику не стоит дослушивать. Все понятно!

И, получив наряд, бригадир распахивает дощатую дверь.

Свежий ветер, тот самый, который злится в попытках сдвинуть громады упрямого льда, хлещет в лицо.

Бригадир идет против ветра. Он шагает без молота, без выпяченной колесом груди, он идет, чуть наклонив голову и придерживая рукой фуражку.

Он останавливается на краю, там, где упрямые землекопы бьют кирками мерзлую ярко-красную глину, и кричит что-то своим ребятам.

Ветер относит его слова. Он улыбается и машет рукой.

Тогда, захватывая инструменты и на ходу закуривая, арматурщики один за другим направляются за своим бригадиром.

Газета «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск), 9 мая 1932 года

БЕНЗИН, КЕРОСИН, ЛИГРОИН

На горе, за Китайской слободой, стоит старая, позаброшенная кумирня.

Ржавые, опутанные проволокой заборы, размытые дождями развалины, зловонная мусорная свалка с грудами грязного битого стекла — все это отталкивает и заставляет поспешать прочь случайно попавшего сюда человека.

И все-таки подле этой обветшалой кумирни сто́ит остановиться.

Далеко влево виден Амур. На берегу — леса́ строящейся электростанции, правее и выше — трубы Дальсельмаша и узенькая полоска железнодорожной линии, по которой мимо четырех одиноких сопок бегут своей дорогой далекие поезда.

Еще правее, в низине, виднеются приземистые бараки. На покатых склонах — красноватые пятна взрытой земли и рядом, похожие отсюда на обрубки толстых бревен, лежат толстые паровые котлы.

Что здесь строится — не поймешь. Нет ни массивных зданий, не видно громоздких заводских корпусов, не растут прямые стволы тяжелых и стройных дымовых труб.

Но, если говорить словами официального постановления СТО, перед нами не что иное, как «ударная новостройка, имеющая значение»,— Нефтестрой.

Бензин, керосин, лигроин.

Длинный и сложный путь проходит каждая капля горючего, прежде чем рвануть пропеллер улетающего аэроплана, прежде чем вспыхнуть на фитиле керосино-

вой лампы и прежде чем загудеть под чайником, поставленным на керосиновый примус.

Проходит полгода, пока наполненная в Грозном цистерна доберется наконец до Хабаровска и вернется назад за новой порцией горючего.

Семьдесят суток только по Уссурийской дороге осторожно пробирается десятки раз отцепляемая и прицепляемая к хвосту товарных поездов десятитонная цистерна с огнеопасным содержимым.

И, выплеснув каплю, по сравнению с тем, сколько нужно для растущего Дальнего Востока, эта крохотная цистерна порожняком бежит десятки тысяч километров назад, куда-то далеко на Северный Кавказ, в Грозный.

133 тысячи тонн светлых нефтепродуктов нужно будет краю в 1933 году. И все это надо доставить по единственной, сильно перегруженной линии Транссибирской железной дороги. Вот почему перед началом посевной и уборочной, перед началом лесозаготовок и сплава волнуются директор МТС, директор леспромхоза, заведующие нефтескладами и гаражами.

Вот почему скупо светят лампы в избах колхозников, где бутылка керосина расценивается дороже литра хорошего молока.

Вот почему, когда в очередной раз прекращается ток от старой Хабаровской электростанции, в учреждениях вспыхивают тусклые сальные свечи вместо керосиновых ламп.

А между тем нефть у нас рядом. И вместо того чтобы везти из Грозного бензин, одна тонна которого в Грозном стоит 36 рублей, а после далеких перевозок — у нас 110 рублей, Дальний Восток решил построить свой нефтеперерабатывающий завод.

С восточного берега Сахалина на западный нефть

потечет по трубам в баржи. Баржи пойдут вверх по Амуру до Хабаровска. Здесь мощные насосы погонят густую, тяжелую массу нефти в резервуары, на одну из сопок за нефтезаводом.

Из резервуара нефть пойдет в переработку.

Керосиновая колонна вытянет из нее керосин. Печь высокого давления разогреет нефть до 400 градусов. И горячие струи, врываясь в огромную пустую башню эвапоратора, превратятся в клокочущие пары, которые, то охлаждаясь и очищаясь, то вновь разогреваясь, пройдут через сложнейшую, запутанную систему труб, резервуаров и колонок, с тем чтобы разлиться наконец бензином, лигроином, керосином или осесть густым парафином и тяжелым, вязким асфальтом.

Все, что есть ценного, выжмет и высосет из сахалинской нефти крекинговая установка. И только после этого выбросит остатки, выбросит дешевый мазут для топок, горящих под паровыми котлами фабрик, паровозов и пароходов.

* * *

Первый крекинг системы Винклер-Коха должен быть пущен к 1 марта 1933 года, второй — к 1 июня 1933 года.

Работы много!

Пока на площадке сделано только 15 процентов от общего плана.

К 1 июля надо вынуть 18 тысяч кубометров земли; для этого необходимо по крайней мере 300 рабочих, а их работает всего немного больше сотни.

Можно было бы недостающую рабочую силу заменить несложной механизацией. Но сколько ни бьется Нефтестрой, он не может получить хотя бы какой-нибудь старый и маломощный двигатель. Ковш для

башенного экскаватора и роликовые тележки тоже застряли где-то в необозримых джунглях товарных пакгаузов железной дороги.

То же самое и с кислородом. У Нефтестроя в запасе всего 60 кубометров кислорода. Этого хватит только на 400 метров трубопровода, а кислород нужен для сварки 1800 метров.

* *

А помогают Нефтестрою совсем плохо. Тот же АУРТ, который, больше чем кто-либо другой, должен быть заинтересован в том, чтобы для речного транспорта отпускалось достаточное количество светлого горючего, и тот ведет нескончаемые споры о том, кто будет перекачивать нефть с пристаней в резервуары. А также не очень-то готовится к перевозке 50 тысяч тонн сахалинской нефти, которую нужно перевезти уже в течение этой навигации, потому что первый крекинг будет пущен ранней весной, то есть тогда, когда реки будут еще подо льдом.

* * *

А комсомол? Давно ли Хабаровский горком комсомола сказал о том, что им сделано многое, для того чтобы помочь Нефтестрою?

Неумелая организация приема прибывших на стройку комсомольцев, совсем недостаточная работа по разъяснению исключительно важного значения этой новостройки — разве все это не вызвало целый ряд серьезных неполадок? Разве все это не мешало росту, не угрожало темпам и не срывало установленные сроки?

Мешало, срывало, угрожало, угрожает в значительной мере и сейчас и будет мешать в дальнейшем,

если только хабаровская организация комсомола не уделит этой новостройке такого внимания, которого она заслуживает по праву.

* * *

Сколько растрачено нервов? Сколько исписано бумаг? Сколько испорчено телефонных аппаратов на одних только звонках:

— Давайте горючего для тракторов, давайте горючего для машин.

Сколько потеряно вечеров из-за тусклого мерцания свечей?

Сколько поломано автомобилей из-за немыслимых ухабов и выбоин на мостовых Хабаровска, Благовещенска и Владивостока?

И вот теперь говорят: дадим бензин, дадим керосин, лигроин, первокачественный асфальт. Всё дадим! И дадим скоро, и дадим каждому столько, сколько надо. Но не стойте сложа руки тогда, когда растущий Нефтестрой задыхается от недостатка 200 кубометров кислорода и когда он вынужден лопатами выковыривать землю из-за того, что никто не хочет дать ему взаймы даже плохонький, старый двигатель.

Поищите Нефтестрой в телефонном справочнике. Его там нет. Попросите у справочной номер телефона Нефтестроя. Сначала вам дадут нефтесклад, потом, когда вы выругаетесь, вам дадут Сахалиннефть, и тогда, отчаявшись, вы вступите в терпеливое объяснение со справочной «барышней»:

— Нефтесклад — это одно, Сахалиннефть — это другое. А это, гражданка, во-он там!.. Под горкой. Знаете... ну, пониже Дальсельмаша. Вот, вот... левее кладбища. Ну, домик эдакий! Разные там ямы... железины — вот это и есть Нефтестрой.

И только тогда телефонная трубка, помолчав минутку-другую, назовет вам наконец номер этой «ударной и имеющей всесоюзное значение стройки».

Стыдно. Глупо. И странно...

* * *

И все-таки весной 1933 года Нефтестрой перестанет быть Нефтестроем и станет нефтезаводом.

Всем этим нефтезаводом будет управлять только один дежурный инженер-оператор с помощью нескольких рабочих.

Он будет стоять возле контрольного щита, и на этом щите, как в зеркале, отразится все то, что делается в артериях крекинговой установки.

* * *

Один поворот рычага — поднимется или опустится температура, увеличится или уменьшится давление, откроются или закроются краны, клапаны и трубы.

Так, на сигнальном щите по стрелкам, по цифрам кривыми изломами контрольных записей невидимо пройдет тяжелая сахалинская нефть весь свой путь — от сырьевых баз до резервуаров готового светлого горючего, до складов асфальта и до глубоких амбаров тяжелого мазута.

60 цистерн будет наливать нефтепровод через каждые 2 часа. И тогда бензин, керосин, лигроин пойдут на станции, поплывут по морям, рекам и глухим речонкам, пробивая себе путь в самые дикие уголки нашего индустриализирующегося края.

* * *

Вот почему стоит остановиться возле старой, обветшалой кумирни и внимательно посмотреть в лощину, на низенькие бараки, на небогатые постройки, на раз-

рытую землю у подножия четырех пустых и одиноких сопок, мимо которых бегут своей дорогой далекие поезда.

Газета «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск), 18 июня 1932 года

СЕРЕЖА, ВЫДАЙ...

На столе лежат две толстые пачки разноцветных записок.

Большинство из них — кое-как оторванные клочки случайно подвернувшейся бумаги. Клочок исписанного протокола, использованная желтая квитанция, листок папиросной бумаги, кусок синей промокашки и даже оборотная сторона от порожней папиросной пачки.

Всего сто девяносто четыре штуки.

Все эти записки подписаны или заместителем управляющего Селемджино-Буреинским приисковым управлением Ставченко, или заведующим Экимчанским перевалочным пунктом Кожевниковым.

Все они адресованы в одно и то же место, а именно: на распределительный склад и лавку Союззолото.

Этот склад и лавка хранят и отпускают золотосдатчикам завезенные через сотни километров бездорожья остродефицитные товары.

Перелистаем же обе пачки потертых и помятых записок и посмотрим имена и фамилии тех «неутомимых тружеников», которые в чаще дикой тайги «добывают» дорогой металл, так необходимый нашей индустриализирующейся стране.

Самойлов!

Выдайте Корякину чулок женских пар 6. Фуфайку 1 штуку, а самому Корякину выдайте 1 пиджак.

Кожевников.

Самойлов!

Выдай Цыганенко пять метров мануфактуры.

Выдай Мурашко отрез на брюки, а Цыганенко еще две пачки печенья и шоколаду.

Как будто бы все очень хорошо.

Чета Корякиных — это, очевидно, супруги-золотоискатели. Цыганенко и Мурашко — золотоискатели тоже.

Вероятно, они сдали выработанное золото. Натянули шелковые чулки, надели новые брюки, фуфайки. И после тяжелой таежной работы сели распивать заслуженный чай с печеньем и шоколадом.

Что же! Пусть пьют на здоровье.

Самойлов!

...Отпусти Кононову одну женскую фуфайку и отрез сукна.

...Отпусти Маслову серого сукна.

...Отпусти этой женщине черную одну шаль.

...Отпусти Цыганенко 5 метров мануфактуры.

...Отпусти Беломестному шоколаду 15 пачек.

...Отпусти Савченко для тов. Мурашко: 1) консервов 10 бан., 2) сахару 2 клгр., 3) печенья 4 пачки, 4) чаю 100 гр., 5) рыбы 4 клгр., 6) мыла 2 куска.

Кожевников.

Здесь уже что-то не совсем ясно.

Ну предположим, что Кононов и Маслов — это золотоискатели. Предположим, что тов. Мурашко сшил себе новые брюки, съел вместе с Цыганенко печенье и шоколад, а теперь забирает продукты, чтобы снова отправиться в тайгу на прииски.

Но что это за таинственная, безымянная женщина в черной шали? И давно ли это тов. Беломестнов превратился в приискового рабочего, в то время, когда

всем он был известен как один из руководящих работников Селемджино-Буреинского района?

Самойлов!

Отпусти этому человеку три метра мануфактуры, необходимой ему для шития трусов.

...Замени Мурашко отрез черного сукна на серое. Кроме того, выдай ему еще один новый костюм.

Самойлов!

Выдай этому зубному технику пряников, шоколаду, конфет, сахару.

...Выдай для Цыганенко фуфайку и отрез сукна, а жене т. Корякина чулок женских две пары.

Что за чертовщина!

Мурашко, оказывается, вместо того чтобы ехать в тайгу, все еще шьет себе брюки и все еще меняет то черные отрезы на серые, то серые на черные.

Скромная золотоискательница Корякина очень подозрительно быстро превращается в гражданку Корякину, в жену одного из работников приискового управления.

Цыганенко определенно спятил с ума: уже в четвертый раз огребает пиджаки, мануфактуру, костюмы и фуфайки.

Некто безымянный собирается в холодную зиму шить себе трехметровые трусы.

Какой зуботехник? Откуда? С каких это пор зуботехники стали считаться приисковыми рабочими или старателями? Какие же он разрабатывает россыпи? Где разыскивает самородки?

Или, может быть, обнаружив золотой зуб во рту пациента, он с веселыми криками собирает свои выдергивательные инструменты, останавливает бормашину и бежит делать заявку на обнаруженную им золотоносную площадь?

Самойлов!

...Отфрахтуй и выдай Савину черную шаль, необходимую ему для отвезения и привезения его жены из больницы.

...Отпусти для Бондарчука, которому нездоровится, одну бутылку спирту.

...Выдай Савченко т. Хеврину для бригады бухгалтеров два литра спирту.

...Замени Упорову серое сукно на черное.

Теперь уж совершенно очевидно, что честные приисковые рабочие здесь совершенно ни при чем. Все эти: Савин, которому для отвезения и привезения нужна черная шаль, Бондарчук, которому нездоровится, наконец, эта предводительствуемая Хевриным отчаянная «бригада» бухгалтеров (?), жаждущих дефицитного спирта,— все это, как и все упоминаемое выше, не рабочие и не золотосдатчики, а местные селемджино-буреинские работники районных организаций и группового управления Союззолото.

...Одно «обстоятельство»...

И, наконец, последняя записка. Адресована она, по-видимому, самому Кожевникову. Написана она кривыми и подозрительно качающимися буквами. Подпись отсутствует.

Сережа!

Не откажи в просьбе, дай спирту сему подателю. Нужно для одного обстоятельства.

Каково это неотложно требующее спирта «обстоятельство», Сережа понял, по-видимому, и без пояснений.

Следует резолюция:

Самойлов, выдай два литра.

А на отдельной бумажке приписано:

Отпусти еще хлеба, луку, масла экспортного и одну рыбу. Рыбу дай им соленую из бочки.

С января месяца по май тридцать второго года таких записок накопилось в лавке и на складе около тысячи штук.

Было бы неправильным подозревать селемджино-буреинских работников в подлогах и в преднамеренно злостных преступлениях. Ничего подобного! Все это делалось совершенно официально, и на обороте каждой записки пометка: «Отпустить за наличный расчет». И тем не менее это безудержное разбазаривание специальных фондов не может квалифицироваться иначе, как прямая растрата.

Но, может быть, в Селемджино-Буреинском районе собрались такие уже особенно легкомысленные и беззаботные ребята? Может быть, этот район является исключением?

Так ли? А что, если посмотреть, нет ли таких записок и записочек из магазинов и распределителей в других районах?

А что, если мы предложим всем завмагам, завскладами и распределителями опубликовать через печать тексты записок, а также фамилии писавших всякие, по существу, незаконные и вымышленные требования на выдачу остродефицитных продуктов и товаров то «ввиду неотложной необходимости», то «ввиду отъезда», «ввиду командировки», ввиду очень сомнительных болезней и совершенно несомненного отсутствия понимания всей постыдности этаких шкурнических способов самоснабжения?

При острейшем недостатке в крае промышленных товаров мы направляем эти товары на улучшение снаб-

жения рабочих наиболее важных и ответственных участков хозяйства. В то же время находятся и такие мерзавцы, которые растаскивают дефицитные товары, расхищают народное достояние, и такие, которые транжирят, раздают направо и налево доверенные им государством товары. И те и другие срывают нашу работу. Эти «сосуны» народного имущества — враги народа, и с ними нужна жестокая, беспощадная расправа.

Вероятно, при одной мысли о возможности такого опубликования кое-кому станет не по себе, потому что где-либо на складах лежит подшитая к делу и его лиловая бумажонка с распиской «о получении черной шали для отвезения», с требованием «отпустить полдюжины женских чулок ввиду острого катара желудка». А то и вовсе какая-нибудь разухабисто-откровенная:

...Сережа, выдай!

Сережа-то, может быть, и выдаст, благо ползучий подхалим еще далеко не отовсюду выведен.

Но что скажут не Сережа, а те рабочие, для которых предназначались расхватанные товары? Что скажет КК РКИ и прокуратура?

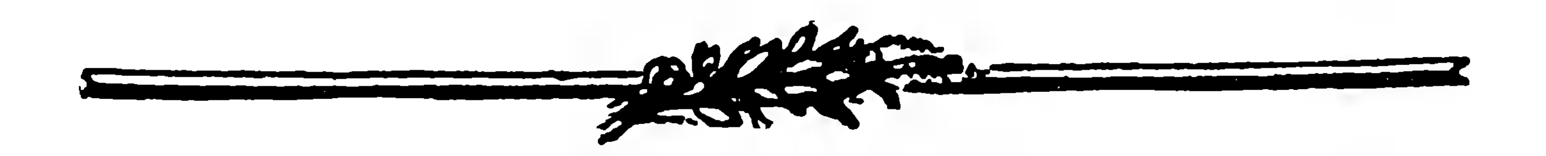
...Ой, нет!.. Не надо! Лучше бы Сережа не выдавал!

Газета «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск),
20 июня 1932 года

ИЗ ПИСЕМ И ДНЕВНИКОВ

ПИСЬМА

Анне Яковлевне Трофимовой[1]

Из Владивостока
Лето 1932 года

...Прошлый год — в это время — я писал «Дальние страны». Теперь урывками пишу другую, назову ее вероятно: «Такой человек». Какой это человек? И кто этот человек? Это будет видно потом. Я работаю разъездным корреспондентом. Интересно очень. Как мы живем — об этом когда-нибудь позже. Живем весело. Не хватает только одного, хорошего такого человека — Тимура Гайдара[2]. Но — ничего. С ним-то мы еще встретимся...

Гайдар

Из Дома отдыха «Ильинское»
Октябрь — ноябрь 1932 года.

...Жив, здоров. Приехал, развернул тетради, стал читать[3]. Читаю, что за черт, сплошная ерунда. Два дня ходил печальный. Сел на третий день — перечел. Вот, думаю, дурак, откуда ты это выдумал, что ерунда? Очень даже хорошо. Теперь работаю.

[1] Анна Яковлевна Трофимова — писательница, близкий друг Гайдара.

[2] Сын писателя Тимур оставался в Москве.

[3] Гайдар заканчивал повесть «Военная тайна».

...Работаю хорошо, с увлечением. Давно я уже так не работал. День сегодня был прекрасный, желтые листья, тишина и солнце...

...Буду седьмого, жив, здоров. Жру по четыре кружки молока в день и бегаю на лыжах. К седьмому сдаю для «Ракеты» 1-ю часть «Военной тайны». Вообще пока все очень прекрасно. Пью каждый день (три раза) какие-то лекарства с содой. Аппетит зверский, наверстываю то здоровье, которое сильно было расстроено за 4 месяца. Хотел приехать раньше, да хочется уже заодно сдать работу, а то мне все уши прожужжали — когда да когда.

В доме отдыха нас только двое — я и Фадеев.

Из политотдела совхоза «Ивны»,
Курской области
10 апреля 1934 года

...Живу в лесу, в старом, разваленном доме графа Клейнмихеля. Работаю. Вчера дернулся вниз головой с седла.

А в общем, тишина, покой и никаких бурь в стакане воды...

Из Арзамаса
11 января 1935 года

...Сегодня был очень хороший солнечный и чуть морозный день. Я вчера переселился на свою квартиру. Все вымыто, вычищено и цветы вынесены. Мне пока оставили кровать с периной. Тишина потрясающая, и глубоко за полночь с огромным удовольствием читал

строка по строке и учился страшному, простому мастерству Гоголя.

Утром был огромный базар. Я купил нарочно небольшой (на нас четырех хватит) стол, веревку и тут же рядом салазки для Р. Ф.[1], положил стол на салазки, привязал веревкой и очень весело привез домой...

Долго и с удовольствием я бродил по базару; здесь каждый привозит то, чем богат. Привезли уйму мяса и все свинина. Там, где продают веники,— целая гора; там, где щепной ряд,— всякие кадки, корыта, ложки, плошки, лоханки, скалки, санки, каталки, и все так хорошо пахнет свежим и морозным, еще сыроватым деревом. Потом продают очень много всяких валенок и самодельных, но очень хороших бурок. Потом есть целый ряд, где монашки продают иконы и венчальные свечи, потом — где продают живых гусей, кур, петухов, поросят и кроликов. Потом — где деревенские продают то же, что каждый мастер: там — баба накрашенные тряпичные куклы, там — дед глиняные свистульки и разных гипсовых ушастых зайцев, добрых собачонок и еще всякое...

Из с. Солотчи, Рязанской области
Осень 1937 года

...Пишу наспех. Только что вернулись из трехдневного путешествия по озерам. Места дикие. Шли с тяжелым грузом через болота и бурелом. Очень устали, но все же замышляем новый поход. Я окреп. Ночуем у костров в палатке, мокнем под дождем и обсыхаем на солнце. Я задержусь здесь еще некоторое время...

---

[1] Рувим Исаевич Фраерман — писатель, друг Гайдара.

...Сегодня я кончаю работу, потому что работаю каждый день регулярно, за исключением тех дней, когда мы уходим в лес. Здесь в лесах такая уйма грибов, что у Черного озера, например, за час можно набрать пуд-полтора. Я их очень люблю, но и то объелся. Живем мы здесь очень скромно. Едим черный хлеб, молоко, творог, сметану, помидоры и рыбу, которую сами наловим.

На днях мы ночевали в палатке в лесу, и ударил страшный град, было очень интересно. Палатка тяжелая, и я ее таскаю за плечами сам — никому не даю.

В общем же, я с удовольствием думаю о наступающей зиме. Было бы только тепло. Приеду я первого потому, что все 1-го отсюда уезжают.

Жизнь здесь сейчас глухая, дачников нет. Летают огромные стаи птиц, осыпаются листья, и время для моей работы самое подходящее...

Дочерям А. Я. Трофимовой Ире и Светлане

Из политотдела совхоза «Ивны»
10 апреля 1934 года

...В нашем лесу живут настоящие волки, очень зубастые и хвостастые. А ночью на деревьях кричит птица филин-злилин.

Здесь уже совсем тепло, выросли всякие цветочки — и желтенькие и синие, а красные еще не выросли...

Близко от нас есть большое озеро, и в этом озере водятся всякие рыбины. Одну рыбину мы поймали, сжарили и слопали.

17 апреля 1934 года

Вчера я поймал ежика. Очень веселый ежик. Выпил он целое блюдечко молока и слопал морковку.

Есть ли у вас в Москве ночью луна и звезды? Должно быть, нет — одни только фонари. А здесь у меня есть одно солнце, одна луна и сто миллионов звезд. Вот сколько много!.. Я и тебе хотел достать с неба одну звездочку — лез, лез — не долез...

Из Крыма, Кавказа
и других мест
17 мая 1934 года

Открытка с видом «Артека»

...Вот вам на снимке и Артек... Море здесь такое большое, что если хоть три дня его ведром черпать — все равно не вычерпаешь. Вот здесь какое море! А горы здесь такие высокие, что даже кошка через них не перепрыгнет. Вот здесь какие горы! До свиданья...

...Наше крымское путешествие подходит к концу.

Послезавтра на большом морском пароходе поплывем... в такой город Севастополь. Там стоят в море наши советские боевые корабли, и пушки у этих кораблей такие огромные, что если как бабахнут, то громче самого гремучего грома.

Видели мы... немало всяких чудес. Видели мы дерево толщиной чуть ли не с нашу комнату; видели мы камни вышиной с наш дом; видели мы рыбину длиной с наш коридор; видели мы и золотых рыбок, которые на солнце так и сверкают, что даже глаза зажмуришь;

видели хитрую лисичку, доброго ежика и злющую змею, которая ползет под кустами, и все ее, проклятую, боятся, лишь один ежик нисколько не боится и даже может ей так наподдать, что она сразу сдохнет. Тут живет один старый дед в семьдесят семь лет; живет он со старухой на берегу моря и делает из ракушек хорошенькие коробочки. Я уже снес ему много ракушек и сегодня ходил смотреть. Он уже все сделал, только на крышки ракушек еще не хватило, и сегодня я опять полезу в море и наберу получше, тогда хватит...

Открытка с видами Крыма

Из Гурзуфа

...Вчера ночью над горами пронесся могучий ураган — даже земля дрожала и деревья так и кланялись чуть не до земли. А потом, утром, взошло горячее солнышко, и все зверюшки запрыгали, все птицы запели, и даже в море рыбины заскакали, а петь они не умеют, а то в рот вода нальется... Сегодня мы видели змею, пили какао и пели песни...

...Это письмо пишу вам на другой день после того, как спустился я с угрюмых скал Геленджика в солнечную долину пионерского лагеря. Серые туманы окутывали нас почти двое суток. Стремительные ветры да дикие орлы кружились над нашими головами. Мы лезли такими опасными и крутыми тропинками меж гор и пропастей, по каким мне еще не приходилось лазить с далеких времен гражданской войны. На вершине скалы Ганзуры я сидел один и плакал о потерянной

молодости ровно один час и 24 минуты. Вероятно, поплакал бы и больше, если бы снизу от костров не донесся запах чего-то жареного, и мне захотелось поесть. Поспешно тут спустился я в ущелье, и было самое время, потому что все уже успели захватить себе куски получше, а мне достался какой-то костлявый обглодок.

После этого закутался я в свое серое солдатское одеяло и, подложив под голову тяжелый камень, крепко заснул.

Видел я во сне чудный месяц, который плывет над рекой.

Видел Теремок у речки над водичкой.

Видел я обезьяну — Черный хвост. И ужасно кричала эта проклятая обезьяна, когда уклюнула ее смелая птичка-синичка.

Вдруг раздался гром, и я проснулся. Перевернулся, а барабанщик ударил тревогу в барабан...

...Возможно, что нам не придется с вами встретиться еще долго: дней десять, недели две или даже дней двадцать. Возможно, что вы без меня переедете уже в город. В таком случае, прошу вас, поклонитесь от меня сначала добрым людям Сергею Димитриевичу и Елене Васильевне. Потом поклонитесь корове Рыжанке и старому коту Пушку Ивановичу, а также всем бабочкам, муравьям, жукам, цветам, елкам, синему небу и светлым звездам — только проклятым осам не кланяйтесь. И еще прошу вас, не оставьте на сиротскую долю нашего Киселяна Котеновича, потому что сам я круглый сирота и знаю, как плохо жить в круглом сиротстве...

Ст. Дорохово. Старая Руза. Дом отдыха писателей
30 ноября 1935 года

Здравствуйте, злые люди!

Почему вы мне не пишете? Довольно-таки стыдновато. Кто мне не напишет сейчас же, тому будут плохие дела. А кто напишет, тому всякие хорошие. Я жив, здоров, очень много работаю... Если же вы меня позабыли и приискиваете себе другого Аркадия, с бородой и золотым зубом, то тогда до свиданья, и я удаляюсь от вас в Африканскую страну и буду там лазить по деревьям вместе с обезьянами. Здесь у нас живут семь собак: Шавка, Гришка, Муртик, Грозный, Кузька, Малявка и Бомба. И двенадцать кошек, а среди них самая главная — «Мурмура»...

---

14 августа 1936 года

...Письмо это пишу вам с широких донских степей. Со станции Зверево. Был я в татарском городе Казани. Плыл я четыре дня по широкой реке Волге, и сейчас держу я путь в главный город Ростов-Дон.

Случилось у меня недавно превеликое горе, потому что объелся я арбузами и дынями, и у меня заболел живот. Дынь здесь навалены целые горы. И сто́ит целая дыня с вашу головешку полтинник, и с мою — рубль.

Видел я из окошка вагона живых верблюдов и заорал во весь голос: «Верблюд! Верблюд! Хочешь соли?» А уплюнуть на меня верблюды не успели, потому что поезд наш промчался быстро...

Михайловское
6 февраля 1936 года

Здравствуйте, плохие люди! Почему вы мне не пишете? Напишите про свою жизнь...

Я вчера ходил в лес. Медведя, волка и лисицу не видел, но зато видал на заборе живого воробья.

У нас здесь живут люди с двумя ушами. По ночам они ложатся спать, а днем их кормят сырыми яблоками, вареной картошкой и жареным мясом. Мыши здесь ночью не ходят, потому что все заперто... Как только выйдет первый номер журнала «Пионер», пусть... сейчас же возьмет у Боба[1] и пришлет мне...

Из Ялты. Дом писателей
Февраль 1937 года

Здравствуйте, детишки, веселые ребятишки! Одна рыжеватая, а другая косматая. Жить нам здесь очень плохо. Погода стоит какая-то дурацкая: ни снегу, ни мороза, а сплошная теплынь. Кроме того, из окон нашей комнаты не видно ни сугробов, ни ребятишек с санками, а только одна сплошная зелень да синее море.

Кормят нас здесь тоже плохо: всё разные пирожки да шашлыки, печенье да варенье, а черного хлеба не дали, жадюги, еще ни кусочка.

Хоть бы вы нас, бедненьких, пожалели! А если не пожалеете, то мы рассердимся и снимем на все лето дачу на берегу моря и заставим вас... жить с нами. Вот тогда попробуете! Сразу завоете. С одной стороны — море, с другой — горы, с третьей — пальмы, а с четвертой — виноград, мармелад, яблоки, черешни, малина, орешки, персики, бергамот — прямо-таки не знаешь, чего засунуть в рот... Посылаю вам листочки с деревьев, которые растут перед нашими окнами. Тут есть и лавровый лист, и роза, и миндаль...

---

[1] Бениамин Абрамович Ивантер — редактор журнала «Пионер».

Здравствуйте, веселые люди!

Вчера мы лазили на горы. На горах видели козу-дерезу. На солнце 22 градуса тепла, а в тени было 16. В саду у нас лежит камень в десять тысяч пудов. Я хотел было послать его вам для игры, да потом раздумал — завернуть не во что...

Открытка с видом Байдар

...Я тут одному мастеру велел сделать маленькую серебряную птичку. На днях будет готова. Тогда пришлю. Пишите чаще, а то не пришлю.

Я, вероятно, скоро умру, потому что ем очень мало — только за обедом: две тарелочки супу, четыре котлетинки, тарелочку рисовой каши, два пирожинца, три яблочка, блюдечко с кремом и стаканчик молочка или чаю...

Открытка с видом парка в Сухуми

...Плывем сейчас по Черному морю с Кавказа в Крым. Мы познакомились с очень интересным волком, которого зовут «Вовк»...

Открытка с видом Симеиза

9 марта 1937 года

...На этой горе живет страшная кошка. Она таскает из моря рыбу...

Доре Матвеевне Гайдар и ее дочери Жене

(Май 1939 года)

Уважаемая Евгения!

Плыву сейчас на пароходе по Черному морю. Море это очень глубокое, и если поставить сто домов один на другой, то все равно потонут. В этом море водятся разные злые рыбы, веселые дельфины, блестящие медузы, а коровы в этом море не водятся, и кошки с собаками не водятся тоже.

В кавказских краях я купил чудесных семян, а мы с Вами в Клину их посадим на грядку, и очень они расцветут красиво. Скоро уже я приеду домой и там посмотрю—кто чего разбил и кто лазил ко мне в ящики...

Из Солотчи, Рязанской области
Лето 1939 года

Пьем мы утром молоко,
Ходим в поле далеко,
Рыб поймали — три ерша,
Ну, и больше ни шиша,
Потому что ветер дует,
Солнце с тучками балует,
Волны с пеной в берег бьют,
Рыбы вовсе не клюют...
Впрочем, дело поправимо:
Пронесутся тучи мимо,
Кончит ветер баловать
И домой умчится спать.

Фотография. На обороте надпись:

Распустила две косы,
Смотрит кроха
на часы!

Можно ль мне узнать
у вас,
Что сейчас, который час?
И ответила мне кроха:
— Я считать
умею плохо.
Или девять
без пяти,
Или пять без девяти.

Открытка (котята и щенок): «Дружба»

Из жестяной этой миски
Молоко хлебают киски.
Добрый пес на них не лает,
Только хвостиком махает.

Здравствуйте, люди! Мы купили вам чашечки-серебряшечки очень интересные...

Открытка (лицо девочки). На обороте надпись:

Что за чудная картина!
Вот вторая Алевтина [1].
Тот же рот, и тот же нос,
И лохматый пук волос.
Так же ходит, так же скачет,
По три раза на день плачет...

Из Солотчи
1 июля 1939 года

Писем от тебя еще не получал—жду сегодня. Вчера с Рувимом и Борькой [2] ночевали в лесу на берегу речки. Настроение у меня несколько тревожное. Послал две телеграммы на Дальний Восток — не отвечают. Боюсь,

---

[1] Пятилетняя Аля, племянница Д. М. Гайдар.
[2] Брат Д. М. Гайдар.

что подведут, и останемся мы с тобою «на хлебце». Я-то человек терпеливый и могу просидеть целый «месиц», а ты можешь зачахнуть, загоревать и ввиду отсутствия на столе конфетно-кондитерских изделий объявить, что мы — не сошлись с тобой характерами.

Дорогой Дорик! Только что начал я работу. Рассказ я пишу небольшой,— злата и серебра он принесет нам с тобой немного, но зато он сам будет светлый, как жемчужина.

Мы живем тихо. Питаемся очень просто — суп, молоко и картошка. Но больше — мне, например, ничего сейчас и не надо.

Напиши мне письмо — какова ваша жизнь? Как дела у Веры? Передай мой привет маме и скажи ей, пусть за грубость мою она на меня не сердится. Это я тогда наорал на всех сгоряча...

Старая Руза. Дом отдыха писателей
2 октября 1939 года

...День сегодня солнечный. Тишина здесь, как на кладбище,— во всем доме отдыха вместе со мной всего трое отдыхающих, верней — работающих.

С непривычки даже страшно. Постараюсь всей головой уйти в работу.

Работа передо мной очень большая... Будь умницей — в жизни впереди может быть еще немало хорошего...

Старая Руза. Дом отдыха писателей
9 октября 1939 года

...Несколько дней я прожил в большой тревоге. Никак не мог подойти к работе. Брало отчаяние, хотелось

бросить и вернуться в Москву — а зачем не знаю. И только сейчас в голове прояснилось, работа показалась и важною и интересною. Трудно предсказать, но, вероятно, и на этот раз с работою я справлюсь хорошо.

Материально — много она мне не даст. Но я об этом сейчас не хочу даже думать. Бог с ней, с материей,— было бы на душе спокойно.

Я вернусь с чистой совестью, что сделал всё, что мог...

...Если бы ты знала, сколько мук доставляет мне моя работа! Ты бы много поняла, почему я подчас бываю дик и неуравновешен.

И все-таки я свою работу как ни кляну,— а люблю и не променяю ни на какую другую на свете.

Как я живу? Я встаю, с полчаса до завтрака гуляю по лесу. Лес желтый, но и зелени еще много. После завтрака сразу же сажусь за работу, за час до обеда кончаю, немного погуляю, сыграю партию в бильярд. После обеда — очень тихо, и я с наслаждением читаю. Вечером, после ужина, я опять работаю, но уже немного. Вчера пошел в лес, зажег костер, сидел и грел руки...

Из Цхалтубо и разных мест Крыма
Март — апрель 1940 года

...Я жив, здоров, веду себя очень хорошо, много работаю. Когда сюда приехал — немного было забаламутился, но быстро выправился.

Погода стоит неровная: то теплынь, то вдруг дунет с гор ветер. У меня все хорошо, только два горя: потерял трубку и все время приходится чинить сапоги. Ну, да как-нибудь дотопаю...

---

5 апреля 1940 года

...Еду на Одессу. Оттуда вылетаю по делам в Киев. Очень был огорчен, что не получил от тебя письма на Сухум. Вообще ты мне написала только одно письмо, и ввиду этого я начинаю подыскивать таких, которые своим мужьям пишут. Александр Ефимович[1] уже обещал меня познакомить в Москве с одной девицей, зовут ее Варя... она двоюродная сестра Ольги Алексеевны и служит заместителем инспектора 1-го Госцирка.

Ал. Ефимович говорит, что она будет и писать и плясать. Кроме того, у нее есть патефон с пластинками... и две пары мужниных сапог как раз нужного мне размера.

Вот с какими приключениями мы путешествуем! Ал. Ефимович хотел сняться верхом на тигре, но тигр оказался злобным и укусил ему одну ногу...

Старая Руза. Дом отдыха писателей
8 сентября 1940 года

...Третий день сижу и работаю[2]. Не написал еще пока ни одной связной строчки, но исчертил и разрисовал уже почти всю Женькину тетрадь. На этот раз я работаю несколько иначе, чем всегда. Я сижу, обдумываю заранее сюжет, положения, события. Все еще пока туманно, но за этим туманом уже слышны и звон, и крик, и неясная музыка.

...Если я сейчас справлюсь с этой работой — это будет большая победа. К тому времени, как мне вернуться —я думаю план вещи будет готов. Тогда я сяду за самую работу и опять буду из плана вычеркивать пройденные главы вот такими кругами (нарисован овал.—

---

[1] Александр Ефимович Разумный — кинорежиссер, постановщик фильма «Тимур и его команда».

[2] Речь идет о киносценарии «Комендант снежной крепости».

Ред.). На этот раз будет труднее, потому что задумал я вещь совсем новую. И во что бы то ни стало должен буду — быстро — в 20—25 дней, эту работу окончить. Пусть даже не окончить. Но этот срок я должен вырвать для работы. Тогда будет хорошо...

Вышел сегодня я передохнуть в лес. Он начинается прямо за заборами. Нашел три белых гриба. Погода стоит хорошая. Вот и осень! Но неспокоен я только за работу, а так — спокоен...

---

10 сентября 1940 года

...Целыми днями я работаю. Не написал еще ни одной строки связной. Но каждый день черчу план, и картина передо мной вырисовывается все яснее и яснее... По такому способу я еще работать не пробовал. Сейчас еще говорить рано, но возможно, что получится хорошо. Схватываю тон, настроения.

Посижу, поработаю, выйду в лес на час — полчаса. Приду — и опять картина проясняется, сижу, чиркаю, рисую, хмурюсь, улыбаюсь...

Новостей у меня особых никаких. Да, забыл тебе написать: когда я ехал, чемодан у меня стоял под лавкой. Вдруг — выстрел! Это вылетела пробка из бутылки. К счастью, вся пена ушла как-то в сандалии. И ничего не промокло...

13 сентября 1940 года

...Сегодня 13-е, уже ночь. Только что кончил работать... Работаю я много. Сегодня и вчера работа идет с колоссальным трудом, чего-то не выходит. Но это бывает, и я духом не падаю.

Погода стоит хорошая. Ходил недавно в Рузу, починил сапог. Вообще жизнь идет ровно. Никаких новостей и событий...

Из Клина
17 декабря 1940 года

...Я живу неплохо, но наработал пока еще мало...

Так или иначе, к 19-му числу работу я закончу во что бы то ни стало...

Здесь выпал снег. Погода ясная, воздух чистый. Вчера ходил гулять (в общерусском, а не клинском понимании смысла этого слова).

Вышел на окраину — хорошо и привольно. Нет,— я по натуре все-таки не москвич! В Москву надо приезжать с хорошим настроением. С хорошо оконченной работой. А работать в Москве трудно...

Июль 1941 года

Уезжая на фронт, Аркадий Петрович подарил Жене книгу и написал на ней такие стихи:

Едет папа на войну
За Советскую страну.
Женя папу поджидает.
Женя книжку прочитает,
Все узнает, все поймет:
Где и как живет народ.
Сколько есть чудес на свете,
Как и где играют дети,
Как запрыгал заяц белый,
Как исчез Ивашка смелый,
Как из лесу, из-за гор
Ехал дедушка Егор...
Женя книжку прочитает
И о папе помечтает.
Он в далекой стороне
Бьет фашистов на войне!

Арк. Гайдар

Записка, оставленная Гайдаром жене перед отправкой на фронт

Доре

1) Документы военные старые разделить на две части — запечатать в разные пакеты.

2) В случае необходимости обратиться: в Клину к Якушеву. В Москве — сначала посоветоваться с Андреевым («Пионерская правда»)...

3) В случае если обо мне ничего долго нет, справиться у Владимирова (К 0-27-00, добавочный 2-10) или в «Комсомолке» у Буркова.

4) В случае еще какого-либо случая, действовать не унывая по своему усмотрению.

Будь жива, здорова!

Пиши, не забывай.

Твой Гайдар

С фронта из разных мест
Июль 1941 года

...Выехали со всякими приключениями, ночью были под Москвой. Ночь, как сама знаешь, была неспокойная. Крепко тебя, золотую мою, целую.

Будь жива, здорова, береги Женю.

Твой солд... Аркашка

Почтовый штемпель — Москва
19 сентября 1941 года

...Подъехал к Харькову. Дальше мой путь будет сложнее, и скоро писем не жди. Сейчас уже виднеется

город. Вспоминаю, как дружно и весело подъезжали мы с тобой к этому городу, когда ехали в Крым. Далеким-далеким кажется это время.

Крепко тебя, родную, целую. Не унывай и помни своего военного...

[*Гайдара*]

...Я жив, здоров.

Наши войска сражаются хорошо. Бои, как ты сама читаешь, идут упорные, но настроение у войск и у народа твердое.

...Если сейчас от меня не будет долго писем, ты не беспокойся. Это просто значит, что далеко идти на почту. Поцелуй от меня Женюрку, маму и всех. Со мной пока случилось только одно горе — при одном обстоятельстве пропала моя сумка, которую ты собирала для меня так заботливо. Ну да ничего—получу новую. Пиши мне по прежнему адресу,— и хотя с опозданием, но письма твои до меня дойдут...

(Киев 16 или 17 сентября 1941 года)

...Пользуюсь случаем, пересылаю письмо самолетом. Вчера вернулся и завтра выезжаю опять на передовую, и связь со мною будет прервана. Положение у нас сложное. Посмотри на Киев, на карту, и поймешь сама. У вас на центральном участке положение пока благополучное. Крепко тебя целую. Личных новостей нет. На днях валялся в окопах, простудился, вскочила температура, но я сожрал 5 штук таблеток — голова загудела, и сразу выздоровел.

...Помни своего [Гайдара], который ушел на войну...

Будь жива, здорова.

Эти товарищи, которые передадут тебе письмо, из одной со мной бригады. Напои их чаем или вином. Они тебе обо мне расскажут[1]

Гайдар

Целую Женю.
Привет маме и всему вашему табору.

Рувиму Исаевичу Фраерману

Арзамас
27/I—35 г.

Дорогой Рувим!

Все на месте. Кончил устраиваться. У нас две небольшие комнаты, рядом старик со старухой. Крылечко, дворик с кустами малины, заваленной сугробами. В пяти минутах — базар, в трех минутах — широкое поле, на столе—керосиновая лампа, а на душе спокойно.

Очень я хорошо сделал, что уехал. Арзамас с тех пор, как я его оставил, изменился не очень сильно — поубавилось церквей, поразбежались монахи, да и то часть встречалась: там на базаре инокиня торгует потихонечку иконами, смоляным ладаном, венчальными свечами, тряпичными куклами; там, глядишь, престарелый Пимен тянет за рога упирающуюся козу и славословит ее матом или кротко поет хвалу богу и добирает в кружку до пол-литра.

Арзамас — район крестьянский, нет здесь ни Днепростроев через Тешу, ни Магнитогорска на месте старых кирпичных сараев. Зато много кругом хороших колхозных сел и деревенек. Веселые здесь дважды в неделю бывают базары — свиней понавезут на возах

---

[1] Письмо прибыло по почте. Оно оказалось последним.

целыми тушами. Там целые горы березовых веников. Возы с золотым арзамасским луком, овчина, валенки, крупа, мука, овес — в общем, все недорого и всего вдоволь. Девочкам я купил санки и выстроил им во дворе большую снежную крепость с бойницами. Вчера там был впервые поднят военный флаг. Девчонки героически отражали мои бешеные атаки, причем я получал контузии прямо в рот.

Послезавтра оклею обоями комнаты, тогда буду совсем свободен, и можно будет подумывать о работе. Что-то близко вертится, вероятно скоро угадаю.

Как-то поживаете вы?

Зачем ты едешь на Кавказ? Если это по своей воле, тогда еще так-сяк. Но боюсь, что просто, пользуясь твоим добродушием и мягкостью, тебя втравили в поездку, против твоего желания. На перевале в Тубан я был в 1919 — дорога туда зимой очень нелегкая, хотя и красоты неописуемой. Когда лошадьми будешь проезжать станицу Ширванскую (а ее ты никак не минуешь), ты увидишь одинокую, острую, как меч, скалу; под этой скалой, как раз на том повороте, где твои сани чуть уж не опрокинутся, у меня в девятнадцатом убили лошадь. Крепкий привет Вале[1] и всем моим любимым друзьям. Если выберешь время, то черкни еще до отъезда или с дороги. Обязательно напиши твой адрес — я ведь не знаю номера дома.

Из дер. Головково
1938 год

Живу тихо, глухо, одиноко. Взялся за работу. Выйдет ли чего — не знаю! Вернусь, закончив повесть, к первому — из пяти листов оставлю, кажется, полтора-

[1] Валентина Сергеевна — жена Р. И. Фраермана.

два. Остальное чушь, белиберда. Все плаваю поверху, а нырнуть поглубже нет ни сил, ни уменья.

Огромная к тебе просьба. Возьми вложенный здесь пакет. 13-го января к двум часам съезди в Лаврушинский, в Управление по охране авторских прав. Зайди к директору, передай ему лично этот пакет и подожди ответа. Не забудь захватить с собой паспорт, потому что в пакете лежит заявление и доверенность на твое имя.

Милый Рувим, я ведь на самом деле сирота, и друзей у меня очень мало. Сделай, как я прошу, иначе мне придется сорваться с места и мчаться в Москву.

Если что нужно, то сообщи домой мой адрес. Но лучше бы без особой важности мне не писали...

Целую неделю читаю Карла Маркса, кое-что понял; других книг, чтобы не забивать себе голову, не взял.

Передай привет Косте[1] Бог знает, чем я его обидел. Но если я обидел, то нечаянно.

Крепко жму твою руку.

9 января 1938 г.

Из Одессы
(Май 1938 года)

Где ты? Кого любишь? Кого ненавидишь? С кем и за что борешься? Что ешь и что пьешь?

Я был в Ялте и Батуми. Летал в Кутаис, на обратном пути в Одессу. На время стоянки парохода опять заходил в Дом писателей в Ялте, никого там уже не застал. Я живу сейчас в домике на берегу моря. Здесь же меня кормят, усыпляют, умывают. Я работаю! Нужно в поте лица добывать трудовую копейку — это раз.

---

[1] Константин Георгиевич Паустовский

Во-вторых, надо чем-то оправдывать свое существование перед богом, людьми, зверями, перед разными воробей-птицами, соловей-птахами и также перед рыбой карась, линь, головель, лещ, плотва, окунь — а перед глупым ершом и перед злобной щукой оправдываться мне не в чем.

В Одессе я пробуду, вероятно, еще с месяц. К этому времени работу думаю закончить. И знаешь — конечно, море прекрасно,— но скучаю уже я по России. Где мой пруд? Где мой луг? «Где вы, цветики мои, цветики степные?» Всех я хороших людей люблю на всем свете. Восхищаюсь чужими домиками, цветущими садами, синим морем, горами, скалами и утесами.

Но на вершине Казбека мне делать нечего — залез, посмотрел, ахнул, преклонился, и потянуло опять к себе, в нижегородскую или рязанскую.

Дорогой Рува! Когда вы едете в Солотчу? Какие твои и Косты планы? Тоскую по «Канаве», «Промоине», «Старице», и даже по проклятому озеру «Поганому» и то тоскую. Выйду на берег моря — ловят здесь с берега рыбу бычок. Нет! Нету мне интереса ловить рыбу бычок. Чудо ли из огромного синего моря вытащить во сто грамм и все одну и ту же рыбешку? Гораздо чудесней на маленькой, чудесно задумчивой «Канаве» услышать гордый вопль: «Рува, подсак!» А что там еще на крючке дрягается — это уже наверху будет видно.

Дорогой Рува! Когда я приеду в Солотчу, я буду тих, весел и задумчив. К этому времени у меня будут деньги. 100 000 рублей я заплачу Матрене, чтобы она за мой долг не сердилась, 50 000 — старухам, 250 рублей отдам Косте, которые я ему должен, 5 руб. дам тебе, а с собой привезу два мешка сухарей, фунт соли, крупный кусок сахару, и больше мне ничего не надо.

Напиши мне, Рува, письмо. Хотя бы коротенькое: как жизнь, кто где, что, почему и все это почему? Привет Вале. Если же увидишь Косту, то пожми ему от меня руку.

Из этих теплых крымских стран,
Где вовсе снегу нет,
Рувим Исаич Фраерман,
Мы шлем тебе привет!
Придет пора, одев трусы
(Какая благодать!),
Ты будешь целые часы
На речке пропадать,
Где в созерцательной тиши,
Премудр и одинок,
Сидишь и смотришь, как ерши
Тревожат поплавок...

. . . .

Тилим-бом-бом! Тилим-бом-бом!
От ночи до зари
Об этом пели под окном
Нам хором снегири!

Сидели мы на солнышке, вспомнили и обругали тебя. Зачем сюда не едешь? Здесь жарко, всё в цвету, лежим на камнях, загораем. Рувчик, скоро вскроются реки и стаи вольных рыб воздадут хвалу творцу вселенной; ты же, старый хищник, вероятно, уже замышляешь против сих тварей зло. Увы! И я замышляю тоже!

Рувим! На земле война. Огонь слепит глаза, дым лезет в горло, и хладный червь точит на людей зубы.

Сергею Григорьевичу Розанову[1]

(Одесса, июнь 1938 года)

Дорогой Сереженька!

По просьбе К. Д. пересылаю тебе ее карточку. Она сдала уже испытания по интегральному исчислению и по органической химии. Боится за сопротивление материалов. Сопротивляемость, говорит она, у меня и у самой-то неважная.

Верочка — все та же, холодна, красива, но глупа и думает, что Мадам Бовари до Айседоры Дункан была женою Есенина.

Я сижу крепко работаю. Меня хвалят...

Еще просьба, позвони к Никитину[2] и узнай от него две вещи:

1) в каком положении «Барабанщик»?

2) — сложнее. Передаю тебе точный текст его телеграммы: «Телеграфируйте согласие печатать «Судьбу барабанщика» в газете «Колхозные ребята» Никитин».

Я ответил: — В газете печатать разрешаю.— Но потом мне показалось, что такой газеты как будто бы нет. С другой же стороны, он точно знает, что «Барабанщик» печатается в журнале «Пионер». Значит, ни в каких журналах печатать без Бобкиного разрешения его нельзя. Я писал ему открытку. Он не ответил.

Выясни, пожалуйста, конечно, по возможности с оборотом в мою пользу.

Вот пока о делах и все.

Получил ли ты мою открытку со стихами? Я приеду числа двадцать первого, а там мы с тобой что-нибудь придумаем.

---

[1] Сергей Григорьевич Розанов — писатель, друг Гайдара.

[2] Николай Карпович Никитин — редактор Детиздата.

Из дер. Головково
21 января 1938 года

Дорогой Сереженька!

Заканчиваю последние страницы повести[1]. К первому вернусь. Живу тихо, как волк.

Работал крепко, кажется выходит хорошо. Как-то ты живешь, сиротинка моя! Вероятно, костерите меня за одно дело (насчет займа) и в хвост и в гриву. Приеду, паду на колени.

Сережа! Недавно я сделал некоторые открытия. Усидчивая работа и одиночество навевают на человека волшебные сны [неразборчиво]...

Сережа! Завтра — 22 января — мне стукнет ровно без шести лет сорок. Молодость — «э пердю! Ке фер?»

И единственно, что меня утешает,— это яркий и поучительный пример твоей жизнерадостной старости. Дай же мне бог — дотянуть до такой же, сохраняя все те же присущие тебе качества — как-то: бодрость, веселье, умиротворение, мужество духовное и телесное.

В общем же дела мои хороши — повесть кончаю.

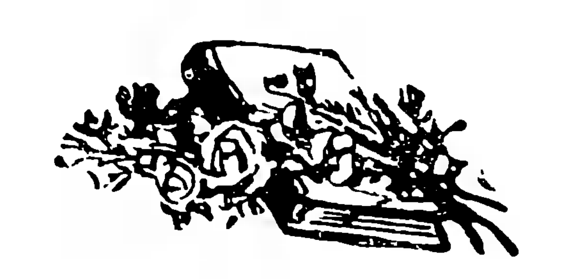
Гей! Гей! Не робей!

Тверже стой и крепче бей!

Гайдар

---

[1] В это время Гайдар заканчивал для отдельного издания повесть «Судьба барабанщика».

ДНЕВНИКИ

Из школьного дневника А. Гайдара

48

7 нед. 10—16 сентября 1917

11/24 Пн. Были все 5 уроков. Новую француженку зовут Софья Вацлавна Бернатович.

12/25 Вт. Были вопросы о выборе комитета.

13/26 Ср. Общая молитва отменена. Запись уроков в бальнике необязательна.

14/27 Чт.

49

8 нед. 17—23 сентября 1917

23/6 Сб. Выбирали после уроков в комитет.
Голиков — 20 голосов. Доброхотов Б. Мешалкин } 14 гол.
Доброхотов, Степанов } 11 гол.

50

9 нед. 24—30 сентября 1917

24/7 Вс. Первое собрание комитета у Ник. Ник. Вопрос об отсутствующих, о развлечениях и другие.

27/10 Ср. Было задано сочинение на тему: «Из школьной жизни», по плану.

51

10 нед. 1—7 октября 1917

3/16 Вт. Комитет постановил требовать от класса полнейшего спокойствия на всех уроках, главное — французском, законе и истории.

4/17 Ср. Первый день сегодня начались мелкие дожди.

6/19 Пт. Была на последнем уроке (французском) икона (урока не было).

7/20 Сб. Один голубь был подстрелен, 2 ранены (улетели).

52

11 нед. 8—14 октября 1917

8/21 Вс. 1 голубь подстрелен, пули вышли.

9/22 Пн. Географии не было. Старый урок заменили русским, разбирали (слепой закон).

10/23 Вт. Купил книгу («географию»).

11/24 Ср. «Калевала».

12/25 Чт. Приезжал Кузьма Васильевич от папы. Был у нас с 8 до 1 час. дня. Много рассказывал о папе и наконец, уехав, дал обещание заехать на обратном пути за посылкой. Написал письмо папе.

13/26 Пт. Написал письмо папе и послал его.

14/27 Сб. Был у Рейста. «Ночь на границе».

54

13 нед. 22—28 октября 1917

22/4 Вс. Был на эсеровском митинге.

23/5 Пн. Не было французского урока, отпустили.

24/6 Вт. Не было закона, с последнего урока отпустили.
25/7 Ср. Меня и Шнырова директор заметил, когда мы дрались на палках.
28/10 Сб. Будет письменная по алгебре.

56

15 нед. 5—11 ноября 1917

5/18 Вс. Кадетская лекция не была.
Был на съезде крестьянских депут.
8/21 Ср. Был у Рейста на «Примадонне».
9/22 Чт. Не было рисования. Я выпросил пустой урок; были танцы.
11/24 Сб. Не было рисования, и 7 ноября были пустые уроки. Масса листков раздавалась с кадетскими прокламациями.

57

16 нед. 12—18 ноября 1917

12/25 Вс. Сегодня выборы в Учредительное собрание.
14/27 Вт. Как я и думал, вечером приехал Кузьма Васильевич.
15/28 Ср. Был Кузьма Васильевич. Мы отдали ему массу писем, пластинок нету нигде.
18/I Сб. Буран.

61

20 нед. 10 — 16 декабря 1917

10/23 Вс. Играл в шахматы.
14/27 Чт. Сегодня годовщина декабрьского восстания, в училище не был.
15/28. Пт. Был на вокзале и собирал в пользу солдат.
16/29 Сб. Отпустили после 3 уроков на каникулы.

65

24 нед. 7—13 января 1918

9/22 Вт. Сегодня учились, несмотря на 9 января.

11/24 Чт. Было собрание по вопросу об обзаведении класса своим журналом.

13/26 Сб. Я играю гусара, глава из комедии Гоголя «Игроки». Аресты кадетов.

66

25 нед. 14—20 января 1918

14/27 Вс. Был на 3-х собраниях. Делегации отказали в просьбе освободить кадетов.

15/28 Пн. Учились, забастовки не было.

18/31 Чт. Я не хожу на уроки закона божьего, было всех 4 урока.

20/2 Сб. Было 4 урока. Я играю чиновника.

68

27 нед. 28 января — 3 февраля 1918

28/10 Вс. Был Варнава. Большевики преданы анафеме.

30/12 Вт. Было классное 2-х часовое сочинение на разные темы. Был в Совете.

69

28 нед. 4—10 февраля 1918

6/19 Вт. Я сегодня не был в классе, потому что нет сапог.

7/20 Ср. Был на собрании редакц. комиссии.

10/23 Сб. Сегодня вечером собралась толпа около милиции и требовала выдачи убийцы[1].

---

[1] По рассказам А. Ф. Субботина, речь идет, по-видимому, об имевшем место случае убийства кулаками на базаре в Арзамасе одного красногвардейца.

70

29 нед. 11—17 февраля 1918

11/24 Вс. Был на... вечере.

15/28 Чт. Меня ранили ножом в грудь на перекрестке. Был в Совете.

17/2 Сб. Получил разрешение от Революционного Штаба присутствовать на улицах в ночное время.

73

32 нед. 4—10 марта 1918

9/22. Пт. Поехал к папе в Пензу.

74

33 нед. 11—17 марта 1918

11/24 Вс. Приехал к папе в Пензу. Был вечером в народном доме, «Старческая любовь».

17/30 Сб. Уехал папочка в Пензу.

78

37 нед. 8—21 апреля 1918

8/21 Вс. Митинг сорван...

9/22 Пн. В городе стрельба. 5 раненых с нашей стороны.

10/23 Вт. Ночью идет стрельба. Мы с Березиным ходим патрулем. Осадное положение.

11/24 Ср. Ночью мы стреляли в собор, оба попали в окна.

12/25 Чт. Ночь на дежурстве.

79

38 нед. 15—21 апреля 1918

21/4 Сб. Наши вернулись, у Неймана прострелен палец. Ночь дежурил.

91

50 нед. 8—14 июля 1918

9/22 Пн. Мы отрезаны от Мурома, Нижнего, Ардатова, Лукоянова. Все вооружены. Чувырин идет с отрядом.

10/23 Вт. Ночь в Совете.

11/24 Ср. В Совете.

12/25 Чт. Вокзал.

13/26 Пт. Ардатов. Белая гвардия, едет Лихачев.

14/27 Сб. Лазили и обошли все окраины города (восток). Патруль.

92

51 нед. 15—21 июля 1918

15/28 Вс. Дежурил в Совете, ночью ходил на вокзал к начальнику интернациональной дружины (на Сергач) Капу, ночевал на вокзале.

24/4 Вс. Засада около Всех Святых. Пулемет. 35—40 человек скрылись...

94

29 июля — 1 августа 1918

1/14 Ср. К нам приехал штаб Восточного фронта. Жизнь в Арзамасе очень оживилась, совсем не та атмосфера. Военное обучение понемногу налаживается. Прошли рассыпной строй, скоро к стрельбе.

Днем по городу носятся автомобили, изредка пролетают аэропланы, ночью прожектор внимательно осматривает небо. Жизнь Совета идет своим чередом. Скоро учиться. «За свободу» — ученическая газета. Написать что-либо...

Чувства

(что такое нигилизм).

Шар—это фигура, образованная отрезками, исходящими из одного центра.

Треугольник — часть плоскости, ограниченная 3-мя прямыми.

Извержение — это выделение на поверхность земли расплавленной лавы.

Радость — это чувство, которое случается видеть у человека, который удовлетворен.

Разочарование — чувство — неудавшиеся замыслы, неудовлетворение там, где надеялся получить полное удовлетворение.

Ухо — это орган, воспринимающий звук, то есть колебание воздушных частиц.

Альтруизм — правило, призывающее человека заботиться о других.

Школа — это общественное учреждение, ставящее себе целью дать образование молодому поколению...

122

Книги, прочитанные мною

Автор	Заглавие	Заметки
Толстой	Казаки	
Марк Тв.	Том Сойер	

123

Что следует прочесть

Заглавие	Почему следует и кто советует
Обрыв, Гонч. Писарев Анна Каренина Дарвин Король Лир Шекспир критический очерк Пушкинского периода Бокль, История цивилизации в Англии	Для ознакомления

127

Метеорологические наблюдения

Дата	Часы	Температура			Барометр			Состояние погоды	Направление ветра
		Утр.	Днем	Веч.	Утр.	Днем	Веч.		
4 окт.	10	6	8	9				Дожди	

130

Имя и фамилия адресата	Куда послано	Когда написано	Когда получен ответ
Папа	Рига, 11 сибирск. стрелк. пехотн. полк	4 октября 13 октября 14 октября 6 декабря	

131

Моя корреспонденция

От кого получено письмо	Откуда	Когда	Когда послан ответ
От папы		13 окт.	

251

№№ телеф.	Фамилия, имя и отчество	Место жительства
	Полковому комиссару Голикову	Действующая армия 11 стрелковый сибирский полк

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

1931—7—22
Крым
Гурзуф
Артек

„ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ“

Выехали из Москвы с Тимуром[1] 16-го. Прибыли в Артек к ночи 18-го.

Шли пешком по берегу моря. Думали. Разговаривали.— «У моря другого берега нет» (Тимур).

Шли, шли и пришли наконец.

В — «Дальние страны».

Говорят, что «Дальние страны» — очень милая и грациозная повесть...

[1] Сын Гайдара.

19

Прощальный костер пионеров. Разъезжаются. 24-го приезжает новая смена. Запомнился пионер Колесников — угловатые плечи, жест — рукой к земле. Говорил крепко и хорошо.

*

Физкультурник. Опытен,— но опыт построен на изучении до тонкости техники воздействия на ребят, но не на понимании самих ребят. Похож на тореадора и на бывшего офицера.

*

Культурник — этот свой, ведет хорошо и непринужденно.

*

Был в Гурзуфе.

*

20—21—22

Костер у вожатых — плохо. Ни чутья, ни политического такта. Декламация — «Красное знамя — знамя свободы, равенства, братства, любви» и т. п.— чушь.

Красное знамя — знамя диктатуры пролетариата— и это устроителям невдомек.

*

Тимур в отряде. Он уверен, что я записал его в пионеры. Он спит в общей палате, становится на линейку — и вообще ведет себя как гордый своим званием образцовый пионер.

Любят его все очень. Он самый маленький и забавный.

*

Работаю над концом «Дальних стран»...

24

Был на Ай-Гурзуфе...

Тома маленькая — всегда работает.

27

Был в Гурзуфе — наложили мне швы на разорванный о колючую проволоку бок...

*

Пионеры рассказывали друг другу про свою жизнь.

*

Волейбол — Айя — стройная, с свободными, немного мальчишескими ухватками.

*

Пристань в Гурзуфе — ленивое море — матросы.

*

Холодная вода в верхнем источнике.

*

Воздушки — Тимур с подушкой и полотенцем.

*

Москиты.

*

В давние годы там, где сейчас Артек, доживала дни своей бурной жизни графиня де Ламот, та, о которой писал Дюма (чертов домик на берегу моря).

У некоторых ребят попадаются мои книги. У одного «Обыкновенная биография» с моим портретом, где я снят в военной форме 11 лет назад. И они ходили за мной и рассматривали.

30

Федор Федорович Шипларов — 30 лет среди ребят:

— «Я не обращаю внимания и не слышу детского шума».

*

Доканчиваю «Дальние страны».

*

— Петька
— стог сена
— усталость
(сказать или не сказать)
— Иван Михайлович
— Песня Ермолая
— А ведь это Ермолай убил Егора
— Похороны.

1 авг.

Очень много работал над концом «Дальних стран».

Я твердо уверен, что, имей я возможность поработать над книгой еще 2 недели в спокойной обстановке, книга была бы намного лучше...

*

Костер: тема 1 августа. Неважное выступление красного командира. Айя у знамени.

*

Марнам, или, как Тимур говорит, «Муриам».

Кроме того, он говорит *мурская* лодка вместо морская.

*

Что-то дадут завтра газеты о сегодняшнем дне первого августа.

*

Прочел интересную статью о ферросплавах...

*

Хотел ехать в Севастополь на моторке — да нельзя из-за рукописи.

*

2 авг.

Очень много работал над «Д. С.» — с утра до ночи.

*

3 авг.

Ночью я закончил наконец «Дальние страны». Итого получилось немного более пяти печатных листов...

*

Обращение ЦК о том, что по инициативе М. Горького будет печататься 10—15-томник «История гражданской войны».

5 авг.

Ночь — огни — беседка.

Вчера получил очень теплое письмо из «Мол. Гв.»... Немножко удивился.

*

Линейка. История с грушами.

«Выйдите теперь те, кто рвал шишки».

«Да мы уже выходили».

*

История с девочкой, которая украла 22 рубля и приносила по 3, по 5 рублей[1].

*

Я попросил перевести Тимуренка за хулиганство в другую палату.

*

Море, скала, шторм. Мы с Тимуром на берегу. Кидали камни и хохотали, когда брызги долетали до лица.

1931

Статья... о хозрасчете, обезличке и уравниловке.— Я был прав, что еще тогда, когда слово «обезличка» только-только появилось в приложении к паровозу, то записал, что дело тут не только в паровозе и что ликвидация «обезлички» — это первое звено очень важной цепи.

---

[1] Аркадий Петрович рассказывал товарищам об этом случае: на него произвело огромное впечатление то, как девочка старалась исправить свой проступок.

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

1933

Позавчера статья — «Колхозная торговля и политика цен». Задача закупок — у кооперации нелегкая.

10 дек. 1933

Вчера вечером был у Разумовской. Дела в Детгизе — пока неважные. Смирнов крепко всё ломает, но книги пока лежат.

18/

Ботвинник отыграл две партии Флора.

По Дальнему Востоку отменены хлебозаготовки на 10 лет.

27/

Был на вечере Злобина и на заседании оргкомитета.

27 декабря

Работал хорошо. Только что пришла Аня и сказала о том, что умер А. В. Луначарский. Это человек — целая эпоха.

28/

Видел замечательный сон — сказку.

Будто бы я солдат не то какого-то полукаторжного легиона, не то еще кто-то.

Потом — подарок от волшебницы из сказочного дворца. Потом бегство на пароходе. Феерия и наконец пожар — я хватаю Тимура, а волшебница в гневе кричит: ан все-таки он тебе дороже, чем я. Потом опять другой океанский пароход. Гибель Тимура. И потом я — весь в огнях, в искрах — огни голубые, желтые, красные — тут мне и пришел конец.

Встал рано, все еще спят. Сажусь за работу.

11/марта

Приезжала Талка[1].

25 февраля обо мне большая хорошая статья в «Правде».

Отправил письма Тимуру..

29 апреля

25 апреля — как и всегда сразу — рывком я уехал из Москвы в Ц. Ч. О.

Купил хорошую серую шинель. Ржава. Обоянь. Машиной до «свертки», дальше пешком с сумкой за плечами. К вечеру — подошел к Ивне. Полуразрушенный дворец графа Клейнмихеля. Церковь, разломанные вывороченные гробницы. Парк. Весна,— тысячи и тысячи грачей.

Радостная была встреча с Тимуром.

Днем — солнечно, тихо. Только грачи кричат. Квартира среди развалин — хорошая, светлая, просторная. Под окном лохматые елки.

Внизу большой пруд.

30/

Отправил 3 письма и одну открытку в Москву (Лядовой, Плаксиной, Трофимовой и Ивантеру). Вечером написал частушки для политотдельской газеты.

Важное постановление о льготах единоличникам, вступающим на работу в совхозы.

---

[1] Наталья Петровна Полякова, сестра Гайдара.

2 апреля

Сегодня опять солнце... Дописал до места — ребята в церкви.

Встаю, завтракаю, иду гулять в парк — потом работаю.

Тимурка высадил в консервную банку подснежники.

3/

Ходили с Тимуром на бугры на поляну и долго лежали, загорая на солнце. Вырыли кустик подснежников и маргариток.

Хорошо поработал. Переписал начисто главу, где ребятишки спрятались в церкви.

*

Хороши развалины, в которых мы живем. То-то должно быть красиво летом.

6-го

Отослал материал в «Пионер». 7-го верхом обратно в Ивню. 8-го моросил дождик.

Тимурка достал маленького кролика-трусика.

*

Надо писать смелее, а я все чего-то побаиваюсь.

10/

Солнце, я, Тимур в бумажной треуголке и кролик под елочками.

11/

Вчера отослал письмо домой и в «Пионер» вечером. Ходил на озеро. Старик ловил рыбу.

12/

Очень тепло. Отослал письмо Ивантеру с просьбой прислать тетрадь. Работаю ровно.

*

Мне тридцать лет — годы не старые, но и не малые. Скорее, скорее надо кончать повесть.

14/

Летчики спасли уже 57 челюскинцев.

15/

Тимуренок-Гайдаренок.

После обеда ходил в лес. Фиалки. Шуршат сухие листья. На опушке трактор.

У Тимуренка, кроме кролика, появился маленький серый зайчонок.

*

Все челюскинцы спасены летчиками.

18/

Вчера получил телеграмму, что меня премировали часами. Даешь часы.

Отправил вчера телеграмму Ивантеру, письмо ему же и письмо Лядовой. Сегодня отправляю письмо Плаксиной и домой. А также кусок «Синих звезд».

На днях выезжаю в Ростов.

19/

Вчера у меня день отдыха. Вечером играл в волейбол. Ночью был в лесу.

Сегодня просматривал «Военную тайну». Может получиться хорошая книга.

13 июня

Послезавтра месяц, как мы живем на даче в Клязьме. Последняя неделя хорошая. Все спокойно, сижу работаю.

*

Скоро приезжает Талка.

*

Вчера в лесу я, Нюрка, Талка и Светка нарвали огромные охапки цветов. Хорошие зеленые поляны, напоминающие детство.

*

«Военная тайна» будет хорошей книгой. «Синие звезды» пока отложил, пусть полежат.

Погода неустойчивая — облака, солнце, ветры — и так целый месяц.

*

В «Правде» передовая «За Родину» — это хорошо.

27 августа

Последние дни крепко работал.

Наконец-то кончаю «Военную тайну».

Эта повесть моя будет за Гордую Советскую страну.

За славных товарищей, которые в тюрьмах.

За крепкую дружбу.

За любовь к нашим детям.

И просто за любовь.

Сегодня впервые я иду на съезд писателей, хотя съезд подходит уже к концу.

Очень, очень странно, что на днях я все-таки заканчиваю повесть.

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

29 марта [*1939*]

Очень тепло. Работать нельзя никак: мешают. Прошлый год в это время я уезжал в Одессу и пробыл на юге до 21 июня. С этого дня и начались все мои несчастья. Проклятая «Судьба барабанщика» крепко по мне ударила.

Снег почти стаял.

---

8 апреля

Вчера выписался из «Сокольников» — был туман мозга. Сегодня очень тепло, солнце. Читаю «Историю древних германцев».

25 апреля

Дни проходили хорошо и весело.— «Барабанщик» печатается. Опять дела с кино. Настроение бодрое.

Ялта. 2 мая — 16-я комната

Паустовский, Каверин, Фин, Диковский, Тренев, Вирта, Уткин, Евг. Петров, Асеев, Лагины и др.

9 мая

Очень много все дни работал. Писал диалог к чужому сценарию «Личное дело». Сценарий прескверный.

«Анатолий Федорович» — 5-ти лет, разбил себе нос. Солнце печет. Сегодня заканчиваю работу. Дора[1] с Паустовским ушла в Ливадию.

---

[1] Д. М. Гайдар.

Награждены орденами сельские учителя — это хорошо. Я люблю это племя.

12 мая

10-го отослал «Личное дело» режиссеру. В тот же день очень весело проехались на машине... за Аю-Даг! Красивые скалы.

Вчера написал десять писем! Сегодня с утра ушел с Диковским «на беседку». Съемка монумента. (Съемка для потомка.) О Пастернаке — «небожитель».

Молитва рыбака — письмо в Солотчу, к Рувцу [1].

15 мая

Тринадцатого ездили в Симферополь к председателю Совнаркома. Было нас шестеро: Петров Евгений, Диковский, Вирта, я и Дора и зав. домом отдыха.

Затем [неразборчиво]. На обратном пути заехали в Бахчисарай и в Гурзуф. Кан — мертвый город. Изумительны (капсоны). Спускались с Ялты со стороны Ай-Петри. Отмахали всего 250 км.

14-го были в Алупке... Получил телеграмму от Разумного...

Поездка все же неважная. Жду сегодня телеграмму от Андриевского [2] и его приезда, денег и писем.

Дора читает Гоголя.

---

[1] Р. И. Фраерман.

[2] Александр Николаевич Андриевский — режиссер студии «Союздетфильм».

17 мая

Вчера получил письма от Сергея Розанова и К. Пискунова. «Барабанщик», кажется, будет печататься в «Красной нови». «Дым в лесу» подписан к печати. Получил деньги... Купил часы и компас... Разговор с Шнейдером о сценарии.

Жить становится легче.

18 мая

Играем вечерами в волейбол. Вчера получил телеграмму. Андриевский выезжает 22-го. Очень хорошо. Погода установилась ясная, летняя.

23 мая

Были на днях в ущелье Уч-Кош. Было весело. Ходили 22-го на концерт — Гилельс Эмиль и его сестра. Хорошо... Разговор с Асеевым. Ему мои замечания понравились.

Путник и дорога как целое — при одних обстоятельствах, а при других — дорога его не касается, он касается ее только подошвами. Вообще мир разорван — при одном восприятии и собран при другом. Второе выше.

В Крыму буду до 5 июня. Завтра жду Андриевского. Разговор с Перцовым[1] о «Телеграмме»[2].

Ужасного встретил на пляже доктора: «Вы писатель? Очень рад: массу могу предложить вам материала. О чем пишете? — О войне.— Есть у меня в Севастополе знакомые. Могут рассказать из жизни морского флота. Ах, это не интересует! Ну тогда, может быть, нужен *материальчик* курортно-бытового характера?»

Очень многие еще де́ла нашего не понимают.

---

[1] Виктор Осипович Перцов — критик и литературовед.

[2] Так назывался первоначально рассказ «Чук и Гек».

Один из самых страшных вопросов — это когда человек интеллигентный и начитанный задает вопрос: «А скажите, как вы пишете? Из жизни материал берете или больше выдумки?»

Очень становится от такого вопроса уныло.

Прошлый год в это время я работал над «Барабанщиком» (сценарий) в Одессе. Завтра приедет Андриевский. Очень рад...

24 мая

...Вчера Гира-Литовец читал стихи. В Литве сто писателей на 2,5 миллиона — это многовато. Асеев читал стихи. Уткин тоже. «Однофамильцы». Уткин об охоте на уток. Остроумно!..

27 мая

Приезжал Андриевский. Дела мои хороши. Вчера были с Дорой в Суук-Су, в Артеке. Встреча с ребятами была теплая. Подарили нам много пышных роз. Завтра приступаю к работе над «Барабанщиком»...

Диковского проводили в Коктебель. Уехал он на «Армении» [1]. Начинаю скучать по России... Пятилетний Анатолий Федорович очень со мной дружит. Подарил ему звезду, свисток и пистонный револьвер. Он командует над собаками — Цыганом, Тузиком и Машкой.

В газетах временное затишье. Но тревожно на свете.

28 мая

Вчера до глубокой ночи спор после вечера чтеца Журавлева — Асеев, Перцов, я остался при своем...

Сегодня сажусь за работу.

---

[1] Теплоход.

30 мая

Работаю. Позавчера смотрели татарский ансамбль, вчера украинских бандуристов. Послал Андриевскому телеграмму: «Гей, гей, не робей, замечательную сцену закатил я вчера в семье у Половцевых[1] тчк Шлите деньги или я буду вынужден остаться в Крыму навеки»...

Выслать книгу — Ялта, Черноморский пер., № 1, кв. 7—9, Вильвовскому — Лене, Данцеву Виктору. Это ребята, которые дали мне «Голубую чашку».

1 июня

Вчера была гроза, потом — опять солнце... Вечером — новые дорожки в парке. Проводы Уткина и Козина у фонтана. Когда-то я необъяснимо ненавидел Уткина. Теперь присмотрелся — нет. Человек как человек.

Нравится мне В. Перцов. Человек культурный и душевный...

Давно в Москве...

26 июня

Живу в Солотче вместе с Борькой. Сегодня из Москвы приезжает Рувим. Дора осталась в Клину. При-

[1] Речь идет о сценарии «Судьба барабанщика».

езжала в Москву Талка. Надо работать — над чем еще не решил.

Письмо в Клин. Телеграмму в Хабаровск.

29 июня

Вчера в газете: 120 японских самолетов перелетели границу. 95 советских приняли бой. 31 японский самолет был сбит — советских 12. Позже еще 60 самолетов, опять бой. Сбито японских 25, советских 2.

Тревожно на свете, и добро́м дело, видать, не кончится.

Ловили с Рувимом на маленьком озере. Поймал я большого окуня. Ходили на Канаву. Комары — как тигры. Сегодня переставил стол в маленькую комнату, пора начинать работу.

1 июля

На монгольской границе беспрестанно воздушные бои.

Вчера я, Рувим, Борис, Валя ночевали в лесу на берегу Прорвы. Огромная сверкала луна. Пчелка гонялась за куликами. Сенокос. Возвращение бригад с поля.

2 июля

Вчера чинил у Рувима велосипед. Странная идея у Рувима — снять камеру, не снимая колеса. Ездили на Канаву. Клевало хорошо. Рувим поймал здоровенного окуня. Луга в цвету.— Тревога...

4 июля

Весь вчерашний день провел с Борисом на Канаве. Утро, летчик над лугами. Оборвал у спиннинга две блесны. Варили борщ. Рыбы поймали мало. Сплю плохо. Тревожные варианты старых снов. Надо работать, но я что-то растерялся...

14 июля. Клин

В Москву приехал пятого. Наконец-то вышла «Судьба барабанщика». Шестого гуляли с Дорой. Были в кино и в музеях. 11-го уехали в Клин. От Дальгиза есть телеграмма. Разговор с Гавриловым об обмерах приусадебных участков.

13 августа

За этот месяц только и сделал хорошего, что написал для сборника небольшую сцену в двух картинах «Прохожий». Говорят, что получилось хорошо...

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1940—1941 гг.
1 апреля

Батуми, 4-го марта. После месяца в санатории «Сокольники», уехал на Кавказ, в Цхалтубо... Цхалтубо, Разумный, позже Ермолов[1].

Много работали над «Тимуром и его командой». Вчера налетел циклон — застал нас в парке. Ночью выехали в Батуми... В Батуми остановились в гостинице «Интурист». Шторм на море... С Финляндией... война окончена.

---

[1] Кинорежиссер.

2 апреля

Гуляли с Разумным по городу. На пристани сгружают в бочки свежий улов рыбы. Два базара. Букет цветов. Вечером вчера отработали кадры—«Поимка шайки Квакина». День сухой, серый. Море стихает. Встреча с ребятишками—цветы учительнице. Мексиканские шляпы. Морская свинка нам гадает — расход полтинник.

3 апреля

...Вчера вечером много работали. Поставили на место главную сцену — «Выходной день в роще». Днем взяли билеты на «Армению». Снимались — я на коне, потом — оба в картонной лодке. Турчанки на базаре. Лодка с битым тюленем. Портной Голодайко и доктор Гигиенишвили.

5 апреля

4-го в 16 часов на теплоходе «Армения» в Одессу. Погода была серая. Зашел в тир — выбил 41 очко. На пароходе — «знатный американец». Утром в Сухуми — погода светлая... Купил на базаре семян цветов. В Гагры приехали к 14 часам. Окончил всю работу над «Тимуром». Осталась только «Походная песня».—Речь (доклад) наркомфина Зверева — касается и нашего брата. Сейчас стоим в Гаграх. Здесь я был в 25 году, 1934. В 1938 с Семеном, а в Сочи — в 1920, 1925, 1927, 1934, 1938.

Надо написать для Детиздата рассказ.

6 апреля

Вчера вечером закончили основную разработку режиссерского сценария.

Таким образом — вещь сделана.

Утром были в Новороссийске. ...Кафе с звонками, похожими на пожарную тревогу. Вспомнил:—лето—Геленджик—ночь—вода светится голубыми искорками.

Прочел умную статью Роскина о Шолохове. Был несколько удивлен. Роскин суховат — статья теплая.

Где-то Рувка? Коста?[1] Скоро пора разматывать удочки.

7 апреля

Утром в Ялте.

Встретили Шнейдера, он снимает «Отчаянную голову»; Журавлева — «Гибель Орла».

Забежал в Дом писателя. Там — Гехт, Смеляков, Ленч, Симонов. Хохотали, когда я им рассказывал, как мы ехали с знатным американцем. Это, оказывается, был американский посол Штейгарт. В Ялте он слез, стало веселее.

9 апреля

Вчера утром приплыли в Одессу. Ночью от Евпатории море было неспокойное. Был вчера на кинофабрике. Вечером были в театре на Иване Сусанине...

Сегодня выезжаем в Москву.

На пароходе случай с киношником, разговор которого показался одному дураку подозрительным. Общий хохот.

---

[1] Р. И. Фраерман., К. Г. Паустовский.

Июнь, 14-е, Клин

...Написал «Советская площадь» и «Поход» — маленькие новеллы. И весна и лето неровные. Огород. Ирис — высокие, как гвардия, цветы. Собаки — Игрун и Жулик. Машина с детьми на Головково.

Сегодня начал «Дункан» [1], повесть.

Война гремит по земле. Нет больше Норвегии, Голландии, Дании, Люксембурга, Бельгии. Германцы наступают на Париж. Италия на днях вступила в войну.

29 июля

Давно уже Франция разбита.

СССР — это уже Бессарабия, Литва, Латвия, Эстония.

Пишу «Тимур и его команда», работа идет неровно и рывками. Был вчера в Поваровке, в детдоме.

Разумный снимает картину на Волге.

27 августа

Сегодня закончил повесть о Тимуре — больше половины работы сделал в Москве, за последние две недели.

---

20 ноября 1940 года

...22-го в «Московском большевике» статья Ивича о «Тимуре и его команде»...

На земле тревожно. Греки неожиданно теснят в Албании итальянцев. Вчера, 28-го, написал письмо Рувиму. Мучает меня совесть, а о чем—точно не знаю...

[1] Так в первом варианте называлась повесть «Тимур и его команда».

Лекция о Лермонтове.

Опять смотрел «Цирк». Все-таки хорошо—особенно с акцентом «Петрович», «Ваничка» — есть теплота.

Читал письма Толстого. Потом Щедрина. Ужаснулся — загрустил. Сегодня 29-е — рубят в нашем саду сосны.

---

17 лет тому назад.

«И пока не придут со сменою,
не уйду я сам с поста.
Не нужны ценой измены мне
ваша ложь и красота!»

Глупо, но искренно. Откуда же? —

«Все прошло. Но дымят пожарища,
Слышны рокоты бурь вдали.
Все ушли от Гайдара товарищи.
Дальше, дальше вперед ушли».

30 ноября

Попробую вспомнить товарищей по школе, по классу. Арзамас, 1916 год — 24 года тому назад...

А кто и где
из них — я
не знаю, ни об
одном.

Теперь вспомнить 1-й взвод шестых киевских командных курсов — 1919 год...

Оксюз Яшка — убит при мне, я его заменил. 27 авг. 1919 г. ст. Боярка.

Больше не помню.

Комиссар — Бокк.

Очень дымное, тревожное — счастливое время — людей не помню — помню события.

Бой Кременчуг — Крюково (Григорьев).

Бой Коростень—Новоград-Волынск (Соколовский).

Бой Боярка — Фастов — Киев (Петлюра).

Конно-казачья бригада — Бровары. 9-й Богунский полк...

Вспомнить когда-нибудь дорогу на Кавказский фронт — начиная с Курского вокзала.

Дорогу на Польский, здесь дальше есть провал, никак одни события не вяжутся с другими. Этот фронт— темная, неясная, непоследовательная цепь. Путаются — глубокий, по пояс, снег и совершенно ровное, покрытое сухой травой поле.

Вообще-то порядок фронтов был такой:

1) Петлюровский: Киев, Коростень, Гребенка, Александров, Кременчуг, Фастов.

2) Польский: Борисов, Лепель, Полоцк, Улла.

3) Кавказский: Армия Морозова, Сочи, Веселое — Памиково, Кубань, Гейман, Хвостиков.

4) Антоновщина: Тамбов, Моршанск, Бенкендорф — Сосновка, Агоманов Угол, Плоская Дубрава, Пахотный Угол.

5) Банды Башкирии — Тамьяно-Катийский кантон (это ерунда).

6) Хакасия, Сибирь — граница Тана-Тувы — банды Соловьева.

1 декабря

11 градусов мороза, солнечно.

Прошлый год в это время, после поездки в Рязань, я взялся за работу над «Тимуром». Позапрошлый в декабре, кажется, писал «Чук и Гек». Время для меня было крутое.

7 декабря

5-го и 6-го был в городе.

Смотрел «Тимура» — применение на практике т. н. «Советов профессора Кронфельда».

На днях для доработки «Коменданта» я, А. Е. и Крепс[2] должны будем приехать на 10 дней в Болшево.

Ошибка «Тимура».

Ольга сразу берет неправильный тон. Пленники очень плохо выходят при освобождении. Но это мелочь. Засорен диалог. Надо впредь работать лучше.

Перестроить всю манеру (актерскую) разговора. Надо проще.

13 декабря

Вчера приехал на десять дней в Клин. Надо резко перестроить «Снежную крепость». Мороз, снег. Меховые унты.— Интересно: а что если — образ Нины — это русская широкая песня?

---

[1] А. Е. Разумный.

[2] Владимир Михайлович Крепс — редактор студии «Союздетфильм».

14 декабря

Очень хорошо начал работу — продумал ночную смену часовых. Диктую в местной редакции. Послал Разумному телеграмму. Привезли дров. Купил на базаре свежих окуней. Приехала вчера Наташа. Женюрка[1] больна корью.

Важная статья «Правды» о военном воспитании детей и молодежи...

18-го вечером, вчера, смотрел «Брат героя» Кассиля. Задумано было хорошо. Но поставлено легковесно.

Вчера же вечером придумал важный поворот в «Коменданте крепости».

Крепость взята и разрушена.

Ночью сон. Нина Никитина — девочка, которую я ни разу не вспоминал тридцать лет—и ее семь сестер. Светло-оранжевые платья, все похожи одна на другую. Бог мой! И чего только в голове у человека не запрятано. Позавчера я ни за что бы не вспомнил даже ни ее, ни как ее зовут, ни ее фамилии.

Достать Горнфельда «Муки слова», хвалил Горький.

19 декабря

Потеплело. Ночью долго не мог заснуть. Волновала сцена у разгромленной крепости. Печальный Тимур и песенка Жени: «Гори, гори, моя звезда!»...

---

[1] Дочка Доры Матвеевны Гайдар.

На земле — все то же. Англичане и немцы сильно бомбят города. Итальянцам наклали греки.

В «Комсомолке» хорошая статья о Тимуре. Хвалят Разумного. Это хорошо, ему нужна поддержка.

Вернулся с Камчатки отслуживший срок красноармеец — вот он сидит уже в штатском, рядом — родные, знакомые, а я смотрю и вижу, что люди его уже не знают и не понимают. Не понять им — как далеко он был, что испытал и видел,— а сам он никогда этого рассказать не сумеет...

Приезжала Дорик, подарила мне смешную хорьковую куртку, и стал я похож на медведя.

24 декабря

Все дни много работал — вчера начерно окончил второй вариант. Крепс и Разумный живут в гостинице. Ходили как-то с ними на клинский базар. Погода мягкая. Собака Жулик — симпатичная, но неприличная.

---

25 декабря

Несколько тревожат меня настроения А. Е. и Крепса. (Разговор о картине и оловянных солдатиках.) А. Е. отрицает, но у меня смутное подозрение, что в новом сценарии он и я видим не совсем одно и то же.

Оба они дали мне много дельных замечаний — за это спасибо! Но чувствую я у них иногда какую-то осторожность, скованность при подходе к тем эпизодам, которые я считаю самыми главными и которые мне больше всего нравятся. Это опасно.

Снимался с ребятами в редакции.

Работал вчера с утра до трех часов ночи с небольшими перерывами. Основную диктовку второго варианта окончил.

29 декабря

Вчера ночью окончательно выправлен «Комендант». Таким образом, знаменитый номер «Люкс» в клинской гостинице опустевает. Сегодня... уезжаем в Москву.

Погода морозная. Солнечная. Хорошо!

31 декабря

Москва. Все идет хорошо. Меня опять берут на военный учет. О «Тимуре» много хороших статей, в том числе и в «Правде»...

Мороз 25 гр. Был в ЦК у Михайлова...

8-го в ЦКмоле будет обсуждение нового моего сценария...

Итак, что у меня было в прошедшем сороковом? Весна — Цхалтубо—Батум. Работа над режиссерским сценарием, потом Клин — повесть о Тимуре. Немного Малеевка. Потом опять Клин — «Комендант снежной крепости». Немного Болшево, Сокольники.

На земле тревожно — но в новый год я вступаю твердым, не растерявшимся.

1941 год

14 января

...На несколько дней опять уехал в Сокольники...

Картина прошла с успехом, но много в ней недостатков.

Сегодня и завтра доделываю последние поправки к «Коменданту». Больше не буду.

Приезжала Талка. Случайная встреча через 23 года с М. Трениным. Елка в Колонном зале.

20 января

Все переворачивается куда-то к черту. А. Е. ставить мой сценарий не хочет. По-видимому, ему мешают.

Мне звонок от Храпченко о «Государственном заказе». «Комендант» пошел в Комитет. С чем-то вернется он оттуда? С удовольствием уехал бы. Надо хоть на короткое время голове отдохнуть, потому что опять близка работа — какая, еще не решил.

22 февраля

Прошел месяц. 25 января интересное совещание в ЦКмоле о военном воспитании...

29-го поехал в санаторий «Сокольники».

На дворе погода мягкая. Солнышко. Идет XVIII партконференция...

Война идет своим уныло разрушительным чередом. Итальянцев греки жмут, и все рады.

Купил Женюрке канарейку в большой клетке. Гостит у нас Алька — смехотворная девка.

Читал статьи Л. Толстого. Тревожно мне и досадно было.

Надо написать 150—90 строк для «Пионерки».

4 марта, Клин

...Пасмурно, слегка тает. Прошлый год в это время я уезжал в Цхалтубо. Сижу — думаю. Раньше я был уверен, что всё пустяки. Но, очевидно, я на самом деле болен. Иначе, откуда эта легкая ранимость и часто безотчетная тревога? И это, очевидно, болезнь характера. Никак не могу понять и определить, в чем дело? И откуда у меня ощущение большой вины. Иногда оно уходит, становится спокойно, радостно, иногда незаметно подползает, и тогда горит у меня сердце и не смотрят людям в лицо глаза прямо.

...«Жулик» вырос, бегает, гремит цепью, будка в сугробах. Алька копошится с куклами, ей четыре года. Недавно заявила: «Если Аркадий Петрович умрет, то и я убьюсь тоже» — очень забавная девчурка.

Надо скорей хвататься опять за работу. Во время работы тревога (личная) уходит, приходит озабоченность общая — она осмысленней.

5 марта

Написал короткую автобиографическую справку для «Пионерки». Но сколько ни бился — больше четырех строк из обещанного короткого рассказа написать не мог никак.

«Завтра Ильке Артамонову должно было исполниться 9 лет, и еще с вечера он твердо решил с утра начать жизнь по-новому».

Вот странно! И о чем писать знаю, а испортил 10 листов и не мог с этих заколдованных строк сдвинуться ни на букву!

Купил и повесил на стену большую политическую карту Европы.

6 марта, Клин

Германия ввела войска в Болгарию, по-видимому в тыл грекам.

В 1941 году должно быть нами заложено 2995 новых предприятий, шахт, заводов, ГЭС и т. д.

«15-летний план развития промышленности СССР» — мне будет 52 года. Что же, увидеть еще можно!

ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. П. ГАЙДАРА

1904 год

9 (22) января[1] (н. ст.) в гор. Льгове, Курской губернии, в семье учителя родился Аркадий Петрович Голиков. Отец будущего писателя, Петр Исидорович Голиков,— народный учитель, после Октябрьской революции — комиссар штаба 35-й дивизии, член партии. Мать, Наталья Аркадьевна Салькова,— учительница, позже фельдшерица; после Октябрьской революции — член партии.

Брак Петра Исидоровича Голикова, правнука крепостного князя Голицына, внука кустаря, и Натальи Аркадьевны Сальковой, дочери офицера Аркадия Салькова, состоялся в 1900 году, против воли родителей невесты.

Через год после рождения Аркадия родилась дочь Наталья, через три года — дочь Ольга, потом Екатерина.

---

[1] Точную дату рождения Гайдара до сих пор установить не удалось. В ученическом дневнике Гайдар записал место и время рождения: «Льгов, Курской г. 9 февр. 1904» (ст. ст.) В некоторых воспоминаниях, в том числе в воспоминаниях сестры Гайдара Н. Поляковой, указывается дата 9 января (ст. ст.).

1909—1910 годы

Семья Голиковых переезжает из Льгова в Ваpиху— городок около Сормова, а потом в Нижний Новгород, в связи с переходом П. И. Голикова на новую работу.

1912 год

Переезд семьи в Арзамас. Начало ученья.

Аркадия определяют в подготовительное училище.

1914 год

Аркадий поступает в первый класс Арзамасского реального училища. Много читает, увлекается произведениями Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, Горького. Читал Жюля Верна, Диккенса, Марка Твена. Вскоре после начала первой империалистической войны отец — Петр Исидорович Голиков — был мобилизован и отправлен на фронт.

1917 год, февраль

Тринадцатилетний Аркадий Голиков посещает большевистский клуб.

1917 год, сентябрь

Аркадий Голиков избран членом ученического комитета.

1917 год, октябрь

Знакомство Аркадия со старой большевичкой Марией Валериановной Гоппиус. Участвует в распространении большевистских листовок.

1917 год, ноябрь

Был на съезде крестьянских депутатов.

1918 год, январь

Подготовка к ученическому спектаклю: ставят главу из комедии Гоголя «Игроки». Аркадий играет гусара.

Посещает большевистские собрания. Аркадий в составе ЧОНа (части особого назначения) принимает участие в защите Арзамаса от кулацких банд.

1918 год, февраль

Аркадий Голиков получил разрешение от Революционного штаба присутствовать на улицах в ночное время. Первое ранение: на перекрестке улицы был ранен ножом в грудь.

1918 год, март

Поездка к отцу в Пензу.

1918 год, апрель

В Арзамасе на улицах перестрелки. Аркадий с патрулем дежурит по ночам.

1918 год, июль, август

Работает секретарем арзамасской газеты «Молот».

Подает заявление в арзамасскую организацию РКП.

Заполнил анкетный лист коммуниста городской организации Арзамасского уезда. В анкете отметил время вступления в партию (29 августа 1918 года) и сообщил, что до вступления в РКП(б) был членом арзамасской организации «Интернационал молодежи».

По молодости лет четырнадцатилетнего Аркадия приняли «с правом совещательного голоса впредь до законченности партийного воспитания».

1918 год, 14 августа (н. ст.)

В Арзамас приехал штаб Восточного фронта.

1918 год, сентябрь

Работает делопроизводителем арзамасского комитета РКП(б).

1918 год, ноябрь

Аркадий Голиков вступает в Красную Армию. Проходит военное обучение, строй, стрельбу. В Арзамасе создается коммунистический батальон. Аркадий становится адъютантом командира батальона Б. О. Ефимова.

1919 год

Отправлен в Москву для обучения на 7-х командных курсах. Курсы вскоре были переведены в Киев и стали называться «6-е Киевские командные курсы».

1919 год, август

Окончание курсов. Был на фронтах: петлюровском (Киев, Коростень, Кременчуг, Фастов, Александров) и польском. В течение года (до сентября) был сначала курсантом, потом командиром 6-й роты 2-го полка отдельной бригады курсантов. На польском фронте воевал под Борисовом, Лепелем и Полоцком. Был командиром роты 467-го полка 52-й пехотной дивизии 16-й армии. Болел на фронте цингой, сыпным тифом. 6 декабря 1919 года возле местечка на реке Улла контужен в голову, ранен в ногу.

Пишет стихи и посылает их в арзамасскую комсомольскую газету.

1920 год, февраль

Приезжает после госпиталя домой, в Арзамас, на побывку. Принимает участие в работе арзамасского комсомола.

Снова в Москве. Учится в Высшей стрелковой школе.

1920 год, март

Направлен на Кавказский фронт и назначен командиром 4-й роты, 303-го (бывшего 298-го) полка, 37-й Кубанской дивизии, 9-й армии.

1920 год, весна

После захвата остатков деникинцев (армия ген. Морозова) стоял с ротой под Сочи, охранял границу от белогрузинов (мост через реку Псоу) за Адлером.

1920 год, лето — осень

В составе того же соединения был переброшен в горы, воевал против банд генерала Геймана и Житикова, поднявших восстание на Кубани.

1920 год, зима

Учится в Высшей стрелковой школе «Выстрел» на тактическом отделении.

1921 год, февраль

Окончил теоретическую часть школы.

После окончания учебы назначен командиром сводного отряда и послан на фронт. Затем, будучи командиром 23-го запасного полка в городе Воронеже, отправлял маршевые роты на борьбу против Кронштадтского мятежа.

Назначается командиром 58-го отдельного полка по борьбе с антоновщиной в Тамбовской губернии и временно командует боевым районом.

1922 год

По ликвидации антоновщины назначен начальником второго боевого района на границе Монголии (Тана-Тувы), где велась борьба с частями полковника Олоферова и остатками банды офицера Соловьева.

Заболевает травматическим неврозом. По заключению Коммунистического госпиталя (Москва) Реввоенсовет Республики дал Гайдару-Голикову продолжительный отпуск.

Начинает писать свою первую повесть—«В дни поражений и побед».

1923 год

Приезд в Арзамас.

1924 год

Пишет повесть «В дни поражений и побед», заканчивает ее.

1924 год, март — апрель

Едет в Крым проведать лечащуюся там мать.

Приказом Реввоенсовета Республики по личному составу (от 19-го апреля), подписанным М. В. Фрунзе, был с 1 апреля зачислен в резерв при ГУ РККА по должности командира полка.

1924 год, ноябрь — декабрь

Уволен из РККА с выдачей выходного пособия по болезни.

Приезжает в Ленинград. Показывает «В дни поражений и побед» писателям Федину, Семенову, Слонимскому.

1925 год

Повесть «В дни поражений и побед» печатается в Ленинграде, в альманахе «Ковш». Подписана «Аркадий Голиков». Пишет рассказ «Р.В.С.» и небольшую новеллу «Угловой дом».

Уезжает в Пермь. 7 ноября в пермской газете «Звезда» появляется «Угловой дом». Собирает в пермских архивах материал для новой повести — о борьбе пермских рабочих против царского самодержавия, которую потом назовет «Жизнь ни во что».

1926 год

Аркадий Гайдар в Перми. В пермской газете «Звезда» печатает фельетоны, рассказы, стихи. Среди них рассказ «Патроны». С 10 января и по 3 марта (с перерывами) печатает в «Звезде» повесть «Жизнь ни во что» («Лбовщина»). В течение апреля в «Звезде» печатается рассказ «Р.В.С.». Рассказ этот напечатан также в № 2 ленинградского журнала «Звезда».

Весною отправляется путешествовать со своим другом Кондратьевым в Среднюю Азию. Посылает путевые записки, рассказы, фельетоны в пермскую «Звезду». Напечатал несколько фельетонов в ташкентской газете «Правда Востока» и в газете «Туркменская искра» (Полторацк).

В сентябре в пермской «Звезде» печатается фантастический роман «Тайна горы».

В декабре в «Звезде» печатается отрывок из новой повести — «Рыцари неприступных гор». (В отдельном издании повесть была названа «Всадники неприступных гор».)

В Москве, в Госиздате, отдельным изданием выходит рассказ «Р.В.С.» (см. Комментарии в т. 1-м,

стр. 312), в издательстве «ЗИФ» — отдельное издание повести «В дни поражений и побед», в Пермском издательстве — повесть «Жизнь ни во что».

1927 год

Продолжает сотрудничать в «Звезде». Начиная с февраля печатается также в «Уральском рабочем» (Свердловск). В мае — июне в «Уральском рабочем» публикуется повесть «Лесные братья» («Давыдовщина») — продолжение повести «Жизнь ни во что» («Лбовщина»).

Летом переезжает в Москву. С июля сотрудничает в московской газете «Красный воин». За период июль — декабрь напечатал в «Красном воине» около семидесяти рассказов, фельетонов, стихов.

В издательстве «Молодая гвардия» выходит отдельное издание новой повести «Всадники неприступных гор». В Госиздате вышел в свет сборник рассказов «Угловой дом» (в серии «На страже СССР»). В сборнике помещено несколько рассказов, ранее опубликованных в газетах.

1928 год

Гайдар в Москве. Последние два фельетона в «Красном воине» напечатаны в январе. Начиная с марта печатает фельетоны и статьи в газете «Голос текстилей».

Пишет повесть «На графских развалинах».

Переезжает в Архангельск. В декабре печатает свой первый фельетон в архангельской газете «Волна» («Правда Севера»).

1929 год

Работает в газете «Правда Севера» в Архангельске.

Заканчивает повесть «Школа». В апреле — июле печатает ее в московском журнале «Октябрь», под заглавием «Обыкновенная биография».

Выходит отдельное издание повести «На графских развалинах».

1930 год

Гайдар переезжает из Архангельска в Москву. Повесть «Школа» печатается в отдельном издании, под заглавием «Обыкновенная биография» в «Роман-газете для ребят». Специально для этого издания пишет автобиографию — «Командир отдельного полка».

Пишет продолжение «Обыкновенной биографии»— вторую часть «Школы», которая остается незаконченной.

Пишет для радио рассказ «Четвертый блиндаж».

1931 год

Задумывает и пишет «Дальние страны». Летом 1931 года живет в Крыму, в пионерлагере Артек с сыном Тимуром. Здесь заканчивает «Дальние страны».

Выходит отдельное издание рассказа «Четвертый блиндаж».

Возвращается в Москву и вскоре уезжает на Дальний Восток.

1932 год

Работает корреспондентом газеты «Тихоокеанская звезда» в Хабаровске.

Возвращается в Москву.

Выходит отдельное издание повести «Дальние страны» в Москве, в издательстве «Молодая гвардия». Издает первый небольшой сборник своих произведений, под общим заглавием «Мои товарищи» (также в издательстве «Молодая гвардия»).

1933 год

В январе в «Литературной газете» появляется статья А. Фадеева «Книги Гайдара».

Пишет повесть «Военная тайна».

В апреле печатает сначала в «Пионерской правде», а потом отдельным изданием «Сказку о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове».

В Армении появляется фильм, сделанный по повести «Школа» («Каро»).

К 15-летию ВЛКСМ пишет рассказ «Пусть светит!», печатает его в журнале «Пионер» (сентябрь—октябрь). Печатает в журнале «Пионер» рассказ «Патроны» (декабрь).

1934 год.

Работает над повестью «Синие звезды».

25 февраля в «Правде» появляется большая статья о Гайдаре, о его повести «Школа».

Публикует «Синие звезды» в журнале «Пионер» (январь — июль). Повесть осталась незавершенной.

В журнале «Мурзилка» печатает отрывок из «Военной тайны», под заглавием «Невидимки. Рассказ» (март).

Едет в Ивны, Курской области.

Осенью заканчивает «Военную тайну».

В июне выходит юбилейный номер (№ 5—6) «Пионера» в связи с десятилетием журнала. Среди рассказов о себе ряда известных детских писателей в юбилейном номере печатается новая автобиография Гайдара.

1935 год

Зиму 1934/35 года живет в Арзамасе, задумывает «Голубую чашку».

В феврале печатает в журнале «Красная новь» повесть «Военная тайна». Одновременно повесть выходит отдельным изданием в Детиздате.

1936 год

В январе в журнале «Пионер» печатается рассказ «Голубая чашка». Рассказ выходит потом отдельной книгой в Детиздате.

Начинает работать в кино. Редактирует сценарии других авторов.

Заключает договоры с Союздетфильмом на экранизацию повести «Р.В.С.» для детей среднего возраста и рассказа «Четвертый блиндаж» для детей младшего возраста.

1937 год

Пишет повесть «Судьба барабанщика». Начал повесть «Бумбараш» («Талисман»), названную по имени главного героя — солдата Бумбараша, возвращающегося после окончания гражданской войны домой, в село. Повесть не закончил.

1938 год

Заканчивает повесть «Судьба барабанщика» и готовит ее к отдельному изданию.

Начинает рассказ «Телеграмма» (первоначальное заглавие рассказа «Чук и Гек»).

Лето 1938 года пробыл в Одессе (март — июнь).

Пишет сценарий по повести «Судьба барабанщика», заканчивает его в мае. При жизни писателя сценарий не публиковался и фильм по нему не ставился.

1939 год

Указом Президиума Верховного Совета СССР в числе ряда других советских писателей награжден ор-

деном «Знак Почета» за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы. (Указ опубликован 1 февраля 1939 года.)

В начале года печатает «Чук и Гек» (под названием «Телеграмма») в «Пионерской правде» и в журнале «Красная новь». Под названием «Чук и Гек» рассказ выходит отдельным изданием.

Пишет рассказ «Дым в лесу».

В мае «Дым в лесу» подписан к печати.

В июле — августе пишет небольшую сцену в 2-х картинах — «Прохожий».

В июле выходит отдельное издание повести «Судьба барабанщика».

Задумывает сценарий «Тимур и его команда».

1940 год

В апреле закончил основную режиссерскую разработку сценария «Тимур и его команда». Сценарий напечатан в журнале «Пионер» в июле — августе.

В июне начал повесть «Тимур и его команда». 27 августа закончил ее и в течение сентября — октября печатает в «Пионерской правде».

В конце года в Клину пишет сценарий «Комендант снежной крепости»; заканчивает его в декабре.

Для «Детского календаря» пишет маленькие рассказы («Маруся», «Василий Крюков»).

В издательстве «Советский писатель» выходит сборник произведений А. Гайдара, под названием «Мои товарищи».

1941 год

В январе в ЦК ВЛКСМ А. Гайдар выступил с речью на совещании по вопросам трудового и военного воспитания детей.

В журнале «Пионер», в январе, печатается киносценарий «Комендант снежной крепости».

Пишет киносценарий «Клятва Тимура» — продолжение сценария «Тимур и его команда».

1941 год, июнь

В первые дни Великой Отечественной войны заканчивает «Клятву Тимура». Повествовательный вариант сценария печатается в июле — августе в «Пионерской правде».

В Детгизе в конце года сценарий выходит отдельной книгой.

1941 год, июль

Уезжает на фронт корреспондентом «Комсомольской правды». Посылает в «Комсомольскую правду» корреспонденции из действующей армии.

Перед отъездом из Москвы пишет для радио статью-обращение: «Берись за оружие, комсомольское племя!»

В «Мурзилке» в августе — сентябре напечатана сказка «Горячий камень».

На Киевщине, в тылу у гитлеровских войск, Аркадий Гайдар вступает в партизанский отряд.

1941 год, 26 октября

В этот день в бою против гитлеровцев, под деревней Леплява, около города Канева, погиб писатель Аркадий Петрович Гайдар.

1947 год

Прах Гайдара перенесен в город Канев. Похоронен на высоком месте в парке над Днепром.

КОММЕНТАРИИ

В этом томе публикуются дневники, письма, незаконченные произведения А. П. Гайдара или произведения, которые самим писателем никогда не переиздавались. В текстах встречаются разночтения, а подчас и описки, которые редакция не считала возможным устранить. О некоторых из них говорится в комментариях.

ОБЫКНОВЕННАЯ БИОГРАФИЯ В НЕОБЫКНОВЕННОЕ ВРЕМЯ

Написана для юбилейного номера журнала «Пионер» в 1934 году, когда журнал отмечал десятилетие своего существования (№ 5—6), и опубликована среди рассказов о себе ряда известных детских писателей.

Биография Аркадия Гайдара необычна. Четырнадцатилетним подростком будущий писатель вступил в Красную Армию и вскоре уехал на фронт. Пятнадцати лет он окончил 6-е Киевские командные курсы и стал командиром роты бригады курсантов, семнадцати лет — командиром полка. В тексте, публикуемой здесь автобиографии, Гайдар ошибся: он ушел в Красную Армию в ноябре 1918 года, следовательно, тогда, когда ему не было еще пятнадцати, а не четырнадцати лет, и не четырнадцати, а пятнадцати с половиной лет он командовал 6-й ротой 2-го полка бригады курсантов на петлюровском фронте. В другой своей автобиографии (см. т. I. стр. 37 настоящего издания) Гайдар пишет: «Мне было всего четырнадцать лет, когда я ушел в Красную Армию». Шесть лет пробыл он в Красной Армии, воевал на различных фронтах гражданской войны, был ранен. Гайдар, молодой, двадцатилетний командир полка, думал остаться военным на всю жизнь, но из-за тяжелой контузии вынужден был выйти в отставку. С этого времени он стал писать.

Жизнь Аркадия Гайдара поистине необыкновенная. Однако он считал, что не биография у него необыкновенная, а время, в которое он живет,— необычное: годы революции — необыкновенные годы.

В этой мысли — ключ к раскрытию идейного замысла автобиографических повестей Гайдара «В дни поражений и побед» и «Школа». В первом издании «Школа» вышла под названием «Обыкновенная биография» (см. комментарии к «Школе» в первом томе).

В ДНИ ПОРАЖЕНИЙ И ПОБЕД

«В дни поражений и побед» — первое произведение А. Гайдара; оно было написано еще в армии, совсем молодым человеком, почти юношей.

Как и широкоизвестная повесть «Школа», повесть «В дни поражений и побед» автобиографична. В повести описаны места на Киевщине, где воевал и сам Гайдар в первые годы пребывания в армии. События и картины в повести очень напоминают некоторые события из жизни молодого Гайдара. Но и «Школа», и повесть «В дни поражений и побед» — художественные произведения, они обобщают действительность. Как и Борис Гориков, Сергей Горинов — художественный образ, со своим отчетливо выраженным характером. И в той и в другой книге Гайдар стремился воссоздать благородный и мужественный облик молодого поколения революционной эпохи, его идейность и целеустремленность, его верность делу революции.

«Школа», написанная позднее, кажется предысторией повести «В дни поражений и побед», и легко угадывается, что Борис Гориков — это Сергей Горинов в более раннем возрасте и что прототипом и того и другого был сам автор — Аркадий Голиков. Созвучность всех трех фамилий также напоминает об этом обстоятельстве.

Первый шаг писателя в литературе был очень плодотворным. Книга «В дни поражений и побед» и сейчас читается с неослабеваемым интересом. Она покоряет страстной убежденностью в победе революции, горячей любовью автора к своим героям — вооруженным защитникам молодой Советской Республики,— острой ненавистью к врагам революции, определенностью и своеобразием характеров. Конечно, в повести «В дни поражений и побед» можно найти немало недостатков, но написана она художником, у ко-

торого уже начинала складываться своя манера писать, и к тому же человеком, обладающим большим жизненным опытом и опытом революционной борьбы.

Еще до вступления в литературу сложилось мировоззрение Гайдара, писателя-патриота, борца, высшей школой политической сознательности которого были годы, проведенные в рядах Красной Армии во время гражданской войны.

В Государственном Литературном архиве хранится большая стопка ученических тетрадей, исписанных мелким почерком молодого Гайдара. На первой странице тетради № 1 обозначена дата: «1923—1924 год, 23 февраля», и стоит характерная подпись: «Арк. Голиков». В правом верхнем углу нарисована эмблема Гайдара, которая потом будет часто появляться в его рукописях, письмах, записках, дневниках: пятиконечная звездочка с отходящими от нее лучами. Это рукопись «В дни поражений и побед».

Впервые повесть была напечатана в ленинградском альманахе «Ковш» в 1925 году (в сокращенном виде).

Отдельным изданием повесть была опубликована в 1926 году в издательстве «ЗИФ» — «Земля и фабрика».

НА ГРАФСКИХ РАЗВАЛИНАХ

Повесть «На графских развалинах» вышла отдельным изданием в издательстве «Молодая гвардия» в Москве, в 1929 году.

Гайдар относил это произведение к числу «первых, совсем еще слабых книг». Однако повесть интересна. Писалась она, по-видимому, одновременно или сейчас же после «Школы», издана она в том же, 1929 году, и очень многое в ней напоминает автора будущих широкоизвестных произведений для детей. Спустя два года он напишет «Дальние страны», потом «Военную тайну» и многие другие свои произведения для юных читателей.

НЕОКОНЧЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В личном архиве А. Гайдара после его смерти было найдено несколько неоконченных произведений, при жизни писателя не издававшихся. Некоторые из них опубликованы в сборнике «Жизнь и творчество А. П. Гайдара». Это отрывки из повести «Обыкновенная биография» (вторая часть «Школы»), «Глина», «Бумбараш». Они печатаются здесь по тексту сборника.

Одно из неоконченных произведений — повесть «Синие звезды» — при жизни автора было опубликовано в журнале «Пионер». Из журнала и взят текст этой повести для настоящего тома.

Незаконченные, малоизвестные произведения Гайдара представляют большой интерес. Они помогают лучше понять творческий путь писателя, позволяют яснее представить особенности его таланта.

ОБЫКНОВЕННАЯ БИОГРАФИЯ

Продолжение «Школы» — «Обыкновенную биографию» — Гайдар писал, по-видимому, в 1930—1931 году. В неопубликованной части дневника за этот год находим запись (набросок в виде плана), в которой встречаются имена героев из «Обыкновенной биографии» и названия мест, где происходит действие повести.

События, описанные в «Обыкновенной биографии», являются непосредственным продолжением «Школы». «Школа» заканчивается первым ранением Бориса Горикова. «Обыкновенная биография» начинается с того, как Борис Гориков после госпиталя возвращается в трехнедельный отпуск домой, в Арзамас. В ней рассказывается о встрече с матерью, с сестренкой, со школьными товарищами, теперь уже комсомольцами, знакомыми нам по повести «Школа». Яшка Цукерштейн («Школа») здесь назван писателем Яшкой Цукерман.

Помещенный в этом томе отрывок взят из сборника «Жизнь и творчество А. П. Гайдара».

ГЛИНА

Когда была задумана повесть «Глина» и когда она писалась, неизвестно.

По-видимому, она была задумана как большая книга со сложным, разработанным сюжетом, с развернутыми психологическими характеристиками героев — детей и взрослых. Но она осталась незавершенной. Рукопись повести хранится в Центральном архиве литературы и искусства. Помещенный здесь отрывок печатается по тексту сборника «Жизнь и творчество А. П. Гайдара».

Время действия повести — первые годы после гражданской войны. Место действия — небольшое местечко, некогда богатое Черепково. Герои повести — жители местечка, мастера-кустари: гончары, горшечники, посудники, игрушечники.

СИНИЕ ЗВЕЗДЫ

«Синие звезды» Гайдар писал в 1934 году. Первая и вторая части повести были напечатаны в журнале «Пионер» (№№ 1—8, 10—13, 1934 г.). Одновременно писатель заканчивал повесть «Военная тайна».

Летом 1934 года Гайдар записал в дневнике: «Военная тайна» будет хорошей книгой. «Синие звезды» пока отложил, пусть полежат». А в 13 номере «Пионера», после публикации второй части «Синих звезд», было напечатано обращение к читателям:

«Аркадий Гайдар занят сейчас переделкой третьей, и последней, части,— поэтому она будет напечатана позже. Ребята, писатель ждет Ваших пожеланий и советов. Как должна закончиться повесть? Что будет с Фигураном? Кто откроет дверь в церкви? Что за незнакомец повстречался с Сулиным? Аркадий Гайдар и редакция ждут ваших писем».

Повесть так и не была закончена.

БУМБАРАШ

Книга была задумана в 1937 году и писалась ранней весной в писательском доме отдыха в Ялте. Гайдар был очень увлечен своей новой работой, но повесть не закончил.

Писатель Р. И. Фраерман вспоминает, как Гайдар объяснял, почему повесть осталась незаконченной:

«Гайдар был чрезвычайно доволен, как шла работа над «Бумбарашем». Он писал эту повесть с вдохновением.

И вдруг в свет выходит повесть Валентина Катаева «Шел солдат с фронта», или, как она потом стала называться, «Я — сын трудового народа».

Это было почти то самое, о чем думал Гайдар и о чем ему хотелось написать в «Бумбараше».

Гайдар оставляет работу.

И сколько потом его ни уговаривали друзья, сколько ни убеждали, что Катаев ему вовсе не помешает, что картины их различны, он больше к «Бумбарашу» не возвращался.

Он был самобытен, никого не хотел повторять и полагал, что каждое художественное произведение, если оно поистине художественное, должно быть новым словом» («Жизнь и творчество А. П. Гайдара». М., «Детская литература», 1964, стр. 173).

ФЕЛЬЕТОНЫ И ОЧЕРКИ

Гайдар работал в газетах всю свою жизнь и деятельность журналиста считал такой же важной, как и труд писателя, пишущего для детей.

Первые его фельетоны появились в 1925 году, в тот год, когда вышло из печати его первое произведение — «В дни поражений и побед». Последнее, что написал Гайдар, были корреспонденции из действующей армии с фронта Отечественной войны, адресованные в газету «Комсомольская правда» осенью 1941 года.

Как и для многих советских писателей, газета была для Аркадия Гайдара отличной писательской школой. Газета учила видеть и наблюдать жизнь, учила отбирать наиболее существенные факты и явления, те, на примере которых можно было показать настоящую правду жизни. В газете выковывалось умение писать лаконично, остро, выразительно. В газете же выковывалось замечательное качество творчества Гайдара — действенная и организующая сила его художественного слова.

Гайдар много ездил по стране. Он жил в Перми (1925—1926 годы) и работал в пермских газетах «Звезда» и «Вечерняя звезда», путешествовал по Средней Азии и дал несколько корреспонденций в «Правду Востока» (Ташкент) и в «Туркменскую искру» (Полторацк), работал в «Уральском рабочем» (Свердловск, 1927 год). С середины 1927 года много интересных рассказов и стихов Гайдара печатается в газете Московского военного округа «Красный воин» и в газете «Голос текстилей». (Некоторые рассказы и стихи из «Красного воина» помещены в третьем томе настоящего Собрания сочинений.)

В конце 1928 года Гайдар живет в Архангельске и весь 1929 год и начало 1930 года сотрудничает в архангельской газете «Волна», которая потом называлась «Правда Севера».

1932 год встречает Гайдар на Дальнем Востоке, где сотрудничает в «Тихоокеанской звезде».

В 1933 году Гайдар начинает писать для «Пионерской правды».

С августа 1941 года Гайдар — военный корреспондент «Комсомольской правды». (Корреспонденции Гайдара из действующей армии напечатаны во втором томе настоящего издания.)

Работал Гайдар в газетах очень интенсивно. Например, в Перми были месяцы, когда он помещал в газете чуть ли не ежедневно по очерку или фельетону, а то и два сразу в одном номере.

Гайдар-журналист очень скоро завоевал широкую популярность у читателей.

В бумагах писателя сохранилась характеристика, выданная ему редакцией газеты «Звезда», в которой отмечаются два основных свойства его корреспонденций: их действенность и популярность.

«Тов. Гайдар (Голиков) работает постоянным фельетонистом в газете «Звезда» уже более года. За это время его фельетоны приобрели широкую известность среди читателей «Звезды». Основными достоинствами его фельетонов, помимо удачной литературной формы, считаются: прямота, искренность, умение подметить и выделить основной момент, заслуживающий внимания читателя.

За истекший период его работы в газете было помещено около двухсот его фельетонов, из них только по нескольким дела за недоказанностью были прекращены.

Неослабеваемый интерес, с которым читатели следят за фельетонами, десятки получаемых на его имя писем и приходящие к нему в редакцию за советом рабочие служат лучшим доказательством того, что тов. Гайдар сумел правильно подойти к постановке вопросов в понятной форме и вполне приемлемой для читателей нашей рабочей газеты».

Свидетельством того, что Гайдар попадал своими острыми фельетонами точно в цель, может служить любопытная история, которая произошла после опубликования в пермской «Звезде» фельетона Гайдара «Шумит ночной Марсель». Этот фельетон высмеивал местного следователя Филатова, который по ночам играл на скрипке «фоксы» и танго в низкопробном кабачке «Восторг».

Ночная «деятельность» Филатова была известна в городе. Его поведением возмущались, и фельетон выразил то, о чем думали все честные люди. Но Филатов счел себя обиженным и подал на журналиста в суд за клевету. Гайдара осудили.

На его защиту выступили «Уральский рабочий» и «Правда». 5 апреля 1927 года в «Правде» появилась статья, под названием «Преступление Гайдара»; в ней Гайдар был назван «популярнейшим в округе журналистом», осуждались действия пермского суда и было рассказано, как на защиту своего журналиста выступили рабочие. «...Общественное мнение,— писала «Правда»,— восстало против приговора суда. Общественное мнение оказалось на стороне Гайдара. Рабочие ряда крупнейших заводов, рабсель-

ковское окружное совещание, областная газета «Уральский рабочий» высказались в защиту Гайдара».

Фельетоны, очерки и корреспонденции Гайдара политически остры, отличаются богатством наблюдений, живостью и яркостью красок, юмором.

В основе газетных выступлений писателя всегда лежали подлинные события, определенные факты. Уже давно устранены те конкретные явления, которые двадцать пять — тридцать лет назад так остро высмеивал Аркадий Гайдар, но многие из его фельетонов еще и сейчас звучат злободневно. Ведь и сейчас советским людям приходится сталкиваться с проявлениями бюрократизма, волокиты, зазнайства, с равнодушием к человеку, с недобросовестным отношением к работе.

Гайдар не только бичевал в газете отрицательные явления, но и с гордостью показывал примеры замечательных достижений на различных участках социалистического строительства. Советская Родина и советский человек, его труд и его борьба занимают большое место в газетных очерках писателя.

Аркадием Гайдаром было написано для газеты несколько сот рассказов, стихов, очерков, фельетонов, корреспонденций. В этом томе помещено несколько очерков и фельетонов, которые были написаны для газет: пермская «Звезда» (1925—1927 годы), свердловский «Уральский рабочий» (1927 год), архангельские «Волна» и «Правда Севера» (1928—1930 годы), московский «Голос текстилей» и хабаровская «Тихоокеанская звезда» (1932 год).

ИЗ ПИСЕМ И ДНЕВНИКОВ

В этом томе печатаются выбранные места из дневников и писем, которые были впервые опубликованы в сборнике «Жизнь и творчество А. П. Гайдара» (М., Детгиз, 1954).

Известны пять дневников Гайдара. Один из них—ученический дневник — велся будущим писателем в городе Арзамасе в книжечке-календаре «Товарищ» на 1917/18 год.

В этом дневнике вперемежку записаны события из школьной жизни (пришла новая учительница — «француженка», задано сочинение «Из школьной жизни», ожидается письменная работа по алгебре, идет подготовка к участию в самодеятельном школьном спектакле) и события большого общественного значения (в Арзамас приехал штаб Восточного фронта, началось военное обучение, дежурство по ночам на улицах в составе частей особого на-

значения, посещение собраний большевистского клуба, первое ранение...).

Записи в школьном дневнике очень напоминают описания, данные писателем в первой части «Школы». Та же атмосфера, та же обстановка...

Четыре других дневника относятся к тому времени, когда Гайдар стал профессиональным писателем.

Здесь печатаются те отрывки из дневников, в которых получили отражение творческие планы писателя или записаны размышления и впечатления по поводу прочитанных книг и газет, прослушанной музыки, лекций, просмотренных кинокартин, встреч с писателями, критиками, кинорежиссерами, друзьями.

Записи в дневниках велись для себя, и со страниц этих тетрадей встает обаятельный облик глубоко чувствующего и широко, по-государственному, мыслящего человека и писателя.

Второй дневник велся в 1931 году в Крыму — в Гурзуфе и в Артеке, где Гайдар жил с сыном Тимуром. В это время он писал повесть «Дальние страны». На первой странице дневника написано название повести. То ли Гайдар так называл и дневник, то ли тетрадь предназначалась для работы над повестью... Дневник хранится в Центральном Государственном архиве литературы и искусства.

Третий дневник писатель вел в 1933—1934 годах в Москве, Ивне и Клязьме (Московской области). Он писал в это время «Синие звезды» и «Военную тайну».

Судя по записям в четвертом дневнике, он относится к 1939 году и велся в Москве, в Ялте, в доме отдыха писателей, в селе Солотче, Рязанской области (куда обычно Гайдар уезжал на рыбную ловлю со своими друзьями — писателями Паустовским и Фраерманом), и, наконец, в Клину. В это время писателем была только что закончена повесть «Судьба барабанщика», написан рассказ «Чук и Гек».

Пятый дневник — предвоенный (1940—1941 годы). Это пора работы над сценарием и повестью «Тимур и его команда» и «Комендантом снежной крепости».

Письма печатаются по сборнику «Жизнь и творчество А. П. Гайдара».

Тексты писем и дневников для этого издания просмотрены и выверены Б. Н. Камовым по оригиналам, которые хранятся в Центральном Государственном архиве литературы и искусства.

Ф. Эбин

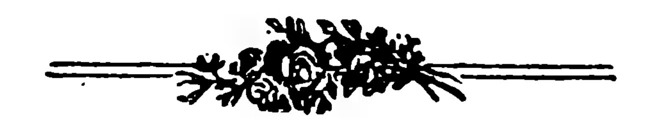

НЕОКОНЧЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ФЕЛЬЕТОНЫ И ОЧЕРКИ

ИЗ ПИСЕМ И ДНЕВНИКОВ

Оформление В. Ладягина

Гайдар Аркадий Петрович

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, ТОМ IV

Ответственный редактор *Б. И. Камир*
Художественный редактор *М. Д. Суховцева*
Технический редактор *В. К. Егорова*
Корректоры
К. И. Каревская и *Л. М. Короткина*

Сдано в набор 18/IX 1972 г. Подписано к печати 23/XI 1972 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 18,5. Усл. печ. л. 31,08. (Уч.-изд. л. 24,26). Тираж 300 000 (1—150 000) экз. Цена 1 р. 02 к. на бум. № 1.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.
Заказ № 4797.

Гайдар А. П.

Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 4, М., «Дет. лит.», 1972.

590 с., с ил.

В 4-й том Собрания сочинений А. П. Гайдара, завершающий это издание, входят произведения: «Обыкновенная биография в необыкновенное время», «В дни поражений и побед», «На графских развалинах». В томе, кроме того, даны разделы: Неоконченные произведения; Фельетоны и очерки; Из писем и дневников. Комментарии.

7—6—3 **Р2**

